

СИНТАКСИСЪ РУССКАГО ЯЗЫКА

въ изслѣдованіяхъ ПОТЕБНИ.

Изложилъ
И. Бѣлоруссовъ,

ОРЕЛЪ.
Типографія Хализева.
1902.

13070

СИНТАКСИСЪ РУССКАГО ЯЗЫКА

въ изслѣдованіяхъ ПОТЕБНИ.

Изложилъ
И. ФѢДОРУССОВЪ.

ОРЕЛЬ.
Типографія Халнзева.
1901.

СНІТАКІСЬ

РЯСІКАТО ЯЗЫКА

НА НАСІДІДОВАНІХ ПОТЕРНІХ

Дозволено цензурою. Варшава, 15 Сентября 1901 г.

Н. Р. ЯСІКАТО

ОПЕД

Томскій Университет

1901

По глубинѣ мыслей, широтѣ замысловъ и смѣлости комбинацій и выводовъ Потебни принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ лингвистамъ-философамъ, пониманіе которыхъ естественно представляетъ извѣстныя трудности. Трудность пониманія Потебни осложняется кромѣ того и своеобразною оригинальностью его стиля. Поэтому Потебню приходится не просто читать, а *изучать* и изучать съ постояннымъ напряженіемъ мысли и неослабной вдумчивостью въ изучаемый предметъ.

Само собой, не всякій желающій ознакомиться съ изслѣдованіями Потебни подготовленъ къ такого рода чтенію, а если кто и подготовленъ, то не у всякаго найдется время посвятить себя столь нелегкому занятію. Этимъ и объясняется, почему *имя* Потебни, какъ оригинальнаго и своеобразнаго лингвиста-философа, знакомо многимъ, но глубина его мыслей, широта замысловъ и тѣ пути, которыми онъ доходилъ до своихъ выводовъ, извѣстны лишь профессиональнымъ и, такъ сказать, присяжнымъ ученымъ, которые по долгу служенія своего наукѣ обязаны *знать* Потебню, для того чтобы или учиться у него, или считаться съ нимъ, какъ съ выдающимся ученымъ, сказавшимъ свое новое слово въ области языковѣдѣнія.

Предлагаемая книга представляетъ попытку дать подробный конспектъ и вмѣстѣ краткое изложеніе 1) самаго обширнаго (до 1200 страницъ компактной печати) и самаго важнаго изслѣдованія Потебни, извѣстнаго подъ скромнымъ названіемъ *Записокъ по русской*

грамматикъ *), и 2) другого изслѣдованія его: „Значенія множ. числа въ русскомъ языкѣ“ **), близко примыкающаго по содержанію къ *Запискамъ*.

Какъ извѣстно, Потебня въ помянутыхъ изслѣдованіяхъ не довольствуется простымъ констатированіемъ фактовъ и внѣшнею ихъ группировкою, а проникаетъ внутрь наблюдаемыхъ явленій въ языкѣ, выясняетъ послѣдовательную и причинную связь между ними и открываетъ новые пути въ изслѣдованіи синтаксиса русскаго языка. При осуществленіи своей попытки дать сжатое изложеніе столь важныхъ изслѣдованій нашего великаго ученаго я и поставилъ себѣ задачей не только отмѣтить самыя явленія, наблюдаемыя Потебнею въ исторіи синтаксиса русскаго языка, но уловить и ту внутреннюю его мотивировку, на основаніи которой онъ даетъ новое освѣщеніе фактамъ языка и приходитъ нерѣдко къ новымъ выводамъ по сравненію съ предшествовавшими и современными ему изслѣдователями. Насколько достигъ я намѣченной мною цѣли, предоставляю судить объ этомъ лицамъ, болѣе меня компетентнымъ; но не могу не сказать, что при исполненіи своей работы старался быть добросовѣстнымъ и объективнымъ. Я отрѣшился отъ обычныхъ и господствующихъ взглядовъ на синтаксисъ русскаго языка, *намышленно* подчинилъ себя всецѣлому вліянію Потебни и, находясь подъ исключительнымъ его вліяніемъ, заботился единственно о томъ, чтобы проникнуть въ сущность основныхъ его взглядовъ, уловить

*) «Изъ Записокъ по рус. грамматикѣ». I. Введеніе.—II. Составныя части предложенія и ихъ замѣны. Изд. 2-ое, Харьк. 1888 г.—III. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго. Харьк. 1899 г.

**) «Значенія множ. числа въ рус. языкѣ». Филол. Записки 1887 г. №№ 2, 5, 6; 1888 г. №№ 1 и 2.

внутреннюю связь между ними и выразить весь строй его системы по возможности *короче* и вмѣстѣ *точно*.

Особенно трудна была для меня *краткость изложенія*. Для этой цѣли нужно было отдѣлять болѣе существенное отъ менѣе существеннаго; но какъ производить это выдѣленіе, когда у Потебни, собственно говоря, *все* существенно, *все* находится во внутренней связи между собою, какъ звенья цѣльной цѣпи, и, слѣдовательно, вырывать изъ нея отдѣльныя звенья значило бы разрушать самую цѣпь. Чтобы избѣжать такого разрушенія, на которое добросовѣстный передатчикъ не имѣетъ права, мнѣ приходилось прибѣгать къ обобщеніямъ и изъ нѣсколькихъ звеньевъ составлять одно, такъ что цѣльность цѣпи или внутренняя связь между основными мыслями сохранялась, но самыя звенья цѣпи получали иной видъ и становились больше. Вслѣдствіе того же стремленія къ краткости невозможно было пользоваться и буквальными выписками изъ Потебни, поэтому я прибѣгалъ къ нимъ лишь въ крайнихъ случаяхъ, напр. въ опредѣленіяхъ, требующихъ особенной точности, или въ такихъ мѣстахъ, которыя представлялись мнѣ въ какомъ-либо отношеніи сомнительными. Въ послѣднихъ случаяхъ я не рѣшался брать на свою отвѣтственность правильнаго пониманія мною этихъ мѣстъ и потому, предлагая свое толкованіе, считалъ за лучшее оставлять и подлинныя слова Потебни.

Не менѣе трудностей представляло для меня и стремленіе къ *точности выраженія* нѣкоторыхъ взглядовъ Потебни и глубокаго пониманія имъ смысла формъ и оборотовъ древне-русской рѣчи. Въ подобныхъ случаяхъ нужно было самому возвышаться до воззрѣній глубокаго мыслителя, самому проникаться тѣмъ же пониманіемъ духа языка, какимъ былъ онъ проникнутъ; а это очень трудно, потому что Потебня обладалъ необыкновенною

и дивною способностью проникать въ сѣдую старину и, такъ сказать, „нутромъ“ воспринимать въ себя стихію старинной рѣчи. Я чувствовалъ, что онъ, сроднившись съ духомъ древняго языка, понималъ его такъ же, какъ и старинный писатель, а для меня это было недостижимо; я сознавалъ, что Потебня какъ бы переселялся навремя въ древній міръ, бесѣдовалъ съ старинными писателями на *ихъ* языкѣ и изъ этихъ бесѣдъ, какъ непосредственнаго источника, воспринималъ *точный* смыслъ отжившихъ теперь древнихъ формъ и стараго строя рѣчи, а мнѣ приходилось *приближаться* къ такому пониманію лишь путемъ напряженнаго мышленія. Чтобы отличить, напр., формы „сѣтворѣ“ и „бѣдѣ сѣтворилѣ“, для него не было, по видимому, нужды *переводить* послѣднюю форму на современный языкъ и предлагать къ ней комментарий: онъ и безъ этихъ препаратовъ живо и непосредственно понималъ ее *съ тѣмъ самымъ оттъикомъ*, который присущъ былъ въ свое время этой формѣ; для меня же необходимы были и переводъ, и комментарий, и потому я позволялъ себѣ въ подобныхъ случаяхъ дѣлать пояснительныя вставки или въ видѣ отдѣльных примѣчаній подъ строками текста, или въ самомъ текстѣ, заключая свои поясненія въ скобки *).

Задачей себѣ, какъ передатчику и интерпретатору Потебни, я ставилъ также и то, чтобы, съ одной стороны, облегчить читателю пользованіе моей книгой, а съ другой — дать ему возможность провѣрить правильность или неправильность моего изложенія посредствомъ сличенія его съ изслѣдованіями Потебни. Съ этой цѣлю

1) я на поляхъ своей книги всюду проставляю соотвѣтствующія страницы изъ Потебни, такъ что сомнѣ-

*) Чтобы не смѣшивать принадлежащихъ мнѣ примѣчаній со взглядами самого Потебни, я вездѣ отмѣчаю примѣчанія свои буквами *И. Б.*

83

вающійся въ чемъ-либо читатель всегда можетъ проверить меня, отыскавъ нужное ему мѣсто изъ изслѣдованія Потебни.

2) Такъ какъ Потебня объ одномъ и томъ же предметѣ нерѣдко толкуетъ въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ послѣдующія его толкованія служатъ или разъясненіемъ, или дополненіемъ, а иногда и исправленіемъ предыдущаго, то я во всѣхъ этихъ случаяхъ признавалъ необходимымъ дѣлать ссылки на параллельныя мѣста, цитируя при этомъ страницы Потебни, которые легко находить въ моей книгѣ. Особенно же необходимымъ считалъ я дѣлать такія сличенія тамъ, гдѣ Потебня или не въ совершенной полнотѣ исчерпываетъ трактуемый имъ предметъ, или же дѣлаетъ поправки къ предыдущему *).

3) Всѣ главные подраздѣленія въ изслѣдованіяхъ Потебни на главы и отдѣлы я оставляю неприкосновенными, но для большей точности и, такъ сказать, членораздѣльности допускаю во многихъ мѣстахъ и свои подраздѣленія. Особенно необходимыми казались мнѣ такія подраздѣленія тамъ, гдѣ приводится у Потебни цѣпъ доказательствъ чего-либо или цѣлый рядъ выводовъ изъ предыдущаго. Для того, чтобы не оставлять въ тѣни ни одного изъ доказательствъ и рельефнѣе выдвинуть каждый изъ выводовъ, я и считалъ важнымъ распредѣлить ихъ подъ отдѣльными цифрами или буквами (1, 2,

*) Въ III-ей части *Записокъ по русской грамматикѣ* нѣкоторые мѣста, очевидно, намѣченныя Потебнею еще до второго изданія I и II части (1888 г.), цитируются иногда по первому изданію 1874 г.; въ этихъ мѣстахъ я, для единообразія, восстанавливаю цитаты по второму изданію. Срав., напримѣръ, страницы 476—481 третьей части *Записокъ*, гдѣ всѣ ссылки на вторую часть сдѣланы Потебней по первому изданію.

3, 4... а, б, в, г...). Такъ, напр., страницы 534 и 535 второй части *Записокъ* представляютъ выводъ изъ *всего* предыдущаго изслѣдованія; въ виду такой важности этого мѣста, я, для большей ясности и точности, выдѣлилъ здѣсь каждое основное положеніе подѣльными цифрами, а одну изъ этихъ цифръ подраздѣлилъ еще на буквы, вслѣдствіе чего вниманіе читателя не скользитъ по тексту, а волей-неволей останавливается на каждомъ подраздѣленіи.

4) Кромѣ того, противъ каждаго подраздѣленія и каждой основной мысли въ цѣпи доказательствъ я, для большей наглядности и удобства при пользованіи моею книгой, дѣлаю на поляхъ мелкимъ шрифтомъ краткое оглавленіе, такъ что, пробѣгая эти оглавленія, можно подробно и систематически ознакомиться съ содержаніемъ всего изслѣдованія Потебни.

5) При выборѣ примѣровъ, которыми такъ богаты изслѣдованія Потебни, я старался выбирать въ каждомъ данномъ случаѣ хотя по одному примѣру изъ всякаго памятника, при чемъ всегда отдавалъ предпочтеніе письменности русской предѣ ц.-славянскою, а гдѣ нужно и важно было, пользовался я примѣрами и изъ *Дополненій*, приложенныхъ ко II и III частямъ *Записокъ по рус. грамматикѣ*.

6) Въ концѣ книги, для болѣе удобнаго пользованія ею, прилагаю подробный *алфавитный указатель* всего существеннаго.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ принести глубокую благодарность Императорской Академіи Наукъ за выданную мнѣ субсидію на изданіе настоящей книги и Ординарному Академику А. А. Шахматову за его со-вѣты и указанія, которыми онъ не оставлялъ меня при выполненіи этой работы.

Изъ записокъ по рус. грамматикѣ.

Ч. I. Введеніе.

I.

Что такое слово?—Слово есть *единство* членораздѣльнаго звука и значенія, соединяемаго съ инымъ. Употребляясь въ рѣчи, оно *каждый разъ* соотвѣтствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, т. е., имѣетъ не болѣе одного значенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ что каждое слово, употребляемое даже съ однимъ опредѣленнымъ значеніемъ, но поставленное въ различныхъ формахъ, есть уже иное слово, наприм., верст-а, верст-ы, верст-ъ.

Слово, какъ единство звука и значенія, соединяемаго съ звукомъ.

1—2

3—4

II.

Представленіе и значеніе. Кромѣ значенія, слово заключаетъ въ себѣ еще знакъ, внѣшней оболочкой котораго является звукъ. Знакъ и значеніе слова не одно и то же: значеніе есть *внутреннее*, содержимое слова, а знакъ есть *внѣшній*, даже случайный какой-нибудь признакъ, по которому мы даемъ названіе познаваемому предмету. Напр., ребенокъ, знакомый съ арбузомъ, но незнакомый съ круглымъ матовымъ колпакомъ лампы, называетъ его «арбузикомъ». Тутъ у ребенка «произошло сравненіе познаваемаго съ прежде познаннымъ», и по внѣшнему признаку, шарообразности арбуза, онъ колпакъ лампы назвалъ тоже «арбузикомъ». Такимъ образомъ, *внѣшній* признакъ прежде познанаго предмета (шаровидность арбуза) послужилъ поводомъ къ названію шарообразнаго же колпака лампы арбузикомъ. «Этотъ признакъ и есть *знакъ значенія* этого слова». Тѣмъ не менѣе, «знакъ въ словѣ есть необходимая *замѣна* соотвѣтствующаго образа или понятія», соединяемаго съ тѣмъ предметомъ, который обозначается этимъ словомъ, и «потому называется онъ *представленіемъ*», но не въ смыслъ логическаго представленія, а въ качествѣ какъ бы *представителя*, т. е. означающаго, а не означаемого.

Знакъ и значеніе въ словѣ.

5

Знакъ, какъ представитель значенія слова.

6—7

А такъ какъ *ближайшее* значеніе слова, обозначаемое этимъ знакомъ, часто бываетъ *пусто* сравнительно съ содержаніемъ соотвѣтствующаго образа, то слово называется *формой* мысли.

Слово, какъ форма мысли.

8

III.

Различныя понятія о корнѣ слова.—, Въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе *опредѣленной* грамматической категоріи (имени, глагола и т. д.) достигается въ словѣ тѣмъ, что оно заключаетъ въ себѣ *болѣе одной части*, напр. *верс-та*, и сколько въ словѣ частей, столько предполагается въ немъ и корней. Такъ обр., слово *сложно*, и если бы не было такой сложности слова, то вѣдѣмъ было бы достигать и обозначенія опредѣленности той или другой грамматической категоріи. Такъ, въ словѣ *верс-та* принадлежность къ имени обозначена второю частью слова «та»,

9—10

11

12-13 которая есть образовательный пменной корень слова (ср. дал. I, 81). По-
этому въ *дофлексивномъ* языкѣ первобытнаго человѣка, какъ въ языкѣ дѣ-
тей, слова безъ флексій были не словами, а *чувственными образами*, не раз-
личавшими *отвлеченныхъ* категорій ни дѣйствія, ни качества, ни предмета,
и, безъ сомнѣнія, прошли цѣлыя тысячелѣтія между началомъ членораздѣль-
ной рѣчи безъ флексій и началомъ флексій.

Современное языкознаніе можетъ заниматься опредѣленіемъ только *са-
мыхъ общихъ свойствъ* корня дофлексивнаго періода, и „на всемъ этомъ
протяженіи жизни языка мы не можемъ предположить ничего, кромѣ про-
стыхъ сочетаній звуковъ и воспріятій въ самомъ началѣ“. Значеніе корня
слова становится для насъ понятнымъ лишь въ періодъ *флексивный*, когда
существуетъ уже *рядъ словъ* съ опредѣленнымъ значеніемъ, и безъ ряда словъ
предшествующихъ и *послѣдующихъ* корень „не есть корень, какъ отецъ,
не имѣвшій никогда дѣтей, не есть отецъ“.

14 Опредѣленіе
Курція. „Корень въ индо-европейскихъ языкахъ, по Курціусу, есть
знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается отъ слова по отдѣле-
ніи всего формальнаго, случайнаго“, т. е., чисто фонетическаго, какъ напри-
мѣръ ощущеніе *э* въ *γί-γυ-ο-μαι* при словѣ *γένος*. Оставаясь на этой точкѣ
15 зрѣнія, Потебня дополняетъ опредѣленіе Курціуса: „корень есть знаменате-
льное сочетаніе звуковъ, которое остается по выдѣленіи изъ слова всѣхъ *осталь-
ныхъ* знаменательныхъ сочетаній“) и по устраненіи звуковыхъ случайно-
стей, и затѣмъ приводитъ слова М. Мюллера, которыми какъ бы обобща-
ются оба эти опредѣленія: „корень есть то, что получается въ остаткѣ
послѣ полной анализа нашего нарѣчія или всѣхъ нарѣчій, въ своей сово-
купности составляющихъ арійскую группу“.

Корень не есть
слово и объек-
тивнаго значенія
не имѣетъ. „Какъ всякое *отвлеченіе*, корень не можетъ совпадать ни съ
однимъ изъ *конкретныхъ* явленій языка“ и, слѣдовательно, не мо-
жетъ еще составлять слова, вопреки Курціусу, который признаетъ, что въ до-
флексивный періодъ многіе корни уже были словами. Потебня видитъ тутъ про-
тиворѣчіе: „корни добываются *отвлеченіемъ*, а между тѣмъ, по Курціусу, суще-
ствуютъ *объективно*“, т. е. въ видѣ *словъ*, заключающихъ въ себѣ конкретное
значеніе, что, конечно, невѣрно, ибо, отвлекая общіе признаки волка, лисы,
собаки, мы получимъ «только *общее понятіе*, которое не будетъ характеристи-
кою никакаго дѣйствительнаго животнаго».

16 Итакъ, *корень* и *слово* совершенно различныя понятія. «Корень, какъ *отвле-
ченіе*, заключаетъ въ себѣ (лишь) нѣкоторые указанія на свойство корня, *какъ
настоящую слова*, но не можетъ никогда равняться этому послѣднему». Корень
есть какъ бы *родоначальникъ*, а слова—суть поколѣніе его, въ которомъ сохра-
няются лишь *общія* свойства родоначальника: и какъ родоначальникъ не есть
поколѣніе, прошедшее отъ него, такъ и корень не есть слово.

*) т. е., корней образовательныхъ суффиксовъ. И. Б.

Поэтому и «реальною основою производнаго слова служить не корень, какъ дофлексивное слово (которое не было еще дѣйствительнымъ словомъ), а не тема, которая есть *отвлеченіе*, а *флексивное же слово*», какъ по отношенію къ *сыну* производителемъ его является *только отецъ*, а не какой-нибудь отдаленный предокъ.

«Слѣдуетъ ли выставить для каждаго языка особые корни, или одинъ общіе для всего семейства языковъ?» спрашиваетъ Курціусъ.

Гейзе допускаетъ только индо-европейскіе корни, и Штейнталь соглашается съ нимъ, между тѣмъ какъ И. Гриммъ держится мнѣнія, что то, что считается корнемъ въ одномъ языкѣ, можетъ не признаваться корнемъ въ другомъ». Курціусъ же думаетъ, что «языкознаніе въ частности всегда будетъ имѣть дѣло *только съ относительными* корнями, которые въ *каждомъ* языкѣ являются въ *другомъ* видѣ». Цетебня приходитъ къ среднему заключенію и говоритъ, что, «безъ сомнѣнія, слѣдуетъ выставить тѣ и другіе», т. е. корни и *отдѣльныхъ* языковъ, и *общіе индо-европейскіе*, такъ какъ «въ общихъ чертахъ и тѣ и другіе совершенно сходны» и «ни тѣ, ни другіе не суть слова. Они—*отвлеченія*, но добытыя не изъ *всего семейства* словъ, а только изъ *древнѣйшаго члена* семейства въ *отдѣльномъ* языкѣ, какъ напримѣръ въ греческомъ или индо-европейскомъ». «Корни *спеціально* — народныя (греческ., славянск. и пр.) и корни *общинно-европейскіе* суть не болѣе, какъ необходимыя *посылки* начатаго, но *недоконченнаго* языкознаніемъ *умозаключенія* о корняхъ, какъ *дѣйствительныхъ* словахъ, о свойствахъ языка, неизвѣстнаго намъ *исторически*. О такихъ корняхъ, конечно, нельзя (еще) сказать, что съ нихъ началось *созданіе языка*: имп *только кончается наше знаніе строенія языка*», а «кто напр. въ значеніи корней, добываемыхъ нынѣ языкознаніемъ, усматриваетъ дѣйствительныя свойства *первобытнаго* языка, тотъ принимаетъ... подмостки за самое зданіе».

Невѣрно мнѣніе Бонпа, что языкъ ведетъ свое начало отъ 82 кардинальныхъ понятій: ихъ были сотни; невѣрно и мнѣніе М. Мюллера, что человекъ даетъ имя (т. е., создаетъ слова) извѣстному предмету только тогда, когда открываетъ въ немъ какое-либо *общее качество*; напротивъ, «за *неходную* точку мысли слѣдуетъ признавать *чувственныя воспріятія*...

И что весьма *конкретное* сравнительно съ *отвлеченностью* *общаго качества*. «Правильный ходъ мысли» всегда идетъ «отъ частнаго къ общему», отъ *внѣшняго признака*, какъ *представителя* слова (см. гл. 2), къ *значенію*, содержащемуся въ словѣ; сперва *знакъ* для новаго слова *по сравненію*

Какіе корни нужно признавать въ языкознаніи.

Количество основныхъ корней.

Созиданіе словъ на основаніи конкретныхъ признаковъ, а не общихъ свойствъ предмета.

съ предшествующимъ ему другимъ словомъ, а потомъ уже значеніе новаго слова, на свойство котораго человекъ направляетъ свое вниманіе.

IV.

Грамматическія формы.

Опредѣленіе слова со стороны лексической и грамматической.

Опредѣленіе слова, какъ *единства звука* и соединяемого съ нимъ *внутренняго значенія*, еще неполно: это опредѣленіе касается лишь *частнаго или лексическаго* значенія слова, разсматриваемаго въ отдѣльности. Но, кромѣ частнаго, каждое слово въ рѣчи имѣетъ еще значеніе *общее* по отношенію къ другимъ словамъ того же разряда; напр. «верста» по отношенію къ другимъ словамъ этого же разряда есть *имя существит., жен. рода, ед. ч. именин. надеж.* Такое значеніе слова называется *общимъ и грамматическимъ*.

Слова вещественны и чисто формальны.

Со стороны лексической *ближайшее* значеніе слова, сравнительно съ содержаніемъ соответствующаго образа, есть только *внѣшній знакъ или пустая форма* (ср. стр. 8); по по отношенію къ категоріямъ *грамматическимъ* само это формальное значеніе является *вещественнымъ*. Поэтому, слова, какъ *верста*, имѣющія и частное, и общее значенія, называются *лексическими и вещественными*. Итакъ, *вещественными* словами называются тѣ, которые имѣютъ и лексическое, и грамматическое значеніе.

Но есть слова, которыя *не имѣютъ своего частнаго* (лексическаго) *содержанія* и служатъ только указателями функций другихъ словъ и предложений. «Такія слова называются *чисто формальными и грамматическими или служебными*» *), въ противоположность вещественнымъ, которыя называются еще *знаменательными*.

Такимъ образомъ, слова разсматриваются со стороны *лексической* (ихъ вещественность, содержаніе) и со стороны *грамматической* (форма).

Вещественность и форма бываютъ *различны* для насъ не тогда, когда мы говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово *предметомъ наблюденія*; обыкновенно же въ *арійскихъ* языкахъ содержаніе и грамматическая форма составляютъ какъ бы *одинъ актъ мысли и живутъ въ сознаніи говорящаго, какъ недѣлимая единица*. Этими существенно и отличаются арійскіе языки отъ тѣхъ, которыя грамматической формы не имѣютъ.

*) Но не въ смыслѣ Вуслаева (Гр. §§ 138, 159), который къ служебнымъ словамъ, *кромѣ предлоговъ и союзовъ*, относитъ еще *числительныя, мѣстоименія, нарѣчія мѣстоименныя и вспомогательныя глаголы*.

V.

По чемъ узнается присутствіе грамматической
формы въ данномъ словѣ.

Грамматическая форма указываетъ на *общее* значеніе слова; «но въ то же время она тѣсно связана и однородна съ *вещественнымъ* значеніемъ». Отсюда естественно является вопросъ: *всегда ли* созданіе новаго *вещественнаго* значенія въ словѣ влечетъ за собою и измѣненіе звуковой формы? Итъ; напр. есть нѣкоторые глаголы, которые въ совершенномъ и несовершенномъ видѣ имѣютъ одну и ту же грамматическую форму: я *женю*—и настоящему, и будущему времени. Дѣло въ томъ, что въ виду *единства* *вещественнаго* и *формальнаго* значенія языкъ мало дорожитъ грамматическими формами и позволяетъ имъ *разрушаться*. Разрушеніе начинается съ конца слова, гдѣ преимущественно сосредоточены формальные элементы. Такъ наприм. потерялось различіе между именительнымъ и винительнымъ падежами *мужескаго* рода (неодушевл.), т. е., между *подлежащимъ* и *объектомъ* (напр. «*свѣтъ* создать» и «Богъ создать *свѣтъ*»), но вполнѣдствіи языкъ опять отличилъ эти падежи, придавъ винительному падежу окончаніе родительнаго (одушевл.). Однако замѣна винительнаго родительнымъ не повлекла за собою смѣшенія въ смыслѣ значеній, и въ то же время языкъ создалъ *новыя* грамматическія категоріи: *одушевленности* и *неодушевленности*.

Измѣненіе *вещественнаго* значенія не всегда влечетъ измѣненіе *формальное*.

Разрушеніе *грамматич. формъ* и *созданіе новыхъ грамматич. категорій*.

И *звуки* *вещественнаго* значенія словъ (т. е. коренные) могутъ также исчезать безъ ущерба для самого значенія. Напр. въ «нодь» (вм. *поди*) коренное и потерялось.

Потеря *звуковъ* *вещественнаго* обозначенія (корня).

Такимъ образомъ, языкъ мало дорожитъ исчезновеніемъ звуковъ какъ грамматическаго, такъ и *вещественнаго* значенія. Въ словѣ все зависитъ отъ традиціоннаго *употребленія*. Самое созданіе слова обуславливается употребленіемъ, такъ какъ «созданіе есть лишь *первый* случай *употребленія*».

Важность *usus'a* въ *созданіи* и *измѣненіи* словъ.

Спрашивается, какимъ же образомъ значеніе слова (и *вещественное* и *формальное*) сохраняется въ теченіе вѣковъ при столь слабой поддержкѣ *звуковой*?—Въ *одномъ* словѣ это было бы, конечно, невозможно, потому что *отдѣльное* слово «есть звукъ *пустой*»; значеніе слова и сохраняется, и понимается *только въ рѣчи*, въ которой всякое смѣшеніе формъ выясняется: кѣдѣ есть конь (имен. п.) мой?—помяну конь (вин. п.) свой.—отбѣгоша конь (род. мн.) своихъ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ существительное «конь» въ звуковомъ отношеніи

Сохраненіе *значенія* словъ и *понятность* ихъ *только въ рѣчи*.

представляется какъ бы *общей* формою для именит. и винит. пад. ед. ч. и для родит. множ. числа; но это кажется такъ только при разсмотрѣніи каждой формы *въ отѣльности*, въ дѣйствительности же такъ называемаго «общаго значенія словъ», какъ формальнаго, такъ и вещественнаго существовать въ живомъ языкѣ не можетъ. Невозможно представить себѣ, чтобы *все отѣльные* значенія сдѣланы въ *одномъ звукѣ вмѣстѣ* и *въ одно время*: конь именит., винит., родит. пад., или: *знай*, какъ повелительное наклоненіе, такъ и условное. «Слово въ каждый моментъ своей жизни есть *одинъ* актъ мысли», а не два. «Слово не можетъ стоять въ повелительномъ наклоненіи и въ *то же время* въ условномъ», но оно можетъ быть и условнымъ, и тогда станетъ уже *другимъ* словомъ. И все это выясняется лишь *въ рѣчи* и въ *отѣльныхъ* случаяхъ. (Срав. стр. 3—4).

Но, въ свою очередь, и для пониманія рѣчи, какъ части языка, необходимо присутствіе въ душѣ многочисленныхъ отношеній даннаго явления языка къ другимъ явлениямъ подобнаго рода. Употребляя, напримѣръ, какую-либо *именную форму*, я, хотя и не перебираю *всѣхъ* формъ *склоненія*, тѣмъ не менѣе нахожу смыслъ данной формы лишь по тому мѣсту, которое она занимаетъ въ *склоненіи*. Или когда говоримъ: «я кончилъ», то совершенность вида этого глагола *сказывается* намъ *не непосредственно звуковымъ составомъ*, а тѣмъ, что мысленно сопоставляемъ мы эту форму съ другою—вида *несовершеннаго*: «я кончать».

VI.

Формы этимологическія и синтактическія.

Итакъ, присутствіе и функція формы узнается только по смыслу, т. е., по связи съ другими словами и формами въ рѣчи и языкѣ.

Выходя изъ этого положенія и можно только дѣлать опредѣленіе этимологій и синтаксиса.

Буслаевъ говоритъ, что *все флексивные языки съ теченіемъ времени теряютъ или искажаютъ этимологическія формы* и недостатокъ ихъ дополняютъ формами *синтаксическими, описательными* (Грам. § 117), грамматику же, какъ ученіе о формахъ языка, дѣлитъ онъ на *этимологию* и *синтаксисъ*, изъ коихъ первая разсматриваетъ *каждое слово въ отѣльности*, а второй разсматриваетъ слова во *взаимномъ ихъ сочетаніи*, при чемъ *этимологія ограничивается только звуковою частью реченій*, синтаксисъ же *объясняетъ значеніе и употребленіе частей рѣчи*.

О опредѣленіи
этимологій и
синтаксиса Бу-
слаева.

Потебня признаетъ это невѣрнымъ: 1) этимологія раз- Опроверженіе
сматриваетъ не каждое слово въ отдѣльности, а цѣлые разряды Потебни.
словъ, *независимо отъ ихъ роли въ предложеніи*; 2) этимологія не есть 33
фонетика, иначе не пришлось бы объяснять въ этимологін, наприм., что
неопредѣленное наклоненіе есть существительное, отъ глагола произведен-
ное» (Бусл. Гр. § 51); пришлось бы опускать все *описательныя* формы,
какъ формы *сложныя* и, слѣдовательно, *синтактическія*, какъ *напримѣръ*
буду дѣлать и т. п. Поэтому должно быть предложено другое
дѣленіе грамматики, какъ ученія о формѣ языка: 1) на *фоне-* Дѣленіе грам-
тику, которая разсматриваетъ звуки, не касаясь ихъ *значенія*, матики на фо-
но *предполагая* ихъ *знаменательность* (т. е. значеніе звуковъ, нетингу и ученіе
въ словѣ), и 2) *ученіе о значеніи*, въ которомъ, наоборотъ, вниманіе о значеніи.
сосредоточивается *на значеніи*, а звуки только предполагаются. Такимъ
образомъ, первая часть грамматики занимается изученіемъ *внѣшнихъ*, зву-
ковыхъ *формъ* слова, а вторая - изученіемъ *внутреннихъ формъ*, или спо-
собовъ представленія содержанія, и «въ языкѣ нѣтъ ничего, кромѣ *внѣшней*
и *внутренней формы*».

Но въ области *внутренней формы* есть различіе между Значеніе веще-
представленіемъ *содержанія* и представленіемъ *формы*, въ какой ственное и
мыслится содержаніе. Первому въ языкознаніи соотвѣтствуетъ формальное.
ученіе о значеніи *въ тѣсномъ смыслѣ* (вещественное значеніе), второму—
ученіе о *грамматическихъ формахъ*.

Каждое изъ этихъ двухъ дѣленій можетъ разсматриваться И то и др. уче-
не съ одной, а съ двухъ точекъ: *этимологической* и *синтак-* ніе о значеніи
тической, т. е., или а) мы *опредѣляемъ* вещественное и *фор-* можетъ разсма-
мальное значеніе слова изъ *контекста* (синтактически) или б) триваться какъ
изыскиваемъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія съ этимолог.
(этимолог. точка зрѣнія). Такимъ образомъ, этимологія и синтаксисъ идутъ (историч.), такъ
рука объ руку другъ съ другомъ, при чемъ этимологія такъ относится къ и съ синтакти-
синтаксису, какъ *исторія* къ *описанію современнаго состоянія*; поэтому (описат.) точки
этимологическая точка зрѣнія называется еще *историческою*, а синтакти- зрѣнія.
ческая—*описательною*. Согласно этому взгляду этимологія должна быть 39
историческою, а *историческій синтаксисъ «немыслимъ»* *). Вообще
опредѣленіе этимологін можетъ быть правильнымъ или вѣрнымъ—
годнымъ только тогда, когда въ опредѣленіе ея входитъ изслѣ-
дованіе *вещественнаго значенія* словъ (а не звуковъ, какъ у
Буслаева) и 2) когда она *не совпадаетъ съ фонетикой*.

*) По возможности, конечно, «исторія синтаксиса», когда синтактическія формы
и ихъ замѣны и смѣны разсматриваются въ хронолог. порядкѣ. И. Б.

Условія пра-
вильнаго опре-
дѣленія этимоло-
гін.

40

Дѣленіе Буслаевымъ синтаксиса на древнѣйшій и позднѣйшій.

Потебня не соглашается съ Буслаевымъ (Грам. § 155) и относительно дѣленія синтаксиса на древнѣйшій и позднѣйшій: древнѣйшій, основанный на этимологическихъ формахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядный, конкретный, и позднѣйшій, отступающій отъ этимологическихъ формъ *по требованію мысли* и потому отвлеченный, абстрактный; напр. «*та* десять копень описана» (древн.) и «*тъ* десять копень описаны», или «десять копень описано» (поздн. сочетание по смыслу, а не на основаніи этимологическихъ формъ). Потебня

41

Опроверженіе этого взгляда Потебнею.

въ послѣднихъ двухъ оборотахъ видитъ тутъ не сочетание, отступающее отъ этимологической формы, а *совсѣмъ иную, новую* формы. Мысль въ языкѣ, имѣющемъ формы, «никогда не рыва- рываесть связи съ грамматическими формами: удаляясь отъ одной, она непремѣнно въ то же время создаетъ *другую*, новую, на основаніи которой и происходитъ новое сочетание, но не *по требованію мысли*, а *формально*».

12

Въ выраженіи: «два человѣка» съ теченіемъ времени категория *двойственности* забылась, и стали употреблять ее въ смыслѣ *нѣсколько*: три, четыре человѣка, т. е. создалась *новая* категория «*нѣсколько*», занимающая средину между *единствомъ* и *множествомъ* *), которое начинается съ *пяти*: пять, шесть... человѣкъ (род. п. множ. ч., а не дв.). Словомъ, тутъ имѣтъ несогласія между значеніемъ и употребленіемъ, между этимологіей и синтаксисомъ. Точно также въ выраженіи: «надѣяться на Бога» Буслаевъ видитъ синтаксическое сочетание, *основанное на этимологической формѣ* (*полагать что-нибудь на что-нибудь*), а въ выраженіи: «надѣяться чего» (=ожидать чего) видитъ сочетание, основанное уже *не на формѣ*, а на *отвлеченномъ* понятіи, по смыслу. Потебня же во второмъ выраженіи видитъ опять *новую грамматическую форму*, въ которой глаголъ «надѣяться» въ значеніи *ожидать* сочетается именно съ род. п., а не при помощи предлога *на*.

43

«Всякое послѣдующее слово есть болѣе сложное произведеніе чѣмъ предыдущее»; сложнѣе становится и самое значеніе послѣдующаго слова. Напр., значеніе цвѣта «наваринскаго дыму съ пламенемъ» сложнѣе чѣмъ *сырый, бѣлый*, но нельзя сказать, чтобы *сырый, бѣлый* были конкретнѣе и изобразительнѣе, чѣмъ «наваринскаго дыму съ пламенемъ», хотя послѣднее названіе цвѣта и позднѣйшее. Слѣдовательно, если раздѣлимъ языкъ на два періода: предшествующій (конкретныхъ значеній) и послѣдующій (значеній абстрактныхъ), то это было бы неточно и произвольно. «Нельзя допустить строя языка, выказывающаго господство этимологій (съ болѣе конкретнымъ значеніемъ) или синтаксиса (съ болѣе абстрактнымъ)»: «этимологія и синтаксисъ, какъ двѣ взаимно усиливающія себя точки зрѣнія, *нераздѣльны*».

44

45

*) Сравни. далѣе III, 447. И. Б.

Изъ всего сказаннаго Потебня выводитъ слѣдующее о формахъ этимологическихъ и синтактическихъ: а) «звуковые элементы отдѣльныхъ формъ съ теченіемъ времени стираются; б) формы, какъ значенія, смѣняются другими; в) эти послѣднія могутъ состоять болѣе чѣмъ изъ одного слова («буду дѣлать») и слѣдовательно не составлять звукового единства», что не противорѣчитъ, конечно, единству звука и значенія въ словѣ.

Выводъ о формахъ этимологическихъ и синтактическихъ.

46

Противоположеніе же этимологическаго синтаксису есть лишь неудачное преобразование другого противоположенія: *созданія и паденія* (разрушенія) *формъ*, или *созданія и употребленія формъ*.

VII.

Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ.

М. Мюллеръ говоритъ, что въ языкѣ съ теченіемъ времени является порча, и что слова и ихъ части удерживаются искусственно, путемъ традиціи. Во время этой-то фонетической порчи и появляются *грамматическія формы*. Потебня считаетъ такой взглядъ произвольнымъ: «порча» эта не уничтожаетъ языка, а приводитъ его къ высшему совершенству: къ грамматическимъ формамъ; что же касается «традиціи», то она не можетъ появляться *только въ позднее время*; она одновременна съ самимъ языкомъ: *звуковая измѣнчивость* есть тоже явленіе *первоначальное* и всеобщее въ языкахъ. На этомъ основаніи Потебня видитъ особое проявленіе *жизни* въ томъ, что Мюллеръ считаетъ болѣзнью языка: «пэмѣненіе функций слова, образованіе *новаго* слова изъ *прежняго*»—это «не отсутствіе жизни въ словѣ», а «*новое* появленіе жизни»; это—не разрушеніе, а созиданіе. Напр. въ русскомъ языкѣ вытѣсненіе чуждой ему (славянской) формы причастія на *щій* формами на *чи*, *че* (знаючи, знающе) есть не что иное, какъ стремленіе къ образованію *новой* грамматической категоріи *дѣйствительнаго причастія*.

Взглядъ М. Мюллера на порчу въ языкѣ и появленіе грамматич. формъ.

47

Опроверженіе этого взгляда Потебнею.

48

Итакъ, что же такое *созданіе и разрушеніе* грамматическихъ формъ, если то и другое действительно характеризуетъ два различныхъ періода въ жизни языка?

Разрѣшеніе вопроса о созиданіи и порчѣ грамматическ. формъ.

Дѣленіе языка В. Гумбольдтомъ на два періода:

1) періодъ созиданія языка и 2) пользованіе имъ, какъ оружіемъ.

Гумбольдтъ смотритъ такъ. Въ періодъ образованія формъ народы усиленно стремятся выразить мысль, и это стремленіе ихъ производитъ и поддерживаетъ ихъ творческую славу. Поэтому, чѣмъ первобытнѣе языкъ, тѣмъ онъ богаче формами. Періодъ созиданія формъ оканчивается тогда, когда языкъ, какъ оружіе мысли,—на *лицо*. Тогда духу остается только *употреблять* его и воплощаться въ немъ.

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

Значить, въ первомъ періодѣ языкъ создается и самъ служитъ цѣлью, а во второмъ—употребляется и становится средствомъ.

Возраженіе По-
тебни противъ
такого дѣленія.

50

Непрерывное
развитіе языка,
какъ съ сторо-
ны лексической,
такъ и грамма-
тической.

51

52

Однако, это дѣленіе на два періода не объясняетъ, почему настаётъ будто бы время уменьшенія (разрушенія) формъ. Противоположности созданія и употребленія (цѣли и средства), какъ и противоположность этимологін и синаксемса, это—не различные періоды, а лишь различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же періодъ. «Языкъ всегда есть столько же цѣль, сколько и средство, настолько же создается, насколько употребляется». Впрочемъ, и самъ Гумбольдтъ далѣе говоритъ: «ни одного періода въ жизни человѣчества или народа нельзя считать исключительно предназначеннымъ для развитія языка». И дѣйствительно, наблюденіе свидѣлствуетъ о непрерывномъ измѣненіи языковъ во всѣхъ частяхъ его строенія. Языкъ постоянно остается посредникомъ между познаннымъ и вновь познаваемымъ. Какъ вещественныя значенія, такъ и формы языка должны быть разсматриваемы какъ средства, такъ вмѣстѣ и акты познанія. Нѣтъ предѣловъ лексическому развитію языка, слѣдовательно, не можетъ быть и черты, ограничивающей количество формъ языка. Языкъ можетъ «падать» или останавливаться въ своемъ развитіи только развѣ «отъ ухудшенія породы, отъ перерыва въ преданіи, причиненнаго внѣшними вліяніями», а все остальное, совершающееся въ языкѣ, зависить отъ усложненія мысли. Самъ Гумбольдтъ признаетъ фактъ, что строеніе языковъ, происшедшихъ отъ индоевропейскаго, наиболѣе возбуждаетъ дѣятельность духа и потому сохраняетъ наиболѣе прочную силу производить новыя образованія, вызываемыя теченіемъ времени и судьбами народовъ. Наиболѣе выдающимися грамматическими категоріями являются глаголъ, создающій предложеніе, и мѣстоименія съ союзами, связывающія предложенія въ болѣе сложныя единицы.

54

55

56

Потеря одной
формы, какъ
отжившей, смѣ-
няется новою,
болѣе пригод-
ною для выра-
женія болѣе
сложной мысли.

Фактъ стиранія флексій не есть уменьшеніе общаго количества формъ, составляющихъ не звукъ только, а и значеніе. За потерю одной формы слѣдуетъ рожденіе новой, причемъ стирающаяся форма или а) можетъ перерождаться въ другую, какъ напр. форма «два рубля» изъ категоріи «двойственности» переродилась въ категорію «нѣсколько»: «три, четыре рубля», или б) вовсе исчезать, потому что оказы-
вается она негодною, съ увеличеніемъ способности въ отвлеченію мы-
шленію, а иногда и лишнимъ бременемъ для мысли, если на мѣсто исче-
зающей формы остается другая соответствующая и болѣе пригодная. Кромѣ
того, самый счетъ грамматическихъ формъ часто бываетъ невѣренъ.
Говорять, напр., объ одномъ творительномъ падежѣ, а ихъ въ русскомъ

языкъ нѣсколько категорій: все это *новые* надежи. Каждое особое значеніе предлога даетъ *новый* надежъ.

Конечно, нѣкоторыя формы исчезли, какъ напр. форма глагола дери-
деративная, оптативная, но это не говорить объ *уменьшеніи* формъ вообще:
исчезнувшія замѣнились новыми, болѣе пригодными къ выраженію сложно-
сти современной мысли. Древніе языки потому и важны въ *педагогическомъ*
отношеніи, что они проще и доступнѣе анализу, чѣмъ языки новые.

Съ совершенствованіемъ языковъ нетрудно примирить
и фактъ *вывытриванія звуковъ*, поддерживающихъ даже *зна-*
ченія формы, а также—*чередованіе формъ простыхъ и опи-*
сательныхъ. Естественно, что чѣмъ сильнѣе энергія мысли,
тѣмъ она меньше нуждается въ звукѣ, какъ въшней опорѣ, и наоборотъ.
Поэтому, если извѣстный звукъ въ окончаніи лишь замедляетъ теченіе
рѣчи и мысли, то онъ выкидывается; если же въ звукѣ этомъ является
нужда, то онъ сохраняется. II, конечно, это значить не то, что въ языкѣ
ослабѣваетъ творчество, а то, что мысль не нуждается болѣе въ этой
въшней опорѣ звука, довольствуясь лишь *значеніемъ* мысли, которое
занимается словомъ въ рѣчи.

Вывытриваніе
звуковъ въ свя-
зи съ энергіей
мысли.

Что же касается *описательныхъ формъ*, то онѣ свидѣ-
тельствуютъ не о паденіи формы, а о торжествѣ ея въ прин-
ципѣ, объ освобожденіи *вещественнаго* слова отъ всякаго
вещественнаго содержанія и о возведеніи ихъ въ чисто фор-
мальныя; это есть не вырожденіе, а *перерожденіе*, созданіе
новой формы, которая, несмотря на свою сложность, сохра-
няетъ *единство* значенія, таковы напр. сочетанія предлоговъ,
образовавшихся изъ имени, съ именемъ же, сочетаніе личнаго
мѣстоименія съ глаголомъ, какъ одно цѣлое, чего не было въ древнихъ
языкахъ, ибо тамъ, если личныя мѣстоименія ставились при глаголѣ, то
они были *не формальное*, а *вещественное* значеніе.

Замѣна простыхъ
формъ описатель-
ными, какъ ос-
вобожденіе слова
отъ всякаго ве-
щественнаго со-
держанія и какъ
окончательное
торжество фор-
мы.

VIII.

Грамматика и логика.

Эта глава направлена противъ Я. Гримма, а съ его
легкой руки и противъ тѣхъ педагоговъ, которые считаютъ
подлежащимъ (по смыслу) не только именительные надежи,
но и косвенные: *мнѣ* не спится; *у* меня нѣтъ *книгъ*. Но какъ для логики
безразлично *словесное* выраженіе, такъ и для грамматики, изучающей между
прочимъ *функции* надежей, безразлично логическое подлежащее.

Грамматика
не есть логика.

Штейнталъ еще въ 60-хъ годахъ доказалъ логическую немыслимость «лого-грамматическаго подлежащаго». Потебня, ссылаясь на книгу Штейн-
 тала «Grammatik, Logik und Psychologie» (1855 г.), ограничивается здѣсь
 лишь нѣкоторыми главнѣйшими положеніями о различіи грамматики и логики.

61

Слово не есть
 понятіе, и пред-
 ложеніе не тожд-
 ественно съ су-
 жденіемъ.

1) Прежде всего, самое «слово» отлично отъ понятія и
 не можетъ быть его эквивалентомъ или выраженіемъ уже
 потому, что въ ходѣ развитія мысли *предшествуетъ* понятію».

2) Грамматическое *предложеніе* не тождественно и даже
 непараллельно *сужденію*, и хотя въ томъ и другомъ есть подлежащее и
 сказуемое, но члены эти сходны только по названію. Такъ а) въ грам-
 матикѣ подлежащее, какъ предметъ, и сказуемое, какъ признакъ, не могутъ
 замѣнять другъ друга, между тѣмъ какъ въ логикѣ все равно, скажемъ ли
 мы: «лошадь—животное» или: «животное—лошадь», потому что «для ло-
 гики въ сужденіи существенна только *сочетаемость* или *несочетаемость*
 двухъ понятій, а которое изъ нихъ будетъ названо субъектомъ, которое
 предикатомъ, это для нея должно быть безразлично». б) Иногда предложеніе
 соответствуетъ не сужденію, а только одному понятію, напр. «гремить»,
 гдѣ дѣйствіе выражается безъ дѣйствителя, и наоборотъ—предложеніе
 можетъ соответствовать болѣе чѣмъ *одному* сужденію; наконецъ, каждая
 пара членовъ предложенія (подлежащее и сказуемое, подлежащее и опредѣ-
 леніе, сказуемое и дополненіе) и даже *одинъ членъ* предложенія могутъ
 соответствовать сужденію. Напр. малорусское «пичуръ» — человекъ, ку-
 рящій нечи; «дривітня» — мѣсто, гдѣ рубятъ (тнутъ) дрова.

62

3) Грамматическихъ категорій въ предложеніи больше чѣмъ логиче-
 скихъ въ сужденіи.

Индивидуаль-
 ные различія
 языковъ для
 логики безраз-
 личны.

4) Индивидуальныя различія языковъ не могутъ быть
 понятны «логической грамматикѣ», такъ какъ логическія ка-
 тегоріи «народныхъ различій» не имѣютъ: для всѣхъ наро-
 довъ одна логика.

63

Различіе логи-
 ческой и грам-
 матической пра-
 вильности.

5) Логическая и грамматическая правильность совер-
 шенно различны: что правильно грамматически, то можетъ
 быть неправильно логически, и наоборотъ.

Наибольшая
 формальность
 логики.

Наконецъ, 6) хотя и логика, и грамматика формальны,
 но формальность ихъ различна: формальность логики *абс-
 трактна*, а формальность языка *вещественна*: она связана съ
 с. 1080 м. 2.

IX.

Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ.

Въ языкахъ, подобныхъ нашему, необходимо различать *содержаніе* и

форму. Но ни то, ни другое еще не выяснено надлежащимъ образомъ, что отзывается и на опредѣленіи предложенія.

Наше *предложеніе безъ глагола невозможно*, а потому всѣ опредѣленія предложенія безъ глагола должны быть выгнаны.

Буслаевское опредѣленіе предложенія, какъ *сужденія*, невѣрно, потому что «добрый человѣкъ» есть сужденіе, но тутъ нѣтъ предложенія. Какъ существенный признакъ въ составъ предложенія *должны входить части рѣчи*.

Разсмотрѣніе
Буслаевского
опредѣленія
предложенія.

По Буслаеву, во всякомъ предложеніи должно отличать 1) *содержаніе*, т. е. *названіе* самыхъ понятій, входящихъ въ составъ предложенія, и 2) *способъ сочетанія* ихъ въ предложеніи. Но то, что Буславъ называетъ *содержаніемъ*, матеріей предложенія, *не есть матерія*, ибо «названіе понятій» глаголомъ, существительнымъ, прилагательнымъ *есть грамматическія формы*, а *не дѣйствительное бытіе*, которое выражается только *извѣстнымъ* существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ, составляющимъ часть *живой рѣчи* въ опредѣленной связи съ другими живыми словами. Слѣдовательно, у Буслаева *матерія* есть та же форма, и такимъ образомъ *оба* признака, входящіе въ опредѣленіе предложенія, составляютъ одну форму, отнявши которую, мы разрушаемъ предложеніе флексивныхъ языковъ.

Далѣе, когда говорится у Буслаева, что предложеніе состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго, и затѣмъ *порожнь* опредѣляется то и другое, то опредѣленіе подлежащаго и сказуемаго исключаютъ другъ друга. Напр. въ предложеніи: «(я) *говорю*» личное окончаніе *ю* (или вмѣстѣ съ нимъ и личное мѣстоименіе *я*), *составляя подлежащее*, въ то же время входитъ и въ составъ *сказуемаго*. Значить, подлежащее и сказуемое въ предложеніи не суть *отдѣльные* члены.

Разсмотрѣніе
подлежащаго и
сказуемаго и
отношеній ихъ
между собою и къ
др. членамъ.

Недѣльность отождествленія подлежащаго съ главнымъ предметомъ въ рѣчи очевидна сама по себѣ: «не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ» — здѣсь *единственный* предметъ рѣчи: «завтрашній день», и однако это не подлежащее.

Не менѣе сбивчивы въ грамматикахъ (а въ томъ числѣ и у Буслаева) отношенія подлежащаго и сказуемаго и къ другимъ членамъ предложенія 1) по способу *согласованія*, или 2) по способу *управленія* словъ: согласованіе и управленіе предполагаютъ *части рѣчи, флексіи*, а въ опредѣленіи подлежащаго и сказуемаго у Буслаева части рѣчи и флексіи не входятъ.

Разсмотрѣніе
второстепен-
ныхъ членовъ
предложенія

Второстепенные члены предложения у Буслаева раз-
сматриваются 1) по синтаксическому употребленію и 2) по
значенію.

1) по синтакти-
ческому употре-
бленію:

а) слова согла-
суемые и управ-
ляемые.

1) По синтаксическому употребленію слова *согласуемая*
суть опредѣленія, а слова *управляемая*—дополненія. Но тер-
мины *согласованія* и *управленія* здѣсь неточны и нерѣдко
совпадаютъ другъ съ другомъ. Напр. въ «*добрый человекъ*»
есть и *уподобленіе* (согласованіе), и *зависимость* (управленіе), такъ какъ
форма *добрый* (а не *добрая, доброе*) зависитъ отъ слова *человекъ*.

Различіе опредѣлительныхъ и дополнительныхъ по разряду словъ,
къ которымъ они присоединяются, тоже неудачно. Напр. опредѣлительныхъ
словъ при глаголахъ и прилагательномъ по Буслаеву не бываетъ. Но 1)
куда отнести прилагательное въ выраженіи: «остался *блуднъ*»? Оно вѣдь вхо-
дитъ въ составъ сказуемаго какъ *опредѣлительное*; 2) въ выраженіи: «это
такой добрый человекъ, что»—слово *такой* можетъ быть только *опредѣ-
леніемъ прилагательнаго*: «*добрый*».

б) Слова, не со-
стоящіе въ види-
мой синтакти-
ческой связи
(обстоятъ).

Подъ *согласованіе* и *управленіе* словъ не подходятъ об-
стоятельства: они «не состоятъ въ видимой синтаксической
связи съ словами, къ которымъ присоединяются», говоритъ
Буслаевъ. Напр. *очень хорошій, идти въ юродъ*. Но—если

они не состоятъ въ связи, то, значитъ, стоятъ *вне* предложения, что не-
возможно; а если стоятъ въ невидимой связи, то какъ узнать о существо-
ваніи этой связи?

Вотъ слабыя стороны различенія второстепенныхъ членовъ предложе-
нія по синтаксическому ихъ употребленію, и несмотря на неудачную по-
пытку опредѣлить второстепенные члены съ этой точки зрѣнія, все-таки
она *единственно вѣрная*, по сравненію съ другой точкой зрѣнія—по значенію.

20

2) По значенію.

2) При разсмотрѣніи второстепенныхъ членовъ предло-
женія по значенію оказывается а) что опредѣлительныя слова
являются и согласуемыми, и управляемыми (домъ *отцовскій* и домъ *отца*),
б) между обстоятельственными, сверхъ несогласующихся и неуправляемыхъ,
большая часть должна быть отнесена къ дополненіямъ (подниматься *на
юру*); в) что же касается дополненій, то они опредѣляются уже *синтакти-
ческимъ употребленіемъ*, именно—управленіемъ.

Такая путаница въ опредѣленіи по значенію произошла отъ того, что
дѣленіе это основано не на наблюденіи надъ языкомъ.

Слова опредѣли-
тельныя, разли-
чаемыя по по-
просамъ.

Распознаваніе опредѣлительныхъ словъ по значенію при
помощи вопросовъ: *какой, чей, который, сколько* оказывается
неграмматическимъ.

71

Какой есть вопросъ о качествѣ независимо отъ грамматической

формы. На этомъ основаніи *всѣ* слова, отвѣчающія на вопросъ *какой*, должны быть опредѣлительными словами, т. е. не прилагательныя только и не родительный падежъ существительнаго *безъ предлога*, но и другіе падежи съ предлогами, которые по синтаксическому употребленію должны быть дополненіями: *любовь къ чтенію*.

Чей есть вопросъ о принадлежности, на который безразлично отвѣчаютъ и родительный падежъ существительнаго, и прилагательныя: *сынъ отца, отцовскій сынъ*, какъ будто это одинъ и тотъ же членъ предложения.

На вопросъ *какой* отвѣчаютъ и мѣстоименія указательныя, и числительныя порядковыя, и всякое обозначеніе мѣста, занимаемаго опредѣляемымъ предметомъ въ ряду другихъ.

Сколько. Отвѣты на этотъ вопросъ приводятъ къ различнымъ синтаксическимъ категориямъ: *двѣ версты—мною людей—мною сдѣлать*. Кромѣ того, въ такихъ выраженіяхъ, какъ: «выступало *семь* коровъ», слово *коровъ*, по Буслаеву и Гатталѣ, въ одно и то же время есть и подлежащее и опредѣленіе (къ «*семь*»).

Дополненіями означается отношеніе предмета къ дѣйствію и къ лицу дѣйствующему чрезъ непосредственное или посредственное управленіе, причемъ въ *страдательномъ* оборотѣ лицо дѣйствующее обозначается *творительнымъ* падежомъ.—Это—точка зрѣнія не грамматическая, ибо съ грамматической точки зрѣнія дѣйствующее лицо есть *именит.* падежъ (подлежащее). Отъ смѣшенія разныхъ точекъ зрѣнія, выходитъ неразрѣшимая путаница: дѣйствующее лицо выражается и *творительнымъ*, и *именительнымъ* падежомъ, а предметъ дѣйствія обозначается и *винител.* падежомъ (при дѣйствительномъ оборотѣ), и *именит.* (при страдательномъ оборотѣ), т. е. дополненіе смѣшивается съ подлежащимъ, какъ будто косвенные падежи имѣютъ какое-либо право наслѣдства на значеніе подлежащаго (*мнѣ* думается=я думаю; его *убило громомъ*=громъ его убилъ).

Слова *обстоятельственныя* съ точки зрѣнія по значенію употребляются для обозначенія обстоятельства мѣста и другихъ и отвѣчаютъ на такіе-то вопросы. Категория эта въ цѣломъ не можетъ быть отличена отъ дополненія, когда не знаешь, по чему судить: по формѣ, или не по формѣ: «войти *въ городъ*» по значенію—обстоятельство мѣста, по синтаксическому употребленію—дополненіе.

Въ сбивчивости опредѣленій особенно второстепенныхъ членовъ виновата, конечно, не логика, потому что она второстепенныхъ членовъ, на примѣръ, вовсе не знаетъ.

X.

Члены предложенья и части рѣчи.

1. Первоначальное слово есть уже предложенье, но только не

76 Психологическое предложе-
ніе и отношеніе
его къ словесно-
му предложе-
нію.

логическаго, а психологическаго сужденія. Такое первобытное предложе-
ніе «есть актъ апперцепціи», т. е. сравненіе и объяс-
неніе того, что уже разъ воспринято. Оно связываетъ двѣ мы-
сленныя единицы: *объясняемое* (психологическій субъектъ) и
объясняющее (психологическій предикатъ), и въ этомъ смыслѣ такое пред-
ложеніе *двучленно*. Словесно же выражается въ такомъ предложе-
ніи *только* *объясняющее*, т. е. *сказуемое*, напр. «мама!» Значитъ, первообразное сло-
весное одночленное предложе-
ніе *предикативно*. Сюда относятся: *сюда! пора!*
и т. п., образовавшіяся въ послѣдствіи.

77 Въ первообразномъ *словь-предложе-
ніи* не мыслится ни субстанціи,
ни ея атрибута или дѣйствія, словомъ—оно еще безформенно, между
тѣмъ простѣйшее предложе-
ніе *нашихъ* языковъ заклю-
чаетъ уже въ себѣ
форму грамматическую, и эта форма составляетъ *формальное содержа-
ніе предложе-
нія*, какъ того *цѣлаю*, въ коемъ совершается жизнь этихъ
формъ. Жизнь формъ проявляется въ *образованіи и измѣненіи ихъ* *);
въ слѣдствіе этого происходитъ *измѣненіе и въ самомъ предложе-
ніи*. Такъ,
напр., *личный глаголъ* русскій чрезвычайно разнообразенъ въ формахъ
своихъ, которыя образовывались и мѣнялись. Точно также и *имя*. Съ из-
мѣненіемъ грамматическихъ категорій неизбежно мѣняется и самое предло-
женіе, въ которомъ возникаютъ и измѣняются онѣ. На этомъ основаніи,
*исторія языка должна давать рядъ опредѣлений предложе-
нія* **).

78

Личный глаголъ
какъ необходи-
мый элементъ
словеснаго пред-
ложениа.

2) Переходя отъ безформеннаго (психологическаго) пред-
ложениа—сказуемаго къ формальному, Потебня говоритъ, что
*главное предложе-
ніе не возможно безъ личнаго глагола*, ко-
торый самъ по себѣ есть уже предложе-
ніе, какъ *minimum*;
слѣдовательно, предложе-
ніе прежде всего есть *verbum finitum* ***);
такимъ же опредѣленіа предложе-
нія будетъ зависѣть отъ внесенія въ него
другихъ чертъ, зависящихъ отъ другихъ грамматическихъ категорій.

*) Это изложено далѣе во II части изслѣдованія: „Составные члены
предложениа и ихъ замѣны“ (стр. 125 и дал.). И. Б.

**) Но самаго опредѣленія предложе-
нія Потебня не даетъ ни для одного
періода развитія языка. И. Б.

79-80 ***) Между тѣмъ Поповъ въ своемъ изслѣдованіи „Именит., зват. и
винит. падежи“ допускаетъ предложе-
нія и изъ одного имени, какъ *древнѣйшія и
первообразныя*. Поэтому Потебня въ примѣчаніи опровергаетъ всѣ предположе-
нія Попова объ одночленныхъ предложе-
ніяхъ, *безъ глагола* и считаетъ такіа
предложе-
нія не первообразными, а зависящими отъ строя *нынешняго языка* при
опущеніи глагола. Такъ, а) одночленные *именныя* предложе-
нія: *пожаръ! пора!*
стыдъ! и т. п. Потебня принимаетъ за составныя *сказуемыя* съ опущенною связ-
кою; б) *именительный восклицательный* въ предложе-
ніяхъ какъ „ой я несчастный!“
есть подлежащее съ атрибутомъ при опущенномъ *сказуемомъ* („что буду
дѣлать?“); в) *винительный восклицательный* есть дополненіе при опущенномъ

Содержаніе предложенія, какъ сказано выше (стр. 76), не вещественно, а *формально*; поэтому и сказуемое-глаголь должно отличаться отъ имени только формально, равно какъ и все остальные члены предложенія или части рѣчи.

Въ глаголахъ (всегда) и имени (почти всегда) должно различать два корня, или вѣрнѣе—*два составныя части*: *иѣсть*=вѣд+ть (3 л. настоящ. вр.) и *вѣсть*=вѣд+ть (существ. жен. рода).

Глагольные и мѣстоименные корни. Какъ составныя части словъ.

Одни называютъ эти части корнями *вещественными* (вѣд) и *формальными* (ть), другіе—*глагольными* (вѣд) и *мѣстоименными* (ть), третьи—*глагольными* (вѣд) и *именными* (ть).

По мнѣнію Фика, мышленіе *начинается* со способности разлагать воспріятіе (apperception) на двѣ основныя его части: *носителя дѣйствія* и *самое дѣйствіе*. Это и выразилось въ созданіи первобытнаго слова, гдѣ глагольный корень означаетъ дѣйствіе, а именной—*носителя дѣйствія*, и если въ ихъ сочетаніи превѣшиваетъ глагольное значеніе, то возникаетъ глаголь, въ противномъ же случаѣ возникаетъ имя.

Взглядъ Фика на актъ первоначальнаго мышленія.

Но по мнѣнію Потебни мышленіе *начинается не съ разложенія* воспріятія на субстанцію и предикатъ, а *съ обозначенія цѣлаго воспріятія*. Напр.: слово, предполагаемое лексическою частью (лек) глагола *летитъ*, означало *летающую птицу*, а не *полетъ* только птицы, какъ отвлеченное понятіе дѣйствія. То же самое слѣдуетъ думать и о корняхъ мѣстоименныхъ: и они обозначали *цѣлое воспріятіе*, а не субстанцію только, отдѣльно отъ ея атрибута. Вся разница обозначенія тѣмъ и другимъ корнемъ состоитъ въ томъ, что *мѣстоименіе* отмѣчаетъ воспріятіе *указаніемъ относительно* говорящаго (*этотъ*—т. е. близкій ко мнѣ; *тотъ*, т. е. болѣе далекій), а корень *лексическій*—*безотносительно* къ говорящему. Поэтому глагольные корни слѣдуетъ назвать *безотносительными* (качественными, объективными), а *мѣстоименные*—*относительными* (указательными, субъективными).

Опроверженіе Потебни и взглядъ его на корни глагольные и мѣстоименные.

соотвѣтствующемъ глаголь или стоящихъ на лицо частицахъ, имѣющихъ глагольную, предикативную силу, хотя бы частицы эти были и мѣстоименнаго происхожденія, напр. „о те miserum!“—„ну тебя!“—Сюда же относитъ Потебня г) *родительный надежъ* при восклицаніяхъ, который у Миклошича называется *родительнымъ причины*, напр. ц.-слав. „о преславныхъ чудесъ!“—греч. ὦ θαυράδωρον πράγματων! и д) наконецъ, *дательный* при восклицаніяхъ: οἶ μοι τῆς τούτης!—Охъ-ти мнѣ!

84 Опредѣленіе глагола по признаку возникающему и опредѣленіе имени по признаку данному, готовому.

Итакъ, понятіе о качественныхъ (=глагольных) *корняхъ* не даетъ еще возможности отличать *глаголь* отъ *имени*: выраженія «зеленая трава» и «трава *зеленѣетъ*» по *содержанію* безразличны, хотя первое выраженіе не есть предложеніе, а второе есть предложеніе. Но чего нѣтъ въ *корнѣ*, то находится въ *самомъ словѣ-глаголь*, образованномъ отъ этого корня: «глаголь (*зеленѣетъ*, въ отличіе отъ имени *зеленый*) изображаетъ *признакъ во время его возникновенія* отъ дѣйствующаго лица, а имя—*нѣтъ*», т. е., глаголь, (*зеленѣетъ*), какъ слово въ предложеніи, показываетъ *признакъ имени* (трава) въ тотъ самый моментъ, когда *признакъ этотъ* возникаетъ отъ этого предмета; имя же, замѣняющее глаголь (т. е., «зеленый» вмѣсто «зеленѣетъ») *возникновенія признака не обнаруживаетъ*, такъ какъ *признакъ* зелени травы присущъ *былъ* травѣ *и прежде*, или вообще присущъ ей, какъ имени *). Словомъ; признакъ предмета въ глаголь представляется *дѣйствующимъ*, или непосредственно *вытекающимъ* изъ дѣйствующаго лица или предмета, а признакъ, выражаемый *именемъ*, какъ бы пребываетъ въ покоѣ, не обнаруживая никакой энергіи своего проявленія.

85 Личныя мѣстоименныя окончанія, какъ знаки связи сказуемаго съ подлежащимъ.

Что же касается *личныхъ мѣстоименныхъ окончаній*, которыя составляютъ необходимую принадлежность глагола—*сказуемаго*, то они есть только *знаки связи* или отношенія сказуемаго съ подлежащимъ, а не *замѣна подлежащаго*, какъ думаетъ Буслаевъ (Гр. §§ 122, 124); даже въ *безличныхъ* или *безсубъектныхъ* предложеніяхъ — и тамъ личное окончаніе не замѣняетъ подлежащаго, а указываетъ только на отношеніе къ *скрытому* подлежащему средняго рода «нѣчто», почему безличный глаголь—сказуемое въ прошедшемъ времени и выражается *среднимъ родомъ*: *разсвѣло*.

3) Какъ опредѣленіе сказуемаго совпадаетъ съ опредѣленіемъ глагола, такъ опредѣленіе *подлежащаго*, а равно и опредѣленіе простого *аттрибута*, *предикативнаго аттрибута* (въ составномъ сказуемомъ) и *дополненія* должны совпадать съ опредѣленіемъ *имени*.

86 Обычныя опредѣленія существительныхъ и прилагательныхъ съ неграмматической точкой зрѣнія.

Существительныя и *прилагательныя*, образованныя отъ *безотносительныхъ* (качественныхъ) корней, чрезвычайно близки между собою, что доказывается, между прочимъ, общностью ихъ *именного склоненія*; поэтому они называются вообще *именемъ*, въ отличіе отъ глагола.

Обычныя предложенія *существительныхъ* и *прилагательныхъ*, какъ названій *предмета* и *свойства* его, невѣрны: «добрякъ» и «добрый» — оба

* Ср. далѣе I, стр. 86, 87, 89. И. Б.

суть названія *свойства, качества*, равно какъ и глаголь «бѣлѣть». Печѣрность эта зависитъ отъ *неграмматической* точки зрѣнія на *грамматическій* предметъ.

По отношенію къ лицу познающему и акту познанія имя относится къ глаголу, какъ *воспоминаніе прежде познанаго къ познаваемому вновь*, т. е., въ имени представляется признакъ данный, готовый, еще прежде въ немъ бывшій, а не теперь возникающій или производимый предметомъ, ибо возникновеніе признака свойственно глаголу.

Готовые, данные признаки въ именахъ и отличіе этихъ признаковъ въ существительныхъ, прилагательныхъ и причастныхъ.

Въ частности, имя *прилагательное* есть готовый признакъ, находящійся въ чемъ-то другомъ и именно въ томъ, что определено грамматическою формою прилагательнаго (родъ, число и падежъ), напр. *зеленая* (трава).

Причастія, какъ *глагольные* (а не *отглагольные*) прилагательныя, заключаютъ въ себѣ признакъ и глагола, и имени; въ «*зеленѣющій*» глагольною чертою служитъ признакъ, обнаруживающій *энергію, производящую* силу; но этотъ же признакъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и признакомъ *даннымъ, готовымъ*: «*зеленѣющая*» трава значить не только имѣющая *зеленость* (какъ признакъ данный), но и *сама производящая* этотъ признакъ. Отсюда вѣдь всякаго сомнѣнія, что *первобытное* имя (до созданія существительныхъ и прилагательныхъ категорій) ближе всего подходило къ причастию по способу представленія въ немъ признака (глагольнаго и именного), съ тою только разницею, что въ первобытномъ причастиі—имени не отпадалось, повидимому, категорій времени и залога, и было оно предикативнѣе, чѣмъ позднѣйшее имя.

Близость первобытнаго имени къ причастию.

Когда прилагательное или причастіе становятся существительными, то признакъ прилагательнаго и причастія сначала не измѣняется. Вся разница состоитъ лишь въ томъ, что въ прилагательныхъ и причастіяхъ признакъ является вопросомъ: *бѣлъ* (кто?), *ветхъ* (кто?), такъ какъ нѣтъ того, кому или чему слѣдуетъ приписать этотъ признакъ, въ существительныхъ же признакъ является въ видѣ отвѣта: (бѣлъ) *бѣлокъ*, (бѣла) *бѣль*, (ветха) *ветошь*, т. е., первоначальное *существительное*, въ отличіе отъ прилагательныхъ, является *признакомъ, заключеннымъ* (даннымъ) въ чемъ-то *определенномъ* и *безъ помощи другаго слова*.

Способъ, какимъ пользуется языкъ для обозначенія признака въ существительномъ, *чисто-формаленъ*, т. е., прибавка въ существительномъ новаго, иногда чуть-чуть видоизмѣненнаго суффикса по сравненію съ прилагательнымъ не опредѣляетъ еще того, что именно означаетъ признакомъ въ существительномъ. Наприм. *бѣль*—это есть «нѣчто бѣлое», а что именно—неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, та совокупность неизвѣстныхъ признаковъ (комплексъ), къ коимъ отнесень

Существительнымъ конкретнымъ и абстрактнымъ.

данный признакъ, представляется *дѣйствительно существующею*: «бѣль» — бѣлая пряжа. Таковы существительныя *конкретныя*. Что же касается существительныхъ *отвлеченныхъ* (абстрактныхъ), какъ «бѣлѣзна», то совокупность въ нихъ признаковъ *фиктивна*; но все-таки и въ отвлеченномъ существительномъ данный признакъ мыслится *самостоятельно*, а не въ чемъ-либо другомъ, какъ это бываетъ съ признакомъ прилагательнаго. При чемъ, какъ говоритъ Гейзе, абстрактнаго не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, что не подлежитъ чувствамъ; напротивъ, часто не подлежащее чувствамъ, но не фиктивное, а самостоятельно и объективно существующее, бываетъ конкретно; напр. Богъ, душа, время. Абстрактное же реально не существуетъ, а только *мыслится*.

92

Съ теченіемъ времени данный отдѣльный признакъ во множествѣ существительныхъ *забывается*. Это происходитъ отъ того, что признакъ, входящій въ существительное, бываетъ часто несущественнымъ, нехарактернымъ. Поэтому, напр., хотя въ словѣ «дубъ» и былъ нѣкогда свой явственный признакъ, но теперь, съ забвеніемъ его, мысль относитъ это слово не къ отдѣльному признаку, а ко *всему кругу* признаковъ, составляющихъ содержаніе слова «дубъ».

Опре-
шеніе су-
ществительнаго.

Т. обр., въ концѣ концовъ, общимъ признакомъ всѣхъ родовъ существ-го служитъ то, что «оно» есть названіе *грамматической субстанціи* или вещи», какъ комплекса или совокупности всѣхъ признаковъ существ-го⁹³), при чемъ, само собою, нельзя смѣшивать *грамматическую субстанцію* съ *метафизической*: въ то время какъ метафизич. субстанція есть *вещь сама по себѣ, отдѣленная отъ всѣхъ своихъ признаковъ*, — грамматическая, напротивъ, «есть совокупность признаковъ однородныхъ съ тѣмъ (признакомъ), который можетъ быть данъ этимологически въ существительномъ», не обращая вниманія на то, будетъ ли эта совокупность признаковъ *дѣйствительная* или *фиктивная* ⁹⁴).

93

Субстанція
грамматическая
и метафизиче-
ская.

Въ опредѣленіе имени входятъ не только слова съ *качественнымъ корнемъ* (ср. стр. 83), но и *мѣстоименія*, которыя бываютъ или существительными, какъ имена субстанцій: я, ты, онъ, или прилагательными, какъ имена признаковъ, относимыхъ къ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ: тотъ, этотъ, мой, твой.

Ср. дал. III, 2, 3.

По Миклошичу, существительное отличается отъ прилагател. по значенію тѣмъ, что первое можетъ означать носителя признаковъ, а второе — *нѣтъ* (Грам. IV 3). при этомъ подъ признаками онъ разумѣетъ не тотъ признакъ, который *въ существительномъ* можетъ противопоставляться *совокупности другихъ* признаковъ, а тѣ, которые даются въ предложеніи опредѣленіемъ и сказуемымъ.

4) Послѣ опредѣленія глагола-сказуемаго и имени Потебня даетъ опредѣленіе *подлежащаго*: «оно есть *вещественное* указаніе на *непосредственную производителя* признака, означаемого сказуемымъ», при чемъ личн. мѣстоименіе бываетъ подлежащимъ только тогда, когда оно *вещественно*, т. е., означаетъ *вещь*, а не тогда, когда оно равносильно личному окончанію, какъ напр. въ выраженіи «я *сказалъ*», равномъ латинскому *дixi* безъ личнаго мѣстоименія его. Опредѣленіе это относится и къ подлежащему при *страд.* зал., несмотря на то, что самостоятельность субъекта страдательнаго сказуемаго фиктивна.

Опредѣленіе
подлежащаго.

Им. и зв. пад. есть *единственные* выразители подлежащаго. Шлейхеръ и Миклошичъ не считаютъ зват. п. за падежъ: это-де есть имя въ формѣ *междометія*, Потебня же признаетъ его *прямымъ* падежомъ наравнѣ съ именит. и считаетъ способнымъ выражать субъектъ въ предложеніи. *Синтактическое различіе* им. и зв. п., по мнѣнію Потебни, состоитъ лишь въ томъ, что им. пад. выражаетъ подлежащее *во всѣхъ трехъ лицахъ*, при чемъ для 1 и 2 лица служатъ личн. мѣстоим. (я, ты; мы, вы), а для 3-го—остальные мѣст. и имена качественныя *), зват. же пад. выражаетъ подлежащее *только* при 2-мъ л., согласуясь со 2-мъ лиц. сказуемаго. Сходство значеній обонхъ падежей выражается и въ сходствѣ этимологическомъ: въ двойств. и множеств. числахъ зват. пад. сходенъ съ именительнымъ.

Им. и зват. п.,
какъ выразители
ли подлежаща-
го.

Впрочемъ, въ народныхъ пѣсняхъ зват. п. въ функціи именительнаго бываетъ подлежащимъ и при 3-мъ лицѣ. Въ этихъ случаяхъ Миклошичъ считаетъ *самый* зват. п. падежомъ субъекта (Гр. IV*, 370), но Потебня думаетъ, что зват. п. употребляется лишь въ функціи именит-го и что употребленіе зват. п. вмѣсто именит-го произошло отъ обращенія къ 3 лицу отсутствующему, какъ бы ко 2-му присутствующему. Примѣры такого употребленія звательнаго падежа встрѣчаются въ малорус. думахъ, въ серб. пѣсняхъ, а у Гомера—обычны.

Обыкновенно говорится, что «всякая часть рѣчи въ качествѣ подлежащаго *становится существительнымъ*». Но это неточно: «субстантивность подлежащаго и дополненія есть *лишь стремленіе* нашихъ языковъ, а не постоянное свойство». Въ слав. языкахъ и чистыя прилагат. бываютъ подлежащимъ и дополненіемъ, вопреки мнѣнію Миклошича (Гр. IV*, 6, 1), который говоритъ, что или къ субстантивированному прилаг. прибавляется сущ., или же прилаг. стало обращаться впоследствии прямо въ существительное: *мѣдрьць* вмѣсто *мѣдрь*. Однако, въ глубокой древности встрѣчаются примѣры, какъ: «*алѣчьнаго* накрѣми», гдѣ мѣстоименное (пол-

Имя прилаг. въ
роли сущ-го.

*) Т. е. им. сущ. съ качеств. корнемъ. И. Б.

ное) окончаніе вмѣсто именного (краткаго) прямо указываетъ, что «алтычнааго» есть прилагательное. Въ подобныхъ примѣрахъ, какъ предыдущій, или: «битый небитая везетъ» субстанціальность хотя и существующая, но не определена, къ кому именно относится, что, какъ извѣстно, есть признакъ прилагательнаго *). И такая неопредѣленная субстанціальность вполне естественна: иногда опредѣленность ея даже невозможна, и въ подобныхъ случаяхъ употребляется *сред. р. прилагательнаго*, которое становится уже настоящимъ существительнымъ.

Опредѣленіе
грамматическаго
аттрибута.

5) *Грамматическій аттрибутъ* (со включеніемъ такъ называемыхъ сокрац. опред. предложений) есть «названіе признака, который представляется даннымъ (готовымъ) въ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ», т. е. въ опредѣляемомъ существительномъ **).

Аттрибутъ изъ
существительна-
го.

Аттрибутъ выражается какъ существительными, такъ и прилагательными. Аттрибутивное существительное приписывается признакъ опредѣляемой субстанціи чрезъ посредство другой субстанціи (т. е. черезъ другое существ.), при чемъ «вноситъ въ мысль черту своей прежней ***) самостоятельности», что и выражается иногда несогласованіемъ съ опредѣляемымъ въ родѣ и числѣ: городъ *Ливны* (аттр.)

Случай несо-
гласованія ат-
трибутивнаго
существительна-
го въ падежѣ.

стоитъ на р. Соснѣ. Если же встрѣчается несогласованіе и въ падежѣ, какъ напр. «на Дунай-рѣкѣ», «князь-Василья», то

а) это указываетъ только на особую близость опредѣленія съ опредѣляемымъ словомъ, которая проявляется въ соединеніи ихъ въ одно слово. Такимъ же срастаніемъ въ одно слово Потебня объясняетъ и слѣд. выраж.: «купецъ-жена» изъ сокрац. прилагат. «купецск(ая) жена», вопреки Миклошичу (Гр. IV, 21), который видитъ тутъ соединеніе существ. муж. р. съ существ. женскаго ****).

Объясненіе не-
согласованія
приложенія
въ падежѣ.

б) *Дѣйствительное* же несогласованіе въ падежѣ атрибутивнаго существ., какъ *приложенія*, бываетъ только тогда, когда при приложеніи бываетъ свое опредѣлит. слово: «Дмитрію—ірознія очи», «Туромъ—золотые рога». Объясненіе Буслаева, который считаетъ эти приложенія за *опред. прид. предл.*

*) Въ III-мъ т., на стр. 58 Потебня отказывается отъ этого и говорить, что подлежащія и дополн. могутъ быть только именами вещей, существительными. *И. Б.*

**) При чемъ, само собой, предполагается согласованіе аттрибута съ опредѣляемымъ существит., хотя въ данномъ мѣстѣ и не упоминается объ этомъ у Потебни. *И. Б.*

***) Т. е., пока атрибутив. существительное не сдѣлалось еще атрибутомъ опредѣляемаго слова. *И. Б.*

****) Въ III томѣ на стр. 174 Потебня отказался отъ этого своего мнѣнія и согласился съ Миклошичемъ. *И. Б.*

(=который имѣетъ грозн. очн, зол. рога) невѣрно: Потебня находитъ такую замѣну неточною и считаетъ эти явленія языка аналогичными съ образованіемъ сложныхъ словъ: «бой-баба», «бой-бабѣ», гдѣ *обычность* употребленія атрибута повела къ *неподвижности* формы атрибута, составляющаго какъ бы одно слово съ опредѣляемымъ.

в) Въ противоположность предыдущимъ атрибутивнымъ сущ-мъ въ неподвижной формѣ слѣдуетъ причислять не къ атрибутамъ, а къ грамматическимъ *объектамъ* тѣ существительныя, которыя стоятъ при опредѣляемомъ существ. въ несогласуемыхъ падежахъ (домъ *отца*) и относятся къ опредѣленіямъ по причинамъ *не грамматическимъ* (ср. стр. 70—71), а на томъ только основаніи, что они могутъ быть замѣнены согласуемыми прилагательными (*отцовскій* домъ вм. домъ *отца*) и отвѣчаютъ на вопросы опредѣлительныхъ словъ. Существительныя эти въ несогласуемыхъ падежахъ «съ *грамматической* точки зрѣнія означаютъ предметы, мыслимые не въ другомъ предметѣ, а *въ* его», т. е., не означаютъ признака, мыслимаго въ опредѣляемой субстанціи, а сами являются самостоятельными субстанціями, на что и указываетъ, между прочимъ, отсутствіе всякаго согласованія ихъ съ опредѣляемымъ именемъ.

Что касается *прилагательныхъ-атрибутовъ*, то они, по видимому, не могутъ получить независимости и согласуются въ родѣ, числѣ и пад. съ опредѣляемымъ. Сюда же относятся и *согласованіе по смыслу*: собираетъ сущ. ед. ч. въ дѣйствительности есть *множ.* число: «придоша *Русь*»; несогласованное выраж.: «страстная и святая недѣля были проведены» = страст. недѣля и св. недѣля были проведены. По требуетъ особаго объясненія *сред. р.* прилагательнаго при сущ. въ *муж.* и *ж.* родѣ: «человѣка два выидета въ цркви, едино фарисѣй, а друго мытарь»; «имѣя шесть сыновъ, а седьмое дщерь». Такое несогласованіе Миклошичъ признаетъ возможнымъ тогда, когда или полъ опредѣляемыхъ существ. считается безразличнымъ, или сущ-ія имѣютъ различный родъ (Гр. IV, 32—33). Потебня, по видимому, также раздѣляетъ мнѣніе Миклошича *), но, сопоставляя съ этими примѣрами древне-рус. выраженія: «большое сущо» (Лавр.), въ *тоѣ* палату» (Котом.), «за *тоѣ* веревку», — признаетъ причину такого сочетанія *сред. р.* мѣстоименій и рѣже прилаг-ыхъ неясною, а потому склонень, кажется, принимать формы «тоѣ», «всее», «одноѣ», «самое» за особую форму вин. п. ед. ч. жен. р.

Атрибутъ изъ имени прилаг. и согласованіе его въ р., ч. и пад.

Объясненіе slu-чаевъ несогласованія.

Трудно объяснимыми считаетъ Потебня и несклоняемыя ц.-слав. и др.-рус. слова на *ь* (отъ темы *и*), какъ *исплнь*, *различь*, *свободь*, *сущь*,

*) Ср. датъе III, 64—65. И. Б.

испразднѣ *): «сугубѣ грѣси», «свободѣ будете». Наклонность несклоняемости этихъ словъ объясняетъ такъ же, какъ составную атрибутивную часть сложныхъ словъ: ворон-коня (ср. Дунай-рѣки), съ тою только разницею, что приведенныя несклоняемая слова употребляются не только атрибутивно, но и предикативно, какъ можно видѣть изъ послѣдняго примѣра.

Приложеніе и
отличіе его отъ
простого атри-
бута.

Нужно отличать сущ. атрибутивное (князь Петръ) отъ сущ. *приложенія* (appositio): Петръ, царь-преобразователь **); первое можетъ составлять сложное слово (князь Петръ, князь-Петра), а второе никогда; значить, въ *приложеніи* больше самостоятельности, а вслѣдствіе этого и *предикативности*: оно составляетъ «среднюю функцію***) между собственно-атрибутомъ и опред. придат. предложеніемъ съ глагольнымъ сказуемымъ». — Аннотацией можетъ быть и прилагательное, когда оно 1) имѣетъ при себѣ дополн.: «N, жадный къ деньгамъ», и 2) когда оно стоитъ при лич. мѣст.: «ходить я, молодъ, по всѣмъ городамъ». Особенно же склонно къ аннотативному употребленію причастіе, при чемъ «присоединеніе причастія нѣкоторыхъ глаголовъ (въ старин. яз. *сги* и проч.) къ согласуемому имени дѣлаетъ это имя аннотацией или усиливаетъ его аннотативность; ср. N, царь... и N, сы царь..., N, сы милосердъ», гдѣ причастіе *сги* «можетъ быть переводимо (въ современномъ языкѣ) посредствомъ *будущи*» ****).

*) Въ выраженіи: «это *особь* статья» «особь» есть нарѣчіе изъ «о собѣ».

**) Для избѣжанія всякой сбивчивости, нужно помнить, что Потебня хотя и не формулируетъ нигдѣ отдѣльно, но признаетъ три вида *атрибута* собственно—атрибутъ, атрибутъ аннотативный (приложеніе) и атрибутъ предикативный. И. Б.

***) «Среднюю» въ томъ смыслѣ, что хотя аннотация и не составляетъ предложенія, но самостоятельнѣе простого атрибута и заключаетъ въ себѣ извѣстную степень предикативности, которой нѣтъ въ *собственно-атрибутѣ*. И. Б.

****) Такимъ образомъ, на двухъ рядомъ страницахъ высказываются Потебнѣ два различныхъ взгляда на аннотацию или приложеніе: съ одной стороны аннотация есть видъ атрибута, близко граничащаго съ *опредѣлит. придат. предложеніемъ* (Петръ, царь-преобразователь), а съ другой—она есть одинъ изъ видовъ такъ называемыхъ сокращенныхъ *обстоятельственныхъ* придат. предложеній (ходить я, молодъ=будучи молодымъ, по всѣмъ городамъ; N, сы царь). Спрашивается, есть ли это внутреннее противорѣчіе во взглядѣ Потебни на аннотацию, или же Потебня признаетъ два вида аннотации—атрибутивную и адverbіальную, обстоятельственную? Судя по дальнѣйшему изслѣдованію, слѣдуетъ предполагать, повидимому, послѣднее: сперва аннотация атрибутивная, являющаяся изъ простого атрибута («N, царь» изъ «царь N»); затѣмъ—*усиленіе* атрибутивной аннотации посредствомъ аннотативнаго причастія вспомогательнаго глагола, если аннотация выражается именами существительными и прилагат. («N, сы царь», «N, сы милосердъ»), при чемъ подъ «усиленіемъ» аннотации Потебня, очевидно, разумѣетъ переходъ атрибутив-

6) *Аттрибутъ въ сказуемомъ*. Имя, входящее въ составное сказуемое, Миклошичъ называетъ *предикатомъ* (Гр. IV, 344), а Курциусъ самое сказуемое называетъ *именнымъ*, Потебня же такіа сказуемая называетъ *составными* и имя признаетъ *аттрибутомъ* (а не предикатомъ), съ тою лишь особенностію, что аттрибутъ этотъ присоединяется чрезъ посредство глагола, сообщающаго всему сказуемому грамматическое (формальное) значеніе *времени*: „сѣтъ (есть, былъ, будетъ) бѣлъ“, и если онъ называетъ это имя предикативнымъ, то потому только, что оно входитъ въ составъ сказуемаго.

Предикативные
аттрибуты раз-
нѣнъ суще-
ствительныхъ и
прилагательн.

105

Предикативное имя, по мнѣнію Потебни, стоитъ *только* въ именительномъ пад., какъ и подлежащее, съ которымъ аттрибутъ долженъ согласоваться *въ падежъ*; отличается же отъ простаго аттрибута тѣмъ, что обнаруживаетъ *энергію*, проявленіе которой, однако, въ противоположность простому сказуемому, *не подлежитъ наблюденію*, а предшествуетъ ему, а потому «составное сказуемое по значенію менѣе наглядно, чѣмъ соотвѣтственный простой глаголъ». Въ выраженіи «Кій—перевозчикъ» мы *не видимъ* самаго акта проявленія энергіи, а только знаемъ, что онъ перевозилъ или перевозить *).

Согласованіе
предикативныхъ
существитель-
хъ съ подлежащимъ.

106

Существительное въ составномъ сказуемомъ, такъ же какъ и въ приложеніи, можетъ обнаруживать свою независимость отъ подлежащаго несогласованіемъ въ родъ и числѣ, но *не въ падежъ*: «Дибиръ есть *рыба*», побой не суть *средство* къ управленію людей».

Предикативная
прилагательная
и согласованіе
ихъ.

107

Предикативное прилагательное по общему правилу согласуется съ существительнымъ и въ родѣ, и въ числѣ, а если и бываетъ несогласованіе, то оно—*мнимое*, потому что въ этихъ случаяхъ прилаг-ое согласуется «*съ наличнымъ значеніемъ* рода и числа въ сущ-мъ», а не съ окончаніемъ его. Такъ, прилагательное ставится во *множ. числѣ* при сущ-мъ *собирательномъ*, которое означаетъ *множественность* при окончаніи единственнаго числа. (Срав. I, 101).

Согласованіе предикативныхъ прилагательныхъ съ существительными, бываетъ вовсе не потому, что въ прилаг-хъ есть форма для муж., жен., ср. р., а потому, что оно «*есть средство производить извѣстные отнѣски* наго значенія аппозиціи къ адverbіальному; наконецъ—аппозиція адverbіальная, получающая завершеніе обстоятельственного своего значенія въ переходѣ аппозитивнаго причастія въ дѣепричастіе („N, будучи царемъ“, „N, будучи милосердъ“). Этой-то адverbіальной аппозиціи и посвящаетъ Потебня въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи отдѣлы о составномъ приложеніи (II, 114), о переходѣ аппозитивныхъ причастій въ дѣепричастія (II, 159, 160), о второстеп. сказуемомъ (II, 184) и объ именит. самост. падежѣ (II, 194 и слѣд.). *И. Б.*

*) „Но изъ этого не слѣдуетъ, что *составное* сказуемое менѣе наглядно (конкретно), чѣмъ простое сказуемое“, поправляетъ себя Потебня въ III томѣ (стр. 355, примѣч.). *И. Б.*

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

3

Случай несогласованной предик. атрибута иль имени прилагательнаго и глагола въ рус. Буслаева, Потебни.

169

сладко, а человекъ надко», «умъ хорошо, а два лучше того».... Буслаевъ (Гр. § 239) такое сочетаніе объясняетъ или 1) опущеніемъ: «умъ хорошо» вмѣсто «имѣть умъ хорошо», или 2) тѣмъ, что средний родъ прилагательнаго замѣняетъ здѣсь существительное, а именно: «умъ хорошая вещь, хорошее дѣло», какъ напр. въ пѣснѣ ХVIII в. «весновая служба — молодцамъ веселье, зимовая служба — молодцамъ кручина» (вм. *кручина*). Это послѣднее мнѣніе Буслаева согласно и съ мнѣніемъ Миклошича (Гр. IV, 29, 12), который считаетъ здѣсь прилагательное сред. р. субстантивированнымъ. Но Потебня отвергаетъ и тотъ и другой взглядъ и говоритъ: «для насъ здѣсь не субстантивированныя прилагательныя, а *нарѣчія*», что и составляетъ новую грамматическую категорію въ развитіи языка *).

170

Предикативная связка.

7) **Предикативную связку** въ составномъ сказуемомъ надо отличать отъ *связи*: связь есть *грамматическая форма* въ личн. глаголь, а связка есть то *особое слово*, которое заключаетъ въ себѣ предикативную связь и служитъ для присоединенія атрибута къ подлежащему.

171

Мнѣніе Буслаева, что терминъ *связка* лишній въ рус. грам., Потебня признаетъ не достаточно обоснованнымъ: 1) нѣкоторые глаголы, составляющіе связку, *никогда* не опускаются; 2) глаголь существительный Буслаевъ желаетъ называть прямо сказуемымъ, но тогда не было бы и *составною* сказуемаго; 3) глаголь *былъ*, по Буслаеву, тѣмъ болѣе не можетъ быть названъ связкою, что онъ самъ нуждался прежде въ связкѣ: «*былъ есмь*», «*былъ еси*»; но тогда связкою и служило «*есмь*», а «*былъ*» составляло *предикативное причастіе*; когда же «*былъ есмь*» слеплось въ одинъ актъ мысли и *есмь* стало опускаться, тогда «*былъ*» получило возможность быть связкой.

172

Какіе глаголы нужно считать предикативными связками.

Въ противоположность Гейзе и Миклошичу, которые считаютъ собственно связкою только такіе абстрактные глаголы, которые не имѣютъ никакого *вещнаго* значенія. Потебня признаетъ связками *всѣ средніе глаголы, требующіе предикативнаго им. п.* Кѣроу ἐγὲν εὐτο βασιλεὺς — τριταῖο! (на 3-й день) ἀπ᾽ ἡδονῆς — *вста*

* Однако въсплѣдствіи Потебня признаетъ и вообще субстантивированныя прилагательныя (III, 55, 59—63), и въ примѣрѣ: «зимовая служба молодцамъ *кручина*» считаетъ «*кручина*» прилагательнымъ ср. р., а не нарѣчіемъ (III, 456). И. Б.

гридыневыиъ. Вездѣ здѣсь предикатъ состоитъ изъ связки и предикативнаго атрибута. Грамматическая форма *времени*, указывающая на вещественное значеніе существованія, не можетъ мѣшать формальности связки. Что же касается *изорит.* пад. при связкѣ 'вмѣсто именит-го въ славянскихъ нарѣчіяхъ, то Потебня считаетъ его за *instrumentalis* (а не *ablat.*) и во всякомъ случаѣ признаетъ «своеобразнымъ оборотомъ», свидѣтельствующимъ о дальнѣйшемъ движеніи въ развитіи языка *).

Отъ составнаго сказуемаго нужно отличать *описательное время*. Въ составное сказуемое могутъ входить *причастія, суиц. и прилаг.*, въ описательное же время только *причастія*, при чемъ глаголѣ составнаго сказуемаго можетъ быть слово и формальнымъ (абстр.), и веществ.-мъ, въ описательномъ же времени только *формальнымъ*, и переходъ описательнаго вр. въ составное сказуемое *невозможенъ*. Напр. «хочу быти» безъ обозначенія *хотѣнія* есть описат. буд. вр., а съ обозначеніемъ хотѣнія—составное сказуемое; «бываль осужденъ, бывало говорилъ»—составное сказуемое, потому что «бываль» не есть глаг. формальный.

Въ соотвѣтствіе терминамъ *составнаго сказуемаго* и *предикативной связки* слѣдуетъ принять и термины *составнаго приложения* съ *антисопозитивной связкой*: «X, милосердъ сѣи»—«сѣи» есть антисопозитивная связка въ составномъ приложеніи **).

8) Какъ субъектъ есть несогласуемый ни съ чѣмъ именительный или зв. пад. суиц-го и его замѣны, такъ *объектъ* или *дополненіе* есть косвенный пад., тоже ни съ чѣмъ не согласуемый. По выраженію Востокова (Гр. § 107, II), это—«*другой предметъ*» въ предложеніи, т. е. другой, кромѣ подлежащаго. На основаніи такого опредѣленія Потебня относитъ къ дополненіямъ *всѣ несогласуемыя имена*, поставленныя въ косвенномъ падежѣ, а именно: 1) слова управляемыя, т. е. требуемыя въ извѣстномъ косвенномъ падежѣ самимъ дополняемымъ словомъ, куда относятся между прочимъ *род.* и *дат.* пад. *принадлежности* послѣ именъ существительныхъ (садъ отца), и 2) слова неуправляемыя, т. е. косвенный падежъ которыхъ не указывается формальнымъ значеніемъ дополняемаго, каковы напр. обозначенія мѣста, времени, образа дѣйствія, причины посредствомъ именъ существ-хъ, грамматически не зависящихъ отъ дополняемаго слова (идти въ городъ, не быть по болѣзни) ***).

*) Ср. далѣе ч. II, стр. 509 и слѣд. И. Б.

**) Далѣе (II, 184) Потебня называетъ составное приложеніе второстепеннымъ составнымъ сказуемымъ, такъ что термины эти у него тождественны. И. Б.

***). Такимъ образомъ Потебня къ дополненіямъ относитъ и тѣ имена въ косвенныхъ падежахъ, которые по значенію принадлежатъ къ обстоятельствомъ. И. Б.

110 Составное до-
полненіе или до-
полненіе съ пре-
дикативнымъ ат-
трибутомъ.

9) Изыкъ, вѣрный принципу *согласованія*, при обра-
щеніи имен. и. субъекта въ косв. падежъ дополненія согла-
суетъ и предикатив. атрибутъ съ дополненіемъ, которыя
вмѣстѣ образуютъ *составное дополненіе*. Напр. вмѣсто «и азъ
сѣтворихъсѧ *достоинъ* принти» говорится: «и *себе* *достоинъ* сѣтворихъ». Такое же согласованіе предикативнаго атрибута бываетъ съ дополн. и въ
род. и *дат.* падежахъ, за исключеніемъ *твор.* и *мыслнаго*, которые въ со-
ставное дополненіе не входятъ.

Замѣчу вышнтельнаго творительнымъ («не считаю васъ *рабами*») въ
современномъ рус. яз. Потебня считаетъ «измѣненіемъ принципа согласо-
ванія», обращеніемъ къ «инымъ средствамъ», свидѣтельствующимъ о
дальнѣйшемъ движеніи языка *).

117 Какъ въ составномъ сказуемомъ, такъ и въ составномъ дополненіи
нужно отличать простое опредѣленіе и приложеніе отъ предикативнаго ат-
трибута. Напр. «избрашъ царя Кира (опред.), избраша Кира, царя перска
(прилож.), но въ выраженіи: «избрашъ Кира царя» (=въ царі) вышн. падежъ
царя» есть *предикативный* атрибутъ, входящій въ *составное дополненіе*,
при чемъ простое опредѣленіе и приложеніе обозначаютъ признаки данные,
готовые, а предикативный атрибутъ въ *составномъ дополненіи*—признакъ
возникающій.

118 Надежи первые
и вторые — ат-
трибутивные.

Подлежащее и ближайшее дополненіе съ ихъ простыми
опредѣленіями и приложеніями Потебня называетъ *первыми на-*
дежами, а предикативные атрибуты—*вторыми атрибутив-*
ными или *согласуемыми*. Что же касается такъ называемыхъ *сокращен-*
ныхъ прид. предложений, выраженныхъ посредствомъ *причастій*, то Потебня
не признаетъ ихъ предложениями и самыя причастія отождествляетъ со
вторыми атрибутами. Что это не придаточныя *предложенія*, видно изъ
того, что въ нихъ нѣтъ *сказуемаго*, т. е. *v. finit.*, и современный языкъ
стремится обращать ихъ въ предложенія съ союзами и мѣстоименіями, из-
главляя причастія.

Роль причастій
въ качествѣ вто-
рыхъ надежен.

Причастія, какъ вторые надежи, представляютъ остатокъ
глубокой древности, когда возможно было построеніе рѣчи
изъ предложений, не имѣющихъ никакой *формальной* связи
(союзовъ, мѣстоименій), напр. «увѣдаша, князь идетъ» вмѣсто «яко
идетъ»; «виждѣ, уже избавль естъ вѣдро сочива» вм. «яко избавль естъ». *Для объединенія* такихъ не связанныхъ предложений и употреблялись при-
частія въ качествѣ вторыхъ надежен: «увѣдаша князя *идуша*», «виждѣ
и *избавшиа*».

*) Ср. выше I, 114 и дал. II, 507—509. И. Б.

10) Причастія вспомогат. глагола, присоединяющія второй именительный или второй косвенный падежъ къ личному глаголу составного сказуемого, называются *второстепенными* языками: «кѣто убо мынить ти сѧ сѧи близьнии»; «кого (1-й в.) глаголюати сына (2-й в.) человеѣческа сѧща».

Второстепенныя связи: а) причл. б) неопредѣлен. наклоненіе.

119

Вмѣсто причастія второстепенною связкою въ этихъ случаяхъ можетъ быть и неопред. накл.: кѣто... близьнии (2-й им.) мынить ти сѧ *быти*; кого (2-й вш.) глаголюати мѧ (1-й в.) *быти*.*).

11) *Обстоятельствами* бываютъ только нарѣчія, косвенные же падежи именъ обстоятельствами не бываютъ, и вообще обстоятельствами не бываютъ ни существительное, ни прилагательное, ни глаголѣ. «Подъ обстоятельствомъ или нарѣчіемъ, говоритъ Потебня, разумеѣмъ мы *признакъ* (стало быть *знаменательную* часть рѣчи), *связуемый съ другимъ признакомъ* даннымъ (въ именахъ) или возникающимъ (въ глаголахъ) и лишь черезъ его посредство (т. е. черезъ посредство *другою* признака) относимый къ предмету (субъекту и объекту), а самъ по себѣ не имѣющій съ нимъ (т. е. съ предметомъ) никакой связи**).

Обстоятельства или нарѣчія.

Изъ такого опредѣленія нарѣчія, какъ обстоитъ слова, вытекаетъ слѣдующее:

1) Нарѣчіе при прилагательномъ можетъ быть названо *несогласуемымъ* атрибутомъ атрибута, въ отличіе отъ атрибута согласуемого, такъ какъ въ древнемъ языкѣ вмѣсто нарѣчія могло употребляться при прилагат-мъ и прилаг-ое: «ищу грамоту... *добръ* здоровъ», т. е. *совершенно* здоровъ;

120

2) при сущ-мъ въ современномъ яз. обстоятельства не могутъ быть, потому что нарѣчіе есть признакъ *признака*, сущ-ое же не есть признакъ, и *носителю* признака, поэтому нельзя сказать: «снѣгъ. *было*», хотя въ старш. яз., при отсутствіи строгаго различія между сущ-мъ и прилаг-мъ, иногда и встрѣчается нарѣчіе при сущ-мъ: «люди хрестіяны *зло*»; «научися быти *благочестно* дѣлатель»;

3) такъ какъ при *неопред. наклоненіи* можетъ стоять обстоятель-

*) Эти второстепенныя связи нужно отличать отъ связей аппозитивныхъ (см. выше I, 114), такъ какъ аппозитивныя связи связываютъ *приложенье* съ своимъ *опредѣляемымъ*, второстепенныя же связи присоединяютъ къ сказуемому *вторые предикативныя* падежи. — Ср. дал. II, 382—383. *И. Б.*

**) Пояснимъ отъ себя это опредѣленіе на примѣрѣ «*Н очень добръ*». Нарѣчіе «очень», какъ признакъ, само по себѣ не имѣетъ никакой связи съ субъектомъ «*Н*», но оно связывается съ признакомъ прилагательнаго «*добръ*» («*очень добръ*»); а такъ какъ прил. «*добръ*» составляетъ признакъ субъекта «*Н*», то и «*очень*» вмѣстѣ съ прил-мъ составляетъ признакъ субъекта «*Н*». *И. Б.*

ство (мысль *было*), то, значить неопред. наклоненіе нельзя считать именною формою *).

Виды нарѣчій.

Нарѣчія по происхожденію своему бываютъ 1) *отыменныя* и 2) *образованныя изъ сказуемаго*, какъ напр. *чуть живъ*.

121

Отыменныя нарѣчія.

Отыменныя проходятъ а) отъ согласуемыхъ частей предложенья и б) несогласуемыхъ (дополненій).

а) Отъ *согласуемыхъ* проходятъ а) *дѣепричастія*, которыя есть не что иное, какъ имен. п. (а не вып.) муж. или ж. р. причастія: *дѣлая*, *сдѣлавъ* (муж. р.), *сдѣлавши* (ж. р.); б) *срав. степ.* отъ прилаг-хъ: *бѣлѣе* и в) *полож. ст.*: *много*, *мало*, которыя Боппъ, Вусл. и Микл. (Гр. IV, 393—4) производятъ однако отъ *вин.*, видя въ этихъ нарѣчіяхъ слѣды *объекта*, чего Потебня не желаетъ видѣть **): «*право* судить еси», по мнѣнію Потебни, равно не «*правое* (вин. п.) судить еси», а «*правъ* судить еси», при чемъ переходъ прилаг-го «*правъ*» въ *сред.* р. Потебня признаетъ средствомъ *устранить согласованіе* (котораго въ нарѣчіяхъ не должно быть), а не *субстантивировать* прилагат-ое ***). Въ нарѣчіяхъ же «*какъ*», «*такъ*», *мало*, *гораздъ* (вм. *гораздо*) Потебня готовъ видѣть *окаменѣлость* въ именительномъ пад. даже *муж. рода*.

122

б) Какъ нарѣчія отъ согласуемыхъ словъ теряютъ согласованіе, такъ *нарѣчія отъ дополнительныхъ словъ* теряютъ свою *субстанціальность*, а вмѣстѣ съ нею и способность управленія, что различается, впрочемъ, *только по контексту* ****), пока нарѣчіе не достигло еще *окаменѣлости*. Напр. *я утра* можетъ быть, судя по пониманію говорящаго, и *сущ-мъ*, и *нарѣчіемъ*, но *завтра*, въ коемъ разорвана уже видимая связь съ склоненіемъ *сущ-го* «*утро*», принимается только за нарѣчіе (Микл. Гр. IV, 151—2). — Большинство *древнѣйшихъ* нарѣчій — *мѣстоименныя*.

Предлогъ какъ

связки объекта,

и образованіе

предлоговъ изъ

нарѣчій.

12) *Предлоги*. Когда дополненія переходятъ въ нарѣчіе, (напр. «*копнѣ прилѣпнѣ конецъ поля половецкаго*»), тогда они, если до превращенія въ нарѣчіе имѣли дополненіе, являются *связкою* своего прежняго дополненія съ дополняемымъ словомъ, вслѣдствіе чего послѣ такихъ нарѣчій и стоитъ

*) Другія доказательства глагольности, а не субстантивности неопред. наклоненія, приведены у Потебни во II ч, стр. 342—360. И. Б.

**) Однако Потебня признаетъ образованіе нарѣчій изъ дополненій, слѣдовательно и изъ *вин. п.* Ср. далѣе стр. 123, 170: «*конецъ поля половецкаго*». Въ III томѣ Потебня совсѣмъ уже отказывается отъ своего мнѣнія, что нарѣчія не образуются отъ *вин. п.* (III, 64). И. Б.

***) Ср. выше стр. 110. И. Б.

****) Значить, иногда различеніе зависитъ отъ *субъективнаго* пониманія, а не на основаніи положительныхъ грамматическихъ данныхъ? И. Б.

р. ч. и., какъ послѣ именъ существительныхъ; когда же такіа нарѣчія теряютъ свое *вещественное* значеніе и дѣлаются неспособными употребляться безъ слѣдующаго за ними падежа, напр. *межь, между*, тогда они становятся *чистыми связками* объекта или *предлогами*. Можно думать, что и древнѣйшіе предлоги произошли такимъ же образомъ отъ *мѣстоименныхъ нарѣчій*. Высшая степень *формальности* предлоговъ обнаруживается въ томъ, что они перестаютъ чувствоваться, какъ *отдѣльныя слова*, и становятся *префиксами* (рѣже суфф.) *падежа* и *глагола*, хотя первоначально и ставились при глаголахъ отдѣльно, какъ самостоят. слова (Ср. напр. у Гомера); «*переходить*», «*объ-ходить*» сначала сходны были съ «*ходить черезъ, — около*».

(13) Этимъ заканчивается у Потебни обзоръ формъ, составляющихъ простое предложеніе. Что же касается *относительныхъ мѣстоименій* и *союзовъ*, то разсмотрѣніе ихъ относится къ ученію о сложныхъ предложеніяхъ.

Часть II.

Составные члены предложенія и ихъ замѣны.

Прежде созданное въ языкѣ отчасти *перестраивается* заново, отчасти же *измѣняетъ* свой видъ и значеніе въ цѣломъ отъ присутствія новаго. Явленія эти принадлежатъ къ двумъ разновременнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ.

Древнѣйшее изъ нихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ вторыхъ именительныхъ падежей и изъ вторыхъ, такъ наз. предикативныхъ косвенныхъ падежей: вин-го, род-го, дат-го. Общая черта этого наслоенія есть 1) недостаточное синтактическое различіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ и 2) господство началъ *согласованія*, проявляющееся въ *однородности* членовъ предложенія, сравнительно съ позднѣйшимъ яз. Напр. избранныхъ Кира *царя*» (древн.) вм. «*царемъ*» (поздн.). — *Позднѣйшее* же наслоеніе характеризуютъ слѣдующія явленія:

- а) сліяніе составного сказуемаго въ *цѣльное*,
- б) стремленіе языка образовать *чисто формальныя* глаголы,
- в) разложеніе составного сказуемаго на связуемое съ придаточнымъ предложеніемъ.
- г) замѣна вторыхъ предикативныхъ падежей *а)* *несклоняемыми* сло-

Древнѣйшее и позднѣйшее наслоенія въ языкѣ и характеристика ихъ.

125

126

вами (прилагательнаго нарѣчіемъ, причастія дѣепричастіемъ), или 3) падежами съ предлогомъ, или 4) творительнымъ падежомъ,

и д) некоторыя измѣненія въ неопредѣленномъ наклоненіи.

Общее во всѣхъ этихъ явленіяхъ позднѣйшаго наклонія есть стремленіе къ дифференцированію членовъ предложенія, въ противоположность наклонію древнѣйшему, въ которомъ господствуетъ однородность *).

Составное сказуемое и составное приложеніе.

Глаголы, входящіе въ составное сказуемое.

Кромѣ глагола *быть* Потебня отмѣчаетъ и многіе другіе глаголы, входившіе въ составъ сказуемаго старо-славянскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій: 1) *мыслися, твориться, появлятися, являтися, довольти, сгжастиися, убоятися, кончати, прибыти, прѣстати, стати и стояти, съспити и съдѣти, лежати, вестися*; 2) страд. обороты: *названъ бысть, веденъ бысть* и др. Однако указать общую примѣту глаголовъ, входящихъ въ составное сказуемое, находить онъ очень труднымъ. Ихъ нельзя назвать ни средними, ни возвратными, ни страдательными, потому что далеко не всѣ глаголы этихъ категорій входятъ въ составное сказуемое; «безплодно» характеризовать ихъ и признакомъ отвлеченности (абстрактности), потому что этотъ признакъ до некоторой степени можетъ быть отнесенъ только глаголу *быть* (іес, бы, бѣде), который, однако, въ древности имѣетъ большое сходство съ остальными глаголами, входящими въ составное сказуемое, при чемъ только іес означаетъ *существованіе, бытіе*, какъ признакъ отвлеченный, а *бы* и *бѣде* долго оставались съ конкретными значеніями «возникнуть, стать, создаться, построиться, случиться, превратиться, пребывать, совершиться, сбудется» (см. Остр. Е., Лавр., Супр. рук.); но позднѣе *бы* и *бѣде* слились по значенію съ глаголомъ іес, въ смыслѣ *бытія* (абстр.).

Причастія, прилагат. и сущ., входящія въ составное сказуемое.

Причастія, прилаг. и сущ., входящія въ составное сказуемое, хотя въ древнѣйшую эпоху почти не отличались въ функціяхъ своихъ, но зародыши различія между ними лежатъ уже въ древнемъ языкѣ, поэтому удобнѣе разсматривать ихъ отдѣльно.

*) Въ виду важности этого мѣста, характеризующаго древнѣйшій и позднѣйшій языкъ и намѣчающаго какъ бы программу дальнѣйшаго изслѣдованія, я счелъ необходимымъ, для большей ясности и точности, разбить здѣсь основныя положенія на отдѣльные пункты и тѣмъ указать каждому изъ нихъ свое мѣсто въ системѣ изслѣдованія Потебни. И. Б.

Сочетаніе причастій дѣйствительныхъ (кромѣ *лз*) съ *іесъмь* и пр.

1) *Прич. наст. дѣйств.* съ *іесъмь*, *буди*, *буду*, *бѣхъ*, *быхъ*, *бѣахъ*; — напр. «*іесъмь алычѣ... іесъмь десѣтииъ даиѣ*» (Остр. Е.) вм. греч. *νῆστερόν, ἀποδέχασθαι* и равняются «я—постникъ», «я—плательщикъ десятины»; «*еуть дань дающе*» (Лавр.) = *еуть даники*; — «*чающе есмы*» (Инат.) = постоянно надѣмся; *буди ѹповая*, *будеши ловя*, *бысть крестя*, *бысть видя*, *бѣ яды*, *бѣ обладая*, *бѣахъ еѣдаше*, *бѣаше восхияша* и проч. во множествѣ. Случаи опущенія глагола существительнаго при *настоящемъ* причастіи чрезвычайно рѣдки и то сомнительны.

Прич. наст. вр.
дѣйств. з. съ
іесъмь.

129—131

132

2) *Причастіе прош.* на *—з*, *—въ* съ *іесъмь* и проч. Сочетанія «*іесъмь*» съ этими прошедшимъ причастіемъ въ Остр. Ев. не встрѣчаются, а въ другихъ церк.-слав. и др.-рус. памятникахъ рѣдки: Хреъ *бывъ іесъмь* (Шестодн.); *покаявшіеся* *будемъ* (Лавр.); *бѣахъ елѣзше* (Новг. I.), между тѣмъ сочетанія прич. прошед. съ другими глаг. (кромѣ *іес*, *бы*, *буде*) въ старш. яз. перѣдки: «*мынитъся слышавъ*».

Прич. прош. вр.
дѣйств. з. съ
іесъмь.

133

Совершенно противоположность съ этимъ представляетъ сочетаніе другого причастія прои. вр. на *лз*: оно въ сочетаніи съ *іес*, *бы* въ славянскихъ языкахъ очень распространено, а съ другими глаголами почти не встрѣчается, такъ что выраженіе: «*мынитъся слышавъ*» скорѣе можно считать за два сказуемыхъ: *мынитъся слышавъ естъ*. Отсюда выводъ: яз. славянскіе стремились избавиться отъ излишнихъ двухъ сходныхъ прич. прои. дѣйствительныхъ, на *з* и *лз* и пользовались въ извѣстныхъ случаяхъ однимъ, а въ извѣстныхъ — другимъ, давъ каждому изъ нихъ свое назначеніе, а именно: прич. на *з*, *зъ* сочетались съ менѣе формальными глаголами, а прич. на *лз* съ гл. *іес*, *бы*, какъ болѣе формальными.

Стремленіе славянск. языковъ избавиться отъ излишнихъ двухъ сходныхъ прич. прошед.

3) Сочетаніе съ *іес*, *бы*... причастій наст. и прои. на *з* и *зъ* не есть подражаніе древ. греческому; оно встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ: ст.-чеш., ст.-польск., ст.-серб. — Съ появленіемъ *дѣепричастій*, эти причастія стали переходить въ дѣепр.: «а вы есте *прѣхавъ*... приканчивайте» миръ (Шкр. I, 249); въ соврем. великор.: «онъ *принебши*, *проснувшись*» и т. д.

Переходъ дѣйствит. прич. наст. и прои. на *з*, *зъ* въ дѣепричастія.

134

Такія же сочетанія прич. прошедшихъ дѣйствительныхъ бываютъ и въ *литов.*, и въ *лотыш.*, языкахъ, при чемъ въ лотыш. выражаютъ они видъ *завѣрш.*, въ рус. же видъ безразличенъ. — Въ нѣмец. яз. сочетаніе *haben* и *sein* съ прич. наст. вр. дѣйств. з. близко къ славянскимъ, а съ прич. *прошед.* — очень далеко, при чемъ причастія прошед. дѣйств. съ *глаг. sein* и сходныя съ прошедшими славянскими исчезли въ незапамятныхъ временахъ.

135

136

127 Отличительныя
особенности со-
четаній причаст.
дѣйств. з. наст.
и прош. вр. съ
глаголемъ по сравне-
нію съ просты-
ми соответст. фор-
мами.

128

4) Какими же особенностями отличаются сочетанія прич. дѣйств., наст. и прош. (з. гл) съ глгм... по сравне- нію съ простыми глгм. соответственныхъ временъ? Вопреки Гримму, Потебня отрицаетъ отношеніе этихъ сочетаній къ греческой аористичности и имперфектности глаг., вообще, къ русскому виду: видъ зависить не отъ сложности формы, а отъ свойства времени личнаго глагола, входящаго въ составную форму. Въ выраженіяхъ: «*суть данъ дающе*» и «они—данники», «*быша работающе*» и «были рабами» и т. п., по мнѣнію Потебни, составныя съ причастіемъ формы «занимаютъ середину между вторыми выраженіями («они—данники», «были рабами») и простыми глаголами» (данъ даютъ, рабствовали), а именно: причастіе изображаетъ, какъ и имя, признакъ *данный* (готовый), но въ то же время сохраняется въ немъ память и о возникновеніи признака отъ усилій лица въ извѣстное время. Напр. въ выраженіи: «они краснобаи» заключается *данный* признакъ безъ ограниченія временными предѣлами (и прежде и теперь краснобаи), а въ выраж.: «суть хитро сказующе» тотъ же признакъ приписывается только, какъ «современный (настоящій) по отношенію ко времени глагола *суть*». А такъ какъ время это измѣнчиво (суть, быша, бѣхутъ, будутъ), то признакъ настоящего причастія, соединяющагося съ глаголами, можетъ получить значеніе *постоянства*; такъ, «будеши стена» = *будеши постоянно* стена. При чемъ, если при изображеніи *двухъ* событій, первое означено аористомъ съ прич. наст., а второе—преходящимъ, то такое неравенство временъ бываетъ незамѣтно: «Адамъ же и Ева *плачуща* бѣста, и диаволъ радовашеся» (Лавр.), т. е., «диаволъ радовался *все то* вр., какъ они плакали». Разница тутъ не въ длительности времени, а «въ степени свойственности признака подлежащему: степень свойственности признака въ глаголѣ съ прич. больше, чѣмъ въ простомъ глаголѣ *).

129

Признакъ прич. *прошедшаго* въ подобныхъ сочетаніяхъ разсматривается тоже, какъ *данный*, возникшій *раньше* времени личнаго гл. «есть»: такъ, въ формѣ *jest služiv* дѣйствіе, заключенное въ прич. «*služiv*» является «лишь *воспоминаніемъ*» по отношенію ко времени глаг. *jest*, а «объективная дѣйствительность» (самая служба) доходить только до момента, выраженаго личнымъ глаголомъ, и затѣмъ прекращается.

Различіе между простыми глаголами и соединеніями вспомогат. глагола съ причастіями состоитъ въ томъ, что въ простомъ глаголѣ *одинъ* актъ мысли, а въ соединеніи съ прич.—*два*, и потому чувствуется нѣкоторая

*) Т. е., признакъ причастія ближе къ признаку *существительнаго*: плачь Ад. и Е. быть постоянный, непрерывный и, слѣд., какъ бы *данный*, а не *возникшій*, какъ это проявляется въ глаголѣ «радоваться». И. Б.

Двойственность; напр. «есть суждѣ», при чемъ двойственность эта еще болѣе увеличивается, когда глаголь и прич. стоятъ въ *разныхъ* временахъ, несо-
вѣстимыхъ въ одномъ движеніи мысли: «*бяху лежаще* кости его».

Всѣ подобныя сочетанія причастій (кромѣ *лз*) суть состав. сказ., а не описат. времена, какъ считаетъ Бусл., потому что описательною формою выражается *одинъ* моментъ мысли (какъ напр. въ сочетаніяхъ съ прич. *лз*), и въ этомъ отношеніи она равна простой формѣ, выраженія же: «есть суждѣ» и т. п. никогда не были *одною* формою спряж., но всегда представлялись сознанию сочетаніемъ *двухъ* формъ, что очевидно 1) изъ того, что причастія въ этихъ случаяхъ бываютъ и *членныя*, а членность *удаляетъ* причастіе отъ глагола и увеличиваетъ *именной* характеръ: «не съ ли есть *сидѣли* (*ὁ καθήμενος*) и просѣ». 2) Если два слова сливаются для говорящаго въ одну форму, какъ въ сочетаніяхъ прич.—*лз* со вспомогат. глаголомъ, то ни одна изъ составныхъ частей *отдѣльно отъ другой* не можетъ ни привлекать къ себѣ словъ, ни подвергаться функциональнымъ измѣненіямъ, между тѣмъ при причастіи составного сказуемаго могутъ стоять нарѣчія, какъ и при именахъ прилагательныхъ: «бѣ *вельми* немоща», а самыя причастія переходятъ иногда въ *дѣйствительныя* (онъ *былъ вставши*), чего не можетъ быть въ описательныхъ формахъ, представляющихъ одинъ актъ мысли.

Сочетаніе дѣйствит. причастій наст. и прошед. (кромѣ *лз*) не суть описат. формы, а составное сказуемое.

140

Причастіе страдательное съ *іесмь* и пр.

1) Исторіи слав. языка извѣстны два способа выраженія страд. з.: 1) при помощи возвр. м. *сѣ* и 2) посредствомъ сочетанія страдательныхъ причастій наст. и прош. вр. съ глаголами: *іесмь*, *быхъ*... бываю, *бываюсѣ* и пр., при чемъ всякое сочетаніе съ причастіемъ выражаетъ явленіе изъ *двухъ* событій: одного, означеннаго глаголомъ, и другого—причастіемъ.

Двойное выраженіе страд. з.

141

Прич. наст. страд. означаетъ дѣйствіе; протекющее *одновременно* съ тѣмъ, которое означено глаголомъ-вспомогательнымъ, при чемъ признакъ, заключающійся въ прич., не только «занимаетъ все пространство настоящаго вр., обозначеннаго глаголомъ», но и «выходитъ за предѣлы этого вр. въ прошедшее» *). Что же касается *длительности* и *многократности*, которыя приписываетъ Шлейхеръ этому причастію, то отгнать длительности и многократности вовсе

Страдательное причастіе наст. вр. и его значеніе.

142

) Поэтому, въ выраженіи: «есть любимъ» признакъ причастія существуетъ не только теперь, но былъ и передъ тѣмъ, вслѣдствіе чего признакъ причастія наст. страдательнаго приобретаетъ нѣкоторое *постоянство*, приближающееся къ *именнымъ* признакамъ, даннымъ, *готовымъ*, какъ и въ причастіяхъ дѣйствительнаго залога (Срав. выше стр. 138, 139). И. Б.

не заключается въ наст. вр. или страдательности причастія, а зависитъ «отъ темы болѣе длительного глагола», отъ котораго образовано причастіе или съ которымъ сочетается причастіе; напр. «сказано есть»; «видимо бываетъ» означаютъ длительность и многократность, но въ «видимо есть» длительности и повторяемости нѣтъ.

Прич. прошед. страд., при сочетаніи съ вспомог. глаг., означаетъ дѣйствіе, возникшее въ прошедшемъ и продолжающееся въ настоящемъ: «писано есть» (какъ и «естъ сѣдивъ») = «оно теперь есть бывшее писаннымъ» *); при чемъ совершенность или несовершенность видовъ присоединились къ причастію уже впоследствии, а не первоначально.

Сочетаніе страд. прич. съ глагол. формъ. Оба страд. прич., подобно дѣйствительнымъ, при сочетаніи съ вспомог. глаг., различаютъ изображеніе *двухъ бытій и двухъ временъ* и потому, въ качествѣ сказуемаго, не могутъ считаться *одною* (описательною) формою.

Особенности этихъ прич. въ соврем. рус. яз. Въ *современ. рус. яз.* оба эти прич. удержались съ указаннымъ ихъ значеніемъ, и только для вида совершеннаго употребляется исключительно прош. причастіе, такъ какъ глаголы вида совершенно не имѣютъ *настоящихъ* причастій; въ соответствии этому, и для вида несовершеннаго прош. времени стали преимущественно употребляться причастія *настоящія* вм. прошедшихъ: *былъ* укоряемъ, а не *укорянъ*, *упрекаемъ*, а не *упреканъ* и т. д. Такое устраненіе различія *во времени* между прич. и глаг. можетъ повести къ сліянію сочетанія страдательныхъ прич. съ глаг. въ *одну форму*, какъ это и произошло съ прич. на *лз*.

Степень предикативности причастій страд. 2) Прич. *страд.* съ давнихъ поръ болѣе близки къ прилагательнымъ и тѣмъ самымъ менѣе предикативны, тѣмъ дѣйств. прич. наст. и прош. на *з*, *въ*. Убѣдиться въ этомъ можно, если сравнимъ причастія и имена въ роли аннозцій, которая, какъ извѣстно, стоитъ на переходѣ отъ атрибута къ предикату (Ср. выше стр. 104).

Прич. страд. въ сопоставленіи съ дѣйствительными и съ именами. Дѣйств. прич. *безчленные* настолько предикативны, что вовсе не употребляются въ качествѣ атрибута, а какъ аннозцій, они не нуждаются въ помощи причастія вспомогат. глагола; напр. говорится «въставъ и рече» и никогда не употребляется *въставъ сѣи* и рече; безъ причастія вспомогательнаго глагола обходятся они, какъ извѣстно, и въ дат. самост. надежѣ. Между тѣмъ *безчленные прич.* въ славянскихъ языкахъ несконч могли быть атрибутами, что и теперь наблюдается въ народной поэзіи, а для того, чтобы стать приложениемъ, безчленные прилаг., какъ и существ., обыкновенно нуждаются въ помощи вспомогательнаго причастія и безъ него встрѣчаются *очень рѣдко*.

* Т. е., написанное прежде есть и теперь, какъ призывъ данный. И. Б.

даже въ старин. яз., какъ напр.: «Всеволодъ, *благовѣрънъ* и *болобоязливъ* (безъ «сты»), не хотяше»; рѣдко также встрѣчаются имена прилаг. безъ прич. вспомогательнаго и въ дательн. самост. падежѣ: «въ то же время, черниговскому князю *немириу* (безъ «сущу»), воеваше Олегъ»... Лавр. Такимъ обр. ясно, что безыменные имена прилаг. въ роли аннотаций менѣе предикативны, чѣмъ причастія дѣйствительнаго залога.

Причастія *страд.* въ роли аннотаций занимаютъ средину между прилагательными и дѣйств. причастіями: подобно прич. дѣйствительнымъ, они въ безыменной формѣ *безъ* вспомогат. причастія обычны, какъ аннотаций: «гонимъ терни», «хулимъ моли», Лавр. Такъ и въ дат. самост.: «бысть радость велика по всѣмъ землямъ тѣмъ, *свобожденымъ имъ* отъ поганыхъ» Лавр. Такъ же употреблялись страдат. прич. и въ стихотв.: рѣчи XVIII и XIX вв., въ *прозѣ* же теперь причастія страд. аннотативныя употребляются *только* членныя. Съ др. стор., подобно сущ. и прилагат., прич. страд., какъ аннотаций, могутъ сочетаться и съ вспомогат. прич.: въ старин. яз., а въ позднѣйшемъ—съ дѣеприч.: «прославлени *бывше* (=позднѣйш.: *бывъ* прославлены»), не прославихомъ» Лавр. Тоже и въ дательн. самост.: «обрученъ бо *бывшии*... обрѣтеся имъши въ чревѣ отъ даха свята» Остр. Е. Однако, безъ вспомогательныхъ прич. *сг* и *бывъ* страдательныя причастія не могутъ выразить тѣхъ *четырехъ* аннотативныхъ отгѣнковъ, какіе выражаются ими съ этими вспомогательными причастіями *): 1) любимъ *сг*, 2) любимъ *бывъ*, 3) изгнанъ *сг* и 4) изгнанъ *бывъ*. Имя же (какъ не отличающее время) въ такихъ сочетаніяхъ съ *сг* и *бывъ* даетъ (и можетъ давать) только два аннотативныя значенія: 1) добль *сг* и 2) добль *бывъ*, чѣмъ и отличается, между прочимъ, имя отъ причастій страдательныхъ.

Несмотря на болѣшую свою аннотативность, по сравненію *съ* именами, прич. страдательныя *безъ* личнаго глагола (вспомог.) не бываютъ однако сказуемыми придаточныхъ предложений, связанныхъ съ главнымъ посредствомъ *относительныхъ* словъ, и лишь съ *сравн.* частицей (акы, яко) употребляются въ качествѣ сказуемаго, подобно и именамъ: «сѣтворися *акы* бодень»**). Между тѣмъ прич. дѣйств. и безъ вспомогат. глагола употребляются въ *прид.* предложенияхъ, какъ сказуемое, напр.: «не бысть, кто *донес*»***). Отсюда ясно, что въ *дѣйствительныхъ* причастіяхъ есть

Причастія страдательныя въ роли аннотаций.

Выводъ отсюда о причастіяхъ страдательныхъ—ихъ меньшая предикат-сть и нетождество съ описательными формами.

*) Не могутъ потому, что 1) прич. наст. безъ *бывъ* не въ состояніи выразить отгѣнка *прош.* врем., 2) прич. же *прош.* безъ *сг* не въ состояніи выразить отгѣнка *наст.* времени. И. Б.

**) Срав. датѣ II. 215. И. Б.

***) Срав. датѣ II. 185—187, 205 и слѣд. И. Б.

самостоятельная предикативность, а въ страдательныхъ замѣчается «лишь способность сочетаться съ предикативн. причастіями вспомогательнаго глагола», и, слѣд., страд. прич. менѣе предикативны, чѣмъ дѣйствительныя.

Отсюда выводъ: если дѣйств. прич. съ вспомогат. глаг. (есть *сѣдѣ*) не есть одна описат. форма (срав. выше стр. 139, 140), то тѣмъ болѣе страд. прич. съ вспомог. глаголомъ есть *двѣ* формы (ср. стр. 143); современ.: «онъ *любимъ*» въ грамат. отношеніи, конечно, ближе къ прилагательному «онъ *правъ*», чѣмъ къ описательной формѣ «онъ *любимъ*».

Сочетаніе именъ съ *іесмь*, *бѣхъ*... въ древ. яз.

1) Въ древнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ предикативное *прилагательное* при *іесмь* болѣею частію стоитъ въ им. п. въ *безчисленной* формѣ, какъ и въ соврем. рус. яз.: «сѣбѣ *бѣдѣ*», а для выраженія отглагол. отчасти передаваемого современнымъ творительнымъ (будуть *сѣбѣми*), употреблялось прилаг. *членное*: «да бѣдѣть *сѣбѣи*», при чемъ членность сближала предикативное прилагательное съ существительнымъ *сѣбѣи*: *сѣбѣи* + *и* = *тѣ*, которые *сѣбѣи* (*сѣбѣицы*). Въ *сравн.* степ. предикативное прилагательное въ ц.-сл. и др.-рус. яз. оставалось прилагательнымъ, т. е., согласовалось съ существительнымъ, тогда какъ позднѣе и теперь въ великорус. говорахъ, по правилу, здѣсь только нарѣчіе: «ида ты *болѣи*» (болѣе) еси отца нашего *Іакова*.

2) *Сущ.* въ древ. яз. ставилось въ этихъ случаяхъ *только въ им. п.*, какъ и слѣдуетъ быть состав. сказуемому и приложенію (ср. стр. 106), въ позднѣйшемъ же — какъ въ им., такъ и въ тв. пад.: «Богъ ти буди *послухъ*» Лавр.

Сочетаніе прич. (кромя *лѣ*) съ глаг. (кромя *іес*, *бы*).

Перечисленіе глаголовъ, сочетающихся съ предикативнымъ причастіемъ.

1) Помимо *іес*, *бы*, въ стар. рус. яз., въ соответствии греч. причастію или неопред. наклоненію, ставилось предикативное причастіе при слѣд. глаголахъ съ *непереходнымъ значеніемъ*: *мышати* (сѣ), *явитися* (показаться), *творитися* (= *притворяться*, показывать видъ), *повѣдати*, *довѣдати*, *каятися* (раскапываться, сожалѣть), *жалѣти*, *сѣжалитися*, *радоватися*, не *убоятися*, *моудити*, *прѣбывати*, *прѣстати* (въ болѣе поздн. яз. съ дѣеприч. ви. неопред. наклон.), *остати* (сѣ), *скончати*, *сѣвершити*, *пріити* (пріиде видѣ), *възвратитися*, *стати* (ста *рака не поступающи* = остановилась, не двигаясь впередъ, *сѣсти* (княжа = княжить Лавр. Ппат.), *лежати*, *вестися*, *поѣхати*, *ходити*. Напр. «*мыняхъ духъ видѣще*» Остр. Е. = думали, что видятъ; «*мнимся Бога любяще*» Лавр. «Александръ Романовичеа не престаише *хотѣ* зла» Ппат. «Митрополитъ поѣха по *Искова одаренъ*» Иск. I. При этомъ прич.

страд. въ силу меньшей предикативности, сочетаются не со всеми этими глаголами, но а) съ *мѣнитися*, *явитися*, *творитися*, *повѣдаться*, б) *пробыти* и т. п., в) *ити* и проч. глаголами *вещественнаго движенія*. Менѣе употребительны страд. прич. при глаголахъ аффекта (радоваться) и при *перестать*, *сдѣлаться*.—Въ новыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ вм. этихъ причастій ставятся или а) развитое придат. предл., или б) неопред. наклон., или в) прич. въ твор. п. и г) дѣепричастіе, т. е., замѣчается разнообразіе формъ.

Замѣимъ этихъ причастій въ со-времен. русск. языкѣ,

2. Подобныя же сочетанія причастій находятся въ старинныхъ сербскомъ и чешскомъ языкахъ.

3. Въ литов. яз. и донынѣ обычны подобныя причастныя сочетанія.

4. Въ латышскомъ—то же, за исключеніемъ причастія *будущаго*.

5. *Русское дѣепр.*, предполагающее им. п., возникаетъ въ великорусскихъ говорахъ 1) или изъ причастій, входящихъ въ составное сказуемое съ *іес*, *бы* и съ глаголами *пробыванія* (изъ предикативнаго причастія съ другими глаголами не выходить), или 2) изъ причастія аннотативнаго (стр. 104)*), или 3), наконецъ, изъ причастія въ именит. самостоятельномъ**), напр. «онъ *былъ всташинъ*» (изъ предикатив. прич.) и «онъ, *вставши*, *сказалъ*» (изъ аннотат. прич.). Поэтому изъ стариннаго *предикативнаго* причастія *идя* при глаг. «*творитися*» (твориться *идя*=притворяется *идущимъ*) не можетъ выйти дѣепричастія, но дѣепричастіе выйдетъ изъ причастія *аннотативнаго*: «онъ *идя* притворяется». Разница между предикативнымъ и аннотативнымъ оборотомъ въ слѣд.: признакъ стариннаго предикативнаго причастія «*идя*» представляется возникающимъ только въ силу энергіи глагола «*твориться*» и потому несамостоятеленъ, въ аннотативномъ же причастіи: «*идя* притворяется» содержаніе дѣепричастія не возникаетъ вмѣстѣ съ глаголомъ, а только сопровождаетъ дѣйствіе его (=онъ *находу* притворяется) и потому болѣе самостоятелю. Такимъ обр., влрусскіе говоры, допускающіе такіе обороты, какъ «онъ *былъ выпивши*», и не допускающіе оборотовъ «онъ *притворился выпивши*» въ смыслѣ «выпившимъ», съ одной стороны проводятъ грань между наиболѣе формальными глаголами *есть*, *былъ*, *будетъ* (стать, станеть) и всеми остальными переходными, входящими въ состав, сказуемое, а съ другой—указываютъ на стремленіе дѣепричастія выдѣлиться изъ составнаго сказуемаго и стать совершенно самостоятельнымъ по отноше-

*) Всегда при томъ же подлежащемъ, что и при личномъ глаголѣ, за исключеніемъ именительнаго самостоятельнаго (II, 194). И. Б.

**) О дѣепричастіяхъ изъ причастій въ именит. самостоятельномъ у Потебни говорится далѣе II, 198, 199. И. Б.

нію къ сказуемому, что и достигается въ современномъ литерат. языкѣ, въ которомъ выраженія, какъ «былъ виновны», не обычны и лишь только терпимы, какъ слѣды стариннаго предикативнаго причастія.

Дѣеприч. при
здорово" вмѣсто
"будь здоровъ".

141

162

6. Требуяъ особаго объясненія дѣепричастія въ подобныхъ оборотахъ: „здорово женившись“, „здорово разговѣвшись“. — По аналогіи съ литовскимъ, эти выраженія прежде всего = здоровъ женившись, разговѣвшись; во вторыхъ, здѣсь, вмѣ сомнѣній, опущены глаг. *іеси* или *будь*, такъ что дѣепр. великор. образовалось изъ предикат. причастія, стоящаго при глаг. вспом. съ им. прилагательнымъ: *будь здоровъ*. По аналогіи съ этимъ выраж. образовались не изъ именит., впрочемъ, а винительнаго причастія у Котом.: „боляре... наря и царевну *поздравляють обручився... вѣнчався... сочетаяся*“.

Характерный
призн. вспомог.
глаголовъ — от-
сутствие при
нихъ прямого
объекта.

165

Ся въ глаголахъ
на ся не есть
объектъ.

7. Всѣ вышеприведенные глаголы (стр. 151—154), сочетающіеся съ предикативнымъ прич., *не допускають прямого объекта* (вин. п.) и не имѣють вовсе дополненія, такъ что въ выраж.: „кончаша церковь пишуща“ вин. п. церковь есть дополн. причастія, а не глагола „кончаша“, который здѣсь субъективенъ, а не объективенъ, т. е., не принимаетъ вин. объекта. *) Что же касается возвратныхъ гл. на *ся*, то въ нихъ *ся* давно потеряло свое падежное значеніе вин. надежа (объекта) и стало знакомъ медіальности и пассивности глагола, а потому и причастіе въ сочетаніи съ этими глаг. (твориться *ида*) согласуется *съ подлежащ.*, т. е., ставится въ им., а не вин. п., при чемъ, по мнѣнію Потебни, *нѣтъ нужды* предполагать въ отдаленное вр. первенство *второго винительнаго*, такъ какъ первообразомъ могъ служить второй им.: „твориться *ида*“ (соглас. *съ подлежащ.*), а не твориться *идуща* (соглас. съ объектомъ).

Сочетаніе прилагател. въ им. (второмъ) съ глаг-ми, кромѣ *іесмы*.

1. а) при глаголахъ *твориться, познаться, видѣться, слышаться, мнѣться, явиться*, и т. п. и при соответствующихъ страдательныхъ оборотахъ. Напр. *Изяславъ... не творится правъ* (а не права) *Пшат.*;

134

б) при *наречияхъ, прозваться, именоваться, слухи, сказаться* и соответствующихъ страдательныхъ: „оттолъ прозвася земля *Угорьска*“ *Лавр.*;

в) при *fieri, manere* и страдательныхъ оборотахъ отъ глаголовъ, требующихъ *второю вин.*: „пребысть *алченъ* и жадесть“ *Лавр.* — „Адамъ бо *изрѣвъ* създанъ бысть, потомъ *Евга*“ *Супр. р.*;

165

г) при глаголахъ *вещественнаго движенія и покоя: стати, стояти, лежати, падати, поклонитися, вымѣсти, ити*: „дообрѣ, госте, *придоша*“ (сост. сказ.) *Лавр.*;

*) Кончаша церковь пишуща — окончили, перестали писать церковь. И. Б.

д) при другихъ разныхъ среднихъ глаголахъ: *преставится, битися*: „Мыстиславъ преставися *унг*“ Ипат.

2. Въ болѣе позднемъ великор. яз. сравни: *пустая* слыла (улица); *лежить пуста*, холостъ хожу; *пошелъ=сталъ*: „народушко *пошелъ* безсовѣстный“; *созданъ, родилея, живетъ (=бываетъ)* и др.

3. При глаголахъ *душев. движенія* (радоваться и под.), *перестать, кончить* не бываетъ *прилагательныхъ*, а причастія есть, пот. ч. прилаг. менѣ предикативно, чѣмъ причастіе; нельзя сказать „*преста живъ*“, но можно: *преста быти живъ*, пот. ч. съ прибавкою „*быти*“ предикативность прилагательнаго увеличилась.

4. Изъкоторые *особые* случаи сочетанія:

а) Въ выраженіи: „*а такъ*“ (=таковъ)ны (намъ) еси и надобѣ „*такъ*“ есть часть сказуемаго (Ср. «и быть таковъ»). Такъ же слѣдуетъ разсматривать и др. влр. мѣст: *каковъ, таковъ, какой, такой*: „*таковы* греки милостивы“ (Путеш. Лукъян.), «*каковъ тяжель*» (Крыл.) и пр. съ прилаг. качественными. — Нарѣчія: „*какъ*“, „*каково*“ въ выраженіи: *каково* поживаешь=*каковъ* поживаешь и проч.

б) Подобно мѣст. „*таковъ*“ съ *кач. прилагательнымъ* могло стоять *другое качеств. прил.*: „*придоши добры здоровы*“, гдѣ „*добры*“ есть атрибутъ прилагательнаго „*здоровы*“ и значить: „*совершенно здоровы*“*) „*язвѣнь-труденъ*“, „*грузна—болъна*“. Все это—*трехсоставныя* сказуемыя (2 прил.+связка).

γ) Мѣст: *одинъ, самъ* и сложные съ „*самъ*“: *самъ—другъ, самъ—пятъ* и пр., а также: *правъ, радъ* лучше, кажется, считать не предикативными, а атрибутивными, пот. ч. они такимъ же обр. употребляются не только при непереходныхъ глаголахъ, входящихъ въ составное сказуемое, но и при переходныхъ, въ составное сказуемое не входящихъ; напр. „*азъ одинъ* погыну“ Лавр. „*како азъ хочу нѣтъ законъ пріяти одинъ*“? Лавр., гдѣ „*единъ*“ лучше относить къ „*азъ*“ въ качествѣ атрибута. Точно также: „*правъ сѣднѣтъ іеси*“ Остр. Е., „*ради* даемъ медомъ и скорою“ Лавр.

Въ *соврем. яз.* прил. *правъ* и *радъ* болѣе тяготеютъ къ сказуемому, обращаясь въ нарѣчія, между т. какъ *самъ* и *одинъ* постоянно остаются въ *им. п.*, хотя, смотря по занимаемому мѣсту, могутъ относиться то къ подл., то къ сказ. и, слѣдов., могутъ быть и атрибутивными, и предикативными: „*онъ одинъ* пришесть“ и „*онъ пришесть одинъ*“. — *Самъ—другъ*... теряетъ согласуемость и становится нарѣчіемъ.

δ) Какъ изъ причастій образуются дѣпр., такъ изъ прилагательныхъ образуются нарѣчія не только изъ *имени-тельного*, но и *косвенныхъ надежей*. Здѣсь отмѣтимъ

*) Срав. выше I, 120. И. Б.

а) нарѣчія, образующіяся изъ прилагательныхъ чрезъ *средній* р. или *чрезъ посредство нарѣчныхъ оконч.*: *ь, ъ*, хотя возможно заставля-
ніе и *муж. р.*: *такъ* (таковъ); м. быть: *нигъ, стремлавъ, пѣнь; самъ-другъ.*

б) Нар. на *ѣ*, вытѣсняемое потомъ нарѣчіями на *о, е*: „добръ приде“
(зм. добръ), „будеши неразлучно“ (зм.—чѣтъ), „прость“ зм. простъ...

в) Нар. на *о* (ср. р.) на мѣстѣ согласуемыхъ пад., особенно же въ
трехсоставномъ сказ.: „побѣгоша разно“; „зима сѣбѣна была снѣжно“.

б. Чѣмъ древнѣе, тѣмъ чаще употребленіе согласуемыхъ прилагатель-
ныхъ зм. позднѣйшихъ нарѣчій: «ста *простъ*», «падоша *ничи*»; срав. Го-
меров. прилаг. зм. нарѣчій, латин.: *serus* (поздно), *rarus* (рѣдко), *nocturnus*
(ночью) и т. д.; также и въ литовскомъ, латышскомъ яз.

б. Въ влкорус. это свойство особенно сохраняется въ народ. поэзін.

Два разряда гла-
головъ съ им. и.
прилагател-хъ
въ соврем. рус.
языкѣ:

а) Глаголы воз-
никновенія.

Въ *литерат. соврем. рус.* яз. глаголы, входящіе въ
составное сказуемое съ им. и. прилагательнаго, могутъ быть
подраздѣлены на два разряда:

а) глаголы *возникновенія*: *стать, становиться* (въ
смыслѣ *дѣлаться*, а не «начинать»), *бывать, пребывать,*
сдѣлаться, казаться, очутиться, остаться и т. п. При нихъ ставится
качественное прилагат. въ им. и. *съ именнымъ* (безчлен.) оконч., которое,
впрочемъ, можетъ переходить и въ мѣстоименное (членное), но только въ
твор. п.; напр. «городъ показался мнѣ *многолюденъ*» или «многолюднымъ»,
но не «многолюдный»: послѣднее прилаг. было бы простымъ, а не предика-
тивнымъ атрибутомъ.

Числит. *порядковыя* и прил. относит. съ *членнымъ* оконч.; какъ имѣ-
ющія одно мѣстоименное окончаніе, ставятся въ *твор. пад.*

При глаг. же *есть, былъ, будетъ* прилаг. можетъ стоять въ имен. и.
какъ съ членнымъ, такъ и безчленнымъ оконч.; при чемъ членное оконча-
ніе увеличиваетъ связь прилагательнаго съ *подлежащимъ*; и прилагательное
какъ бы подчеркивается: «усы его и брови были *черныя*» Лерм.

б) Глаголы веще-
ственного дви-
женія и пребы-
ванія.

б) Второй разрядъ составляютъ глаголы *веществ. дви-
женія и пребыванія въ состояніи* (за исключеніемъ *пребыть*):
стану (=начну), *лягу, стою, иду, брожу, достигаю, дока-
тываюсь, сижу, уязжаю, таскаюсь, скачу, возвращаюсь, сію, лягу,*
силю и др.

При нихъ слѣдовало бы ставить им. пад. прилагательнаго съ *членнымъ*
оконч., въ противоположность первому разряду, но, въ виду *архаическаго*
и *областнаго* вліянія, писатели XVIII и даже XIX вв. употребляли и без-
членное окончаніе (Пуш., Лерм., Гог., Крыл., Гриб.).

Глаголы можно дѣлить на невходящіе и входящіе въ составное связуемое. Последніе менѣе самостоятельны и въ свою очередь подраздѣляются въ рус. литер. яз. на болѣе служебные и менѣе служебные. Глаголы первого разряда (а), напр. «онъ становится старъ», болѣе нуждаются въ добавленіи составной части сказуемого, а глаголы второго разряда (б), напр. «онъ идетъ», менѣе нуждаются въ этомъ добавленіи: можно сказать «онъ идетъ» и безъ прилаг., напр., «судучивый». Измѣненія формы прилагательнаго при этихъ глаголахъ называютъ, что связь между глаг. и прилагательнымъ «обоюдна», т. е., чѣмъ менѣе самостоятеленъ глаголъ, тѣмъ менѣе самостоят. и прилагательное, и наоборотъ. *Безчленныя* прилаг., какъ древнѣйшее и близкое къ причастию, есть форма менѣе обособленная и самостоятельная, а потому оно и сочетается съ менѣе самост. глаголами первого разряда, *пополняя* собою признакъ сказуемого и заключая «последній моментъ энергіи» глагола: «онъ становится *старъ*». *Членное* же прилаг., заключающее въ себѣ признакъ болѣе самостоятельный и возникающій не вълѣдствіе энергіи глагола, а *независимо* отъ него и одновременно съ нимъ, сочетается съ болѣе самост. глаголами второго разряда: «онъ лежитъ *больной*», «она вышла *босая*».

Безчленные и членныя прилагательныя въ связи съ двумя этими разрядами глаголовъ.

177

178-179

Сочетаніе существ. въ им. п. съ глаг., кромѣ *исмь*.

Кругъ глаголовъ, съ которыми сочетаются предикат. *сущ.*, нѣсколько иной, чѣмъ при сочетаніи прилагательныхъ. Сюда относятся, кромѣ *быти*; только глаг. веществ. и идеальн. возникновенія: *мнѣнися*, *явитися*, *творѣнися*, *чинѣнися*, *наречѣнися*, *звѣнѣнися* и т. п.; напр., «Вышегородъ второй *Селунь* явился въ русьтѣй земли» (Сказ. о Бор. и Гл.); *страд. сочѣн.*: *явленъ*, *сътворенъ*, *избранъ*, *нареченъ* и т. п.; «Кирилъ явленъ бысть *пастухъ* и *учитель* словѣньску языку.» Не нужно смѣшивать при этомъ *им. незавѣсимаю*, напр. «и прозваша Олега *вѣщій*», гдѣ имен. пад. стоитъ *вън* грамматической связи.

181

При глаголахъ же веществ. *движенія* и *покоя* *ити*, *рости*, *жить* (въ значеніи *vivere*, а не *быть*, какъ: «похвала *живетъ* (=бываетъ) *человѣку пакуба*»), умереть и т. д. имен. пад. встрѣчается лишь изрѣдка и уже въ старин. яз. замѣняется *творительнымъ*; напр. съ имен. п.: «старцемъ лежу *притча* (какъ притча) къ наказанію» Кир. Тур. Употребленіе *имен. п. существительныхъ* вмѣсто современ. твор. есть черта общеславянская, не предполагающая посторонняго вліянія. У сербовъ именит. п. особенно употребителенъ:

181

Причастія *наст.* и *прош.* (*з*, *въ*) дѣйств. какъ *второстеп. сказуемая*.

Аппозитивное употребленіе этихъ причастій въ им. п.—Различеніе аппозитивнаго и атрибутив. причастія въ старин. яз. сказывается

- 1) въ замѣнѣ аппозитивнаго прич. позднѣйшимъ дѣепричастіемъ *).
- 2) въ возможности сочетанія аппозитивнаго причастія со вторымъ именительнымъ,
- 3) въ отбѣленіи такого причастія отъ главнаго сказуемаго союзомъ соединительнымъ
- и 4) въ именительныхъ самостоятельныхъ.

182
Аппозитивное
употребленіе
причастія вм.
поздн. дѣепри-
частія и смѣ-
шеніе причаст-
ныхъ формъ.

1. Причастіе *членное*, никогда не переходящее въ дѣепричастіе, тѣмъ же связывается *съ им. существительнымъ*, благодаря членному окончанію; напротивъ, прич. *безчленное*, изъ котораго образуется дѣеприч., ближе примыкаетъ къ *малоу*, какъ и дѣепричастіе. Поэтому замѣна безчленного причастія позднѣйшимъ дѣепричастіемъ служить признакомъ аппозитивности такого причастія.

183
184
Когда такое причастіе превращается въ дѣеприч., то связь причастія съ подлежащимъ, т. е. согласованіе въ падежѣ, р. и числѣ, постепенно разрушается. Въ концѣ XIV в. дѣепричастіе существовало уже, какъ вполне опредѣлившаяся часть р., и причастія аппозитивныя оставались только въ книжномъ языкѣ. Въ лѣт. Лавр., Плат., хотя и много случаевъ *правильнаго* согласованія аппозитивныхъ прич. въ родѣ, числѣ и падежѣ, но въ этихъ же памятникахъ и другихъ есть множество примѣровъ и *нарушенія* согласованія: причастныя формы *имен.* и *всѣхъ трехъ ч. муж. и ж. рода* веда и ведѣ (муж. ед. ч.), ведучи и ведѣши (жен. ед. ч.), ведуче и ведѣше (мн. ч.) употребляются почти *безразлично* и даже *вм. косвенныхъ падежей*. Начало такого смѣшенія можно относить къ концу XII или началу XIII в. Изъ трехъ указанныхъ дѣепричастныхъ формъ «ведуче» исчезаетъ ранѣе другихъ; равноправность же двухъ остальныхъ формъ (веда и ведѣ, ведучи и ведѣши) въ влжорус. видна въ XV—XVII вв. (См. акты Юрод.). Въ наше время преобладаетъ (въ *жив. говорахъ*) *идучи*, но не исчезла и форма *идя* ни въ одномъ изъ русскихъ нарѣчій.

2. *Второй именит. съ причастіемъ аппозитивнымъ (составное приложеніе).*—Какъ вышеприведенные глаголы сочетаются со вторымъ им. (предикат.), такъ и аппозитивныя причастія отъ этихъ глаголовъ могутъ имѣть при себѣ второй им., вмѣстѣ съ которымъ составляютъ *второстепенное составное сказуемое* или *составное приложеніе*: «Канафа, *архидерей сги* (второст. составное сказ.) *лѣту тому, рече имѣ*» Остр. Е. «Мстиславъ приведе многы, *творяся* (аппозитив. прич.) на Ляхи *ида*» (2-й им.) = *притворяясь идущимъ* на Ляховъ (Плат.). «Литва, *мняще мирни суще* (трехсоставное второст. сказ.), *придоша* къ Берестью» Плат.

*) Срав. выше II, 159, 160. *И. Б.*

Въ позднѣйшемъ яз. второй-им. п. частью замѣняется творительнымъ (Ср. II, 175 и 180), частью же развивается въ придат. предложеніе съ личнымъ глаголомъ: «творися *ида*»=притворяясь *идуцимъ* или «*что идетъ*».

3. Союзъ между аннотативнымъ причастіемъ и глаголомъ.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ Срезневскаго (Мысли объ исторіи русскаго языка стр. 82—83), что причастія дѣйств. на *з*, *въ*, подобно причастіямъ на *ль*, употреблялись вмѣсто личныхъ глаголовъ *съ опущеніемъ «есть»*, какъ напр.: «Володимеръ... вѣслакавъ *и* рече», не раздѣляя также и взгляда Буслаева (Гр. § 205), что эти причастія и дѣепричастія прямо употреблялись въ старинномъ языкѣ *вмѣсто глаголовъ*,—Потебня до нѣкоторой степени допускаетъ во взглядахъ Срезневскаго и Буслаева лишь одно, что въ подобныхъ выраженіяхъ даны *два почти равносильныхъ предложенія*, соединенныхъ союзомъ *и*; вѣрнѣе же, что тутъ не два равносильныхъ предложенія, а только «два почти равныхъ центра» въ *одномъ* предложеніи, что предложеніе это «какъ бы распадается на-двое», но все-таки не распалось, такъ какъ аннотативное причастіе остается *подчиненнымъ* членомъ простаго предложенія; что же касается союза между причастіемъ и глаголомъ, то онъ есть явленіе глубоко древнее, указывающее на эпоху «нереживанія» того строя рѣчи, среди котораго оно возникло *).

Въ частности а) соединительные союзы *и* и *а* (=и) ставились послѣ причастій и дательнаго самостоятельнаго *передъ глаголомъ*: «благословивъ *и* прѣломи» Остр. Е.; «приникъши *и* рече» Лавр. (То же самое въ стар. сербскомъ, польскомъ, чешскомъ и литовскомъ языкахъ).—«Въидъшу Нисеу въ Каперьяумъ *и* приступи къ нему сътъникъ» Остр. Е.; «діаволь испърва *не хотѣи* добра роду чловѣчю *и* завидѣвъ ему *и* воздвиге крामолу велику» Повг. I. Въ тѣхъ же случаяхъ для выраженія *последовательности во времени* употреблялись въ древ.-рус. яз. частицы: *ти*, (=и) **), *та* (=да, и), *тѣже*, *тоже* (=также, тогда), *толи*, *ноли* (=тогда лишь, тогда): «аще

Частные случаи постановки союзовъ *и*, *а*, *ти*, *та*

а) передъ глаголами послѣ причастій.

188—
189

190—
191

*) Именно, когда при нѣкоторой еще „распущенности“ въ рѣчи языкъ соединялъ иногда не только однородные и равносильные члены предложенія, но и подобные, каковыми являются здѣсь предикатъ-глаголь и аннотативное причастіе, какъ два „почти равносильныхъ центра“ одного предложенія.—Ср. это явленіе въ языкѣ съ фигурой *ѣв бѣа бѣоу* далѣе въ *Запискахъ* Потебни III, 231. И. Б.

**) Частицу *ти* послѣ нарѣчій *како*, *такъ* и др. Потебня, вопреки Миклошичу, считаетъ не союзомъ, а мѣстоименнымъ дательнымъ *этическимъ* падежомъ (dat. eth.), который сокращается въ *тѣ*, какъ *ми* въ *мѣ* (Ср. далѣе II, 244), между тѣмъ какъ союзъ „*ти*“ не сокращается. Поэтому, напр., частицу *а* съ значеніемъ *пусть*, *да*, *нехай* нужно считать образовавшеюся изъ *а-ти* (Ягичъ, Arch. VII, 65), гдѣ *а=да* (*а=быхъ*, *да=быхъ*), а *тѣ=дат. ти*.

бо кто и невидѣвъ ся ти слушааше ю бесѣдующю, то начинааше мѣти мужа ю суща» (Жит. Θεод.); «а вы, раздразивше (=разсорившись) та прочь» (Повѣд.); «како и колѣко дѣтъ лежавъ тѣло святого тоже неврѣжено пребысть» (Жит. Бор. и Гл.).

Такъ какъ эти и другіе примѣры указываютъ, что *и, а* послѣ причастій наст. вр. обыкновенно не употребляются («за ними буда, узрѣ» Плат.), то можно думать, что и частнымъ *и, а* наравнѣ съ *ти, таже* тоже послѣ прошедшихъ аннотативныхъ причастій не столько служатъ для соединенія, сколько усиливаютъ отношеніе *послѣдовательности во времени* и равняются „потомъ“: „вѣставъ и рече“ = „вѣставши, потомъ сказать“.

б) Но союзъ *а* ставился и *послѣ* глаголовъ, *передъ* причастіемъ, какъ прошедшимъ, такъ и настоящимъ, и тогда получалъ значеніе противительное: „ты, княже“ чюженъ земли ищещи, *а* (=а между тѣмъ) своея ся охавивъ „Иавр.“ — „Жены русскія въсилавашаъ *а* (=а при этомъ) ркучи“ (Сл. б. и. Пг.). Такое употребленіе союза, какъ и некоторая непослѣдовательность языка, остается и послѣ обращенія причастій въ дѣпричастія и исчезаетъ только въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ.

Въ виду недостатка связности предложенія въ древнемъ и народномъ языкѣ союзы „какъ бы“ назначаютъ еще недостаточно сросшіеся швы между частями предложенія. Этимъ и объясняется постановка союза *и а)* между дательнымъ самостоятельнымъ и главнымъ предложеніемъ и *б)* между придаточнымъ развитымъ предложеніемъ и главнымъ, гдѣ *и* является плеонастическимъ съ точки современнаго литературнаго языка.

Важно еще отмѣтить постановку союза *да* между подлежащимъ и сказуемымъ въ одномъ и томъ же предложеніи: „сотникъ *да* будетъ умнѣе меня!“ гдѣ *да* выражаетъ родъ легкаго противоположенія сказуемому“ (*).

Отдѣленіе союзомъ подлежащаго отъ сказуемаго ведется изстару: „аще ли который чернецъ, вышедъ изъ монастыря, *а* (**) почнетъ на игумена... люди подымати“... Ак. Ист. 1416 г. (Дополненія ко II части Записокъ).

*) Но, какъ кажется, въ подобныхъ примѣрахъ противоположеніе заключается уже въ противоположности самыхъ значеній подлежащаго и сказуемаго: „дѣтати сему статись, щобъ панъ та (=да) узавъ мужичку?“ а при имени существительномъ подразумевается аннотативное *сы, будучи*: „чтобъ овъ, будучи паномъ“, да взять мужичку“. Слѣдовательно, здѣсь въ современномъ языкѣ надо предполагать старинный остатокъ сочетанія аннотативнаго причастія съ глаголомъ посредствомъ союза *да* въ значеніи усиительномъ. Примѣровъ такихъ множество. И. Б.

**) Здѣсь *а* не отдѣляетъ подлежащаго отъ сказуемаго, а соединяетъ аннотат. причастіе „вышедъ“ съ личнымъ глаголомъ „почнетъ“, и, слѣдовательно, примѣръ этотъ долженъ быть относимъ къ тѣмъ, которые приведены выше на страницахъ 188—189. И. Б.

4. *Именительный самостоятельный*.—Относительная самостоятельность аннотативнаго причастія въ древнемъ языкѣ и сходство его функціи съ функціей личнаго глагольнаго сказуемаго проявляется не только въ отдѣленіи его отъ сказуемаго главнаго предложенья союзомъ, но и въ возможности постановки *отдѣльнаго самостоятельнаго подлежащаго*. Помимо подлежащаго при сказуемомъ главнаго предложенья. Правда, такое явленіе встрѣчается рѣже, чѣмъ дательный самостоятельный, но это не есть признакъ забывчивости пишущаго или невольное высказываніе изъ одной колѣнъ въ другую въ среднѣхъ предложеньяхъ: (*ἀνακολούθη*); напротивъ именительные самостоятельные должны быть отбѣняемы наравнѣ съ дательными самостоятельными, которые трудно назвать неправильностью¹. Причина употребленія въ древнемъ языкѣ аннотативнаго причастія *со своимъ подлежащимъ* заключается въ большемъ сходствѣ причастія съ глаголомъ, чѣмъ въ новомъ языкѣ; аннотативное причастіе *со своимъ подлежащимъ*, хотя и не вполнѣ заканчиваетъ предложенье, но даетъ мысли нѣкоторый раздыхъ, ламбчаетъ дѣленіе предложенья на двѣ части². въ родѣ „вставъ и рече“ только при различныхъ подлежащихъ. Напримѣръ: „а вы плотниши суще, а (=и) пристаивимъ вы хоромъ рубити“ Новг. I. „И пришедъ Изяславъ... и бѣ Игорь разболѣлся“... Плат. Но бывають случаи и одинаковыхъ подлежащихъ при причастіи и глаголѣ, если подлежащее причастія стоитъ далеко отъ глагола: „мы челоуѣци іръиши суще и смерниши, то (=и) оже ны (кто) зло сотворить, то хоцемъ ѿ пожрети“ Лавр.

195

196

197

Къ самостоятельнымъ же именительнымъ должны быть отнесены и тѣ отричастіи слова, которыя уже лишены рода, числа и падежа и потому не согласуются съ опредѣляемымъ словомъ, но они не есть и дѣепричастія, потому что стоятъ не при глаголѣ, что требуется отъ дѣепричастія, а при *своимъ подлежащемъ*. Напр. „выскакавъ же вси прочіи изъ лоды, и рече Олегъ. Лавр.—„По Великой рѣкѣ ледъ идучи, христіаномъ сильно много хоромъ подрадо“ Пск. I. Сюда же относятся и нѣкоторые примѣры *дѣепричастія независимаго* (Бусл. Гр. § 275, пр. 2), если оно предполагаетъ другой *именительный падежъ*: „Осидлавиши онъ Ёкимъ коней, наряжаются они ѣхать“ (Древ. рус. стих.).— (Примѣры именительныхъ самостоятельныхъ употребляются и въ стар. чешскѣ, польскѣ, сербскѣ, хорватскѣ, литовскѣ языкахъ). Когда же дѣепричастіе не имѣетъ при себѣ *явственнаго* именительнаго, то вѣроятнѣе всего, что оно произошло изъ *дательнаго* самостоятельнаго, какъ болѣе обычнаго (*), но иногда лучше все-таки производить дѣепричастіе отъ именительнаго, какъ напримѣръ, „убивъ мене (=когда ты убьешь меня), а

198

199

*) Срав. дат. II, 334. И. Б.

- тобѣ волость“ Плат. Таковы же дѣепричастія: *рекуче* (—ще), *рекуше*; въ
 нынѣшнемъ языкѣ: „*исключая*“.
- 200 Им. самост. съ
 опущеніемъ при-
 частія. Очень рѣдко употребл. им. самост. съ опущеніемъ при-
частія, какъ и дат. самостоятельный въ значеніи *обст. вре-*
мени: «тояже зимы, еще *послове Псковскіи на Московъ*, князь...
 и посадникъ заложниша градъ новъ» (Собр. рус. лѣт.).
- 201 Им. самост. съ
 развитымъ при-
 немъ прид. пред-
 ложеніемъ. Цѣрѣдка встрѣчается им. самост. безъ прич., но съ
развитымъ при немъ прид. предложениемъ: «конь, *егоже лю-*
бши..., отъ того ти умерти» Лавр.; *городная осада*, гдѣ
 кто живеть, тому тутъ и сидѣти (Собр. гос. гр.). Такіе им. самост. по-
 добны *неопредѣленному самост.* («*знать* онъ *знаеть*, да не *говорить*») и
 соотвѣтствуютъ описательному выраженію: «*что касается до того, что...*
что до...»). И дѣйствительно, въ вѣкорус. памятникахъ при такихъ име-
 нительныхъ иногда ставится «*а что*»: «*а что* наши ординци, а тѣмъ
 знати своя служба» (Договор. гр.).
- Им. самост. при
 мѣстоименномъ
 подлежащ. той же
 субстанціи. Къ этимъ им. самостоятельнымъ относятся и тѣ случаи,
 когда къ *именному* подлежащему присоединяется или *подлежащее*
мѣстоименное, означающее ту же субстанцію, или мѣстоиме-
 ніе *въ косв. падежѣ*: «князь Андрей Шуйскій, а онъ былъ злодѣй» Пск. I.
 «*Епископы, поны и шумны*, съ любовью *внимаите* *отъ нихъ* благосло-
- 202 вленіе» Лавр. Часто въ былинахъ: «А и молодой Дунай, онъ *догадливъ былъ*»^{*)}.
 Подлежащее *собирательное* или стоящее во *множ. ч.*
- 203 Им. самост. назъ
 собирает. сущ. можетъ быть им. самостоятельнымъ, если далѣе слѣдуетъ
 перечисленіе предметовъ, составляющихъ его объемъ: «*дру-*
жина же его, бии по немъ *идоша*, а *друзи*н *осташа* его» Плат.

Причастіе безъ личн. глагола, какъ *сказуемое* *придат. предлож.*
*связанное съ главн. сказ. посредств. относительнаго слова****).

- 206 Миклоничъ не различаетъ причастій въ примѣрахъ: «*пѣсть*, *кто*
милую» и «*видѣ* *господа* *висидиша*», называя ихъ предикативными (Гр. IV,

*) Срав. далѣе II, 439—441. И. Б.

- 204 **) Становятся самостоятельными и *косвенные надежи* именъ, если за ними
 слѣдуетъ *такой же падежъ мѣстоименный* или относит. нарѣчіе: «*боярина* князя
 Ромодановскаго, *жены его* *человѣкъ*» (Акты до Юрод. б. относ.). «*Поляковъ* же и
Литву... *начаша ихъ* побивати» Котош.—Въ *народ. пѣсн.*: «*какъ по мосту... тамъ*
шелъ-прошелъ».

***) Этотъ отдѣлъ, очевидно, является съ одной стороны продолженіемъ
 предыдущаго отдѣла объ *апозитивныхъ* причастіяхъ, какъ *второстепенныхъ*
сказуемыхъ (стр. 181), а съ другой—служить и завершеніемъ изслѣдованія
 Потемни о др.—русскихъ причастіяхъ вообще, достигающихъ высшей своей
 самостоятельности въ роли *сказуемаго* *придаточныхъ* *предложеній*. И. Б.

823—5; 834—5); Потебня же различаетъ ихъ, считая причастія первыхъ выражений за *второстепенныя сказуемыя* *), а вторыя—просто предикативными причастіями, входящими въ составное сказуемое.

Второстеп. сказуемая—причастія въ придаточныхъ предложеніяхъ присоединяются къ члену главн. предложенія не прямо, какъ предикативное причастіе (и въ этомъ заключается существенное отлнчіе), но посредствомъ относительныхъ словъ, а именно:

а) посредствомъ относительныхъ мѣстоименій въ *именин.* над. послѣ глагола *есть* (нѣсть) въ главн. предложеніи; при чемъ причастіе ставится только въ настоящ. вр. («есть, кто донесъ»);

б) посредствомъ относит. мѣст. въ *именительномъ* же над. послѣ *орудн.* глаголовъ въ главномъ предложеніи;

в) посредствомъ тѣхъ же мѣстоименій въ *косвенныхъ* падежахъ;

г) посредствомъ мѣст. относительныхъ съ *нарѣчьемъ относительнымъ* или одного нарѣчія;

д) посредствомъ *союзовъ*,

и е) очень рѣдко *безъ союзовъ* **).

а) **Второстепенный предикатъ съ относит. мѣст. въ именин. над. послѣ глаг. «есть» (нѣсть).** Въ примѣрахъ, какъ «нѣсть, кто воды нося» (Жит. Θεод.), «не бысть, кто и вѣсть *принесъ*» (Лавр.) съ одной стороны и «есть *судя*», «бяху *ловяче*» съ другой—разница заключается въ слѣд: 1) причастіе безъ относит. мѣстоименія составляетъ *одно сказуемое* вѣсть съ глаголами «есть» и «бяху», тогда какъ причастія «нося» и «принесъ» съ относит. мѣст. сами составляютъ второстеп. сказуемое, присоединенное относит. мѣстоименіемъ къ главнымъ сказуемымъ «нѣсть» и «не бысть»; 2) причастіе *наст. вр.*, въ качествѣ второстепеннаго сказуемаго, можетъ быть и вида совершеннаго, соответствующаго современному *будущему* вр. («есть, кто *донесъ*—донесетъ»), причастіе же *наст. вр.*, входящее въ составное сказуемое, въ *совершенномъ видѣ не встрѣчается*, а если бы и встрѣчалось, то означало бы видъ *соверш. только прошед. вр.* («*посадыя* его на престолъ, поидете же къ Иерусалиму» Повг. I), и 3) причастіе съ имен. падежомъ относительнаго мѣстоименія

207

*) Второстепенными же сказуемыми называетъ Потебня и аппозитивныя причастія (II, 181), но аппозитив. причастія, какъ приложенія, лишь *приближаются* къ самостоятельнымъ сказуемымъ и составляютъ «среднюю функцію» между сказуемымъ и атрибутомъ (Срав. выше стр. 104). И. Б.

**) Подраздѣленіе это, въ видѣ вывода изъ примѣровъ, Потебня предлагаетъ далѣе на стр. 219, но пункты а и б онъ здѣсь *объединилъ*, хотя и примѣры подъ этими буквами (стр. 206—208) и приводятся у него *отдѣльно*, какъ *различныя*. Поэтому пункты а) и б) пришлось формулировать намъ *самимъ* на основаніи приведенныхъ примѣровъ. И. Б.

можетъ всегда замѣняться въ современномъ языкѣ неопредѣл. наклоненіемъ^(*) съ дательнымъ того же мѣстоименія („не бысть кто принеса“=некому было *принести*“), причастіе же, входящее въ составное сказуемое, такой замѣны не допускаетъ.

б) *Второстепенный предикатъ съ относит. мѣст. въ именит. надежъ послѣ друиѣхъ плалоуѣвъ, кромѣ истъ (цѣсть): „ту, стояху вси, иже отъ Галилеи пришедше“* Дан. Пал.—„И они, кто свѣдавъ у кого невѣсту, посылають“... Котош.

в) *Второстеп. предикатъ съ относит. мѣст. въ косвенныхъ надежахъ: „невѣстасѣ, чесо просяще“* Остр. Ев.—„Невѣстася, что творяще“ Ипат.—Аште добро творили, вѣжесѣ, кому творя“ Изб. 1073.—„Ею же умъючи, того не забываете“ Лавр.—Припомаху по ней (за невѣстой), что *вдадуче*“ Лавр. (м. б.—„что дадутъ“, т. е. буд. вр.).—„Не мѣтѣ еста не управила, еже рекша, по Богови“=не мѣтѣ не исполнили (того), что было *объщали* Ипат.

г) *Второстеп. предикатъ съ мѣст. и нарѣчѣмъ относительнымъ: „Вѣдѣаше яко жыну, идъ же не съязъ.—Аще кѣде видѣвши таково отрока, да възвѣстите“* Жит. Θεод.—„А прокъ ихъ разбѣжесѣ, куды кѣто видѣ“... Новг. I.—„Понма... скоты и овцѣ, кдѣ что чюя“ Лавр.—„Не вѣдѣаху бо, камо *бѣжаще*“ Ипат.—„А идъ будешь хотя посланъ на наше лихо, а тамо ти отъелати“ (Сборн. Гос. гр.)=а идъ хотя будешь посланъ^(**). „И *игда* воду *вливая* въ котель, глаголетъ“ Жит. Θεод.—„(Мы) *какъ скоро съидиши* на столцы (престола) отчины, такъ же черезъ наши послы тебе *напоминали*“ А. З. Р.—„Се, *якоже, общавшесѣ*..., *повѣдаю* ти“ Посл. Никиф.—„Аче (хотѣ) та къ нама не шла, *яко же рекше*... Ипат.—*Елико хотячи*“... „*елико моуще*“... Лавр.

д) *Второст. предикатъ съ союзами аки, яко, (=что такъ какъ), а, аще, бо, при чемъ причастія съ сравнит. союз. аки, яко (=какъ будто) заключаютъ въ себѣ иногда отгѣнокъ мнимости: „лежа (аор.) творяся, акы *изнемогая* с рацѣ“* Ипат.^(***)—„Музи... вознесшесѣ умою *яко нѣчто* добро *сътворише*“ (какъ будто...) Дан. Пал.—„Пошелъ бѣше Копчакъ, похунся, *яко плънити хотя*“ („хотѣ плънити“=буд. вр.) Ипат.—„Держи въ съсудѣ (тѣло Хр.), *а хотя* до того же дни“ (Вопрош. Кюр.): здѣсь «а хотя» (=если хочешь) уже близко къ союзу. — Се бо не погашьесѣ ни жи-

^{*)} т. е., при обращеніи въ безличный оборотъ дѣлается тѣмъ же второстепеннымъ сказуемымъ (Ср. III, 474, 475). И. Б.

^{**) З}дѣсь въ „гдѣ *хотѣ*“ дѣепричастіе стремится уже стать частью нарѣчѣя „*толь*“ въ смыслѣ „гдѣ-либо“. Срав. также: «куда *хотѣ*», т. е. „куда-либо“.

^{***)} аки можно соединять не только съ дѣйств. прич., но и *страдат.* и съ именами: *сътворишесѣ аки боденъ*, «лежа аки *мъртвъ*». (Ср. выше стр. 148). И. Б.

вемъ, *аще устрѣсти вѣрующе*“ Лавр.—„Гюрги же... творяишь, *ако тако* ту волость *заемъ* (Изяславъ), тамъ же и *есть*“ Плат. (=Г. полагая, что такъ какъ Изяславъ прежде занялъ ту волость, то и теперь онъ тамъ же).—
 „Не бо его *видѣвъ*“ Жит. Θεοδ.—„Великъ *есть* день сей, не (*яко*) часовъ имѣя множае, по великихъ ради чудесъ“ (Кир. Тур.).

217

е) Второстепен. предикатъ съ опущеніемъ союза встрѣчается очень рѣдко: „и самъ *сѧ прѣдавъ* писано *есть*“ (χαὶ ἑαυτὸν παραδεδωκέναι γέγραπτα=написано, что онъ самъ себя предалъ). Перев. XIII в. Гр. Б. (*).

Въ современномъ яз. остатковъ отъ второстепеннаго сказуемаго — причастія мало:

Остатки въ соврем. яз. отъ этого сказуемыхъ-причастій съ относительными словами.

1) „*куды хотѣ*“ (=куда хотя) брошусь..., не найти роженнаго дитятка“ Барс. Прич.; „кто кого *смога*, *ити* *куда зря*“, „битъ *чѣмъ* *попада*“.

2) Въ малор. „бѣгнѣя *зъ* *кимъ* *попавши*“.

3) Союзъ *хотѣ*, возникшій изъ „а *хотѣ*“ (см. д) или изъ оборотовъ: кто, что—хотѣ, гдѣ—куда хотѣ, теперь переставляется: „*хотѣ* *кто*“, „*хотѣ* *куда*“ и т. п.—По аналогіи съ этимъ нужно объяснять происхождение „*будто*“: сперва „*какъ бывъ*“ съ соответствующимъ „*то*“ („какъ бывъ, *то*“), потомъ „*какъ буди*“ (будь), *то*, и, наконецъ, черезъ опущеніе „*какъ*“ является „*будъ* *то*“=„*будто*“.

218

219

Если глав. предлож. *личное*, то подлежащее причастнаго сказуемаго или относится къ лицу подлежащаго въ глав. предложении („*есть*, *кто* *донесѧ*“), или же ставится въ *ед. ч.*..

Постановка причастнаго подлежащаго и самаго причастія.

хотѣ бы подлежащее главнаго было во множ. ч.: „*идяхуть*, *кто* что *замыслиѧ*“ (**). Если же главное предлож. *безличное*, въ которомъ сказуемое выражается *неопред.* наклоненіемъ (съ наличнымъ или подразумѣваемымъ глаг. „*есть*“), а вмѣсто подлежащаго стоитъ *дательный дополненія*, то причастіе ставится все-таки въ *именин.* падежѣ, предполагая именительный подлежащаго главнаго предложенія, а не дательный дополненія: „(*есть*) *рѣзати* (имѣ), *что хотѣче*“. Отклоненіе отъ этого правила представляютъ договорныя грамоты XIV—нач. XVI вв. въ *обычныхъ* выраж.: „а что *ти* (вы=дат. п.) *слышавъ* о мнѣ..., *то* *ти* (вы) мнѣ *повѣдати*“, гдѣ, по аттракціи къ дат.

*) Этотъ пунктъ съ примѣромъ перенесенъ сюда со стр. 219, гдѣ онъ у Потебни стоитъ не совсѣмъ на мѣстѣ. И. Б.

**) Безъ сомнѣнія, тутъ у Потебни вкралась маленькая неточность: такая постановка причастнаго подлежащаго въ *един.* числѣ бываетъ только тогда, когда подлежащее причастія состоитъ изъ мѣст. *кто*, *что*, которыя множ. числа не имѣютъ, въ остальныхъ же случаяхъ причастныя подлежащ. бываютъ въ томъ же числѣ, что и въ глав. предложении. Срав. выше стр. 207: „стоюху *вси*, *иже* (мн. ч.) отъ Галилеи *пришедше*“. И. Б.

при неопред. накл., подлежащее причастія ставилось также въ дат. и. вм. „что слышавъ (ты), то ти повѣдати“.

Выводъ о причастныхъ прид. предложеньяхъ. Итъ основанія объяснять разсмотрѣнныя причастія въ качествѣ второст. предложень опущеніемъ вспомогательнаго глагола, ибо опущеніе гл. *есть* въ наст. вр. въ разсмотрѣнный періодъ не составляло правила, а опущеніе вспомог. глагола въ другихъ временахъ всегда чрезвычайно рѣдко. Поэтому необходимо признать эти причастія стоящими самостоятельно, и какъ лич. глаголъ въ древ. языкѣ служить для выраженія „полносильнаго первостепеннаго сказуемаго“, такъ причастіе служило средствомъ для обозначенія второстепенныхъ зависящихъ сказуемыхъ, такъ что причастныя предложенія „*есть нѣчто промежуточное между членомъ простаго предложенья и развитымъ прид. предлож. съ личнымъ глаг. въ сказуемомъ*“. Затѣмъ въ слав. языкѣ наступаетъ переломъ. Языкъ стремится уничтожить образованія, среднія между предложеньемъ и членомъ предложенья и увеличить т. обр. противоположность этихъ категорій, обособить ихъ; вѣдѣ. этого онъ „причастія, по функціи, *болѣе отдаленныя отъ глагола*“, воплощаетъ въ предложенья, т. е., дѣлаетъ ихъ *подчиненными* членами, „переводя въ категоріи прилагательнаго и нарѣчія, а причастія *менѣе отдаленныя отъ глагола*“—замѣняетъ личнымъ глаголомъ“.

Литов. и Лотыш. причастія въ Им. п., какъ сказ. придат. предложенья.

221 Тождество причастныхъ подлежащихъ съ главнымъ какъ древнѣе явленіе въ языкѣ.

1) Сходство литов.-лотышскихъ причастій—сказуемыхъ съ славянскими состоитъ въ томъ, что при личномъ главн. сказуемомъ подлежащія причастныя *могутъ* быть тождественны съ главнымъ подлежащимъ, но это не составляетъ правила, какъ въ слав. яз.

222

2. Другая особенность литов.-лотыш. языка та, что *post v. sentiendi; cognoscendi, declarandi* для выраженія косвенной рѣчи употребляются въ качествѣ сказуемыхъ причастія дѣйств. зал., наст., прошед. и будущаго времени, при чемъ связь между глав. и прид. предлож. можетъ или вовсе не выражаться, или же выражается мѣст. и нарѣч. относительными, или союзами вопросит. и изъяснительными. Нерѣдко бываетъ и такъ, что глаголъ глав. пред. „говорить“ вовсе опускается, такъ что вся рѣчь можетъ состоять изъ однихъ причастій. Что же касается предполагаемаго опущенія

223

225

227

*) каковы причастія атрибутивныя и аппозитивныя, граничища съ опредѣлительными и обстоятельственными словами. **И. Б.**

) т. е. причастія, употребляющіяся въ качествѣ сказуемаго придаточныхъ предожень. **И. Б.

вспомогат. глагола при причастіяхъ, то въ литов. яз. обычно опущеніе только *есть* и *суть* и при томъ при причастіяхъ *главную* сказ., отсутствіе же ихъ въ придаточныхъ предложеніяхъ, какъ и въ рус., нѣтъ нужды объяснять опущеніемъ.

Сравненіе славянскихъ и литовскихъ причастныхъ оборотовъ возбуждаетъ два вопроса:

1) что древнѣе: обязательное ли *единство* подлежащаго въ глав. и причастномъ предлож., или возможность особаго подлежа. при причастіи, какъ „самъ сѣ прѣдавъ, писано ієсть“ (Ср. стр. 217)?

230

Въ выраженіяхъ: „нѣсть кто възыскаѣ“ и „ієсть възыскаѣ“ послѣднее (съ однимъ и тѣмъ же подлежа.) безъ сомнѣнія древнѣе, какъ простѣйшее, изъ котораго могло развиться первое въ видѣ сложнаго предложенія. Такъ же точно, если въ *состав. сказуемомъ* причастіе обязательно имѣетъ одно подлежа. съ глаголомъ, равно какъ и аппозитивное причастіе, служащее непосредственнымъ приложеніемъ къ подлежащему, то, значитъ, различныя подлежащія, встрѣчающіяся въ глав. и прид. предложеніяхъ, есть явленіе позднѣйшее.

2) Что древнѣе: возможное ли присутствіе косвенности рѣчи или отсутствіе этого оттѣнка? Вѣроятнѣе послѣднее. — Прид. ^{Вѣроятная первоначальность прямой рѣчи.} предложеніе не отъ глаголовъ *dicendi* не есть еще косвенность рѣчи, а *простое различіе* глав. и прид. предложенія. Оттѣнокъ косвенности и затѣмъ сомнительности въ прид. предложеніи могъ появиться сначала *только* въ силу *вещественнаго* значенія нѣкоторыхъ глаголовъ глав. предложенія съ составнымъ сказ., какъ напр.: „мѣняахѣ духъ видяще“; *творяахѣ сѣ правдыни сѣще*“, гдѣ косвенность, мнимость *формально ничѣмъ не выражена*, а вытекаетъ изъ лексическаго значенія глаголовъ: *мѣняти*, *творити сѣ*, и только потомъ уже какъ въ славянскомъ, такъ и литов. яз. для выраженія этого оттѣнка стали прибавляться нѣкоторые союзы, какъ слав. *акы* (будто): „творяахѣ сѣ *акы* правдыни сѣще“. Но въ слав. языкѣ (за исключеніемъ чешскаго и польскаго, подверженныхъ вліянію латинскаго со-
²³¹слагательнаго накл.) косвенность, или мнимость на этомъ и остановилась: она не распространяется на придаточныя предложенія съ мѣстоименіями и нарѣчіями; въ литовскомъ же и латышскомъ оттѣнокъ косвенности и со-
²³²слагательности распространяется на *всѣ* способы сочетанія причастнаго сказуемаго послѣ глаг. *dicendi* etc; вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ соблюдаться и тождество подлежащихъ въ глав. и придаточныхъ предложеніяхъ.

Причастіе *прош.* на *лѣ*.

1. Причастная форма на *л* осталась въ качествѣ причастія лишь въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Подобно другимъ причастіямъ, суф. на *лѣ* самъ по себѣ не заключаетъ указанія на время и залогъ, но образуетъ все-таки

232

причастіе, котораго нельзя смѣшивать съ *отпричастнымъ прилагательнымъ* на *л*: тилой, вялый, смѣлый, удалой...

Отличіе отпричастныхъ прилагательныхъ отъ причастій на *л*.

233

2. Прежде всего а) прилагат. имѣютъ *членную форму*, которой нѣтъ у причастій на *л*; но и безчленная форма прилагательныхъ отлична отъ причастной формы глаголовъ на соглас. горт., свѣтящ., зубную и губную: дохлъ (прил.)—пздохъ (прич.); хрилъ (прил.)—охриъ (прич.). Отсюда ясно, что часто безчленная форма прилагательныхъ *не совпадаетъ* въ звуковомъ отношеніи съ прич., и доходимъ мы до пса изъ формы *членной*, которая, слѣдов., является «неразрывною съ категоріей прилагательныхъ» и отличительнымъ признакомъ ихъ по сравненію съ причастіемъ.

б) Въ безчленныхъ прилагательныхъ и причастіяхъ на *л* звуковая разница сказывается иногда и *въ удареніи* им. п. ед. ч. *жен.* *р*: тухлѣ и тухла, спѣлѣ и спѣла...

в) Во *множ.* ч. им. п. прил. оканчивается на *ы* (смѣлы), а прич. на *л* имѣетъ оконч. *и* (смѣли).

234

3. Прич. на *л* образуется отъ темы *неопр.* накл. *всѣхъ* глаголовъ, прилагат. же лишь отъ *нѣкоторыхъ* причастій, *не допускающихъ* *прямою объекта*: палый, дежальный, горѣлый...

235

4. Отъ глаголовъ *возвратныхъ* прич. на *л* образуется съ *ся*, въ прилагательныхъ же *ся* отбрасывается: разсѣлся (камень) и «отъ камня разсѣлаю». Въ *польскомъ*—«ся» также отбрасывается въ атрибутахъ какъ причастныхъ, такъ и прилагательныхъ:

236

5. Въ прилагательныхъ на *л*, какъ «градъ Іерус. людъ-ми нежилъ... а за городомъ нѣтъ *жилихъ* мѣсть» (Пут. Лук.)...
Прилагат. на *л*. означаютъ возможность.

237

нѣтъ нужды предполагать *страд.* значенія, а нужно видѣть въ нихъ слѣд. «переходы мысли»: а) «самому предмету приписано дѣйствіе, которое въ немъ совершилось: въ домѣ жили, стало быть—домъ жилъ»; б) «отъ того, что въ домѣ жили въ опредѣл. вр., заключено къ тому, что въ немъ вообще *можно жить*». Значить, прилаг. эти выражаютъ *возможность*, *способность* и близки по значенію къ латинскому, какъ *ineffabilis* и др. под.

238

Прилаг. на *л* предложныя и близость ихъ къ причастію.

239

6. Предлогъ *въ* прилагательныхъ на *л* въ большинствѣ случаевъ приближаетъ ихъ по значенію къ причастіямъ: мерзлый и замерзлый, зяблый и озяблый, горѣлый и пригорѣлый. Есть много предложныхъ прилагательныхъ и безъ соответствующихъ имъ безпредложныхъ: огрубѣлый, оголѣлый, осовѣлый, ошалѣлый, обрусѣлый, которыя въ качествѣ атрибута удаляются отъ причастнаго значенія, а въ качествѣ аппозиціи могутъ даже замѣняться прич. на *з*, *въ*; напр. «человѣкъ возмужалый (=возмужавшій) въ трудахъ и

лишеніяхъ». При этомъ безпредложное прилаг., какъ болѣе удаленное отъ причастія, и въ безчленной формѣ не можетъ быть смѣшано съ глаг.: «смѣлый человекъ—онъ смѣлъ» (прилагательное), чего нельзя сказать о предложныхъ прилагательныхъ: «одурѣлый человекъ»—«онъ одурѣлъ» (глагол.).

Русскій языкъ, образовавши дѣпр. и сохранивши членныя причастія прошед. на *шій* и *виій* (отъ *з*, *въ*) съ *аппозитивнымъ* значеніемъ, чуждается *аппозитивнаго* употребленія какъ безчленныхъ, такъ и членныхъ прич. на *л*. Уже въ древ. яз. *аппозит.* причастія на *л* очень рѣдки и сомнительны, какъ напр.: «милостыни, *свѣзкупилася* (=совокупившися) съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляетъ человека» Нов. I.; «кто се есть царь славы, съ толикою на ны *приишлъ* (пришедшій) властно?» Кир. Тур.—Обыкновенно же прич. на *лз* входитъ въ составъ *сказуемаго* и составляетъ описательную форму съ глаг. «есть», стоящимъ налицо, или подразумеваемымъ.

Незубовъ рус. языка къ аппозитивному употребленію причастій на *л*.

Обычное употребленіе прич. *лз* въ качествѣ сказуемаго.

240

Бусл. (Гр. § 198, прим. 2) въ примѣрѣ: «гошъ (хвостъ) крѣпкой, короткой и неповислой и никуда на сторону *нескинулся* (вм. *нескинувшійся*)» считаетъ «нескинулся» за причастіе, но Потебня признаетъ его за глаголъ, потому что съ *ся* атрибутивное прич. на *лз* не употребляется.*) Равнымъ образомъ и въ примѣрѣ: «истоки *заросъ*, *стоитъ*», слово «заросъ» признаетъ Потебня не атрибутив. причастіемъ, а глаголомъ, такъ какъ оба глагола: «заросъ» и «стоитъ» тутъ равносильны и могутъ быть сопоставлены съ обычной формулой купчихъ XVIII в.: «се язъ N, *живу* своимъ дворомъ, *продалъ* есмь» (Акты до Ю. Б.).

241

Въ противоположность рус. языку, въ польскомъ причастія на *з*, *въ*, по возникновеніи дѣпричастій, постепенно исчезли, и на мѣстѣ ихъ употребляются причастія на *лз*.

242

Въ чеш. употребительны членныя прич. и на *з*, *въ*, и на *л* въ значеніи причастія.

7. Вѣроятно, иѣкогда предикативное прич. на *л* соединялось обычно и съ другими вспомог. глаг., сочетавшимися со 2-мъ именительнымъ причастіемъ, бромъ *исемъ*, *бѣ*, *бѣдѣ*; но уже въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются рѣдко такіа сочетанія: «*чюется* къ Богу *прѣдалъ*» (XII в. «Свѣд. и З.» Срез.), «*творяишся* добро *учинилъ*» Лавр.

Рѣдкіе случаи сочетанія предикативныхъ прич. *лз* съ другими вспомог. глагол. въ древ. рус. яз. бромъ «есть».

Въ рус. литературномъ яз. прич. на *л*, ограниченное только кругомъ *предикативности*, сочетается не со всѣми вспомогат. глаг., а лишь съ иѣкоторыми формами глагола *существительнаго*, въ позднѣйшее же время съ однимъ наст. «*исемъ*», который возвысился до чисто формальной предикативной связи.

Употребленіе прич. *лз* въ соврем. литер. яз.

*) Срав. выше II, 234. И. Б.

8. Сочетаніе прич.—*лз* съ наст. вр. *есмь* и *пр*.

Употребленіе
вспом. глагола
«есмь» въ древ.
рус. яз.

А) Въ древ.-рус. яз. вспомогат. глаг. «есмь» обыченъ при причастіяхъ на *лз* при существительныхъ и прилагательныхъ во всѣхъ лицахъ:

244—246

Ед. ч.

Дв. ч.

Множ. ч:

1 л. *есмь*1 л. *есѣѣ*1 л. *есмы**есми**есѣа* (позднѣе)*есмъ* (очень рѣдко)2 л. *еси*2 л. *еста**есми* (рѣдко)*есѣ°)**есме,*3 л. *естъ*3 л. *еста**есмя* (влр. въ 14 в.)*есмо* (позже 14 в. въ юж.

и зап. памятникахъ)

2 л. *есте**естя* (позднѣе; ср. съ *есмя*)3 л. *суть*.

Сочетанія съ «есмь» и проч. не книжныя только, при чемъ вспомогательный глаголъ ставился и впереди, и позади причастія на *лз*.

«есмь» какъ предикат. связка съ
чисто-форм. значеніемъ:

В) Вопреки мнѣнію Бусл. (Гр. § 177, прим. I), что будто бы *есмь*, *еси*, *есмы* и *есте* (1 и 2 л.), потерявъ силу глагола, стали позднѣе употребляться для обозначенія только

лицъ; т. е. вм. я, ты, мы, вы,—Потебня говорить, что глаголы эти теряютъ лишь свое *веществ.* значеніе и становятся, такимъ обр., *формальными*, но остаются все-таки глаголами, именно — *предикат. связками*; поэтому, когда съ теченіемъ времени связки эти начали опускаться все чаще и чаще, то взамѣнь ихъ стали ставиться личныя мѣст., какъ чисто *формальныя* же слова, безъ всякаго *веществ.* содержанія, а только для обозначенія лица**).

247

В) Такъ какъ *имя вообще*, а въ частности и *прич.*, само по себѣ есть *3-е лицо*, то легче всего опускать глаг. вспомогат. *ес* въ *3-мъ лицѣ*. Такіе случаи опущенія есть уже въ Супр. р.—Въ хорут., серб., болг. опускается только *естъ*. Въ рус. яз. съ древнѣйшихъ временъ опущеніе «*есть*» обычно; въ Новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV вв. *постоянно*, но «*есн*», «*есме*» удерживаются. Опущеніе «*суть*» съ XIII в. обычно; *есмь*, *еста* опускаются рѣже; еще рѣже—другія лица.

Опущеніе «есмь»
въ др.-рус. пам.

248

*) «Ты *еси* не братъ, но ратный *есъ* ему» Ипат., при чемъ въ Ипат. лѣтописи «въ звуковомъ отношеніи съ этимъ *есъ* равносильны *мъ* изъ *ми* и *тѣ* изъ *тѣи*» (dat. ethnic: ср. выше стр. 190): „абы—*мъ* (=ми) дать Богъ мочи изволѣдѣти“; «то—*тѣ* (=ти) Василько побѣдилъ Литву».

**) Срав. выше I, 93.— И. Б.

Г) Въ влрусскихъ говорахъ „*еси*“, при—*лз* теперь, повидимому, исчезло, за исключениемъ „гой *еси*“ въ иѣсняхъ;^{*)} *ієсть* съ—*лз* встрѣчается изрѣдка, какъ архаизмъ; *е* (= *єсть*) при—*лз* въ народныхъ иѣсняхъ употребляется въ значеніи не только 3-го, но и 2-го л. ед. и множ. числа. Какъ полное сказуемое и связка при существительныхъ и прилагательныхъ „*єсть*“ употребляется во *всѣхъ* лицахъ ед. и множ. ч. безразлично.

Опущеніе *є* *єсть* въ влрусскихъ говорахъ.

Д) Въ восточно-млрус. *єсть* и *суть* при—*лз* постоянно опускаются, но при именахъ встрѣчаются; *еси* и *єсте* встрѣчаются въ иѣсняхъ при именахъ, а при—*лз* не слышно.

Опущеніе *є* *єсть* въ влрусскихъ нарѣчіяхъ.

Е) Въ Сѣв-западныхъ предѣлахъ млрусскаго нарѣчія:

1 л. ед. ч. вж. «*єсмь*» встрѣчается м. ^{**)}

2 л. ед. ч. *ієсь* употребляется,

3 л. ед. ч. *єсть* не слышно, какъ и въ вост. млр. ^{***)}

1 л. мн. ч. *єсьмо*, *сьмо*.

2 л. мн. ч. *те* (изъ *єсте*), особенно съ личн. мѣст. «*ви*»: „*аъ якого ви-те краю?*“, при чемъ въ иныхъ случаяхъ лишается предиктивной силы и становится частью личнаго мѣстоименія: „*ой воли мой, чемъ вы-те не-орете?*“ ^{****)}).

Ж) Въ Юго-запад. (галлц.) млр. нарѣчіи:

муж. р.	жен. р.	сред. р.
Ед. ч. 1 л. орав- <i>јем</i> (орав- <i>єм</i>), <i>јім</i> (— <i>ім</i>)	орала- <i>м</i> , ходила- <i>ям</i> лишала- <i>єми</i> — <i>єме</i>	орало- <i>м</i>
2 л. орав- <i>єсь</i> , <i>јісь</i> , <i>ісь</i> ,	орала- <i>сь</i>	орало- <i>сь</i>
3 л. орав <i>є</i>	орала <i>є</i>	орало <i>є</i>
Мн. ч. 1 л. орали- <i>сьмо</i> (— <i>сьме</i> , — <i>м</i>)		
2 л. орали- <i>єте</i>		
3 л. орали <i>суть</i> , при чемъ <i>є</i> (3 л. ед. ч.) и <i>суть</i> ближе къ восточ. малороссій опускаются.		

*) При чемъ *еси* относится и къ множ. ч. безразлично (Ср. дал. II, 250): «гой *еси* вы люди работные»; «гой *еси* ты *єси* царь Саулъ». Поэтому здѣсь формы вепом. глагола не замѣняютъ уже соответствующаго личнаго мѣст., вопреки мнѣію Вуслаева (Гр. § 187, Пр. 1; § 202, Пр. 4.).

**) „еще—*м* я молодой незрадив никого“.

***) О 3-мъ л. множ. ч. у Потебни ничего не говорится. И. Б.

****) Въ влрусскихъ областныхъ говорахъ подобно „*те*“ также употребляются част. „*єте*“ (изъ *єсте*) и „*єта*“ (изъ *єста*), по видимому, теперь только для выраженія вѣжливости: „пожалуй-*єта*“, или для показанія вводной рѣчи: „она баеъ: я—*єта* и въ домъ не пушу“.

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

253 Сочетаніе прич. 3) Въ польск. яз. а) въ древнѣйшихъ памятникахъ при
на 1 съ *jesm* въ сочетаніи съ прич. на 1 исключительно господствуетъ простое
польск. яз. наст. *jesm* и проч.:

253—255 б) въ XV-XVI вв. появляются въ 1 и 2 лицахъ ед. и мн. ч. соче-
танія *ja-m jest* (=я есмь), *ty-ś jest*, *my-śmy są*, *wyście są*, въ коихъ
jest и *są* служатъ для усиленія предикативной связи при именахъ, въ 3-мъ
же лицѣ просто *jest* и *są*;

в) въ вышеишемъ литер. языкѣ въ 1 и 2 лицахъ при формахъ *ja-m
jest*, *ty-ś jest*... стоятъ и слитныя: *jestem*, *jesteś*, а во множ. только слит-
ныя: *jesteśmy*, *jescieście*, въ 3-мъ же лицѣ для *обоихъ* чиселъ—*jest*. Форма
bylem (=млр. був-и-ем) есть стяженіе глагола существительнаго *jesm* въ „ем“
(*byl+jesm*). Въ памятникахъ XVI в. употребляютъ формы *tedy-śmy pytali* ря-
домъ съ *tedy-śmy pytali*, которыя перенесли въ зап. рус. памятники: „под-
твердильхмы“ и пр., гдѣ переходъ *ch* въ *s* объясняется фонетически
(Ср. аор. *приидхъ* изъ *приидьсь*); что же касается формы на *ech* въ 1 л.
ед. ч. (*bylech*), то она равносильна съ-ем, -и (*bylem*) изъ *jesm*, и *ch* фо-
нетически не могло перейти изъ *m*.

9. Значеніе сочетанія—*лз* *іесмь*.

Два эпохи соче-
танія—*лз* съ
„іесмь“.

Нужно отличать двѣ поры сочетанія—*лз* съ „іесмь“:

а) древнѣйшую, одновременную съ простыми прош.,
и б) позднѣйшую, послѣ потери прошедшихъ простыхъ.

256 Какъ лучше на-
звать формы—*лз*
съ „іесмь“ и бѣ,
„бѣхъ“.

А) Формы, въ родѣ „сѣзаль *іеси*“, не есть perfectum,
какъ наз. Микл. въ отличіе отъ „сѣзаль бѣ“, *бѣаніе*, которыя
онъ наз. *plusquamperf.* и ч. „сѣзаль *іеси*“ не соответствуетъ
греч. perfectum и въ слав. яз. не заключаетъ понятія о совершенномъ.
Поэтому первую форму лучше называть (согласно съ Востоку) *прошедш. слож-*
нымъ, и вторую—*переходящимъ сложнымъ**).

Эпоха дреск.

257

Древнѣйшее значеніе сочетанія—*лз* съ „іесмь“ должно
быть выведено изъ его строенія**). Сначала—*лз* съ „іесмь“ было

сочетаніемъ *двухъ* формъ, вносящихъ свои отгѣнки времени: прошедшаго
(прич.) и настоящаго (іесмь). Т. обр. форма—*лз* съ „іесмь“ первонач.
изображала событіе *прошедшее* по отношенію къ *настоящему*, напр. „если-
ко насъ *крестилися есмы*, кляхомъ ся“, Лавр., т. е., сколько насъ *есть*
(въ наст. вр.) *крестившихся* (прежде), мы всѣ покаялись. Отсюда пошло,
по замѣч. Бусл. (Гр. § 189, 3, пр. 3), употребленіе *прошед.—лз* въ ста-
рин. яз. о морѣ, рѣкѣ и т. п.: море Черное *обтекло* съ поднія; р. Десна
потекла на подни... Дунай рѣка... къ морю *расшиблась* на многія гирла.

*) Срав. дал. II, 261. И. Б.

**) Срав. выше II, 137—139. И. Б.

Старинныя выраженія *прош. вр.* указываютъ на фактъ, нѣкогда совершившійся, напр., на дѣйствіе рѣки, которая *нѣкогда* потекла... и впаала туда-то“, а Потебня прибавляетъ къ этому: „на фактъ, совершившійся и пребывающій донынѣ“, ибо безъ этой прибавки слова Буслаева будутъ относиться не только ко врем.—*лз есмь*, но и къ *прош. простымъ* (которые выражаютъ то, что кто сдѣлалъ безъ отношенія къ наст. вр.), какъ напр. „Днѣпръ *потече* (*прош.*) изъ Оковьскаго лѣса и *потечеть* (*наст.*) на полъ дне“ (Лавр.*)

В) Въ позднѣйшую пору въ рус., мкр., польск. чеш., серб. языкахъ сочетаніе—*лз съ „есмь“*, обратившись въ одну глаг. форму и потерявъ двойственность значенія времени (прошедшаго по отношенію къ настоящему), стало выражать только *прошед. вр. безъ отношенія къ настоящему*. Сліяніе—*лз съ „есмь“* въ одинъ актъ мысли совершилось тѣмъ легче, что значеніе времени „есмь“ постепенно забывалось вслѣдствіе вытѣсненія формъ—*лз бѣхъ*, — *лз бѣхъ*,—*лз буду*, съ которыми могло еще сравниваться сочетаніе—*лз есмь*. Когда же исчезли въ языкѣ и простыя формы преходящаго и аориста, тогда по необходимости—*лз есмь* должно было смѣнить ихъ мѣсто въ качествѣ глагола *прош. вр.* Можно думать поэтому, что форма „*лз есмь*“ стала *одною* формою съ того времени, какъ исчезли *imprf.* и *aor.* А такъ какъ *aor.* и *imprf.* были и въ письменныхъ памятникахъ, и въ живой рѣчи еще въ 12-13 вв., то *слияніе*—*лз есть* въ одну форму должно быть отнесено въ рус. яз. только къ 14 в., не ранее.

Эпоха паденія—*лз есмь*—слылось въ одну форму.

259

10. Въ литов-лотыш. яз. за отсутствіемъ причастія, равнаго славянскому—*лз*, функционировало въ сложной формѣ причастіе, равное славянскому *з, вѣ*. Сложная форма эта также стремится вытѣснить прошедшее простое, какъ и въ рус. яз., причѣмъ въ народныхъ пѣсняхъ гл. вспомогат. опускается во *всѣхъ* лицахъ.

Вытѣсненіе простыхъ прошедшихъ въ лит-лотыш. яз.

259

11. Мкрл. считаетъ *бѣхъ* и *бѣхъ* за *imprf.* и вслѣдствіе этого описательную форму—*лз съ* этими глаголами—за *plqurpf.* какъ—*лз съ „есмь“*—за *perf.* (Ср. II, 256). Пдѣйствительно *прошед. прич.* означаетъ здѣсь нѣчто предпрошедшее, «запрошлое», по отношенію къ *бѣхъ* и *бѣхъ*.

Рус. причастія *лз съ быхъ, бѣхъ, быхъ съ изъавит.*

261

А) Однако сочетаніе, какъ «дать *бѣхъ*», можетъ быть называемо *давопрошедшимъ* «не по своему глаголу, а по причастію», т. е., *запрошлое, предпрошедшее* значеніе сложной формы «—*лз бѣхъ*» находится не въ «*бѣхъ*», а въ самомъ причастіи, и какъ въ формѣ «—*лз есмь*» причастіе означало въ старин. языкѣ про-

Сочетаніе *лз съ бѣхъ, быхъ* изначеніе его.

*) Значить, здѣсь „потече“ и „потечеть“ вмѣстѣ равняются какъ бы одной формѣ „потекль есть“. И. Б.

шедшее время по отношенію къ настоящему «есмь». (Ср. выше II, 257), такъ и въ формѣ «—лъ бѣхъ» различаются тоже два момента мысли: одинъ, выражаемый глаголомъ «бѣхъ», и другой, заключающійся въ причастіи «—лъ»; этотъ-то послѣдній моментъ мысли и является *предпрошедшимъ* по отношенію къ прошедшему «бѣхъ». Напр. «и ту всѣ быша; въ то же время пришелъ въ Гюргевичъ» Плат., т. е., Гюргевичъ *былъ* одновременно съ остальными, но *пришелъ-то прежде*.—«И видѣ два ангела... идеже бѣ лежало тѣло Иисусово», т. е., въ то время оно уже не лежало, но было *лежавшимъ прежде*. Такимъ образомъ, вещественное обозначеніе *предшества* должно быть относимо къ прич.—лъ, а не къ бѣ, въ чемъ можно видѣть признакъ стремленія къ поглощенію времени глагола *временемъ* причастія, какъ это видно было и въ описат. формахъ—лъ съ «есмь».

Съ тѣмъ же отбѣнкомъ, но *гораздо рѣже*, встрѣчается и сочетаніе —лъ съ *быхъ* въ *изъявительномъ* значеніи *): «Изяславъ же не хотяше не Кіева поити, зане *улюбилъ* («улюбылъ» Лавр.) *бы* Кіевъ ему» Плат., т. е., Кіевъ *былъ* ему въ это время *полюбившимся* (прежде).

Б) «Бѣхъ» само по себѣ не изображаетъ событія *предшествующаго*, но, какъ *переходящее, дѣйствительное*, захватывая

есть моменты, далѣе отстоящіе отъ наст. вр., чѣмъ аористъ, (бѣ, бы), означающій моментъ *одновременный* съ другимъ прошед. временемъ: «и *бысть* (Климъ черпорицъ) книжникъ и философъ такъ (=такой), яко же въ русской земли *не бѣсть*» (*не бывало*) Плат. Но въ сочетаніи съ прич.—лъ, «бѣхъ» отнюдь не соотвѣтствуетъ нынѣшнему прошедшему дѣйствительнаго глагола *бывалъ*, и вещественное обозначеніе давно прошедшаго вр. относится здѣсь уже не къ причастію—лъ, какъ при аор. бѣ, бы, а къ *бѣхъ*, (*бѣхъ*). Напр. „Иисусъ... обрѣте и чѣтыри дѣни уже имѣща въ гробѣ... мнози же отъ Иудей *бѣхъ* *приниши* къ Марьѣѣ и Маріи“ (Остр. Е**).

Оба разсмотрѣнныя сочетанія—лъ съ *быхъ* и *бѣхъ* вполне русскія, на что указываютъ даже рус. формы: *бѣишетъ*, *бѣхутъ* (вм. ц. слав. бѣаше, бѣахъ). Въ серб. яз. оба эти сочетанія живы и теперь, въ польскомъ же, чеш. и позднѣйшемъ рус.—исчезли.

12) Сочетаніе—лъ съ *бывъ* *есмь* есть болѣе позднее, хотя въ Лавр., Плат., Нов. I и стоитъ рядомъ съ предыдущими. Что сочетаніе это позднѣйшее, видно изъ того, что

1) въ Остр. Ев. и другихъ древнихъ слав. памятникахъ этого сочетанія нѣтъ; 2) въ древнихъ лѣтописяхъ оно является *сначала* излишнимъ при фор-

*) Объ употребленіи *быхъ* въ условномъ, желательномъ и сослагат. наклон. см. дал. II, 269 и слѣд. **И. Б.**

) т. е., *были* *пришедшими прежде* *принесенія* Иисусова, тогда какъ „бѣша *пришли*“ значило бы: „были въ то время“, но *пришли прежде*. **И. Б.

махъ—*лз* бы и *быхъ* и только послѣ исчезновенія ихъ,—*лз* былъ *есмы*“ стало необходимо, при чемъ „*есмы*“ часто опускалось.

Вопреки Востокову, нѣтъ основанія считать это сочетание „прошедшимъ соверш.“, п. ч. причастіе въ немъ можетъ б. и отъ глаг. несовершеннаго.

Сначала,—*лз* былъ *есмы*“ означало только предшественность настоящему и прошедшему безъ тѣхъ, впрочемъ, отглагольных, которые мы видѣли въ,—*лз* бѣхъ“ и,—*лз* бѣахъ“. Напр. „челядь ему вороти, што *была* рать *повоевала*“ Ппат.—Затѣмъ, въ тѣхъ же памятникахъ, влѣдствіе частаго употребленія въ противоположеніяхъ, сочетание,—*лз* былъ *есмы*“ получаетъ отглаголь дѣйствія, не дошедшаго до надлежащаго исполненія: „се уже *прельстилъ* мя *еси* *былъ* (=было), дьяволе,... а уже не пмамы ся затворити въ печерѣ“ Лавр.—„Се Володимеръ и Псыславъ хрестъ къ намъ *была* *цѣловала*... и (=а между тѣмъ) хотѣла со мною лестью, убити мя хотѣла“ Ппат.

267

Въ вост. и с.-вост. маруе. такое употребленіе есть и донныѣ, только съ опущеніемъ „*есмы*“.

Въ вѣрус.: „имали были“ и др. оставалось до 18 в.; въ сказкахъ: „жили были“—болѣе древнее и безъ отглаголь противоположенія.

Сочетаніе это никогда не было одною формою, что видно изъ разложенія его влѣдствіи на безличное *было* съ прич. *лз*: „хотѣлъ *было*, да раздумалъ“, и подобно тому, какъ въ безличныхъ оборотахъ, въ родѣ „быть, *было*, пенасью, да дождь помѣшалъ“, гдѣ „*было*“ равно безличному сказуемому „было есть“, которое не можетъ сливаться съ другимъ сказуемымъ въ одну форму, такъ и въ оборотахъ „хотѣлъ *было*, да раздумалъ“ *было* предполагаетъ посредствующую ступень „было есть: хотѣлъ есть“, гдѣ обозначается не одинъ, а два момента мысли.

268

Въ ю.-западныхъ малор. и польск. языкахъ сочетаніе это употребляется безъ противоположенія; тоже—въ чеш., серб., хорут., хорватскомъ.

Въ лит.-лотыш. вѣмъ *тремъ* сочетаніяхъ (—*лз* бѣхъ,—*лз* бѣахъ и —*лз* былъ *есмы*) соотвѣтствуетъ сочетаніе причастія, равнаго славянскому причастию на *ъ*, *въ* съ вѣном. глаг. прош. вр.

13. Причастіе —*лз* съ *быхъ*, *бы*.

269

Въ такъ называемыхъ напшонскихъ и.-сл. памятникахъ аор. 1 л. *бимъ*, 3 л. *би*, множ. *бимъ*, *бисте*, *биши* встрѣчается съ прич. *лз* лишь для выраженія условности (съ „аште“ и безъ него) и желательности (съ „да“), въ памятникахъ же ст. славянскихъ и древ.-русскихъ аор. *быхъ*, *бы*... употребляется и въ знач. *извѣстнаго* (Ср. выше стр. 263), а *би* въ сложеніи съ предлог. (прѣбысть) —

Причастіе *лз* съ *быхъ* въ условныхъ.

только въ изъяв. и при томъ съ *веществ.* значеніемъ*). Переходъ аор. *быхъ* отъ изъявительнаго къ услов. значенію предполагаетъ уже чистую формальность въ „бы“ и не сочетаніе причастія съ „бы“, а одну граммат. форму, при чемъ прич.—*лъ* иногда опускается: „аще бо *бы* (былъ) перевозникъ Кій, не *бы* ходилъ Царьграду“ Лавр.

270 А) Прич.—*лъ* съ „быхъ“ съ условнымъ знач. ставится Условія подѣй- какъ въ условливающемъ (protasis), такъ и условливаемомъ ствительнаго. (apodosis), при чемъ въ protas. обыкновенно ставятся союзы (въ старин. рус. яз. *аще, аче, а, да, оже* и проч.), которые, впрочемъ, легко могутъ и опускаться, равно какъ и самыя условія, напр. въ выраженіяхъ вѣжливости, осторожности: „я *бы* думать, ... полагалъ *бы*“ (подразумѣв: если бы...); „была *бъ* (=если бѣ была) прежняя молодость, выручивъ *бы* тебя“.

Основаніемъ для перехода прошед. *изъявит.* „бы“ къ значенію условному служатъ сходство прош. времени со всеми идеальными наклоненіями (услов., желат., сосл.), ибо какъ идеальныя накл. изображаютъ событія существующими *только въ мысли*, такъ и прошедшее можетъ разсматриваться какъ „отрицаніе дѣйствительнаго присутствія (наличности) явленія“, чѣмъ и объясняется то, что въ нѣмец. и латин. яз. подѣйствительная (ирреальная) условность выражается временами прошедшими. Съ условнымъ значеніемъ употребляется—*лъ быхъ* и въ другихъ славянскихъ нар., а въ серб. и болгар. условное значеніе получаютъ и другія прошедшія изъявительнаго наклоненія, при чемъ условность отъ союза не зависитъ, и сама условная частица, напр. серб. *е*, по видимому, равносильна плеонастичному рус. *что* (древ. рус. *оже, еже*): «Но говори Аѳѣя Иванова: *е* волцѣхъ Шивлянина Баја» (Нѣв. Приг.). Позднѣе къ такимъ переходящимъ условнымъ, какъ «волцѣхъ» стало прибавляться *би* въ качествѣ союза: „Волцѣхъ *би* Мирковича Вука“.

271 —*лъ быхъ* желательнаго. Б) Желательное значеніе „быхъ—лъ“, какъ и условное, выражается не только съ союзами, но и безъ нихъ. Въ др.-рус. яз. ставились союзы: *а, да, аже, чѣто, како—быхъ*, откуда образовались потомъ сложные союзы: *абы, дабы, ажбы, чѣобы* (Ср. далѣе II, 280, 281): „а *бы* Богъ далъ, вы *быста* уладилася съ своимъ братомъ... а (=и) *быста* вы сидѣли въ Кіевѣ“ Плат. Въ позднѣйш.: „дай Богъ, ты *бы* (=соврем. литер. *чтобы*), господишъ мой, здоровъ *былъ* на многія лѣта“ (Акт. З. Р. 1536 г.). Можно бы думать, что желательное значеніе—*лъ оихъ*» возникло изъ условнаго, при коемъ умолчано условливающее

*) Есть случаи сокращенія въ древ. рус. яз. *быши* (3 л. мн. ч.) въ «бышичъ», отс., по видимому, является рус. частица „бишь“ черезъ переходъ *и* въ *и*, такъ что „бишь“ есть остатокъ изъявительнаго сочетанія „быши“ съ прич.—*лъ*: „какъ—*бишь* его звали“=„како *быши* звали его“ (Дополн. ко II ч. „Записокъ“).

(profas.), но, по мнѣнію Потебни, здѣсь нѣтъ нужды выводить желат. накл. изъ опущеннаго условія; напротивъ, вѣрнѣе, что самая условность появляется изъ желательности: первоначально чисто желательное „ты бы сходилъ“ („а тебѣ бы сходить“), а потомъ уже съ условнымъ отбѣнкомъ: „если хочешь“. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по видимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль можетъ прямо переходить отъ изъявнт. прошедшаго къ желат. наклоненію: то, что желательно намъ, представляется въ нашихъ желаніяхъ уже осуществившимся *событіемъ*. но только *событіемъ въ будущемъ*. Такъ, въ нѣспяхъ литовскихъ и русскихъ, далеко выданная замужъ дѣвушка думаетъ о томъ, какъ бы ей вернуться домой: „пойду я въ дѣсь къ нестрой кукушечкѣ, займу у ней крыльевъ... полечу къ матуникѣ... тамъ буду куковать, не услышитъ ли матушка“. До сихъ поръ *желаемая* событія изображаются *буд. временемъ*, но затѣмъ, въ силу самообольщенія мысли, будущее, желаемое является уже какъ бы совершившимся, и потому нѣспя продолжаетъ въ *прошед.* вр. „Услышала (матушка) голосокъ, открыла окошко“... Т. обр., *будущее событіе* можетъ изображаться по-русски *совершеннымъ прошедшимъ*, въ серб. чаще аористомъ и прошедшимъ „—лъ исемъ“, въ мдр.—тоже прошедшимъ.

Выраженіе желательности изъявительнымъ проищ. времени.

Середину между такимъ употребленіемъ прошедшаго и образованіемъ изъ него новой грамматической формы занимаютъ, по видимому, формы „—лъ“ постъ «дай Боже» (мдр. бо дай=Богъ дай), а также и безъ такихъ выраженій: „дай Спици; здоровъ *былъ* государь мой батюшка... Дай Господи, здоровъ *былъ* правосл. царь“... (Пѣс. Рич. Джемса 1620 г.). Въ мларус.: „бодай волі живи *були*“; „бодай вінъ *здохъ*“.*—Такъ же въ болгар., польскомъ, латышскомъ. Точно также безъ „бодай“ и другихъ подобныхъ въ смыслѣ пожеланія или повелѣнія: „здорова *была*!“—„а *побила* тебе лихая година!“ влкр: „пошелъ!“ „пошелъ вонъ!“—„Пригоже намъ *было* (=было бы) тобя жаловати..., да еще есмя лѣты не совершенны“ А. З. Р. Сюда же относятся въ серб. клятвенныя увѣренія (рѣже *безъ прошед. млар.*): „такъ ја здрав *био*!“ „такъ ја здрав и жив!“ Отсюда—*переходъ къ условности*: «*била* здрава глава моја (=пусть будетъ... если будетъ здорова...), родиће ми *зуба сна*».

Въ русскихъ памятникахъ до 14—15 в. „*быхъ—лъ*“ въ условно-желат. значеніи вполнѣ обыченъ, какъ *млаюлз*, спрягаемый по всеѣмъ лицамъ: „аж *быхомъ* что тако учинили, того не дай Богъ“ (Смол. гр. 1229). «Игорь... опять погна къ полякомъ того дѣля, что *быша* (=что бы) познали князи и возворотилися *быша*» (=бы) Ипат.

*) Не нужно смѣшивать съ подоб. выраженіями такого: „бодай би вінъ здохъ“, въ коемъ желательность зависитъ уже отъ „би“ (изъ „*быхъ*“).

Бы, какъ сов. л.,
и отличіе его отъ
глагол. *быхъ* въ
древ. памят.

Не позже XIV в. рядомъ съ *маи*, *..быхъ* имѣвшимъ еще предикатив. силу съ отношеніемъ къ наклоненію, является въ русскихъ памятникахъ *бы* и какъ союзъ, отличающійся отъ глагола

273

а) тѣмъ, что онъ не согласуется уже съ прич. — *лъ* и подлежащимъ: „аже *бы* (вм. *быхъ*): 1 л.) *язь хотѣлъ*... а *бы* (вм. *бына*) въ земно гдубоку *не вхоудилъ*“ Плат:

28

б) тѣмъ, что рядомъ съ *бы* появляется *еси, есте* въ качествѣ вспомог. гл. при — *лъ*; значить, *бы* потеряло уже предикат. силу. Напр. «аще быте чловѣци (бытъ Плат.), то въ дне *бы есте* пришли (ходили)» Лавр. Тоже явленіе въ морав. говорѣ, юго-зап. мѣрус. (*бисъ, бисъмо, бисте* изъ *бы+исъ*...): „ой ко-бъ була-сь, мати, *знала* такую мою долю, ти(-бъ) була-сь мня утомила малов дітиною“ (Микл. Гр. IV. 811).

в) Еще болѣе внутренній признакъ перехода предикативнаго *быхъ* въ союзъ *ом* проявляется въ связи съ предшествующими частицами: *лишь бы* (лишь бы), *только бы*, *хотя бы*, *что бы*, *како бы*, *кабы*, *мѣр*, *якъ би*. Въ этомъ видѣ *бы* порываетъ связь съ — *лъ* въ древ.-рус. яз. и получаетъ возможность соединяться съ друг. формами: „лишь бы *выйти* замужъ“, при чемъ нынѣшнее: „чтобы *пришелъ*“ возникло не прямо изъ стариннаго „*бы* (= *быхъ*) *пришелъ*“, а изъ „*что+бы* *есть* *пришелъ*“, такъ что не въ глаголѣ „*есть* *пришелъ*“ заключается условное или желательное значеніе, а въ союзѣ *чтобы*, въ коемъ „*бы*“ вовсе не есть уже глаголъ, какъ думаетъ Бусл. (Гр. § 194).

281

Сослагатель-
ность изъ *быхъ*.

Г) *Сослагательность*, не свойственная славянскимъ яз., проникаетъ въ ц.-слав. памятники изъ греч. языка, а въ чешскіе и польскіе по преимуществу изъ латинскаго, съ 14-го же в. черезъ польскій яз. проникаетъ сослагательность и въ зап.-русскую письменность.

Сослагатель-
ность въ усло-
віяхъ.

а) *Сослагательность въ условныхъ предложеніяхъ*. — Высшее проявленіе сослагательности въ славянскихъ яз. Понятно видѣть въ присутствіи союза *бы*, поставляемаго въ условныхъ предложеніяхъ для выраженія *недѣйствительности* событія, такъ что, по это мнѣнію, всѣ русскія сослагательныя наклоненія образуются только изъ условныхъ предложеній. Но онъ строго разграничиваетъ условность, зависящую отъ формы, — *лъ бы*, въ которой и проявляется сослагательность, и условность, зависящую отъ самыхъ союзовъ. Онъ говоритъ: „Такъ какъ условные союзы*) сочетаются въ рус. языкѣ не только съ

*) Целав. *аще*; др.-рус. *аже* (изъ *а+оже*), *оаже* (изъ *да+оже*), *аже*, *оаже* (изъ *да+аже*), *ажи* (изъ *аже+и*); позднѣйшіе: *если* (изъ *есть+ли*), *ежели* (изъ *еже+ли*), *буде* (изъ *будеть*): срав. далѣе II, 293, 296). И. Б.

условными формами глагола („—лъ быхъ“), но и съ изъявительными, то условность формы „—лъ быхъ“ есть нечто отличное отъ условности союзовъ и независимое отъ нея“, именно: условность значенія „быхъ—лъ“ въ древнемъ языкѣ, какъ видѣли выше, есть *отрицаніе дѣйствительности* событія (Срав. выше II, 270), условность же, зависящая отъ союзовъ, представляетъ событіе дѣйствительнымъ, почему и ставится часто послѣ условныхъ союзовъ въ ст.-слав. и другихъ языкахъ *изъявительное* накл. будущаго или наст. вр. тамъ, гдѣ по-гречески и по-латинѣ стоитъ послѣ условнаго союза *соезгательное* накл.; въ польскомъ же и чешскомъ языкахъ, подъ вліяніемъ латинскаго и нѣмецкаго, въ этихъ случаяхъ можетъ ставиться кромѣ изъявительнаго и условное наклоненіе съ *бы*. Напр. ц.-слав. *аще кто не родитъся* (= ἐάν μή γεννηθῇ, nisi genitus sit) съвыше, не можетъ вѣдѣти цѣсарствія божія; въ рус. и серб. стоитъ изъявительное, въ польскомъ же—соезгательное, а въ другомъ такомъ же случаѣ—изъявительное. Или др.-рус.: „аѣз оубѣсть мужъ мужа, то мстити братоу брата“ (Рус. Прав.). Въ этихъ и подобныхъ оборотахъ условное накл. въ ц.-слав. и рус. языкахъ не есть *соезгательное*, но если въ *apodosis* въ м. изъявительнаго (не родитъся) или *debitivнаго* (мстити) наклоненія явится сочетаніе съ *бы*, то и *protasis* въ рус. языкѣ обратится въ *соезг.* наклоненіе: „если бы кто не родился..., не могъ бы“. Въ памятникахъ же зан.-русскаго яз., подъ вліяніемъ польскаго, и послѣ изъявительнаго и *debitivнаго* *apodosis*’а могло ставиться въ условномъ предложеніи *бы*: „*есть ли бы* хрестыанинъ жидъ *забилъ*, масть быти каранъ (Акт. 3. Р.).*“

б) Латин. *conjunct.* въ независимыхъ вопросахъ: quis hoc credat? quid enumerem? передается или 1) *изъявительнымъ* личнымъ: „кто этому *повѣритъ*“? или 2) *debitivнымъ неопред.* съ подраз. „есть“: „зачѣмъ мнѣ *перечислять*“? Отвѣтомъ на эти вопросы должно быть: никто этому *не повѣритъ*, не зачѣмъ мнѣ *перечислять*. Но если эти вопросы передадимъ по-рус. *условнымъ* выраженіемъ съ „*бы*“: „кто *бы* этому *повѣрилъ*“? (подраз: „если бы даны б. такіа-то условія),—то въ отвѣтъ получится также *условное* выраж.: „никто *бы* этому *не повѣрилъ*“. А такъ какъ по-русски *условныя* предл. съ *бы* выражаютъ *условіе недѣйствительное*, то надо здѣсь подразумевать, что *условія* этихъ не даны; вслѣдствіе этого на вопросъ: „кто *бы* этому *повѣрилъ*“? въ отвѣтъ получается уже „а между тѣмъ *вѣрятъ*“. Так. обр., *соезгательное* выраженіе *незав. вопроса* по-русски имѣетъ *совсѣмъ* противоположное значеніе, чѣмъ

*) Вообще, по мнѣнію Потебни въ рус. языкѣ *изъявительность* или *соезгательность* *apodosis*’а влечетъ за собою *изъявительность* или *соезгательность* и *protasis*’а. Формъ смѣшанныхъ Потебня, по видимому, не допускаетъ. И. Б.

по-латинѣ, и это оттого, что выраженію: „кто этому повѣритъ“ придается форма условнаго предложенія съ „бы“. Поэтому латинскіе независ. вопросы по-русски можно передавать только *изъяв.* или *дѣйствительнымъ* неопред. склоненіемъ.

285 Сослагатель-
ность въ косвен-
ныхъ вопросахъ.

в) То же самое слѣдуетъ сказать и о косвенныхъ вопросахъ: *difficile dictu, quanam causa sit?* по-рус. можно передать только *изъяв.* накл.: „трудно сказать, какая (есть) причина“. Поэтому, встрѣчающіяся въ косвенныхъ вопросахъ условныя накл. въ смыслъ *сослагательномъ* Потебня считаетъ *несамостоятельнымъ* явленіемъ въ славянскихъ языкахъ; напр. въ Зограф. Ев.: „въиде же помынзене въ нѣ, кто ихъ выштен *би былъ*“ (*quis esset, τίς ἔν εἴη*). — Недоумѣхъ, что *бѣ отъвѣщали* (*τί ἀποκρίθησι*). Смѣшанное употребленіе въ косвенныхъ вопросахъ то *изъявительнаго*, то условно-сослагательнаго въ польск. и чеш. языкахъ д. считать случайнымъ. подъ вліяніемъ латин. яз., а тамъ, гдѣ сослагательное употреблено правильно, нужно подразумѣвать умолчаніе условія. — Въ литов.-лотыш. зависимые вопросы условными склоненіями не выражаются; но въ стар. юж.-рус. письмѣ подъ вліяніемъ польскимъ: „пыталъ есмы того визня, хто *бы былъ*“ (1593 г.); также у Гоголя: „любопытно бы однако знать, кто *бы* такая (вм. „кто такая“) была писавшая“ (Мертв. Д.)

286

Сослаг. съ *ли*
послѣ мѣст. и
нарѣч. относительныхъ.

г) На мѣстѣ латин. *соед.* въ придаточныхъ предл. съ *quoniamque*... и въ рус. *можетъ* стоять *соед.* „бы—ль“ условнаго значенія, но непременно съ „*ли*“: „что бы *ли* случилось, надѣйтесь на меня“, т. е.: „если бы *все* случилось, надѣйтесь на меня“. Когда же послѣ мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ съ „*ли*“ ставится *изъявительное* накл. тогда получается *концессивное* значеніе: „что *ли* случится (= *хотя бы* случилось *все*), надѣйтесь на меня“. По мнѣнію Потебни, въ этихъ случаяхъ условный рус. оборотъ, благодаря „*ли*“, очерчиваетъ *весь* кругъ возможныхъ условій и „заключаетъ въ себя не отрицательный смыслъ, какъ можно бы думать, судя по тому, что условность есть отрицаніе дѣйствительности, а положительный: непременно что-нибудь случится“; тогда какъ *безъ* „*ли*“ русское „кто бы“, „что бы“ съ прич. — *ль* указываетъ только на *одинъ* случай и при томъ *недѣйствительный*: „кто бы сказалъ это (=если бы кто сказалъ это). солгалъ бы“, но подразумѣвается, что никто *не* сказалъ этого. Когда же нужно выразить случай *дѣйствительный*, тогда ставится по-русски *изъяв.* накл.: „кто *приметъ* одно изъ такихъ дѣтей (греч. *ἐάν* с. conj. aor.) во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня“, между т., въ польск. и чешск. въ этомъ случаѣ ставится прич. — *ль* съ *бы*, а въ стар. Зап.-рус. и съ „бы“, и съ *изъяв.* накл.: *Kto by prziął... Kdoż prziął...* „А хто *бы* мѣль нарушити, разеу-

287

дится со мною“ (Акт. З. Р. 1483 г.); „а хто се слово наше *порушитъ...*,
разсудится со мною предъ Богомъ (Кіев. гр. 1446).

д) Въмѣсто латинскихъ сослагательныхъ въ придаточныхъ
предложеніяхъ съ *qui* послѣ главныхъ отрицательныхъ: *nemo*
est, nihilest, а также послѣ *quis est, qui...* и *non dubito, quin*

1) въ стар.-рус., какъ и въ старо-чеш., ставилось *при-*
частіе безъ глаг.: «*нѣсть кѣто донеса*» и неопред. накл.: „*нѣ-кому принести*“;

2) въ соврем. же литер. яз. *относительное мѣст.* ставится какъ съ
изъяв. накл., такъ и съ „бы“: *нѣтъ* никого такого, *кто можетъ...*
нѣтъ человека, *который бы, кто бы, идъ бы, куда бы...*; общемо же за-
мѣною этихъ относительныхъ словъ служатъ *чтобы*, при чемъ „*чтобы*“
сплошь и рядомъ у образцовыхъ писателей ставится *вм. что* и *будто* съ
изъяв. накл.: „Не слыхивалъ, *чтобъ* (=будто) рыба говорила“ Пушкин.—
«И еще въ жизни не слыхивалъ, *чтобы* собака могла писать» (=что мо-
жетъ...) Гоголь.

Потребия и здѣсь во многихъ случаяхъ предполагаетъ *первоначальныя*
условныя предложенія; уже одно *влр.* „*будто*“ наводитъ на эту мысль
(*будь=если бы было что ниб.,—то бы...*; *отс. будь..., то..., будто*):
„*нѣтъ* такого, *кто бы* (=что-бы) могъ сдѣлать то-то“ (если бы онъ
былъ). Съ теченіемъ времени „*предполагать* опущеніе условія становилось
все труднѣе, а наличное условное (кто-бы...) все болѣе подходило къ тому
сослагательному (съ „*чтобы*“), образцы коего давались латинскимъ и
франц. языкомъ“. Т. обр. и вошло въ употребленіе *сослаг. наклоненіе* съ
„*чтобы*“ *взамѣнъ первоначальныхъ условныхъ*, а *глав. обр.*, кажется, *вза-*
мѣнъ случаевъ, гдѣ въ ст.-славянскомъ и сербскомъ стоитъ *да* съ изъявит.
„*да* *всѣякъ... не погыбнетъ, нѣ имать живота вѣчнааго*“.

е) Въ латинской *oratio obliqua* первое изъ придаточныхъ
предложеній ставится въ *асс. с. inf.*, а слѣдующія въ *сосл.*
накл. Въ нѣмец. и чеш. уже *вм. асс. с. inf.* ставится *сослаг.* съ союзомъ
изъявнит. или безъ него, а въ ст.-слав., серб. и рус. на этомъ мѣстѣ
ставится *только изъявит. накл.* съ *изъявнит. союзомъ*: *яко, что*; но въ
стар. зап.-рус. письменности употреблялось и *сослаг. накл.* подъ вліяніемъ
польскаго: „если бы *жидъ... рекъ, ижъ бы позычилъ...*“ (Грамота Витовта
1388 г.).

ж) Послѣ *союзовъ*: *пока, пока не, прежде нежели* Го-
голь ставитъ *сослаг.* съ *бы*: «*прежде нежели онъ объяснилъ*
бы» *вм. буд.* *изъяв.*: „*объяснить*“. Въ чеш. яз. также встрѣ-
чается въ этихъ случаяхъ „*бы—лъ*“ въ смыслѣ *условно-сослагательномъ*.

Изъ этого обзора видно, что *оттѣнокъ сослагательности, чуждый слав.*

Сосл. въ при-
даточныхъ предл.
съ *qui* послѣ от-
рицательныхъ
главныхъ и вы-
ражающихъ со-
мнѣніе.

288

289

290

Сослаг. послѣ
пока, прежде
чѣмъ и под.

языку, въ рус. литературномъ яз. привился только въ одномъ случаѣ, именно: „чтобы—лъ“ *послѣ отрицательныхъ предложений.*

14. Прич. на —лъ съ „буду“.

Прич.—лъ съ „буду“ не есть условное только, какъ думаетъ Вост. (Гр. 92—93), не есть и условное—совершенное, какъ считаетъ Бусл. (Гр. § 88. А. II, 4), ибо сочетание это употребляется и безъ всякаго условнаго отгѣика, а причастіе образуется отъ глаголовъ и несоверш. вида.

Въ древ. яз. „—лъ буду“ не представляетъ единства грамматической формы, а составляетъ сочетание формъ, изъ коихъ одна (—лъ) изображаетъ *прошедшее событіе*, а другая (буду)—*отношеніе* этого событія къ *другому*, еще не наступившему событію (Ср. выше II, 257) и заключающемуся въ другомъ предложеніи, которое выражается или будущ. временемъ (часто съ союзомъ *да*), или повелит. накл.; или неопред. въ смыслѣ долженствованія.

Такое сочетание (—лъ буду) выражается

А) въ *неусловныхъ* и Б) въ *условныхъ* предложенияхъ.

А) Въ *неусловныхъ* предложенияхъ употребленіе „—лъ буду“ имѣетъ слѣд. отгѣики: а) „буду“ въ сочетаніи—*лъ буду* можетъ имѣть значеніе *одновременности* съ тѣмъ событіемъ, которое еще не наступило и которое выражено въ другомъ предложеніи. Напр. „не на мигъ та будетъ кровь (событіе не наступившее), но на томъ, кто *будетъ* криво *учинилъ* (Плат. 612), т. е., кто *кажется* (въ день суда) *сотворившимъ* (прежде) неправду“.

б) „Буду“ можетъ потерять значеніе одновременности съ наступившимъ еще событіемъ, *прошедшее* же вр. причастія—*лъ* еще чувствуетъ какъ *прошедшее* по отношенію къ „буду“. Напр. „да аче стрый (дядя по отцу) *придетъ* на тя; Дюрги (Георгій, в. кн. Сузд.), погъ (послѣ того какъ) ты ся съ людьми *утвердилъ будещи*, годно ти ся съ нимъ умирить“ Плат. Здѣсь будущія времена: „*придетъ*“ и „*будещи*“ при прич.—лъ неодиовременны („будещи“ предшествуетъ времени: „*придетъ*“), *прошедшее* же вр. причастія еще чувствуется: послѣ того к. ты *будещи утвердиши*—окажешься, что *утвероилъ* прежде, *передъ* тѣмъ.

в) „Буду“ можетъ вовсе потерять значеніе будущаго вр. и взявъ этого получить модальный отгѣнокъ *вѣроятности, предполагаемости* (м. б., д. б., пожалуй, чего добраго и т. п.): „княже, не-лацъ (==неспроста*) ти велита брата (дв. ч.) крестъ *илювати*: цѣ (==чи, чи) *да будутъ* злии чловѣчи... *вложили будутъ***) зло слово“ Плат.

*) Въ словарѣ Срезнев. „не-лацъ“=необдуманно. И. Б.

**) Частнца *чи* (чи) не всегда бываетъ вопросительною, какъ и здѣсь: она усиливаетъ модальный отгѣнокъ сочетанія „вложили будутъ“ (=должно быть, вѣроятно, насмѣивались).—Потѣбня.

г) Наконецъ, уже въ старин. рус. яз. могъ теряться отъбнокъ и прошед. вр. въ—лъ, такъ что „буду—лъ“ становилось какъ бы одной формой вм. *буду съ неопред. накл.* „будешь отвѣтъ имѣлъ“=будешь имѣть отвѣтъ. Ипат.—Польскій яз., а за нимъ и зап. мѣр. особенно стали употреблять „буду—лъ“ въ этомъ послѣднемъ значеніи.

Б. „Буду—лъ“ съ союзами и безъ нихъ въ условномъ значеніи:

а) „Аще ли *взялъ, будетъ* (=если окажется *взявшимъ*)“ „Буду—лъ“ съ услов. знач. если окажется, что *взялъ*), да заплатить сугубо“ Лавр. „И кто *будетъ былъ* въ разбоѣ..., и такихъ пытають“. Котоших.—Въ стар. чеш. и нынѣш. болг. то же самое.—Такую условность въ „буду—лъ“ и отличать отъ условности въ „быхъ—лъ“ и съ союзомъ „бы“: «даже (=если) *быхъ* тако *сѣтворилъ*, а(=то) *былъ быхъ* правъ» выражаетъ *недѣйствительность*; „даже *если* тако *сѣтворилъ*, *язъ* правъ“ изображаетъ *дѣйствительное* прошедшее событіе, *послѣдствіе* котораго продолжается до наст. времени; та же дѣйствительность явленія и въ будущихъ условныхъ временахъ какъ простыхъ, такъ и сложныхъ: „даже тако *сѣтворю*... даже тако *сѣтворилъ буду*, *язъ* правъ буду“. Однако есть разница между послѣдними двумя выраженіями: «въ первомъ случаѣ, гов. Потебня, событія нѣтъ, но оно само совершится, а во второмъ совершится не оно, а откровеніе того, что оно уже совершилось, при чемъ появится и другое условленное имъ»^{*)}.

б) Отс. происходитъ то, что „все сочетаніе (—лъ буду) становится изображеніемъ уже не прошедшаго по отнош. къ будущему, а прямо прошедшаго, дѣйствительно совершившагося, какъ основанія для будущаго“, что и доказывается нѣкоторыми примѣрами (правда, рѣдкими) въ старин. языкѣ. Напр. „како (=т. какъ) ны *будетъ* отецъ твой (уже умершій!) *кормилъ и любилъ*, а (=то) *хочемъ*...

^{*)} Т. е., въ обѣихъ этихъ условныхъ формахъ *apodosis* не выражаетъ *содѣянія*, какъ факта, вытекающаго изъ условія (*protasis*), и въ этомъ—сходство обѣихъ условныхъ формъ; что же касается *условливающихъ* предположеній (*protasis* овъ), то они разнятся, а именно: условіе съ буд. *простымъ* (сѣтворю) указываетъ лишь на то, что слѣдствіе („событіе“) произойдетъ: если я такъ поступлю, то я буду правъ; условіе же съ будущимъ *сложнымъ* (сѣтворилъ буду)=окажусь сотворившимъ прежде) не только указываетъ на то, что слѣдствіе („событіе“) произойдетъ, но и *предуказываетъ* (заключаетъ „откровеніе“), что *условіе* уже совершилось (прич. на—лъ), а слѣдоват. и „событіе“, вытекающее изъ этого условія, обязательно совершится.—Такъ обр., условіе съ буд. *сложнымъ* есть не условіе только, какъ предположеніе, но и реальное *основаніе* для того, чтобы совершилось событіе: основаніе это заключается въ прош. прич.—лъ, при сочетаніи съ которымъ гл. „буду“ теряетъ, очевидно, свою функцію указывать на отношеніе къ будущему времени, о чемъ и говоритъ дальше Потебня. И. Б.

головы своя сложити“ Ипат., т. е. „т. какъ отецъ твой кормилъ и любилъ насъ, то мы готовы сложить свои головы“.

Переходъ «будеть» при-
летъ въ союзъ услов.
в) Съ теченіемъ времени, отъ употребленія „буду—ль“ съ условнымъ значеніемъ, на самомъ вѣсѣ глаголъ отпечатывается значеніе условности. Напр. „и *будешь* у которыхъ государей *отвѣдала*, (что) дочери есть, ... и ты *бы* о томъ ко мнѣ отказала“ (увѣдомила) А. З. Р. Вмѣстѣ съ этимъ, *буду* постепенно разрываетъ связь съ прич.—лъ и становится простымъ модальнымъ указателемъ изъявительнаго накл. съ услов. значеніемъ. Въ качествѣ такого указателя изъявительнаго накл., „буду“ ставится даже при наст. вр., то согласуясь съ нимъ въ лицѣ и числѣ, то безлично (въ 3 л. ед. ч.). Напр. „и *будутъ* (другіе послы) въ чемъ упорно *стоятъ*, и (=то) они (москов. послы) о томъ пишутъ въ Москвѣ“ Котош.—, „А *будетъ* мы *учнемъ* на него царю бити челомъ, то...“ Оставаясь же съ такимъ условно-модальнымъ значеніемъ при прич. на-
ль и не согласуясь съ нимъ, *будетъ* перестаетъ уже быть знакомъ предикативности причастія, которая съ того времени переносится на опускаемый *есть*, а «будеть» остается только указателемъ условности и дѣлается союзомъ. Съ такимъ значеніемъ «будеть» можетъ быть и при другихъ состав. сказуемыхъ: «и *будетъ* (=если) вамъ папѣ *кланяться* (есть) ... и (=то) вамъ у папы *быти*» (есть). 1583 г. (П. Хр. Бусл. 889).

Оттѣнки союз-
зовъ «буде» и
«если».
г) Союзъ «буде» вслѣдствіе своего происхожденія, м. б., имѣетъ свой оттѣнокъ значенія по сравненію съ *если* (изъ *есть-ли*). «Если» выражаетъ условность съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ существованіи событія (не даромъ и происходитъ изъ вопросительнаго: «есть-ли?»); «буде» же, какъ видѣли выше, кромѣ условности, заключаетъ въ себѣ и основаніе существованія обуславливаемого имъ событія.

По аналогіи образованія отъ глагола союзовъ *буде* и *если* образуются союзы и отъ мѣстоименій. Таковъ союзъ *се* (=такъ какъ): «се (=такъ какъ) сынъ твой зайлъ Половцы, зачалъ рать..., а (=то) поиди на Русь» Ипат.—Млрус. *се* (=если) и стар. влкрус. *восе*: «Вернись, муй милый, вернись до дому, А *се* (если) не вернешся, то Бѣгъ с тобою».—«*Восе* же (=если же) того не уговорятся, ишо (=то) бы приписъ съ печатми привезти» Акт. З. Р.—Съ союзомъ *бы*: «*се-б* в мори втопнися, то-б Дунай разлился».

Сходно съ *се* переходятъ къ значенію условныхъ союзовъ въ влкрускомъ: *тако*, *только*, *ужо*: «*тако* (=если) насъ понимаютъ, уже намъ живымъ не быть».—«*Только* (=если) того земленого вала не укрѣпить, и соборной церкви *будетъ* поруха» Акт. до Ю. Б.—«*Ужо* (=если) тебя Н велѣлъ неволити, и (=то) кому то у тебя вѣдомо?» Ibid.

Вторые косвенные падежи*).

Второй винительный.

1) Второй вин. или вин. предикативный по свойствамъ своимъ напоминаетъ винит. первый, т. е. винительный непосредственнаго, безпредложнаго *объекта* послѣ глаг. дѣйствительныхъ. Напр. постави *меня* (перв. вин.) *попа* (втор. вин.).

Предикативность второго винительнаго къ древ. языку.

Кругъ употребленія *перваго* вин. падежа въ древ. яз. былъ шире, чѣмъ теперь. Напр., *posui v. sentiendi, cognoscere, declar.* (а также и *faciendi*) теперь въ вин. п. безъ предлога ставится только ближайшій объектъ, а дальнѣйшій или употребляется съ предлогомъ, или замѣняется цѣлымъ оборотомъ съ союзомъ; въ древнемъ же яз. оба рода объекта могли выражаться *простымъ* винительнымъ. Напр. «слышавъ *смерть* (вм. о смерти) Изяслави» Плат. — «Знаю твое за Адама *постраданіе*» (вм. «что ты пострадалъ») Кир. Тур. — «Узрѣша нани сторожеве и мняху *Болгарской полкъ*» (вм. «что это болгар. п.» Лавр. — «Сказали *его* въ городѣ» (вм. «что онъ въ городѣ»). Но рядомъ съ этими примѣрами въ тѣхъ же памятникахъ древности стоятъ и обычные теперь обороты съ предлогами и союзами: «увидаша, *оже, ажъ, яко* и пр., и чѣмъ дальше отъ древности, тѣмъ рѣже начинаютъ употребляться подобные вин. безъ предлога, замѣняясь падежами съ предлогомъ или цѣлыми оборотами съ союзомъ.

300

301

302

Для характеристики *вторыхъ* винительныхъ важно разграничивать первые винит. отъ вторыхъ въ древнихъ памятникахъ: такое разграниченіе ведетъ, между проч., къ правильному истолкованію оборота асс. с. inf. въ тѣхъ языкахъ, гдѣ онъ есть (лат., греч., нѣм.). Прежде всего, оборотъ асс. с. inf. можетъ б. только послѣ глаголовъ, сочетающихся съ *прямымъ объектомъ* (первый вин. п.); напр. «*nuntiabant Cygnum*», «видѣша стада». Затѣмъ, когда къ первому винительному прибавляется второй—предикативный, то въ древ. языкѣ является выраженіе: «видѣша стада *възята*». Въ этомъ выраженіи слово «възята» м. б. и простымъ опредѣленіемъ (=увидали *взятыя* стада), и *предикативнымъ* причастіемъ (=увидали стада *взятыми*—что они *взяты*). Этотъ-то второй винит. (предикативный) стариннаго языка и обращается въ асс. с. inf: «извѣщали Кира *побѣдившимъ*—что онъ *побѣдилъ*—*nuntiabant Cygnum vicisse*. Поэтому infinitivus является здѣсь замѣною *второго*

303-304

объясненіе оборота асс. с. inf. изъ второго винительнаго.

*) Покончивъ со вторыми предикативными *именительными*, Потебня, послѣ изслѣдованія сказуемыхъ изъ сочетанія «—лъ съ вспомог. глаг. настоящего, прошед. и буд. вр., естественно переходитъ къ изложенію вторыхъ предикативныхъ *косвенныхъ* падежей. И. Б.

винительнаго, и вин. надежъ существительнаго въ оборотѣ *acc. c. inf.* справедливѣе такъ обр. считать не подлежащимъ при неопред. накл., а *первымъ* винительнымъ *при глагольн. глав. предложеніи*.

Причина, почему *второй* вин. не смѣшивается съ атрибутомъ или атрибутивнымъ приложеніемъ, лежитъ въ *вещественномъ* значеніи самихъ глаголовъ *sentiendi, cognoscendi, declarandi, faciendi*: если бы въ выраженіи: «постави мя *пона*» слово «пона» имѣло значеніе простого приложенія, то рѣчь была бы не докончена (меня, *пона*, поставилъ онъ *чьмъ?*); принимая же «пона» за второй, *предикативный* винит., мы имѣемъ въ предложеніи *полный* смыслъ: «онъ поставилъ меня *понамъ*—въ *пону*».

Второй вин. свойственъ всѣмъ индо-европ. языкамъ и выражается именами существительными, прилагательными и причастіями.

2. *Второй вин. изъ ил. существительнаго при глаголахъ*
cognoscendi, nominandi, faciendi: «Отца своего глаголаше *Бога*» Остр. Е.—
 «Сына *Бога* познана» Кпр. Тур.—«Сына моего примите собѣ князя» Повг. I.—
 «Постави *Меводія епископа*» Лавр.—«Кого прикажешь на свое мѣсто *иу*
мена» (Акт. Пет. I, 1533 г.).—«Княжо, дажь еси *приставъ* (=приставомъ)
 своего человека *Прокопію*» Грам. 2300 г. (Дополн. ко II ч. *Записокъ*).—
 Тоже—въ чеш., серб., латыш. яз.

Въ позднѣйшемъ яз. вторые вин. замѣняются или то
 рительнымъ, или винительнымъ съ предл. *за*, при чемъ вин.
 съ *за* употребляется послѣ глаголовъ «мысленной дѣятель-
 ности», когда вин. съ *за* «означаетъ предметъ, *идеально* за-
 мѣняющій собою другой предметъ», выраженный винительнымъ безъ гред-
 лога; напр. *счесть* что *за* рѣдкость, имѣть кого *за* виновника (полонизмъ),
удать, *принять* мѣдъ *за* золото. Исключается отс. выраженіе, заим-
 ствованное, м. б., изъ другихъ славянскихъ нарѣчій: «взять *за* жену» и
 вмѣсто жены, а въ качествѣ жены, женою, *въ жены*.

3. *Второй вин. изъ ил. прилагательнаго* съ именнымъ (безъ-
 членнымъ) окончаніемъ, какъ болѣе предикативный, чѣмъ сущ., употребляется
 не только при глаголахъ *cognosc., nominandi, faciendi*, но и при глаголахъ
движенія: *йти, вести, нести, сълати* и др., а также: *ясти, жьрати*. На-
 рѣдка встрѣчаются позднѣе и мѣстоименныя прилагат. въ качествѣ вторыхъ
 винительныхъ. «Что ма глаголаши *блага*» Остр. Е.—«Вы есте нарекли мя...
старѣйшаго» Ипат.—«Мняхуть и *своею*» Лавр.—«*Нелънива* мя быль сотво-
 рѣхъ» Поуч. Вл. М.—«*Живы* пожрѣли быша *ны*» Псал. 123; 2.

Такое употребленіе прилагательнаго, хотя и съ большимъ ограниченіемъ, продолжается и нынѣ: «Ты свой долгиі пось изъ горла *цѣль* (вмѣ-
 цѣлымъ) *уіесть*» Крыл.—Есть у Пушкин., Лерм., Гоголя.—*Одинъ* (=«solus»)

можетъ употребляться въ подобныхъ случаяхъ *только въ вин.* и никогда въ твор: «оставить ее *одну*, его *одного*, ихъ *однихъ*».

Таково же употребленіе вторыхъ винительныхъ прилагательныхъ и въ мѣстн., серб., лит., латыш.

Изъ вторыхъ винительныхъ прилагательныхъ развились два главныхъ оборота рѣчи: а) прид. предл. съ изъяснит. союзомъ (узнали, что *сизъ живъ*) и б) твор. п. на мѣстѣ второго вин.—Другіе обороты съ предлогами («въ живыхъ», и мертвого) и нарѣчія („и не такъ *вм.* «не такимъ» воображалъ врага“ дерм.) менѣе важны.

4. *Второй вин. изъ предикативнаго причастія* перемѣняется съ причастіемъ атрибутивнымъ, такъ что не всегда м. различать ихъ. Такъ, въ примѣрѣ «видѣша юноша *сѣдши*» (Остр. Е.) въ греч. и лат. «сѣдаши» стоитъ въ видѣ приложенія: юношу, «сѣдящаго»*), по дальнѣе причастія предикативны: „Видѣвши людѣ князя *бѣжавша* (что кн. бѣжалъ), возвратишася Къеву“ Лавр.—«Видѣ тьмою вся воля *прикрыты*» Сл. о. П. П.—«Слышавше *идуца* Нзяслава..., даша ему миръ» Плат.

Въ лит. господствуетъ второй вин. причастія, но есть и замѣны его. Въ латыш. преобладаютъ замѣны съ союзомъ *что*.—

Въ позднѣйшихъ славянскихъ языкахъ второй винит. частію удерживается, частію же замѣняется *творит.* падежомъ и *днєпричастіємъ*, что указываетъ на предикативность второго винительнаго.

5. *Днєприч. изъ 2-го винит. прич. наст. и прош. дѣйств. зал.*—Въ стар. рус. яз. въ теченіе нѣкотораго времени *днєпричастія изъ 2-го вин.* употреблялись рядомъ со вторыми вин. причастіямъ, въ виду постепеннаго превращенія причастій въ дѣепричастія. Формы на *е* и *ь* (=с) до нѣкоторой степени можно еще считать причастіями вин. п. множ. ч. въ виду возможности фонетическаго перехода звука *е* изъ *я* (=ѡ); формы же на *и* нужно считать уже *днєпричастіємъ*, такъ какъ трудно допустить фонетическое образованіе *и* изъ *я*=ѡ, равно какъ и формы на *ше* (пришедше) *вм.* вин. ед. (пришедши): „Слышавше (прич.) Болгаре вѣмать дружины князя *пришедше* (дѣепр.), идуща опять съ полономъ, доидѣша въ борзѣ“ Плат.—«Невидать есми мертвеца на свинныхъ *ѣздячи*» (дѣепр.) Дан. Зат.

Въ народ. сѣв. влр. языкѣ Бусл. (Гр. § 275, 2, прим. 2) считаетъ *независимыми* (=дат.сам.) дѣепричастія въ такого рода примѣрахъ: «видѣли молодца *сядучись*, а не видѣли удалаго *поидучись*»; но это невѣрно, п. ч. дѣепр. эти образовались изъ прич. *винительнаго* п. слѣд., *зависимаго*

*) Однако *κλῆῖς* (Марк. XVI, 5) по-гречески поставлено *безъ члена*; а употребленіе прилагательныхъ и причастій безъ члена обыкновенно считается или *предикативнымъ*, или *адвербіальнымъ*, но не *атрибутивнымъ*. И. Б.

надежа; что же касается *возвратной* формы въ этихъ и подобныхъ дѣепричастіяхъ, то *ся* не зависитъ отъ предполагаемаго дѣепричастіями надежа: она бываетъ въ дѣепричастіяхъ и при им., и дат. надежахъ: «я *смотрясь* на красоту Чурилову..., помутились у меня очи ясныя» Рыбн.

Въ соврем. рус. литер. языкѣ дѣепричастій, образовавшихся изъ *вин.* и причастій, нѣтъ, въ млр. они рѣдки; въ польскомъ—есть, въ литов.-лотыш. обычны образованія дѣепр. изъ 2-ю *винит* (предикат.) надежа.

6. Въ предполагаемыхъ двухъ отдѣльныхъ предложеніяхъ, напр. «видѣ нынѣ: стоятъ праздныя», при слияніи ихъ въ одно, образуется второй *вин. составной*: «видѣ нынѣ на трѣяници *стояща* праздныя.»—Остр. Е.—«Обрѣтоша тѣло святою (Бор и Гл.) *лежаще цѣло*» Ж. Б. и Гл. Чаше же второй *составной вин. п.* употребляется въ причастіяхъ глагола существительнаго: «отидоша *оставльше* и *лѣ живи сѣща*» Остр. Е.—«Видѣвъ ю *доброу сущу*» Лавр.—«Видачи его *болна суща*» Плат.

Въ нов. рус. яз. второй *вин. составной неизмѣстнѣ*, и ч. языкъ нашъ стремится замѣнять придаточными предлж., даже и не *составной* второй *вин. п.*—Литов. яз. болѣе склоненъ къ *составному* сказ. съ прич. существительнаго глагола, чѣмъ даже стар.-слав., въ которомъ *вм. составного* встрѣчаются и простые вторые *винит.*, и неопр. накл. *быти* съ *винительнымъ*.

7. Русскіе вторые *винительные* одного строя съ подобными же *винительными* греческими: «увѣдаша *князя идуща*» (=что князь идетъ) по конструкціи своей равносильно греческому: *Хερρόνησον κατέμαθε πόλεις ἐνδεκα ἑχούσαν* (=онъ узналъ, что Х. имѣетъ 11 городовъ.—Курціусъ и др. въ подобныхъ оборотахъ видятъ такъ наз. *πρόκλησις* и аттракцію, т. е. перенесеніе подлежащаго прид. предложенія въ главное, гдѣ оно дѣлается дополненіемъ (*Χερρόνησον*), а причастіе придаточнаго предл. по аттракціи принимаетъ надежъ этого пролептического дополненія (*ἑχούσαν Χερρόνησον*); между тѣмъ тутъ нѣтъ ни *πρόκλησις*, ни аттракціи: это—первый и второй *винительный* къ глаголу главнаго предл. и въ развитіи рус. языка замѣчательно, конечно, не то, что здѣсь второй предикативный *винит.* согласовался съ первымъ *винительнымъ*, а то, что *потомъ* онъ перешелъ въ *творит.* вопреки требованіямъ согласованія. Что же касается *винит.* перваго, то онъ остался и тогда, когда второй *винительный* сталъ развиваться въ полное прид. дополнит. предложеніе съ относительными нарѣчіями и союзами, какъ напр. «Половни же услышавше *Русь* (1-е дополн.), *оже* пришли на нихъ (вм. 2-го *вин. пришедша*) (=а): «помысли *убогыхъ* (1-е дополн.), *како* лежать нынѣ» (вм. 2-го *винит.*); *καί μοι τὸν οἶδον* (1-й в.) *εἰπέ* *εἰ μὲν ἄθ' ἡκετὴν τέχνην* (вм. 2-го *вин. предикат. причастія*).—Такихъ замѣтъ 2-го *винит.* придаточными дополнительными предложеніями при сохраненіи перваго *винитель-*

324

наго въ древ. рус. яз. очень много; встрѣчаются онѣ и у новыхъ писателей, если глаголѣ глав. предложенья можетъ имѣть при себѣ прямой объектъ: «видя *мотылька*, что онъ вкругъ свѣчки вьется» (вм. вьющимся). То же явление наблюдается и въ чеш., и серб. языкахъ.

Второй родительный.

1. По Миклошичу, славян. родительный п. въ синтактич. отнош. соответствуетъ *ablativ'u* и *genetiv'u*, изъ коихъ первый означаетъ предметъ, отъ котораго нѣчто *отдалается* (отнятіе, отдѣленіе, разлученіе), и второй означаетъ *принадлежность*. Слѣдов.,

Понятіе о род.
п. по Миклошичу.
(Гр. IV, 447-9).

аблятивенъ славянской родительный при значеніяхъ

325

а) *удаленія*, отнятія, отращенія, лишенія, *страха*, *стыда*,

б) при *сравнит. степ.*, а равно положительной и превосходной, употребленныхъ сравнительно,

и в) при обозначеніи *происхожденія*, *матеріала*, *основанія*.

Генитивенъ родительный, когда онъ означаетъ

а) *принадлежность* (владѣніе, собственность),

б) когда онъ бываетъ при *именахъ*, стоящихъ въ связи съ транзитивными глаголами,

и в) когда, какъ *партитивъ*, означаетъ часть цѣлаго.

Для опредѣленія *второго* родительнаго важенъ въ славян. яз. первый род. только при глаголахъ съ *отрицаніемъ*.

Миклошичъ вмѣстѣ съ другими причисляетъ этотъ падежъ къ родительному *части* цѣлаго, Потебня же относитъ его, согласно

Взглядъ на род.
п. послѣ отрицательныхъ глаг.
и подобныхъ имъ.

съ Восточнымъ (Рус. гр. § 129), къ *аблятиву* *удаленія*, *лишенія*, нбо «выпить вина» (род. части) не то же, что «непить вина». Къ этому же аблятиву удаленія, лишенія Потебня относитъ и род. при глаголахъ *алкать*, *жаждать*, *хотѣть*, *желать*, *ждать*, *требовать*, *искать*, *просить*, такъ какъ, чего я жду, хочу, прошу и пр., того у меня *нѣтъ*.

326

Къ той же категоріи Потебня причисляетъ род. при глаг. *плакаться*, *жаловаться* и при *жалъ*, *люто*, *милу*, *школа* и пр., хотя родит. при нихъ и отличается отъ родительныхъ отрицанія: отрицаніе отрицательнаго глагола передается и неопредѣленному накл., зависящему отъ отрицательнаго глаг. («неумѣть сдѣлать чего»), при глаголахъ же *жалеть* и пр. этого нѣтъ: «жалъ *денегъ*», но: «жалъ тратить *деньги*».

327-8

2. Второй род. ставится въ славянскихъ языкахъ послѣ всѣхъ отрицательныхъ глаголовъ, которые безъ отрицанія принимаютъ послѣ себя второй винительный, а также и послѣ нѣкоторыхъ другихъ съ отрицаніемъ; напр. «Уже не глаголю васъ *рабъ*» (2-й род. вм. позднѣш. *рабами*) Остр. Ев.—«Не заста отца *живого*» Плат.—«Не жалъ матери *стары суща*» (2-й составн. род.) Лавр.

Второй род. при отрицательныхъ глаголахъ.

3) *Родительн. самостоятельный*.—Род. пад. времени, неясный по происхожденію, б. м., означаетъ *мысленное движеніе* отъ начала извѣстнаго періода *времени*, напр. *сею дня*. Къ такому род. въ стар.-русскихъ памятникахъ могъ присоединяться второй род. причастія, но только отъ глаголъ, *лексически* означающихъ время, и так. обр. получался оборотъ на подобіе лат. *abl. abs.*, означающаго время. Напр. «Того же лѣта *исходячи* приходи Романъ ко Вручеву» Лавр.—«И съде Романъ въ Киевѣ мѣсяца июля *наставша*» Ипат.

Съ дѣеприч. вм. 2-го род. причастія: «того же лѣта *исходячи* разбо-лѣся князь Мстиславъ» Ипат.

Второй дательный.*)

Когда къ дательному падежу имени присоединяется причастіе, то оно можетъ б. и атрибутивнымъ, и предикативнымъ. Различать это можно лишь по контексту. Напр. въ выраженіи: «всѣ *мнѣ* чужіи были на чужбину *пошедшей*» причастіе «пошедшей» можетъ быть и атрибутивнымъ, и предикативнымъ. Но когда поставимъ дательный имени «мнѣ» какъ при глаголъ, такъ и при причастіи, тогда явственно расчленимъ это выраженіе на предложенія главное и придаточ.; «всѣ мнѣ чужіи были, мнѣ на чужбину пошедшей», т. е., «когда я пошла на чужбину, всѣ мнѣ чужіи были». Значить, пока дательный имени одинаково тяготеетъ какъ къ глаголу, такъ и причастію, предикативность причастія явственно не выражается; когда же причастіе имѣетъ свой отдѣльный дат. п. имени, тогда предикативность его обозначается явственно. Такой предикативный дательный причастія съ *отдѣльнымъ* дательнымъ имени называется *дат. самостоятельнымъ*. Когда же за такими придат. предлож. «укрѣпляется значеніе обстоятельства», тогда дат. самостоятельные станутъ возможными и тамъ, гдѣ главное сказуемое *не допускаетъ* дополненія въ дат. падежѣ. Это второй шагъ въ развитіи дат. самостоятельнаго въ смыслѣ удаленія его отъ главнаго сказуемаго.

Но *рядомъ* съ предикатив. дательнымъ причастіемъ уже въ древнихъ русскихъ памятникахъ стоятъ и дѣепричастія, замѣняющія *дат. пад. причастія*^{**)}.

*) Сюда не входятъ сочетанія дательнаго съ *неопредѣленнымъ* наклоненіемъ, о чемъ см. датѣ II, 391 и слѣд.—И. Б.

**) Так. обр., по мнѣнію Потебни, причастія въ дат. самост., съ одной стороны, *предикативны* и потому причисляются ко *вторымъ* косвеннымъ падежамъ, а съ другой—*переходятъ* они въ *дѣепричастія*. Между тѣмъ выше (II, 159—160) Потебня доказалъ, что предикативное причастіе можетъ обращаться въ дѣепричастіе только въ составномъ сказ. со связкою *и* и что замѣна причастія дѣепричастіемъ служитъ признакомъ не предикативности, а *антоситивности* этихъ причастій (II, 182). Такое разпорѣчіе во взглядѣ Потебни на случаи перехода

А) Итакъ, на первой ступени должны б. поставлены еще не многи развитые дат. сам., когда при главномъ сказ., будетъ ли оно личное или безличное, *стоитъ или подразумевается дат. пад. того же имени*, что и первый падежъ въ дательномъ самостоятельномъ: «да оуже іедно отъ двоего прѣдъложимъ вамъ: или, *жързгшмъ* (вамъ) богомъ, ... чьстѣмъ и дарѣмъ достойномъ быти (вамъ), или *непокорившемся* отъѣти (вамъ) поясы»... Supr. 53.—Въ томъ же памятникѣ въ другомъ мѣстѣ (Supr. 51) стоитъ и дѣепричастный оборотъ: «іедно отъ двою прѣдълежитъ вамъ: или *жързше* богомъ въ саны и чьсти достойномъ быти, или *непокорившемся* отъѣти»...—«Мнѣ ли іестъ, *пришгдѣше* къ семоу попоу, ти (=и) исповѣдати грѣхы свои» Supr.—«Неаіно естъ намъ, братіе, *инокомъ сущимъ и отвергшимся* мирскихъ, събрание пагы творити»... Ноуч. Теод. Печ.—«Тобѣ съ нами *увѣдавшемся* то же (=потомъ) ѣхати (тобѣ) въ Ильсковъ» Повг. I.

Дат. самост. при
однажды
дат. именн. етъ
въ глав., такъ и
при с. проп.

Въ приведенныхъ примѣрахъ причастія, потерявшія согласованіе съ дат. падежомъ главнаго сказуемаго, но еще не лишенныя близкой связи съ нимъ, представляютъ собою *среднюю* форму между причастіемъ и дѣепричастіемъ. Когда же связь эта съ первымъ дат. падежомъ, *общимъ* для глагола и причастія, разрушается, тогда этотъ *бывшій* первый дат. падежъ причастія начинаетъ тяготѣть къ *одному* только глав. сказуемому и дѣлается его дополненіемъ, а причастіе, сдѣлавшись вполнѣ дѣепричастіемъ, относится къ главному сказуемому уже непосредственно и *только черезъ главный глаголъ* связывается съ его дополненіемъ въ дат. падежѣ. Напр. (сладъ) «сладка *ти* естъ *въкоушашимъ*, нъ горька по *въкоуѣ*» Supr. Если же при глав. сказуемомъ дополненія въ дательномъ пад. вовсе не бываетъ налицо, тогда и первый дат. падежъ дѣепричастія становится *неопредѣленнымъ* (=«всякому»), «чего при существованіи причастія не могло случиться». Напр. «а в-ыныи дни *цѣловавшие* крестъ ясти все», т. е., *всякому, кто* поцѣдуетъ кр., ѣсть все. (Впрѣш. Кюр.)—«Дитя *крестяче*, дати причастье» (т. е., *всякому, кто* креститъ дитя, слѣдуетъ дать (крещенному причастье); но „въ *«крестячю* (безъ 1-го дат. пад.)... достоитъ...» хотя при причастіи

332

333

334

причастій въ дѣепричастія не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ только ошибочнымъ стремленіемъ его причислять причастія дательнаго самостоятельнаго къ *предикативнымъ* вторымъ падежамъ, что однако невозможно: одно уже *обстоятельное* значеніе дательныхъ самостоятельныхъ заставляетъ считать причастія въ этихъ оборотахъ рѣчи *аппозитивными*, а не предикативными. Поэтому ученіе о дат. самост. должно бы быть отнесено въ грамматической системѣ Потебни не ко вторымъ (предикативнымъ) падежамъ, а къ *аппозитивнымъ причастіямъ*, и можетъ быть поставлено влѣдъ за именительными самостоятельными (II, 194 и дал.). Къ аппозитивнымъ же причастіямъ слѣдуетъ относить и род. самост. (II, 329). И. Б.

и имѣть налицо относительнаго подлежащаго (т. е. 1-го дат. пад.), но есть определенное указаніе на этотъ надежъ^{**)}.

Такія дѣпр. безъ определеннаго перваго дательнаго донынѣ остаются въ рус. яз: „позволено было *сидя* дремать“ Пушки.— „*невши* тощо, а *повши* тощо“. Въ эти дѣпр. должно считать образованными не изъ именительныхъ самостоятельныхъ, а изъ дательныхъ: „*невши* тощо, а *повши* тощо“ (т. е. всякому).

335

То же явленіе наблюдается въ мрус. и другихъ слав. нарѣчіяхъ.

Б. Встрѣчаются иногда и такіе примѣры (въ мрус.), что при дѣепричастіи ставится дат. пад. существительнаго, если при глав. сказуемомъ стоитъ также допол. въ дат. п: „як-же-таки *Галочий*, будучи *хозяиий*“ (=тв. влр.), та не турбоватись“ (заботиться, хлопотать). Квитка.

Дат. самост. въ
совершенной не-
зависимости отъ
дательнаго при
глав. сказуемомъ

В. Когда, наконецъ, глав. сказуемое *вовсе не допускаетъ* дополненія въ дат. п. или же допускаетъ только по *вещественности* своей и притомъ другое, чѣмъ дательный при причастіи, тогда дательный самост. не сохраняетъ уже и слѣда зависимости по отношенію къ дательному въ глав. предложеніи; напр. „*епископу* слезы *проливаючю*... онъ же невоесхотѣ“ Ипат.— „*Сподячю* же *Глибови* Юрьевичю въ Киевѣ... приде множество Половиць“ Ипат.— При этомъ,

336

или а) 2-й дат. причастія правильно согласуется со своимъ (первымъ) дательнымъ имени, какъ можно видѣть изъ предыдущихъ и другихъ многочисленныхъ примѣровъ,

б) или при первомъ дат. стоять несогласуемыя отричастныя формы: „*идуки* ми сѣмо, видѣхъ бани древены“ Лавр.— „*Свитаюци* же дни... сторожеве рекоша“ Ипат.— „*Идуце* же ему с Чюди, и више въ Пльсковѣ“ Ипат.— „*Добрымъ* мужемъ главами своими *пкывающе* на св. Софию, многосердый Господь посла“... Новг. I.— Оба эти вида дат. самостоятельнаго особенно любимы волынскими лѣтописцемъ (Ипат.), у котораго часто при стеченіи множества дательныхъ самостоятельныхъ забывается даже глав. предлож.^{**)} „Такія излишества (въ употребленіи дательныхъ самостоятельныхъ)

337

*) Однако едва ли можно согласиться съ тѣмъ комментариемъ, который предлагаетъ Потебня при передачѣ этихъ дѣепричастій на современный языкъ, и если ужъ причастія въ этихъ оборотахъ аппозитивны (но не предикативны, какъ называетъ ихъ Потебня), то тѣмъ болѣе аппозитивны дѣепричастія; поэтому и передавать ихъ на современный яз. слѣдуетъ не посредствомъ атрибутивныхъ придаточ. предложеній (всякому, кто поцѣлуе...), всякому, кто креститъ...); но посредствомъ временныхъ или условныхъ союзовъ (когда (если) кто поцѣлуе... крестъ... когда (если) кто креститъ... И. Б.

**) Т. обр., Потебня не признаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ нѣкоторые дат. самостоятельные сами замѣняютъ глав. предложенія. И. Б.

служать, конечно, признакомъ неискренности языка писателя, но не доказываютъ неискренности *самою построения*^{*)}, гов. Потебня.^{*)}

в) Наконецъ, въ дательныхъ самостоятельныхъ первого дательнаго все нѣтъ на лицо, а вм. второго стоитъ дѣпричастіе, при чемъ не нужно смѣшивать эти обороты изъ дательныхъ самостоятельныхъ съ именительными самостоят. (срав. выше II, 194), пот. ч. къ послѣднимъ лучше относитъ тѣ, въ которыхъ при дѣприч. бываетъ им. над. налицо а не такіе, какъ напр. «закъжеся пожаръ... въ говніе, идуче въ заутреню» (=идучемъ людямъ; слѣд., здѣсь дѣприч. замѣняетъ собою дат., а не им. самостоят.). Повг. I. — «А отъ мѣста св. Георгія, поидучи въ горы (вм. дат. с.), до Іерусалима 20 верстъ» Дан. Полон.—

Въ позднѣйшемъ языкѣ дат. самостоятельный первыхъ двухъ видовъ, т. е. съ *первымъ* дательнымъ, передается почти всегда полнымъ *временнымъ*^{**)} обст. предложениемъ, причемъ первый дат. обращается въ подлежа: «когда я шелъ сюда, то увидалъ... Что же касается послѣдняго вида, т. е. безъ первого дательнаго, то и нынѣ встрѣчается онъ въ народ. словесности: «бобы не грибы, не посявъ (т. е. непосѣявши или «непосѣявшемъ людямъ») не взойдутъ».

Когда дат. лица «мнѣ» въ глав. предл. можетъ замѣняться выраженіемъ «у меня», то въ народ. словесн. можетъ стоять въ придат. предл. также дѣпричастіе, если оно относится къ тому же лицу, что и въ глав: «какъ ретивое сердечюшко позаныло у меня..., живущи безъ своей матушки».^{***)} Послѣдній видъ замѣны дат. самостоятельнаго дѣпричастіемъ сохранился въ мѣрус. и серб. языкахъ.

[Итакъ, въ основу объясненія дат. самостоятельнаго должны быть положены *первый* дат. при причастіи, которое Потебня называетъ предикативнымъ.

Сначала первый дат. въ дат. самостоятельномъ былъ тождественъ съ дат. главнаго предложенія или въриѣ—повтореніемъ сего послѣдняго, а причастіе при первомъ дат. носило обоюдный характеръ: и атрибутивный, и предикативный, судя по контексту. Затѣмъ, причастіе стало тяготѣть больше къ

*) Если такъ, то, значить, Потебня, въ противоположность Срезневскому, признаетъ дат. сам. вполне свойственнымъ духу рус. яз. (ср. выше „Зап.“ стр. 195). Поэтому и сожалѣніе Ломоносова о потерѣ дат. сам. имѣетъ свое основаніе (Лом. Гр. § 533, изд. 1847 г.). И. Б.

**) Не только временнымъ, но причиннымъ, условнымъ и уступительнымъ: „не мози, чадо, неяденіемъ плоть свою изнуряти, юну ти сищу“; „изыди противу варваръ и, Богу помогающе ти, побѣдиши“; „пребывающе же ему въ таковѣ любочестіи у царя, и отъ всѣхъ снхъ не вознесся сердце его“.— И. Б.

***) Дѣприч. въ народ. пѣсняхъ ставится и тогда, когда оно относится не только къ дат., но и къ *род.* п. имени главнаго предл: „невыздрѣвши, рябины нельзя заломать“. (Шейнъ Р. и. п.). Значить, дѣприч. ставилось и ставится, когда оно относится 1) къ им. п. глав. предл., 2) къ *род.* и 3) къ *дательному*. И. Б.

Замѣна дат. сам.
въ позднѣйш. яз.

339

339-340

Общій вылогъ
дат. сам.

глаголю глав. предложенія, чѣмъ къ дательному падежу *имени* при глав. глаголь, и велѣд. этого съ одной стор. получался перевѣсъ предикативности надъ атрибутивностью, а съ другой—дат. падежь при глав. глаголь сталъ игнорироваться, такъ что явилась возможность употреблять первый дат. при причастіи, несмотря на *отсутствіе дательнаго при глав. сказуемомъ*. Т. обр. и явился при причастіи *первый* дательный самостоятельнымъ или независимымъ отъ дательнаго при главномъ сказуемомъ^{*)}).

Въ свою очередь, и съ предикативнымъ (вторымъ) дательнымъ уже въ древ. памятникахъ происходитъ измѣненіе: онъ вълѣдствіе потери атрибутивности, требующей согласованія съ *первымъ* дательнымъ, постепенно утрачиваетъ падежныя, родовыя и числовыя формы и превращается въ дѣепричастіа. Такимъ образомъ, въ позднѣйшемъ яз. является *новый* видъ дательнаго самостоятельнаго: *оан. съ дѣепр.*, а наконецъ—уже *одно* дѣепр., какъ остатокъ въ новомъ яз. отъ древняго дат. самостоятельнаго]^{**)}.

311

Владѣ Микл.
ни дат. сам.

Такое объясненіе наиболее вѣроятно, и передъ нимъ падаютъ два объясненія Миклошича: первое, будто-бы «дат. имени съ причастіемъ въ именной формѣ означаетъ *первоначально* отношеніе времени дѣйствія, выраженнаго причастіемъ, къ дѣйствію, выраженному посред. *verbum finitum*» (Гр. IV. 615), и другое, что «объясненія дательному самостоятельному слѣдуетъ искать въ употребленіи, впроч. рѣдко, *дательнаго въ значеніи времени*»; но, какъ справедливо замѣчаетъ Потебня, время причастія будетъ находиться въ такомъ же отношеніи ко времени главнаго сказуемаго и тогда, когда причастіе стоитъ *не* въ дат. падежѣ, что же касается второго объясненія, то простой дательный, безъ причастія, въ значеніи времени не употребляется.

Неопред. наклоненіе ***).

312

1) Приведа опредѣленіе неопредѣленнаго накл. по Іоанну экз. Болгарскому, который смотритъ на инфинитивъ какъ на *имя* и *глаголь*, только не излѣюшій предикативной силы наклоненія, и указавъ невѣрность взглядовъ Буэлаева (Гр. § 195) и Н. Некрасова (О значеніи формъ р. гл. стр. 17), которые вмѣстѣ съ Боппомъ смотрятъ на неопр. накл., какъ на *отглагольное имя* (течь. нечь, честь у Некрас.),—

313—4

Опредѣленіе инфинитива.

2) Потебня останавливается на «рѣшительно и прочно господствующемъ мнѣніи, что инфинитивъ *только былъ* ин-

*) Срав. далѣе II, 394. *И. Б.*

**) Приведеннаго общаго вывода о дат. самостоятельномъ у Потебни нѣтъ, но для большей отчетливости мы позволили сдѣлать его отъ себя. *И. Б.*

***)) Внутренняя связь этого отдѣла со вторыми предикативными падежами вытекаетъ изъ взгляда Потебни на неопред. наклоненіе: въ *синтаксическомъ* отношеніи онъ смотритъ на неопред. н., какъ на часть составнаго *сказуемаго*. *И. Б.*

когда именемъ (за долго до начала славян. письменности), но не остался имъ», что онъ есть *имя въ этимологическомъ отношеніи и родъ глагола въ синтаксическомъ*. 315

А) Личивинскъ падежности, неопр. накл. потеряло и другія свойства имени: родъ и число. Поэтому *синтаксическое* сопоставленіе имени существительнаго, особенно на *nie* и *nie*, и неопредѣленнаго наклоненія взаимнъ того или другого надежа въ древ. рус. и соврем. языкѣ Потебня считаетъ стилистической ошибкой; напр. «и тѣ бы священники... оучили своихъ учениковъ *страху* Божию, и *грамоту*, и *писати*, и *пѣти*, и *чести*» Стогл.*); рав. обр., принимать при себѣ предлоги и членъ, подобно греч., нѣмец. и романскимъ яз., неопредѣленное накл. въ рус. яз. не можетъ. 316

Б) Потерѣ числа неопред. наклоненіемъ не противорѣчать уменьшительныя окончанія неопредѣленнаго накл. (мнр. «спа-т-оньки», влрус. «пора спатеньки»), пот. ч. формы эти съ оконч. имен. и. множ. ч. *непервообразны* и во всемъ прочемъ имѣютъ *функции глагола*, а не именныя. 317

В) Отсутствію въ неопр. накл. *рода* не противорѣчить постановка прилагательнаго въ сред. родѣ при неопр. накл.; напр. «въ бою *не уступить* великой честью *озарило-бъ* мои молодые годы» (Бул. Гр. § 195): здѣсь сред. р. согласуется съ неизвѣстнымъ подлежащимъ (безлично: ср. III, 403), а самому неопр. наклоненію сред. р. чуждъ. 318

Г) Не имѣя родовъ и чиселъ, какъ средствъ къ согласованію, неопред. накл. не м. б. и атрибутомъ къ существительному, а за отсутствіемъ падежности оно не м. б. и подлежащимъ или дополненіемъ; неопр. наклоненіе «можетъ принадлежать лишь къ глаголу въ обширномъ смыслѣ». Отъ личнаго глагола неопр. наклоненіе отличается тѣмъ, что *с. finitum* самъ обозначаетъ свое лицо, въ неопред. же наклоненіи лицо опредѣляется или а) при помощи личнаго глагола: я хочу ѣсть (==чб я ѣлъ), ты хочешь ѣсть (==чб ты ѣлъ) и т. д., или б) опредѣляется *косвеннымъ* падежомъ того же предложенія: прошу *васъ* притти (==чб вы пришли), прошу *его* притти (==чб онъ пришелъ) и т. д., или в), наконецъ, субстанція лица вовсе не опредѣляется, если при личномъ глаголѣ нѣтъ дополненія: отдай (неизвѣстно кому) спрятать эту вещь. 319

Когда лица личнаго глагола и неопредѣленнаго накл. совпадаютъ («Хочу ѣсть» = я хочу, чтобы я ѣлъ), то неопр. накл. наз. *субъективнымъ*, когда же субстанція лицъ бываютъ

Субъективное и
объективное не-
опр. накл.

*) Однако, такіа сопоставленія были и есть; слѣд. приходится считаться съ ними, какъ съ фактомъ. И. Б.

различны (прошу *васъ* притти=я прошу, чѣ вы пришли) или когда главное предложенье безлично, то неопред. накл. наз. **объективнымъ**.

Неопр. накл. не
есть существ.
отглагольное.

Д) Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ «неопр. накл. вноситъ въ языкъ особое составное*) сказуемое, состоящее... изъ двухъ видоизмѣненій глагола», и не можетъ быть дополненіемъ къ личному глаголу, пот. что неопред. наклоніе не имѣетъ уже косвенныхъ падежей и не есть субстанція: «я хочу ѣсть» не равно «я хочу ѣды»; равн. обр. неопр. накл. не м. б. и подлежащимъ, а только *выдвигается иногда на мѣсто подлежащаго* при безличномъ выраженіи, напр. «уиѣ есть умрѣти», но это выраженіе не равносильно «уиѣи есть смрѣти», пот. ч. «умрѣти» имѣетъ глагольное, а не именное значеніе. Что же касается грамматическихъ уравниваній, какъ «просилъ пустить» и «просилъ *чтобы* пустили», то они также не должны считаться тавтологіями въ строгомъ смыслѣ: «неопред. наклоніе точно предполагаетъ предложенье съ личнымъ глаголомъ, но не *придаточное*, снабженное союзами, вносящее въ рѣчь большую сложность и опредѣленность, чѣмъ неопр. накл.; а предложенье *независимое*»**).

351

Е) Неопред. накл. не можетъ быть названо существительнымъ еще потому, что и опредѣляется оно *нарѣчіемъ*, а не прилагательнымъ.

Ж) Неопр. накл., подобно нѣкоторымъ причастіямъ, можетъ сливаться съ глаголомъ въ одну грамматическую форму (буду читать), а *отглагольное существительное* не можетъ.

352

З) Въ греч. и лат. неопред. н. имѣетъ *времена и залои*, въ славянскомъ можетъ имѣть *видовые* отбѣнки, между тѣмъ отглагольные сущ. на *нѣ* и *нѣ* не отъ всякаго вида глагола могутъ быть удобно образованы; напр. отъ начинательныхъ и однократныхъ глаголовъ: сохнѣти, толкнѣти не удобны: «разлѣтіе» м. значить, что рѣки *разливались* и *разлились*: «для предупрежденія разлѣтія рѣкъ»=чтобы рѣки не *разливались* и не *разлились*.

353

И) Въ славян. языкахъ неопред. накл., какъ и прич., можетъ принимать прямой объектъ (выш. п.), постѣ же существительныхъ этого не бываетъ: создать (создавшій) *что*, по создатель, созданіе *чего*. Исключенія крайне рѣдки (напр. «по принасти ми отъ Бога великій *даръ*» (Сунр.) и представляютъ остатокъ той древнѣйшей эпохи, когда граница между причастіемъ и отглагол. существительнымъ не была еще рѣзко проведена.

*) Конечно, не само по себѣ неопред. накл. есть *составное* сказуемое, а *смыслъ съ личнымъ глаголомъ*; въ отдѣльности же неопред. накл. Потѣбня называетъ сказуемымъ *второстепеннымъ* (Ср. далѣе III, 474). И. Б.

**) Трудно понять, въ какомъ смыслѣ „независимое“, особенно если сопоставить этотъ взглядъ съ тѣмъ, что говорится на стр. 349: „неопред. накл. есть такой родъ отглаголенія имени, котораго особое назначеніе есть *служить второстепеннымъ, зависимымъ* сказуемымъ“. И. Б.

Г) Наконецъ, и самъ Бусл. (Гр. § 195—197) дѣлаетъ уступку высказанному имъ прежде взгляду на неопред. накл., какъ на отглагольное существительное: инфинитивъ имѣетъ де способность обозначать наклоненіе (возможность, необходимость), существительное же этой способности не имѣетъ.

З) Продолжая дальнѣйшую характеристику неопредѣленнаго накл., Бусл. говоритъ, что оно содѣйствуетъ большей отвлеченности мысли (Гр. § 195, пр. 5).

А) Но въ какомъ отношеніи содѣйствуетъ большей отвлеченности: по сравненію ли съ личн. глаголомъ, или только съ причастными формами? Что касается сравненія съ личными формами, то, конечно, неопр. накл., если признавать его за имя дѣйствія съ мнимою субстанціей, болѣе отвлеченно, чѣмъ личный гл., при которомъ бываетъ дѣйствительный производитель; но замѣна неопредѣленнымъ накл. причастныхъ формъ сама по себѣ вовсе не представляется шагомъ къ отвлеченности. Правда, при этомъ появляются въ романскихъ, напр., и германскихъ языкахъ несомнѣнные признаки превращенія неопредѣленнаго накл. въ отвлеченное существительное, каковы члены и предлоги, которые бывають *только при именахъ*, но другая категорія неопредѣленныхъ наклоненій *безъ члена и предлога* по прежнему остается *глагольною*. Въ слав. языкѣ незамѣтно даже и такихъ признаковъ субстантивированія неопредѣленнаго накл. Подтвержденіемъ того, что слав. неопр. накл. болѣе тяготеетъ къ глаголу, чѣмъ къ имени, служитъ то, что греч. *субстантивированныя* неопред. наклоненія *съ членомъ* передавались въ лучшихъ образцахъ древ.-слав. яз. не неопред. наклоненіемъ, а существительнымъ на *мнѣ* и *тнѣ*, чего не было бы, если бы славянское неопр. накл., какъ и греческое, могло субстантивироваться; напр. τὸ εἶναι = имѣние, τὸ γράφειν = писаніе, τὸ λαβεῖν = на взятіе, τὸ πρᾶττεν = дѣланіе (XIII слов. Григ. Бог.).

А что касается оборотовъ «*еже*» и «*во еже*» съ неопр. накл. вм. греческихъ τὸ и εἰς τὸ съ неопр., то слав. *еже* могло равняться не τὸ, греческому члену, какъ признаку субстантивированія неопредѣленнаго накл., а русскому союзу «что»: «а *еже състи*» (τὸ δὲ καθεῖσαι) равно выраженію «а что до того, чбы съеть»; «а *еже на доухъ хоула*» (ἡ δὲ τοῦ πνεύματος βλασφημία) = «а что до хулы на Духа».

Б) Неопр. накл. вытѣняется двѣ причастныя формы а) на *ту* и б) на *тъ* (достиг. накл.), что также должно служить подтвержденіемъ стремленія неопредѣленнаго накл. къ *глагольности*.

а) Форма на *ту* могла быть первоначально дат. п. причастія: «да не мыслитъ ново что *быту*» (XIII сл. Гр. Богосл.).

б) Достигат. форма на *тъ* и *тъ*, происходящая отъ винит. п. (ср. лат. sup. на *tum*), встрѣчается въ рус. яз. до XIV в. включительно и ставилась

Степень существительности неопред. наклоненія.

Вытѣсненіе неопределенныхъ причастій на *ту* и *тъ*.

не только послѣ глаголовъ движенія въ пространствѣ, но и послѣ *поями, званн, пристраивати ся, просити, хотѣти* (съ веществ., а не форм. знач.). Надежъ послѣ дост. накл. ставится не вин., а род. что указываетъ конечно еще на *существительность* достг. накл. «приидоша видѣти гроба» (Кир. Тур.). Точно также и форма *ти*, съ давнихъ поръ ставившаяся на мѣстѣ *тѣ*, сохраняла послѣ себя род. надежъ: «пошлетъ своихъ шенцовъ Москвѣ писати и московскихъ становъ» (Собр. Г. Гр.). И только въ новыхъ русскихъ нарѣчійхъ исчезаетъ различіе между достг. и собственно неопред. наклоненіемъ, за исключеніемъ мрусскаго, гдѣ сохранилось еще множество примѣровъ род. надежа послѣ неопредѣленнаго накл. «якъ послала мене мати в степ *пшениці жати*». Но если бы даже съ увѣренностью можно было сказать, что родительный при достигательномъ ставился потому же, почему и при отглагольномъ существительномъ, то позднѣйшая замѣна достигательнаго неопредѣленнымъ *уже съ вин. п.* служила бы новымъ подтвержденіемъ стремленія неопред. наклоненія къ глагольности въ смыслѣ второстепеннаго сказуемаго. — Кромѣ вытѣсненія причастныхъ формъ *на ту и тѣ* неопр. накл. еще замѣнило въ немногихъ случаяхъ болѣе древнія причастія, о чемъ сказано будетъ ниже*); въ серб. же и болгарскомъ языкахъ само неопред. накл. замѣнилось *личнымъ* глаголомъ, что еще больше говорить о глагольности неопред. наклоненія.

В) Ограниченіе употребленія неопред. наклоненія въ серб. и болгар. языкахъ.

а) Въ серб. яз. *чрезвычайно часта* замѣна неопред. наклоненія личнымъ гл. съ частицею *да* въ случаяхъ, подобныхъ ст. слав. «неприде *да послужитъ* ему, но *да послужитъ*». (Остр. Ев.) вм. «приде послужитъ». Такою замѣною сербскій яз. пользуется для различенія вещественнаго значенія нѣкоторыхъ глаголовъ отъ формальнаго. Такъ; если надо указать на знаменательность, а не вспомогательность личнаго глагола *хочу*, при которомъ стоитъ неопр. накл., то въ серб. обязательно ставится «*да*» съ изъявит.: «*хоћу да пишемъ*» (желаю писать); когда же „*хоћу*“ бываетъ глаголомъ формальнымъ, тогда и по-серб. „*хоћу писати*“.

б) Въ нов. болг. вовсе потеряно окончаніе *ти*, и вм. неопредѣленнаго накл. остается *чистая глагольная тема*: „*насплом можеше ми зе* (=вѣзд), но *не можеше ми да*“ (=дать).

Разсмотрѣніе случаевъ употребленія неопредѣл. наклоненія въ рус. языкъ. — Въ рус. языкъ разсмотрѣніе случаевъ употреб-

*) Ср. II, 382, 387). И. Б.

лений неопредѣленнаго накл. можно подраздѣлить на неопред. накл. *субъективное* и *объективное* (срав. II, 349).

Неопред. накл. *субъективное*,

т. е., неопредѣленное при одномъ и томъ же подлежащемъ съ личнымъ глаголомъ, ставилось

при глаголахъ, близкихъ къ формальности или формальнымъ. — Въ слав. яз. одни изъ этихъ глаголовъ, входя въ составное сказ., сочетались и съ причастіемъ, и съ неопред. накл., другіе же только съ неопредѣленнымъ. Къ послѣднимъ относятся

4) *имаамъ* и *имѣ съ неопредѣленнымъ*. Глаголы эти съ значеніемъ *имѣть* и *братъ* въ сочетаніи съ неопред. накл. бываютъ то вещественны, то формальны и даютъ смыслъ буд. времени.

а) *Имаамъ* = $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$: „прити имать сынъ чловѣчскій“ *Имаамъ* съ форм. мал. знач. для выраз. буд. вр. ($\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\epsilon\iota$ $\acute{\epsilon}\rho\chi\sigma\iota\theta\iota$).

б) *Имаамъ* съ чисто формальнымъ значеніемъ и выражаетъ будущее время, которое слѣдуетъ за другимъ будущимъ: „продаждь—и *имѣти* *имаашъ*“, т. е., *послѣ того какъ* продашь... *будешь имѣть*. — „аще сего не сътворимъ, погубити ны *имать* Святославъ“ Лавр. Здѣсь неопр. наклоніе получило перевѣсъ надъ *имаамъ*, оттого и наст. вр. уже не чувствуется.

в) Кромѣ того, *имамъ* съ неопр. накл. *иногда* имѣетъ моральный оттѣнокъ *необходимости, увѣренности*: „сребромъ и златомъ *не имамъ* *намыти* (не въ состояніи я найти, навѣрное не найду) дружны, а дружиною *намызу* (найду) сребро и злато“ Лавр.

г) Гл. *имаамъ* при неопред. накл. сохраняетъ еще иногда значеніе и наст. вр. съ оттѣнкомъ *вѣроятности*: „взяша и мертвѣ мняще, ... и узрѣша, яко живъ естъ, и рече Феодосій, яко се *имать быти* отъ бѣсовскаго дѣйства“ Лавр., т. е., что это, *вѣроятно, д. б., происходитъ* (а не произойдетъ) отъ бѣсов. наводженія.

д) Въ южно-рус. и зап.-рус. „*маю*“ съ неопр., болѣе чѣмъ *имаамъ*, даетъ чувствовать свое наст. вр. съ оттѣнкомъ *долженствованія или возможности*: „а какъ Петръ... *имаетъ* *намы* *служити* двѣма копы“.— „Иидъ *маетъ* *присягнути*, яко не вѣдѣлъ“.— „Купцы... *маютъ* (=могутъ) огонь у своихъ домѣхъ держати“...

е) *Иму* въ др.-рус. яз. въ сочетаніи съ неопред. накл. вида *несоверш.* образуетъ будущее *начинательное*: „си *имушь* *имати* (=начнутъ брать) дань на насъ“ Лавр. Съ этимъ именно значеніемъ въ пынѣшнихъ влрус. областныхъ и мал. говорахъ употребл. выраженія: „иму дѣлать, имѣмъ вѣтъ, нему (не стану) пахать“.

5) *Хощу* и *хочу* (=θέλω) съ *неопр.* имѣеть еще вещественное знач. и потому не образуетъ грамматической формы буд. времени, а заключаетъ лишь отглагольное этого времени, при чемъ употребляется

Хочу съ знач.
вѣроятности и
долженствованія

а) для выраженія *вѣроятности* (можетъ быть, должно быть): „лють се мужъ *хоче быти* (=д. б., стало б., онъ лють, когда...) яко имѣнья не брежеть“ Лавр.

б) Для выраж. *дебитивнаго* отглагольного: „како азъ *хочу* нѣтъ законъ пріяти единъ (=какъ мнѣ принять, т. е. нельзя, не могу принять), а дружина сему смѣяться начать“ Лавр.—„А ты овчая купѣли жадаени, помалѣ *пресохнути хотяща*“ (=долженствующей...) Кир. Тур.—Съ такимъ же дебитивнымъ отглагольнымъ употребляются серб. *ху* и болг. *хѣтъ* съ *неопр. накл.*

Хочу для вы-
раж. сомнѣтель-
ности.

в) Для выраженія *сомнѣтельности*: „пожалуй“, „чего добраго“, какъ переходъ уже къ буд. вр.: „како я *хочу* молвити (дебитив.)? а на мя *хотѣть* молвити (=пожалуй, стану говорить) твоя дружина и моя, рекуще: *хощеть погубити* (=чего добраго погубить) смерды“ Ипат.

Хочу с знач.
будущаго вре-
мени.

г) Для выраженія *будущаго наступающаго*, имѣющаго быть „неукоснительно“: „се уже *хочемъ помрети* отъ глады, а отъ князя помочи нѣтъ“ Лавр.*)

д) Для выраженія *будущаго* же времени употребляются и сочетанія неопредѣленнаго накл. съ формами *хотѣаше*, *хотѣа*, *хотѣти*: „хотѣаше оумрѣти“ (ἤμελλεν ἀποθνήσκειν) Остр. Е.—„Погибель *хотѣаше быти* сему“ Лавр.—Самъ бо вѣдѣаше, что *хотѣа сѣтворити* (τί ἤμελλε ποιῆν) Остр. Е.—„егда начнеть *хотѣти свѣтити*“ (=свѣтать) Златоостр.—Въ обоихъ послѣднихъ сочетаніяхъ (г, д) видѣти переходъ глагола *хочу* отъ вещественнаго значенія θέλω къ болѣе формальному ῥέλλω (=имаамъ: ср. выше II, 363), но двойственность моментовъ мысли все-таки замѣтна: грамматическія формы глагола *хочу* указываютъ на *настоящее* (хочу) или *прошедшее* (хотѣаше) время, а вещественное значеніе тяготеетъ къ *будущему*. Поэтому можно сказать, что сочетанія эти выражаютъ *будущее* по отношенію къ *настоящему* (хочетъ быти) или къ *прошедшему* (хотѣаше быти), какъ „будетъ былъ“ обозначаетъ прошедшее по отношенію къ будущему. (Срав. выше II, 291).

б) *Начну, стану* съ *неопр. наклоненіемъ* Бусл. признаетъ *опредѣлительною* формою начинательнаго буд. вр. вида соверш. (Гр. § 158), но Потѣбня отрицаетъ и совершенность вида, и описательность формы:

*) Въ единственномъ выраженіи древ.-рус.: „не дождочу“ (Ипат. 457) Потѣбня хотѣлъ бы видѣть полное формальное и звуковое сліяніе „хочу“ съ *неопр. накл.* (=„не дождати *хочу*“, подобно сербскому: «знаћу»=знати хоћу).—Ср. II, 360.

а) совершенным видомъ сочетание это не можетъ быть уже потому, что соверш. видъ глагола *начну* не переходитъ на неопр. н. ; *начну изобрѣтить* ;

б) сочетание гл. *начну* съ неопред. накл. въ современномъ яз. не можетъ быть и описат. формою, пот. что *начну* (почну, учну, зачну) теперь имѣють свое веществ. значеніе, а потому и при переводѣ на иностр. яз. передаются, какъ самост. глаголы; въ старо-слав. же и др.-рус. яз. „*начну*“ съ неопр. могло замѣнять *буд.* *вр.*, какъ *одна* описат. ф.: „перачни—ти начьнеть“=χατὰρροῦνσι. По *начинательности* и *несовершенности* вида это сочетание близко къ др.-рус.: „иму творити“ и противопоставляется другому *будущему совершеннаго* вида: „се работающей мѣгѣ пити начьнутъ“, вы же *взжжажетесь*“.

в) Глаг. *стану*, по мнѣнію Потѣбни, въ древ.-рус. яз. едва ли составлялъ одну описат. форму какъ въ буд., такъ и прош. вр.. Подобно *стану*, съ сохраненіемъ вещественнаго своего значенія, употреблялись и употребляются еще *яти*, *взять*, *приняться*, *пуститься*, *заводить*, *пойти*; напр. „аще *возьмѣши въздѣвати рущѣ*“ (=станешь возд. р.) Поуч. Θεод.—, „*онѣ и пойдѣтъ вратѣ*“ Гог.—Въ лятер. рус. языкѣ формы *сталъ*, *ставиш*, *станѣ*, новѣдному, столько же вещественны, какъ и приведенные выше глаголы, но *стану* (т. е. въ буд. вр.) съ неопредѣленнымъ, кажется, можно считать уже вспомогательнымъ глаголомъ съ начпнательнымъ отглаголемъ: „стану *сказывать* я *сказки*“ Держ.

г) Для большей *живости* рассказа при глаголахъ съ вещественнымъ значеніемъ *движенія* или *начинательности* вм. изъявительнаго накл. . . . стану при неопред. наклоненіи

аа) то ставится повелит: „давай“ или, ну: „давай бѣжать!“ „Мы
ну бѣжать!“ (вм. взялись, стали бѣжать),

66) то глаголь изъявительнаго накл. отъ „стану“ опускается и ничѣмъ не замѣняется, напр. „Я—читать, а онъ—спать“. При этомъ повелительнаго „давай“ нельзя смѣшивать съ употребленіемъ глагольных частицъ *хвать, глядь*, которыя выражаютъ *быстроту* дѣйствія.

7) Былъ и буду съ неопред. наклоненіемъ. —

а) Въ то вр. какъ причастіе въ древнемъ (отчасти и въ новомъ) языкахъ сочетается съ личною формою вспомог. *наст.*, *прошед.* и *повел.* (есмь, бѣхъ, буди, уповаѣмъ), — неопред. накл., напротивъ, сочетается почти всегда съ *безличнымъ* „есть“ (есть уповати) и бываетъ *только объективно*. Если же неопр. при *есмь*, *бѣхъ*, *буди* бываетъ изрѣдка въ древ. яз. субъективно, то глаголь перестаетъ тогда быть формальнымъ, вспомогательнымъ и имѣетъ знач: *нахоишься*, *присутствовать*, а иногда замѣняетъ глаголы движенія и означаетъ

Объединяется
неопредѣленна-
го накл. съ личн.
ф. ес.нѣ. бн.гъ,
буди.

прибывать, прибыть. Напр. „и сила господиѣ (я) *бѣишми* ихъ“ Остр. Е.—и находилась въ немъ сила Господня, *чб она исцѣляла* ихъ). —...А сами не бывали (=не прибывали, не приходили для того чб..) со Искви-
 375 чи *правити* о порубѣжныхъ мѣстѣхъ“ Пск. I.—Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ неопредѣленномъ чувствуется остатокъ значенія достигательнаго наклоненія. Аналогіей же съ глаголами движенія объяснять нужно и то, что послѣ неопред. наклоненія съ гл. «быть» въ смыслѣ прибыть, приходитъ въ русскихъ пѣсняхъ ставится *род. п.*, какъ и послѣ достиг. накл.: «были ты (=приходить ли) *красѣ монастыря* Румянцева».

б) Въ противоположность формамъ *есмь, бѣхъ, буди,*
 376 *буду* съ с.б. не- вспомогат. гл. *буду* сочетается съ субъективнымъ неопред. накл. и при томъ безъ отбѣна начинательности, который замѣтенъ въ гл. «стану». Это явление, впроч., новое и до XIV в. въ др.-рус. яз. не встрѣчается. Сочетаніе это представляетъ уже полное един-
 377 ствѣ грамматич. формы и отличается отъ сочетанія «буду съ прич.» («буду лова», «будемъ покаившеся, покайлсся»), а равно и отъ сочетаній «имамъ, хочу съ неопредѣленнымъ» тѣмъ, что неопр. накл. бываетъ только вида несовѣршеннаго.

8. Прочіе глаг. съ неопред. накл. субъективнымъ трудно под-
 вѣсти подъ какіе-либо разряды по ихъ лексическому содержанію*) и лишь
 возможно-полное перечисленіе ихъ въ разныхъ періодахъ языка могло бы
 обнаружить извѣстныя теченія языка.

а) По отношенію къ подлежащему эти глаголы или ста-
 378 вятся лично съ опредѣл. подлежащимъ, и тогда неопр. накл. бываетъ субъективнымъ, или—безлично, и тогда подлежащее переходитъ въ дополненіе, а неопред. накл. становится объектив-
 нымъ: «Унише бо *святый* гдѣши за вся умрѣти» и «унише *святому* умрѣти».

Къ этимъ же гл. по отнош. къ подлежащему д. б. от-
 Прилаг. и пош. нешены α) нѣкоторыя качеств. *прилаг.*, входяція въ составы.
 379 *agentis* съ не- сказ., (чаще съ именнымъ оконч.) и β) *существительныя* (по-
 мина *agentis*), сочетающіяся съ неопр. наклон.; напр.

α) «хитри соуть зѣло *сѣтворити*» (Изб. 1073); «моштынъ еси
 (=можеши) *помыслити*» (Изб. 1076 г.). Здѣсь неопред. н. вполнѣ гла-

*) Вотъ еще болѣе или менѣе служебные глаголы, сочетающіеся съ не-
 опред. наклоненіемъ: *колеблюсь, медлю, сиышу, пренебрегаю, откладываю, откладываю,*
хочу, желаю, изволю, благоволю, люблю, боюсь, опасуюсь, стыжусь, инуюсь, смѣю, могу,
умню, ищю, пытаюсь, стараюсь, готовлюсь, думаю, замышляю, намѣреваюсь, силюсь, по-
хаживаюсь, селѣнаюсь, отказываюсь, общаюсь, кланюсь, присягаю, начинаю, кончаю,
переставлю, привыкаю, учусь, удостоюсь, сподоблюсь. Также и сред. гл., требовавшіе
 прежде *достигат.* наклоненія.

только и отлично отъ греч. субстантивированнаго неопред. съ предлогомъ (*ταῦς εἰς τὸ ἄκοῦσαι*) и отъ славянскихъ оборотовъ *съ дати.*, какъ „хытръ кынигамъ“. Такъ же употребляются: *радъ* (ради) стараться (обычнѣе: *хотѣхомъ ради битися*, гдѣ неопр. зависить отъ сост. сказ: *хотѣхомъ ради*, а не отъ „хотѣхомъ“); *долженъ*, *готовъ*, *способенъ*, *достойнъ*, *склоненъ*, *властенъ*, *воленъ*, *любопытенъ* (Фон. Виз.), *привиченъ*, *ренивъ*, *мнливъ*, *скоръ*, *слабъ*, *гораздъ*, *досужъ*, *охочъ*, *лютъ*, *голосистъ* (Гриб.), *удалъ*, *ловкъ*, *золъ*. (Трудно объяснить, почему не встрѣчаются съ неопред. *охотенъ*, *щедръ*, *скупъ*).

379

3) *Мастеръ* итъ, *охотникъ* повеселиться, не *дуракъ* выпить. Если же номіна *agentis* переходятъ въ номіна *actionis* (охота, власть, сила, возможность, способность, право, надежда, желаніе), то неопр. накл. становится объективнымъ, такъ какъ личный оборотъ *переходитъ въ безличный*: „охота видѣть свѣтъ“.

380

б) По отнош. къ *залогу* глаголы эти большею частію не допускаютъ винительнаго и дат. объекта, хотя и могутъ имѣть ихъ при себѣ, и сочетаются съ неопр. накл. объективнымъ:

Возмож. глаго-
лы отношенія
къ залогу и
объекту.

„прошу съѣздить“=чтобъ кто-и. другою съѣздить. Встрѣчаются, впрочемъ, и субъектив. неопр. накл. въ стар. яз.: „Володимеръ же Глѣбовичъ посла во Игоревѣ, *прося* у него *пѣздити* (т. е. чтобы самъ же Влад. Глѣбовичъ ѣздилъ) *напередѣ полкомъ своимъ*“ Плат.

в) По отнош. къ *виду*, одни изъ этихъ глаголовъ, въ силу своего лексическаго значенія, сочетаются съ неопр. накл. вида только несовершеннаго. Другіе же—какъ несоверш., такъ и совершеннаго.

Съ неопредѣленнымъ наклоніемъ вида *несоверши.* сочетаются глаголы, означающіе *начатіе*, *продолженіе*, *прекращеніе* дѣйствія; *привычку*, *отвычку*, а также „пойду“ въ смыслѣ „начну“ (Ср. выше II, 372): „пошелъ (=началь) *разсказывать*“; но въ „пошелъ *разсказать*“ вида *соверши.* неопред. накл. равняется *достигательному* „чтобъ разсказать“.

Глаголы, сочетающіеся съ неопред. накл. вида *соверши.* и *несовершеннаго*, имѣютъ слѣд. отбѣки различія: неопр. накл. вида *соверши.* всегда слѣдуетъ за дѣйствіемъ главнаго глагола и относится къ *буд. вр.*: „мняахъ сѣ *вѣще приидти*“=думали, что *получатъ*; неопр. накл. вида *несоверши.* означаетъ дѣйствіе, то слѣдующее за дѣйствіемъ главнаго глагола, то одновременно съ нимъ: „Хресть цѣловалъ сѣмь *имѣти* ты сыномъ“ (Плат.)=что буду имѣть....—„Всякъ иже *убиеть* вы, *мынѣти* сѣ *службѣ приносити* Богу=будетъ думать, что *приноситъ*... „Мнятъ жилище *имѣти*“=что имѣютъ“ Лавр.—Въ нынѣш. языкѣ при *надѣюсь*, *обѣщаюсь*, *клянусь* неопред. накл. имѣетъ значеніе только *будущаю* времени.—Въ древнемъ

381

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

7

Отличіе неопред. наклоненія отъ причастія въ состав. сказ.

языкѣ. неопред. наклоненіе, выражающее одновременность, бываетъ подобно причастию *наст. вр.* въ составномъ сказ., только неопред. накл. *болѣе глагольно**) и приближается къ развитому прид. пред: „мынѣся сѣдя“=считаетъ себя *сидящимъ*, а „мынѣся сѣдѣти“=думаетъ о себѣ, *что сидитъ*; „творяхуться бити“=показывали видѣ, *что быются*.—Достоинно примѣчанія, что въ древ. языкѣ позднѣйшее неопредѣленное накл. замѣнялось иногда причастиемъ: „не дай Богъ на поганыхъ *вздѣ* ся отрещи“=отказаться *вздѣти* Ипат. Такъ же при глаголахъ: *прѣстати*, *коньчати*: „коньчаша церковь *пишючи*“ (писать)**).

9. *Неопред. со вторымъ именительнымъ*.—Если къ составному сказуемому (напр. „*Н мынѣся правъ*“^с) прибавляется субъективное неопред. накл. („*Н мынѣся быти правъ*“^с), то является *трехсоставное* сказуемое, въ которомъ неопред. наклоненіе становится *второстеп. предикатив. связкою*, а второй им. предикативнымъ атрибутомъ, какъ это бываетъ и при второстеп. *причастной* связкѣ: „мынѣся *сѣи* правъ“***). Въ силу господства *согласованія* въ языкѣ, неопр. наклоненіе не могло бы тутъ стоять, если бы оно не было субъективнымъ, т. е., если бы оно не имѣло при себѣ общаго съ личнымъ глаголомъ подлежащаго. Отсюда являются такіе обороты: „хощени ли *црѣзъ быти*“, „егда и вы хощете *ученици его быти*“, помысли *быти мнихъ*“ Лавр.

Въ нынѣшнемъ яз. трехсостав. сказ. наиболѣе употребительно при глаголахъ *хотѣть*, *желать*, *надѣяться*, *болясь*, *думать*, *памѣреваться* и др., но нетерпимо послѣ глаголовъ *казаться*, *считаться*, *называться*, *сказываться*: „казался *правымъ*“, а не „казался *быти* *правымъ*“, поэтому несправедливо объясненіе втораго именительнаго въ этихъ случаяхъ ощущеніемъ будто бы глагола *быти*, который является въ польск. и чеш. языкахъ.

Неопредѣл. наклоненіе объективное.

Неопр. наклоненіе *объективное*, т. е., не относящееся къ субъекту глав. глагола, м. б. названо «второстеп. сказуемымъ въ области объекта». Къ такимъ объективнымъ неопред. наклоненіямъ относится, между прочимъ, и оборотъ *асс. с. infinitivo*.

10. *Вин. съ неопр. безъ втораго именительнаго или со вторымъ* можетъ быть разсматриваемъ, во-первыхъ, по отношенію къ связи именительнаго падежа съ глаголомъ главнаго предложенія и, во-вторыхъ, по отношенію къ инфинитиву.

Въ первомъ отношеніи вин. съ неопредѣленнымъ можетъ быть сведенъ къ 4-мъ случаямъ:

*) Срав. далѣе II, 387. *И. Б.* —**) Срав. выше II, 162. *И. Б.*

***) Ср. выше I, 119. *И. Б.*

а) винительный прямого объекта при глаголахъ *движенія*.

б) такой же вин. при глаголахъ *просить, заставлять* и под. и при глаголахъ *дѣлать* кого чѣмъ,

в) вин. *post v. sentiendi, cognosc., dicendi* (Ср. выше II, 299 и слѣд.)

и г) *винительный, независимый отъ глагола глав. предл., при-безусловно-сказуемомъ* *дѣѣ, зрѣ, oportet* и т. д.

По отношенію къ *инфинитиву*, асс. с. *inf.* возводится къ первоначальнымъ двумъ типамъ: во-первыхъ, къ *достигательному* наклоненію, сохраняющему въ себѣ остатокъ *вин. надежа*, и, во-вторыхъ, къ *неопр. наклоненію*, равняющемуся *дательному* надежу (*учу читать=чтенію*).

Изъ оборотовъ *винительнаго съ неопредѣленнымъ въ цел.* и рус. языкѣ обычны типы а) и б), возводимые къ первоначальному *достигательному* наклоненію:

Типы *винит. съ неопредѣл. въ цел.-сл. и рус. яз.*

а) при глаголахъ *движенія*: «Азъ вы послахъ жатъ». Но уже пѣтари встрѣчается и *неопр. накл.*: „посла Олегъ мужи своя... *положити* ряды межн Гръки и Русью» Плат.; съ XV^в же вѣка—только *ти* и *тъ*.

б) Вин. съ *неопр. накл.* послѣ глаголовъ *просить, заставлять, при-нудить, убѣдить, умолить, поговорить, приласить, позвать, научить, явить, нанять, приставить* кого что дѣлать и проч.: «пристави к нимъ мужи свои *показати* церковную красоту» Плат.; «приставимъ вы хоромъ (род. п.) рубити» Новг. I; «учашеть его мати *крестинися*» Лавр.; при гл. *творити* вин. съ *неопр.* встрѣчается рѣже: «*познати* мя сътвори таню твою» Супр.

Неопр. накл. съ первымъ и вторымъ вин.: «сподобитъ мя еси *недостойнаго сгноудателя быти* (Феод. Печ.). На мѣстѣ второго вин. теперь ставится *творительный*.

в) *Post v. sent., cogn. в. греч. и лат. вин. съ неопр. въ древнихъ славянскихъ и лит.-лотын. яз. ставится вин. съ прич. post v. sentiendi* за исключеніемъ *формальной «быти»*: *увѣдоша князя идуча* (==что идетъ). Рѣдкія исключенія отсюда считаются замѣтствованіями. Что же касается гл. *быти*, то онъ встрѣчается и въ Остр. Е., и въ Лавр. лѣт.: „кого глаголютъ мѣ *быти* сына чловѣчьскаго“ (Остр. Е.); и другіи свѣтъ повѣдаютъ *быти* (Лавр.), хотя встрѣчается и причастіе: «видѣху Христа самого *суща*» (...*хѣточъ сѣху*). *Неопр. накл. в. причастія въ этихъ случаяхъ выражаетъ большую глагольность, т. е. обозначаетъ признакъ возникающій, а не данный, какъ въ причастіяхъ: «осудивша и повинна быти»=что онъ повиненъ, а «осудивша и повинна есма»=осудили его, какъ виновнаго уже.*

По господствующимъ въ славянскихъ языкахъ Потебня, отчасти согласенъ и съ Миклошичемъ, признаетъ

11. *Дательный съ неопредѣленнымъ.* Въ этомъ случаѣ неопр. наклоненіе можетъ быть двухъ видовъ:

а) или второстепеннымъ *сказуемымъ*, когда въ оборотѣ этомъ бываетъ только *первый дат.*: «приказать *мнѣ* *прійти*» = чтобъ я пришелъ,

б) или второстеп. *связкою* между первымъ и вторымъ дательнымъ: «достойтъ *ти* *быти* *кромѣку*», «дать (аор.) *имъ* область чадомъ божиемъ *быти*». Въ обоихъ этихъ случаяхъ неопр. накл. *не можетъ* замѣняться причастіемъ безъ нарушенія смысла.

Дательный а дат.
съ неопр.

По свойству *перваго* дательнаго обороты эти бываютъ двухъ главныхъ разрядовъ.

Дательный
связкою между

А. Первый дат. можетъ быть доопишемъ главнаго глагола и *помимо неопред. накл.* Сюда относятся:

а) *Дат. съ неопредѣленнымъ безъ 2-ю дат.*: «како можетъ съ итъ свои дати *намъ* *ѣти*» Остр. Е. — «*Петѣлу* даша посадицати Новгороду Новг. I. Здѣсь дат. надежи равно относятся какъ къ глав. глаголу (дати, даша), такъ и къ неопредѣленному накл. (ѣти, посадицати). Тоже послѣ главныхъ глаголовъ: *уставити*, *запѣсѣдати*, *повелѣти* (*глаголати*), *творити*: *хотѣти*, *желати*, *чаяти*, *надѣятися* (кому и чему); *запретилъ*, *помогъ*, *присудилъ*, *благословилъ*: «Володимеръ повелѣ *псковати* *лжцѣ* *сребрены* *лсти* *дружинѣ*» Лавр.

б) *Неопред. со 2-мъ дат.*: «дай *намъ* Богъ... къ мученикомъ *причтенномъ* *быти*» Ппат. Также при *послабити* (= послаблять, поблажать, потакать кому и чему), *любо*, *уне*, *луче*, *подоба* (есть), *подобаетъ*, *бысть*, *приключися*, *нельзя*: «подоба (есть) *хранитисѣ* *чистомъ* (2 дат.) *отъ* *нечистыхъ* *дѣлъ*» Изб. 1073; «луче же *пѣтати* *быти* (кому), *неже* *полонену* *быти*» Сл. о П. П. То же и въ пов. рус. яз.: «дай Богъ (*миѣ*) *живой* *убратися*» Крыл. — «Хотѣлось бы *остаться* *миѣ* *одной*» Кр. — «Визу напередъ: *какому* *грамотею* (2-й дат.) *ему* (1-й дат.) *быть* *надобно*» Ф. Виз.

в) Изъ оборотовъ предыдущаго типа съ безличнымъ *составнымъ* *сказуемымъ* („подоба есть“) создается новый оборотъ: въ составномъ *сказуемомъ* остается только безличное „есть“, а въ позднѣйшемъ яз. и оно мож. б. опущено; т. обр. вм. „подобѣ есть сыну пострадати“ является оборотъ: „есть сыну пострадати“ и, наконецъ, просто: „сыну пострадати“. Отс. со вторымъ дательнымъ: „Не *быти* *нама* *живымъ* *отъ* *тебе*“ Лавр. — „*Быть* *тебѣ* *отъ* *невѣсты* *пистравлену*“ (Горе злоч.). — Отъ опущенія составной части главнаго *сказуемаго* съ *есть* и представляется, что дат. тяготеетъ какъ бы къ *одному* неопр. наклоненію, но эта иллюзія пропадаетъ, какъ скоро вм. нает. „есть“ понадобится поставить другое время: „тебѣ *было* *послушну* *быть*“, гдѣ *первый дат.* зависить уже и отъ глав. глагола. (Ср. далѣе

II, 400—401). Это же явленіе наблюдается и въ древнихъ слав. нарѣчіяхъ, и въ лит.-латыш. языкѣ.

Б. Ко 2-му разряду оборотовъ дат. съ неопр. относятся

Второй разрядъ
дат. съ неопр.

303

а) тѣ, въ которыхъ первый дат. надежъ не является непосредственнымъ предметомъ, на который направлено дѣйствіе главнаго сказуемаго: «повелѣ *сбору* быти», «повелѣ *книгамъ* написать се и посланомъ быти», «рѣхъ *прѣмудрости* моей сестрѣ быти». Эти обороты допускаютъ двойное пониманіе—болѣе древнее, образное: «я сказалъ премудрости (какъ лицу), что она сестра моя», и позднѣйшее, когда первый дат. пересталъ быть предметомъ непосредственною воспріятія дѣйствія главнаго сказуемаго: «я сказалъ, что премудрость сестра моя». Подобнымъ же обр. нужно объяснять и вин. съ неопр. и причастіемъ, и тѣ винительный и. сперва также зависѣлъ отъ главнаго сказуемаго.*)

Дат. подлежащаго.

304

б) Затѣмъ, 1-й дат. съ неопр., подобно дат. самостоятельному (Ср. II, 330), дѣлаетъ скачекъ: онъ вовсе теряетъ отпечатокъ своего происхожденія, т. е. первоначальную зависимость свою отъ главнаго сказуемаго и появляется при такихъ главныхъ сказуемыхъ, которые сами по себѣ вовсе не допускаютъ дательнаго надежа: «мыню явѣ быти глаголемоуоуму» Супр. (=думаю, что явно будетъ глаголемое); «не мните, яко Евзѣ, прельститися вамъ» (=не думайте, что, какъ Ева, будете вы прельщены) Кпр. Тур.—«Домонѣ не стерѣ обидимѣ быти землѣ» Пск. I (=чѣ земля была обидима).—Въ позднѣйшемъ языкѣ обороты эти, какъ ас. с. inf. и с. participio, исчезаютъ безслѣдно.

Дат. независимый.

Дат. съ неопредѣленнымъ, сдѣлавшись независимымъ отъ глав. сказуемаго, получаетъ возможность присоединяться къ сказуемому, имѣющему дополненіе и въ вин. надежѣ, и так. обр. отклоняется отъ принципа согласованія: «сподоби мѧ съобщнику ми быти» Жит. Феод.

305

Наконецъ, подобно греч. и лат. ас. с. inf., славянскій дат. съ неопр. получилъ возможность «выдвигаться на мѣсто подлежащаго»: изъ оборота „хорошо (есть кому-либо) быть царемъ“ (вм. дат.) образовалось выраженіе: „быть царемъ—хорошо“ (=βασιλεὺς εἶναι καλόν ἐστιν), при чемъ неопредел. наклоненіе остается все-таки второстепен. сказуемымъ, а подлежащимъ къ главному сказуемому является мѣст. это: „быть царемъ—это хорошо“. (Ср. мр. „з вами мені разлучитися, се (=это) смерть моя“ Квит.).

306

Примѣтъ говорить, что въ примѣрѣ „быть умрѣти нищоуоуму“ дат. не зависѣтъ отъ «быть», иначе „нищоуоуму“ стояло бы послѣ „быть“; но, какъ справедливо возражаетъ Потебня, дательный 1-й можетъ быть отдѣляемъ отъ неопред. наклоненія и стоять при глав. сказ., даже если бы неопредѣлен-

Срощеніе мѣстна Гриммъ, Милославскій и другіе объясняютъ дат. в. при неопред. в.

*) Срав. выше II. 303, 304. И. Б.

наю накл. не было: „доброѣ ти есть бѣдыигоу (2-й дат.) въ животѣ вѣннѣи“. — Миклошичъ объясняетъ 1-й дат. зависимою его не отъ глав. сказуемаго, а отъ неопредѣленную накл., какъ глагольнаго имени, по аналогіи съ дат. падежомъ при отвлеченныхъ глагольныхъ именахъ на нѣ прежде пришествія Христосу, «по остатни гему сирѣ» (Микл. Гр. IV, 620); но Потебня такіе дательные при глагольныхъ именахъ не только отвлеченныхъ, но и конкретныхъ (сѣздатель миру), считаетъ дательными принадлежности, тяготеющими исключительно къ именамъ, при коихъ стоитъ дательный падежъ: въ примѣрахъ же, подобныхъ „бысть умрѣти нищоуоуму“, дательный тяготеетъ не къ одному неопредѣленному, но и къ глав. сказуемому, и можетъ стоять даже безъ неопред. наклоненія.

Потебня находитъ неудовлетворительною и ту попытку нѣкоторыхъ ученыхъ (Бенфея, Шлейхера, Миклошича), которые изъ первоначальнаго дат. пад. инфинитива думаютъ объяснить стоящій при немъ дательный цѣли путемъ удоболенія или аттракціи, какъ напр. въ литов. и др.-рус. яз: не каждый ротъ бранъ пить», «бочка пиву вливать», «ведро водѣ носить»: «нагѣзе мастера... олову ляти» Лавр. — Считая эти дат. падежи дополненіемъ къ неопред. наклоненію и принимая послѣднее за дат. пад. отглагольнаго имени съ суф. *ти*, они объясняютъ дательные, стоящіе вм. винительнаго, аттракціей къ самому неопред. наклоненію, т. е., вм. брану пить — бранъ пить, вм. олово лить — олову ляти. Но Потебня не допускаетъ этого объясненія. пот. ч. такая аттракція возможна только въ доинфинитивную эпоху: когда же въ славянскихъ и литовскомъ языкахъ неопредѣленное накл. стало безнадежнымъ и сдѣлалось чисто глагольнымъ инфинитивомъ, тогда и аттракція стала невозможною.

Объясненіе Потебни дательнаго при неопред. н.

Поэтому Потебня положеніе вопроса о дательномъ съ неопредѣленнымъ представляетъ въ такомъ видѣ:

а) съ одной стороны, дательный^{*)} указываетъ на субъектъ неопредѣленнаго: „искова лѣжнѣ ясти дружинѣ“ (=чтобы дружина ѣла); инд: „очищайте сому Индрѣ пить (чтобы Индра пилъ“),

392

б) а съ другой — дательный указываетъ на объектъ неопредѣленнаго: „нагѣзе мастера... олову ляти“ Лавр. (=чтобы олово ляти); „приставимъ вы хоромѣмъ рубити напимъ“ Лавр. — Тоже въ стар.-чеш: „křišiti jedno pole pútnikom hřiésti“. Но, основываясь на общемъ теченіи языка, которое идетъ отъ соподчиненія (паратактичности) къ подчиненію (гипотактичности), а не наоборотъ, Потебня, согласно съ Вс. Миллеромъ, видитъ въ дат. падежѣ при неопред. накл. древняго яз. не подчиненіе дательнаго инфинитиву, а соподчиненіе или равномерное тяготѣніе и тою и другою

^{*)} съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка И. Б.

изъ своему общему дополняемому слову,*) такъ что выраженія: „ясти дружишѣ“ и „олову ляти“ первоначально значили: некого для пды, для дружины. нѣмѣ мастера для литья, для олова, т. е., оба дательные: и дѣйствія, (для пды, для литья), и предмета (для дружины, для олова) представлялись соединенными и одинаково вещественными и субстанціальными. А затѣмъ языкъ отъ отвлеченной, мнимой субстанціальности имени дѣйствія (для пды, для литья) переходить къ его глагольности: *ѣсть дружишѣ* = *чтобъ ѣла дружина*.

12. *Неопр. накл. съ явнымъ или подразумеваем. дательнымъ при безлич. „естъ“*. Такое неопр. накл. Буслаевъ (Гр. § 196) признаетъ безличнымъ сказ., означающимъ необходимость или возможность, при чемъ подразумеваем. *льзя, нельзя, должно*. Но, во 1-хъ, подразумеваніе „льзя“ и т. д. есть фикція, не подтверждаемая исторіей языка: тутъ подразумевается или стоитъ налицо *естъ, бѣ, будетъ* (ему *естъ* ѣхати); поэтому и безличность въ подобныхъ оборотахъ *льзя*, а не неопр. накл., подлежащее коего явственно обозначено дательнымъ падежомъ при глаголъ *естъ*. На этомъ основаніи обороты „мнѣ ѣхати“ и т. п. должны б. разсматриваемы въ ряду другихъ оборотовъ съ безличнымъ сказ., въ которыхъ неопр. накл. является обычнымъ второстеп. сказуемымъ. Таковы безличные глаголы ст.-слав. *довольтъ* (мн быти) = довольно, достаточно *естъ, должно*, *достойно естъ, подобаетъ, льзя, лтъ* *естъ, удобѣе естъ*. — Въ нов. яз: *хочется, желается* (желательно), *жаль, случается, приключается, доводится, приходится, приюжается, бываетъ, будетъ* (= довольно), *идется, придается, стбитъ, нужно, можно, должно, оиво, неоиво, нечудо, мнѣ воля, неволя*, при чемъ существительныя съ „естъ“ д. б. разсматриваемы не какъ подлежа., а какъ безлич. сказуемая**).

Не сочетаются съ неопр. безличные глаголы *воспріятія*: *кажется, видится, чуется, чудится, презится, мерещится...*, послѣ которыхъ ставится прид. предл. съ союзомъ *что*.

Напротивъ, особенно обычны сочетанія безличныхъ *ес, бы, бѣде* съ неопр. накл.:

а) *бѣдетъ* съ значеніемъ *случится, придется*: „аще вы *будетъ* крестъ цѣловати..., а ли (то лишь) уравнише сердце свое... тоже цѣлуйте“ Лавр.

б) *буди* съ знач. *пусть случится, пусть доведется*: „а не буди ему отъ Бога мира узрѣти“... Лавр.

в) *будяше* (= *бывало нужно, случалось*): „аще поѣхати будяше Обрину, не дадяше въпречи коня.“ Лавр.

Сочетанія съ неопред. наклоніемъ безличныхъ: *будетъ, буди, будяше, бѣ, бѣше, бѣло*.

*) Срав. датѣ III, 207 и слѣд. И. Б.

**) Срав. датѣ III, 461—468. И. Б.

г) *оуаице*. *оуаице* въ смыслѣ возможно было, „предстояло“: „Тогда бине брани быти... тогда ся начаша бити межн собою“ Повг. I.—„Тогда воела видѣти, а человекъ башеть невидѣти“ Плат.

д) *бъ* съ знач. *предстояло*, *нужно было*: „Данилови же... съѣхати... бѣ со выежнихъ горъ“ Плат.

е) *бысть* съ знач. *случилось*, не *бысть*—нельзя б: „бысть оумрѣти иншѣ-хочу“ Остр. Е.—„не бысть имъ мимо онъ поити къ городу“ Плат.

ж) *было* (*гестъ*) съ знач. *слыдовало*: „намъ было сего у Бога просити“ Плат.—Въ поздн. же языкѣ *было* съ неопр. стало замѣнять собою и другія выражанія съ *бѣ*, *башеть*, *бузашеть*, отчасти съ *бысть*: „быть было ненастью, да дождь помѣшалъ“ (Срав. выше II, 267, 268.).

з) *гестъ* безлич. съ знач. *предстоитъ*, *возможно*, *нѣсть*—*невозможно*: „отъ чего ми *гестъ* умрѣти“ Лавр.—„Нѣсть убѣжать всякому рожену“ Плат.

Неопред. накл.
при безличномъ
гестъ съ личн.
ми отглаголен по
отношенію ко
прелюби и мо-
дальности.

Вироч., уже въ древ.-рус. яз. *гестъ* опускалось, и, вопреки мнѣнію Буса. (Гр. § 196, 2), отъ этого опущенія вовсе не зависятъ ни безличность оборота, ни отношеніе ко времени, ни модальность (необходимость и возможность): „миѣ умереть“ и „миѣ *гестъ* умерѣти“ совершенно одинаковы.

405 *гестъ*, стоящее налицо или опускаемое при неопр. накл., представляеть нѣсколько отбѣсковъ въ отношеніи къ времени и модальности:

аа) *гестъ* почти то же, что *находится*, *имѣется*: „*гестъ* поговоритъ“ (о чемъ). „У меня нѣтъ да золотой казны, нѣтъ скатныхъ отдамъ жемчужовъ“ Барс. Причт. Въ этихъ случаяхъ „*гестъ*“ въ силу вещественнаго значенія своего никогда не опускается, а неопред. наклоненіе настолько самостоятельно, что обороты эти служатъ переходомъ къ тѣмъ, въ коихъ неопредѣленное накл. отдѣляется отъ глагола союзомъ *чтобы*: „нѣтъ *чтобы* заработать, а все поровитъ уграсть“.

407 бб) *гестъ* отчасти съ значеніемъ *приходится*, отчасти въ смыслѣ *возможно*, при чемъ *гестъ* болышею частію опускается, и обороты эти никакъ не могутъ передаваться будущимъ вр: „зло *гестъ* нашимъ головамъ, да (=что) намъ *гестъ* ясти (есть) деревяннымъ лѣжанцамъ“ Лавр.—„Есть гора Елеонская... *видѣти* же (есть) съ нея всюдѣ... и до Иордана дозрѣти“ Дан. Нал.—Нов. влвр: „*знать* сокола по полету“.—„А *чашь* тое казны болши шти-тысечь рублевъ“ Котош. Отс. *чашь*=чаятельно, вѣроятно; *знать*=вѣроятно: „*знать*, онъ богатъ“, „*знать*, она сильна“; *незнать*—*незнать*=не то—не то, или—или; *невѣсть*—*невѣсть*: „невѣсть царь, невѣсть король.“—Отъ „*чуть*“ частица *чуть* (сначала: „*чуть* *гестъ*, журнить“; потомъ—„*чуть* журнить“=сдва журнить); отс. *чуть* съ вопросит. ли имѣеть значеніе вѣроятности, догадки: „*чуть* ли онъ не умеръ“.

вв) *гестъ* съ знач. *предстоитъ*, при чемъ дѣйствіе неопредѣленнаго

накл. отодвигается къ буд. врем: «вдохвъ глаголаше... яко... Дигьпру (есть) *лѣтещи* вепять». Лавр. Дебитивное значеніе здѣсь *не непременно, а только возможно*: «отъ сего ли лѣба смерть мѣ (есть) взяти?» (Лавр.), и лишь *вещественный смыслъ рѣчи* требуетъ иногда усматривать въ этихъ оборотахъ дебитивности: «аже ны не даси, а намъ самѣмъ о себѣ *поискати*». Ипат.

Въ другихъ временахъ, кромѣ настоящаго, глаг. «есть» *не опускается*: «зачѣмъ мѣ *было* на гору веходитъ» (или: *будетъ* идти, *пойти*)?

Опущеніемъ безличнаго «есть» удобно объясняется неопр.

накл. и съ *повелит.* значеніемъ: напр. «молчать! —, есть молчать (тебѣ, вамъ)». Но въ иныхъ случаяхъ это неопр. наклоненіе можетъ объясняться опущеніемъ какъ безличнаго, такъ и личнаго глагола *движенія*, при чемъ можетъ стоять не только дат., но и им. пад.; напр. «молотники, молотить! *молотыщники, молоты (т. е. идите)! я самъ*—лежать съ женою (т. е. «пойду»). Въ другихъ же случаяхъ повелительность неопредѣленнаго накл. можетъ б. объясняема опущеніемъ иныхъ *вещественныхъ личныхъ глаголовъ* и словъ, въ родѣ „ты *юженъ*“: „ничегоже *взъмѣте* на пать, ни жьзла, ни впры, ни хлѣба, ни сѣребра, ни двою ризоу *имѣти*“ (=или „*вамъ есть* имѣти“ или „*должны есте* имѣти“, или „*имате* имѣти“). Подобнымъ же опущеніемъ объяснять должно повелительность выражений: „домой“, „долой“, „вонъ“, „прочь“!

Неопр. накл. съ опущеннымъ «есть» въ условныхъ предположеніяхъ.—Это есть наиболѣе древній способъ условныхъ сочетаній, при чемъ условные и заключит. союзы могли вовсе опускаться: „а на ней (горѣ) *стрѣлѣти*—перестрѣлъ есть“ Хожд. Дан.—, „*Полядѣть*—картина, а *песлушати*—животина“ посл.—, „*Смотрѣть*—такъ выйдешь изъ тергѣнья“. Крыл. Глаголь же „быть“ въ *прош. вр.* не опускается: „копъ было брать, такъ брать“. Поэтому въ выраженіи: „на Волгѣ жить—ворами *слѣать*“ нужно видѣть *два* предлож., а не *одинъ*. и сказ. одного и того же предположенія, какъ думаетъ Буслаевъ (Гр. § 195).

Неопр. «быть» (при подризум. «есть») съ другими неопр.: сколько ни плакать, а *быть* (есть) *перестать*. Здѣсь «быть» употребляется не *выѣсто* „надобно“, какъ думаетъ Бусл. (Гр. § 196,2), а *есть* составное сказ.: (есть быти), въ которомъ отбѣнокъ необходимости зависить отъ опущеннаго «есть» (=предетонѣть, приходится, слѣдуетъ). Срав. со стар. состав. сказ.: «твориться вравъ *си* (правъ *быти*)», «мнѣять и мѣртва *суца* (мѣртва *быти*)». Это «быть» не равносильно неопредѣленному наклон. въ выраж.: «*знати* жить тебѣ богато», гдѣ „знати“ потеряло уже предикатив. значеніе и стало частицею, первоначально же было также *сказуемымъ*: „*зна- ги* есть, *жити* есть тебѣ богато“.

13. *Неопредѣленное наклоненіе съ миним-страдательнымъ отглагольнымъ.*—Въ этихъ оборотахъ

а) *главное сказуемое* бываетъ опредѣленно—личное,

б) *дополненіе при неопредѣленномъ*—тождественно съ предметомъ подлежащаго при главномъ сказуемомъ,

и в) *указаніе на подлежащее* неопредѣленнаго накл. большею ч. бываетъ на лицо или выводится изъ дат. пад. при глав. сказуемомъ. Сюда относятся случаи:

а) неопр. при *прилагат.*, входящемъ въ сост. сказ: „вода (Иордана) *сладка пить*“ (Дан. Пал.)=полному выраженію: вода сладка *есть* пить *се кому-нибудь*. (Ср. лат. сун. на и: *facilis cognita*, гдѣ сун. выводится изъ дат. п., какъ въ «*Macedonia divisi facilis*»).—„Хорошъ поглядѣть“.—(Ср. у того же Дан. Пал. „стоишь твердо *ко взятію* (=взять его).

415 б) Неопр. при глаголахъ: „*есть* бо разсѣльна та на камени томъ *знати*“*) и до днешняго дни“ Дан. Пал.—„Изва вся *знати* (есть) на рукѣ“ Путеш. Лукьянова.—„*Знати* де полетка соколинал“, „знати соколъ по полету“, „у три дни ета яда *посыла съязи*“ (=чѣ съязи на ней). При возврат. сказ: „калина *недалася* (кому) *ломати*“; „ты книги (им. п.) *юдятся* (кому) *сжечи* (я)“; нынѣшн: „вода *юдится* (кому) *пить*“. При страд. сказ: „крестъ *поставленъ* (кому) *цѣловать*“ Лавр.—Во всѣхъ этихъ примѣрахъ главное сказ.—личное, дополненіе при неопред. накл. тождественно съ подлежащимъ главнаго сказ., а подлежащее для неопредѣленнаго накл. выводится изъ дательнаго падежа. Къ этимъ же примѣрамъ слѣдуетъ отнести и тѣ, въ которыхъ Бусл. (Гр. § 196, пр. 3) считаетъ *им.* падежъ жен. р. поставленнымъ *вм. вин.* при неопр. *дѣйстви.* з: „дати ему своя *грамота*“, „молодымъ пѣти *слава*“ (Сл. о. П. II.) „такова *правда* узети Русину“ (Смол. гр.). Первоначально обороты эти были также опредѣленно-личны: „Русину (есть) правда *взяти* (ее)“, „молодымъ (есть) слава *пѣти* (ее)“, и только *теперь* мы можемъ *чувствовать* эти выраженія, какъ *безлич.* предложенія, въ коихъ именительные падежи не могутъ уже быть подлежащими: „безъ денегъ *вода* *пить*“=первоначальному: *есть* вода *пить* *ее* безъ денегъ (Барс. Прич. I).

416 Подъ вліяніемъ перехода личныхъ оборотовъ къ безличнымъ, языкъ сталъ принавать формамъ жен. р. на *а* значеніе *вин.* падежа и тамъ, гдѣ онъ никогда не могли имѣть значенія *именит.* падежа**): „а *далъ* *есмы* *дѣти*мъ своимъ сыномъ кобылка *гнѣда*“, а иногда рядомъ съ формою *име-*

*) Въ подобныхъ оборотахъ м. стоять еще «видать», «слыхать» которые въ безличныхъ переходятъ въ «видно», «слышно». Ср. III, 469. И. Б.

**) Подобную же непоследовательность или скачекъ въ отношеніи зависимости падежа отъ главнаго сказуемаго можно было видѣть и выше въ дат. самост. (II, 330) и въ дат. съ неопред. (II, 394). И. Б.

нительнаго п. ставился и винительный: „слюбую держати цѣлую *правду* и чиста *выра*“ Грамота Дм. Олгерд. 1388 г.*). Въ нынѣш. литер. языкѣ обороты *надо, надобно съ род.* п. безличны п, конечно, позднѣе личныхъ съ им. п. въ народ. яз: «али многа тобѣ надоть золота *казна*», или въ старш. рус.: „непадобѣ *моя дань*“ (**).

14. *Неопр. накл.* (субъектив. п. объект.), *связанное съ глав. предлож. посредствомъ относит. слова.*—Случаи такого неопредѣленнаго бывають 2-хъ разрядовъ: А) когда при неопр. накл. стоитъ относит. мѣст. или нарѣчье и Б), когда стоитъ союзъ *одинъ* или же *вмѣстѣ* съ мѣстоименіемъ или нарѣчьемъ. Въ древ.-рус. яз. такіа неопредѣленные аналогичны съ причастіемъ (**).

А.а) Подобно причастію съ им. «кто» («есть кто припеса»), неопред. при одинаковомъ подлежащ. съ главнымъ употреблялось *только* въ ст. чеш. яз: *nebyl kdo ubasiti*.

А. Неопред. съ
относ. мѣст. и
нарѣчьями.

б) Подобно причастію, неопр. накл. употребляется съ косвеннымъ пад. относительнаго мѣстоим. или съ нарѣчьемъ: «неимать *чесо псти*» Остр. Е.—*«Како ваю похвалити, несвѣмъ, и что реци педоумѣю»* Сказ. о Б. и Гл.—Таково употребленіе этого неопредѣленнаго и въ нов. рус. яз., и въ другихъ слав. нарѣчьяхъ, тогда какъ въ греч. и лат. употребляются здѣсь *личные* глаголы.

в) Отлично отъ причастія, неопр. п. *можетъ* имѣть иное подлежащ., чѣмъ при глав. сказ., особенно когда послѣднее бываетъ безличнымъ: «есть ей, *чимъ ся пострици*» (Дух. новг. 1270 г.).—«Аже будетъ близъ торгъ, *тои купиши*, то недостойтъ» (служити одною просфорою). Вopr. Кюр.—«И не быеть имъ, *куда перенхати*» Плат.—Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣйствующее лицо неопредѣленнаго накл. указывается наличнымъ или подразумеваемымъ *дательнымъ* при безличномъ «есть», при чемъ въ нов. рус. яз. этотъ дательный, для избѣжанія двусмысленцы, можетъ замѣняться род. съ предл. *у*: «*у меня* (=мнѣ) есть кому псать». Другіе примѣры въ совр. рус. яз.: есть чему (пѣ-чему) удивляться, есть кого (пѣ-кого=не есть кого) удивить, есть гдѣ (пѣ-гдѣ) жить. Но въ *отрицательномъ* прошед. и буд. (*было, будетъ*) не говорилось уже въ древ. рус. яз. «не было чего бѣтъ», а замѣнялось однимъ предложеніемъ *«ничего, нѣдѣ было*

*) Ср. далѣе въ III ч. стр. 456—459 и 464 подобный же переходъ изъ личныхъ оборотовъ въ безличные: сперва «музыка слышна», потомъ—«музыка слышно», «какъ переходъ къ безличному»: «музыку слышно». И. Б.

**) Великор. *надо* возникло изъ «надобѣ есть», т. е. изъ предл. *на*+мѣст. пад. *добѣ*; въ «надобѣ-тъ», «надо-тъ», какъ и въ «нѣту-тъ», *тъ* есть не знакъ 3 л. ед. ч., какъ думаетъ Бусл. (Гр. § 200, пр. 13), а остатокъ плеонастическаго этическаго дат. *ми* (ср. выноски къ II, 191), и, слѣд., глагольная сила этихъ выраженій заключается не въ *тъ*, а въ опущенномъ *есть*.

**) Ср. выше II, 205—218. И. Б.

(будеть) ѣсть»: «нѣтъ будетъ взяти. Вспр. Кюр. Тѣмъ не менѣе отрицательные обороты съ *было, будетъ* предполагаютъ два глагольных сказуемыхъ, а именно: выраженіе «мнѣ нѣчего было (будеть) дѣлать» равняется «мнѣ было (будеть): нѣчего (не есть, чего) дѣлать», т. е., «мнѣ было (будеть) такъ: нѣчего (=не есть, чего) теперь дѣлать, и потому я пошелъ»...

г) Въ примѣрахъ, въ родѣ слѣд.: «то мнѣ *есть* порока всякаго *не уйти*» Плат., и «уже намъ *нѣтъ*... *ся дѣти*» Лавр., Бусл. (Гр. § 196, 1. а) считают неопр. накл. безличнымъ сказуемымъ съ подраз. *лѣзя, нелѣзя, болѣзю*, между тѣмъ въ первомъ примѣрѣ неопред. накл. соединяется непосредственно съ глаг. «есть» (есть не уйти), а во второмъ глаг. «есть» вошло въ «нѣзано» (=не есть, камо *ся дѣти*) влѣдствіе стяженія «не есть» въ *нѣ*, при чемъ коренное *с* и оконч. *нѣ* исчезли, какъ наприм. въ угорско-русе.: «*не іе* мого миленькаго, *не іе* мого кѣту». На этомъ основаніи и обычное «нечего» слѣдуетъ писать «нѣчего», такъ и. «нѣчего» образовалось изъ не есть=нѣ-|-чего, хотя ошибка эта встрѣчается уже издавна: «не ли (=нѣтъ ли) кого, иже бы могли на оную страну дойти» Лавр. *)

д) Не слѣдуетъ отождествлять составъ *прямыхъ* вопросительныхъ оборотовъ: «кому (есть) ѣхать» съ *косвенными*: «есть, кому ѣхать», пот. ч. въ первыхъ «есть» опускается, а во вторыхъ нѣчего не опущено. Кромѣ того, въ косвенныхъ вопросахъ придат. предложения съ относительными словами не обозначаютъ времени, и время неопредѣленного наклоненія, въ отличіе отъ причастныхъ выраженій, узнается изъ *глав. сказуемаго*. А такъ какъ неопр. наклоненіе глагольныхъ причастія **), то, въ виду стремленія языка къ глагольности, причастные обороты стали замѣняться оборотами съ неопр. накл.: вмѣсто «невѣстеса, чего просише (просивъше)» стало употребляться «незнаете, чего просить»; для выраженія же *будущаго* вр. употребляется лич. гл. «знамъ» при неопр.: «не неѣстеса, како или что *знаю* глаголати»; мр.: «незнаю, що чинити *маю*» при «незнаю, що чинити».

Въ стар.-слав. языкѣ неопр. накл. въ этихъ случаяхъ не выражало греческой и лат. сослагательности и вообще модальности и только послѣ

*) Съ этимъ *нѣ* одного происхожденія *нѣ* и въ слѣд. случаяхъ:

а) нѣтъ. *никто* (=кто нѣб.), *ничто* (=что нѣбудъ), *ништо* съ знач. развѣ, неужели въ вопросахъ въ нов. яз. и *нидѣ* (=гдѣ-то), *никогда* (=когда-то) ср. въ просторечіи: *ни* въ которомъ царствѣ;

б) *нѣ* передъ числит. съ знач. «приблизительно»: «и бѣ людей *нѣ* 300» Лавр.—«Изъено не (=нѣ) съ 200» Лавр. Отс. «нѣсколько» =«нѣ съ колико», т. е., «приблизительно (=нѣ) равнос (=съ) колику», такъ что нѣтъ пужды прибѣгать къ объясненію Миклошича (Ср. IV, 172), что будто бы «*нѣкто*», «*нѣчто*» образовалось изъ «не *вѣсть* кто», «не *вѣсть* что», каковыя выраженія имѣютъ дурной отбѣнокъ: «чортъ знаетъ, кто и что», а не *никто* и *ничто*.

*) Справ. выше II, 381. И. Б.

того, какъ получилась возможность сказать: «незнаю, что бы сдѣлать», стало казаться неопредѣленное наклон. *изъявительнымъ* въ выраженіи: «незнаю, что сдѣлать».

Б. Трудно разграничивать неопредѣленные наклоненія послѣ союза: стоятъ ли они съ подразумеваемымъ „есть“ и являются т. обр. составнымъ сказуемымъ вмѣстѣ съ „есть“, или же употребляются безъ „есть“ и так. обр. какъ бы прямо соединены со сказуемымъ или, какъ говор. Потебня, *безглагольно*. Что же касается употребленія самихъ союзовъ при неопр. накл., то

а) есть указанія, что слав. неопр. съ союзами возникло изъ болѣе древняго безсоюзнаго. Такъ, въ примѣрѣ «имѣяши уши слышати. да слышати» неопред. наклон. равносильно дониндѣшнему имени дѣйствія въ дат. н. пѣли: „къ слышатию“; „посланъ ясмь *млаголани* къ тебѣ“—„*млаголани*“ стоитъ въ достиж.: *млаголанъ*. Эти явленія чисто русскія. Даже тамъ, гдѣ по-греч. стоитъ союзъ, въ ст.-слав. употреблялось неопр.: „отъкуда намъ . . . хлѣбъ только насытити (ὅπου χορτάσαι) народа только“ Остр. Е.

Б. Неопр. накл. съ союзомъ или съ союзомъ и относительными словами.

121

Эпекзегетическое финальное неопр. накл., считаемое у Миклошича (IV, 858) гречизмомъ, также возможно и по-русски: „исполниши се днѣе *родити* ей“ О. Е.; „раздвиге земля уста свои *прияши* кровь брата твоего“ Плат. (Ср. у Держ.: „зѣяеть время славу *стерши*“).—„Посла ѿ Володимеръ... а бы кдѣ изнайти мѣсто городъ *поставити*“ Плат. (Ср. соврем.: „не могъ найти средствъ *платити* за обученіе“).—„И вложи ему очи видѣти и уши слышати“ Нам. стар. р. лит.—„Еще дай да Боже Господи ему въ домъ жену неумную *плодити* (=чтобы плодила) дѣтей неразумныхъ“ Барс. Прич. I, 288.

Эпекзегетич. финальное неопредѣл. наклоненіе.

127

На мѣстѣ этихъ безглагольных и безсоюзныхъ неопредѣленныхъ наклоненій могли и могутъ стоять неопред. съ союзами

б) *изъявительными*: *оже* (іеже), *аже*, *а*, *поздѣе—что* *): „азъ того хочу, *еже* за Христа пострадати“.—„Умоли съ нимъ про власть свою и про дѣти своя, *а* Києва подѣ Рюрикомъ не искати“ Плат.—„Симъ ли Бога умолите, *что* утокла или удавленника выгresti“ Серап.—„Крестъ къ нему пѣловаша, *что* его не выдати“ Пск. II.—„Для того я пиво пѣнное варю, *что* твоихъ-то воѣзжанъ вонти“ Шейнъ, Рус. н. в.

128

в) Неопр. накл. въ ст.-слав. и др.-рус. съ союзами *яко*, *како*, которые ближе къ союзу *что*, но могутъ б. переводимы и черезъ *чтобы*: „свѣтъ сотвориша... *яко* убити ѿ“ О. Е.—„свѣжате ѿ въ сновы, *яко* съжечи ѿ“ О. Е.—„И едумаша *яко* изгнати князя“ Повг. I.—„Король же *яко* грекъ годъ (=какъ назначить срокъ) *како* поити (=что или чтобы

129

130

*) на мѣстѣ обычныхъ теперь союзовъ *цѣли*, которые Потебня называетъ *заклучительными* (См. далѣе стр. 437—438). И. Б.

ити), и посла къ Изяславу“ Пшат. *) Однако не все случаи неопредѣленнаго накл. съ *яко* слѣдуетъ считать безглагольными: нѣкоторые примѣры м. объяснять и подразумѣваемымъ „*есть*“, при чемъ неопр. накл. было бы сходно формально съ деитивнымъ выраженіемъ залога: „цѣловать есмь крестъ на томъ, *како же* (нама) *невоеванися*“ Лавр. = съ вынужденіемъ союза: „цѣловать есмь крестъ на томъ: *не воеватися* (есть) нама“. Объ опущенномъ „*есть*“ говорить здѣсь и дат. п. при „*есть*“, и отглагольн. *буд.* вр. (что не *будемъ* воевать), чего не могло быть при *безглагольномъ* неопредѣленномъ.

г) Неопр. накл. съ *яко* въ значеніи *такъ что*, при чемъ неопред. наклоненіе болѣе самостоятельно по отнош. къ главному сказуемому и болѣею частію имѣетъ налицо дат. п. Такой дат. съ неопр. безъ глаг. „*есть*“ подобенъ греч. ὥστε при асс. с. inf: „и неотвѣща іемоу . . . *яко дивитися* игемону (ὥστε θαυμάζειν τὸν ἡγεμόνα). — „Воспнуть сильно, *яко възрешети* всему мѣсту тому“ Дан. Пал. — „И избѣ я, *яко* малу ихъ отъ таковыя бѣды *избѣгнунти*“ Лавр. — „Олегъ же бѣ . . . нездравствуя велми, *яко* немощи ему ни на конь веѣсти“ Лавр. — „Бысть сѣча зла . . . и сестушася трижды, *яко* по удольемъ (по должнамъ) *крови тещи*“ Въ послѣднихъ примѣрахъ неопр. накл. въ соврем. яз. должно быть передаваемо *прош.* временемъ подъ вліяніемъ *прош.* врем. *главнаго сказуемаго* (ср. „*будетъ* сѣча зла, *яко* . . . *крови тещи*“ = такъ что кровь *потечетъ*“, гдѣ *буд.* вр. неопредѣленнаго „тещи“ зависить отъ будущаго *главнаго сказуемаго*).

Дат. надежъ при этого рода неопредѣленныхъ равносильнъ дател. самостоятельному съ тѣмъ же союзомъ или безъ него: „толикъ бѣ гладъ, *яко* и конѣ (вин. мн.) *имъ* (=осажденнымъ) *хотящимъ* бѣти уже“ Пшат. — *потече* небо и бысть чермно . . . (*яко* опущено) *мнѣти* же всеѣмъ челоуѣкомъ (=мнящемъ), зряче: акы кровь прольняна по снѣгу“ Лавр. Но въ примѣрѣ: „и тако страшно бѣ зрѣти, *яко* второму пришествію *быти*“ (Пшат.) *яко* = какъ будто, а неопредѣленное наклон. заключаетъ въ себѣ отглагольн. *будущаго*, т. е., такъ страшно было, какъ будто *имѣло* на ступитъ второе пришествіе^{*)}.

*) Въ стар. рус. яз. „*како*“ есть не только нарѣчіе вопрос., но и союзъ 1) временной *когда...то...* и 2) изъяснительный *что* (=яко, оже, что, нѣм. dass, причемъ, подобно мѣст. и нарѣч. относительнымъ, для болѣе явственнаго указанія на предыдущее, послѣ „*како*“ ставилось *то*: «наши горожане намъ повѣдали, *как-то* (=что, а не «какъ») еси товаръ отъялъ» Грам. Риж. 1300 г. [Ср. «кто-то», «гдѣ-то», «ту то»]. — «Княжо, слышишь самъ, *какъ-то* (=что) мы ваше братне не обидѣли, *какъ-то* (=какъ) ты, княжо, дѣеши. Ibid. (См. дополн. ко 2-й ч. стр. III—VI).

*) Едва ли это такъ, потому что 1), при такомъ толкованіи, *быти* должно заключать въ себѣ указаніе времени, что противорѣчитъ предыдущему взгляду. Потребни на неопр. п. (см. II, 424), и 2) перевести это мѣсто слѣдуетъ, кажется

д) Хотя греч. обороты *πρίν* или *πρό τοῦ* съ неопр. и передаются въ Остр. Е. личными формами, но слѣдуетъ приписать *древнему* яз. и обороты съ неопр. накл., чѣмъ объясняется присутствіе и въ *соврем.* яз. такихъ выражений, какъ „прежде чѣмъ *найти* дорогу“, „чѣмъ на мостъ намъ *йти*, пошлемъ лучше броду“. Кр.—Неопредѣленное послѣ *чѣмъ*, *какъ*, *прежде чѣмъ* не должно быть объясняемо ощущеніемъ „есть“. То же наблюдается и въ лит.—лотын. яз. Въ оборотахъ же: „чѣмъ *было* показывать, онъ помиловать“ глаг. „было“ есть *вводное* слово.

Неопр. съ бы и союзами, сложными съ бы.—Потебня отвергаетъ объясненіе Буслаева (Гр. § 194 и 196), что *бы*, *чтобы*, *дабы* при неопр. накл. есть дальнѣйшее развитіе первоначальнаго прошед. условнаго вр. (былъ *быхъ*), при чемъ де причастіе „*быхъ*“, вмѣстѣ съ которымъ „*бы*“ составляло *описательную* форму, опускается, а неопред. наклоненіе употребляется какъ безлич. сказуемое съ *подразумываемымъ* „можно“, „льзя“, „нельзя“, „должно“; наприм. „пойти *бы*“=можно было бы пойти; „чтобы узнать“=„чтобы я могъ узнать“, „чтобы я узналъ“. Но, возражаетъ Потебня, это невозможно какъ потому, что подобныя ощущенія въ языкѣ безпримѣрны, такъ и потому, что смыслъ выражений въ родѣ «узнать бы» и „*можно было бы* узнать“ различенъ.

Объясненія неопредѣленнаго накл. съ *бы* нужно искать въ томъ періодѣ развитія языка, когда «*бы*» перестаетъ быть глаголомъ и обращается въ союзъ (съ 14 в.), и какъ при сочетаніи „*бы*“ съ прич. на *лз* въ это время вставлялось *наст. вр.* „есть“ для придачія предикативности причастію („что *бы есте* приняли“: ср. выше II, 279), такъ и къ неопредѣленному накл. стало присоединяться „*бы*“ съ явственнымъ или *подразумываемымъ* «есть»: «луче *ны бы есте* пріяти я на чюжей землѣ» Ипат. *)

Нужно различать два случая употребленія «*бы*» при неопр. накл.:

а) «*бы*» при неопред. съ явственнымъ или *подразумываемымъ* «есть», но безъ относительныхъ словъ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ,

и б) съ относительными словами, связывающими придат. предл. съ главнымъ, но безъ глаг. «есть». Последній случай наблюдается

аа) въ косвенныхъ выраженіяхъ въ соединеніи съ мѣст. и партч. относительными: «скажутъ вою, итѣ-*бы* приврещи граду» Ипат.—«Сотвори совѣтъ, *куда бы* воевати» Ипат.;

такъ: «какъ будто *наступило* втор. прош., т. е., неопред. накл. заимствуетъ отглагольн. прош. вр. изъ главнаго сказуемаго «*бы* страшно». И. Б.

*) Слѣдоват., здѣсь «*бы*» есть союзъ, выражающій *желательность* (ср. II, 280), а не составная часть описательной формы «было бы», какъ гов. Бусл. И. Б.

4:7 6б) для выраженія *или* «бы» въ соединеніи съ другимъ союзомъ: «начи невати мѣста подобна, а бы гдѣ поставить городъ» Ипат.

Эти обороты соответствуютъ соврем. русскимъ съ союзами *или*, которые Потебня называетъ заключительными: *дабы, чтобы, только бы, лишь бы* съ неопредѣленнымъ накл., при чемъ въ однихъ случаяхъ связи неопредѣл. накл. съ личнымъ глаголомъ посредствомъ союзовъ *цѣли* явственно выводится изъ союза изъяснительнаго (ср. выше II, 428) съ прибавкою къ нему „бы“ (а+бы, что+бы): „не могъ не полюбоваться“ = „не могъ что+бы не полюбоваться“; „азъ хочу за Христа пострадати“ = „хочу еже+бы за Христа пострадати“,—а въ другихъ случаяхъ—явственность такой связи не можетъ уже быть восстановлена. Такое употребленіе *абы, чтобы...* съ неопред. накл. *цѣли* вмѣсто личной формы объясняется отчасти и возникновеніемъ неопредѣленнаго изъ достигательнаго накл., выражающаго *цѣль*, и во всякомъ случаѣ не должно быть объяснено иностраннымъ (нѣмецко-французскимъ) вліяніемъ, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ стоитъ *inf. сз предлогами* *im, im zu, pour*, а не съ союзами. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ въ соврем. рус. яз. „чтобы“ съ неопредѣленнымъ даже неустраимо, какъ наприм. носѣтъ «вмѣсто того», или въ зависимости отъ *другого* неопредѣленнаго: «вм. того чтобы *наказать, опъ...*» — «Идетъ опъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей, *чтобъ* съ к.-н. знакомство *сестъ*» Крыл. *)

Въ старин. рус. яз. еще равноправны обороты: «како *быхомъ* промыслили» и «како *бы* (союзъ) *умирится*», при чемъ «како *быхомъ*—ли» мож. б. и *условнымъ* (сослаг.), и *желательнымъ*; въ нынѣшнемъ же яз. «какъ *бы* мы *помирились*» есть только услов. (сосл.), а для отбѣнка *цѣли* съ желательностью требуется непременно сказать: «какъ *бы* намъ *примириться*», т. е., при союзахъ *цѣли* прич.—*лз* вытѣсняется неопредѣленнымъ, а потому представляются устарѣлыми выраженія, какъ «голоса такого не имѣю, *чтобъ* Феба я достойно *величалъ*» (=чтобъ *величать*) Кр., хотя въ мѣрус. и теперь: «и се робив не для потѣхи, а Марса *щоб* *удоволивъ*» Котл.

Для южн. и вост. славянъ неопредѣленнаго наклоненія.

15. Абсолютное неопр. наклоненіе вышнимъ признакомъ своимъ имѣетъ то, что *всегда* стоитъ *передъ* глаголомъ. Въ употребленіи его различаются два случая.

4:30 а) Неопр. наклоненіе, *усиливающее отрицаніе* того глагола, предъ которымъ оно стоитъ: «я *знать-незнаю, вѣдать-невѣдаю*», т. е., рѣшительно незнаю. Въ латыш. оно ставится и при утвердительномъ глг.: «дрожать *дрожить*». [Ср. рус. народное: «самъ *спать* заснулъ» Рыбн.: III, 34]. Отс.

*) Однако, при *отдѣльныхъ* подлежащихъ въ главномъ и придаточ. предложен., послѣ союза *чтобы* ставится *личннй союзъ*: «А *чтобъ* мыпный родъ ему *не посредила*, такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ» (Крыл). — «Вмѣсто того, чтобы онъ *подалъ* мнѣ руку, я протянулъ ему свою». И. Б.

видно, что это неопр. накл. ставится какъ нарѣчіе и потому несоветѣмъ можетъ быть названо абсолютнымъ.

б) Неопр. накл. съ *уступит.* значеніемъ, при чемъ оно употребляется или съ постпозитивными частицами *хоть, то*, или и безъ нихъ: «*нашумѣть-то* нашумѣли, а дѣла не сдѣлали»; *любить хоть* пелюби, да почаще взглядывай». Однако есть случаи абсолютнаго неопр. и., которые не подходятъ подъ уступит. значеніе и могутъ быть передаваемы выраженіемъ: „что касается до того, чтобы“: „онъ *псть*-не бѣтъ, а *пить*, такъ пѣтъ“. (Ср. выше II, 201).

Примѣч. Сходно по значенію съ абсолютнымъ неопредѣленнымъ накл. употребляются и другія формы, которыя могутъ быть передаваемы нарѣчіями для усиленія сказуемаго.

Сходство съ абсолютнымъ неопр. и. некоторыхъ другихъ формъ въ литов. латыш. и рус. яз.

аа) Въ литов. глагольная форма на *te*, соответствующая литовскому неопредѣленному на *ti*: *plaukte plauké* (=плавомъ переплыть).

бб) Въ латыш. уменьшит. форма неопр. наклоненія въ родѣ мнѣрус. уменьшительнаго неопредѣленнаго „спа-т-ки“;

вв) латыш. причастія и дѣепр. подобно влѣрус. дѣепричастіямъ: «Я *летиуци* дорожку пролетѣла бы» Барс. Прич.—Въ рус., кромѣ абсолютнаго неопред. и дѣепр., приблизительно съ тѣмъ же усиительнымъ значеніемъ употребляется твор. п. существительнаго: бѣгомъ бѣжать и форма на *мя*, напоминающая творит. двойств. ч.: ливмя лѣтъ. Всѣ эти формы, усиливающія значеніе сказуемаго, *одного* и того же корня съ нимъ.

Творительный падежъ *).

1. Въ силу связи предикативнаго творительнаго съ другими творительными, необходимо разсмотрѣть и эти послѣдніе.

Разногласіе во взглядахъ на твор. пад.

Въ области изслѣдованія славяно-литовскаго яз. существуетъ большое разногласіе о творительныхъ падежахъ, за исключеніемъ развѣ твор. мѣста и времени, въ которыхъ вещественное значеніе совпадаетъ съ формальнымъ.

Бусл. (Гр. § 246) располагаетъ значеніе твор. по схемѣ членовъ предложенія: 1) подлежащаго, 2) сказуемаго, 3) опредѣленія и 4) обстоятельства, а именно:

Взглядъ Буслаева и неудовлетворительность его системы.

1) твор. *дѣйствующаю* лица при страд. залогѣ,

2) твор. признака или состоянія въ *сказуемомъ* при глаголахъ *быть, стать, содѣлаться*,

3) твор. признака, перешедшій изъ сказуемаго въ *опредѣленіе* („пострижеса дщи его *двоею*“),

и 4) творит. *обстоятельствъ*: а) *качества* и *отношенія*: *высокъ ростомъ*;

*) Творительнымъ предикативнымъ пад. заканчивается у Потебни изслѣдованіе о составномъ сказуемомъ. И. Б.

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

б) орудія: пишу перомъ, в) образа дѣйствія: шагомъ, высокѣмъ-высоко, г) причины и основанія, д) времени и е) мѣста

Генетическій порядокъ въ изложеніи творительнаго падежа.

Но самъ Бусл. признаетъ такой порядокъ *искусственнымъ*, поэтому лучше руководствоваться *генетической* связью между видами твор. падежа.

По Даничичу твор. п. первоначально означаетъ путь движенія, по которому идетъ дѣятельность отъ *исходной* точки до *завершенія*. Таково время и орудіе. Отсюда выводятся онъ и другія значенія.

Зимундъ изъ значенія „какимъ путемъ“ также выводитъ значеніе не только времени и орудія (средства), но и причины, повода, общности и качества, отношенія, мѣры, примѣриванія (согласно съ чѣмъ), сравненія. И только „твор. сказуемаго“ выводится изъ твор. сравненія.

Миклошичъ также полагаетъ въ основу творительнаго п. *пространственное* (локальное) значеніе, къ которому примыкаетъ представленіе орудія и средства; отсюда выводятся представленія *сосуществованія* (*socialis*), и дальше всего отстоитъ твор. съ *предикативнымъ* значеніемъ.

Малецкій, напротивъ, въ основу творительнаго неосновательно кладетъ значеніе образа дѣйствія.

Шлейхеръ различаетъ въ творительномъ падежѣ два основныхъ значеній: *инструментальность* и *соціативность* (=съ чѣмъ) въ отдѣльности, такъ какъ въ творительномъ есть два совершенно различные суффикса. Остальные значенія, въ томъ числѣ мѣста и времени, онъ выводитъ изъ значенія орудія: „идти дорогою“ равно де „идти посредствомъ дороги“.

Дельбрюкъ въ изслѣдованіи «*Ablativ, localis, instrumentalis*» etc. утверждаетъ, что основное значеніе творительнаго п. есть *совокупность съ чѣмъ*; поэтому соціативный или компитивный падежи употребляются для обозначенія: 1) лицъ, связанныхъ съ главнымъ лицомъ, 2) обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣйствіе, и 3) частей пространства и времени дѣйствія. Изъ соціативнаго же выводится твор. п. орудія и средства.

Бопъ въ суффиксахъ творительнаго п. также видитъ значеніе соціативности, изъ котораго выводитъ и другія значенія.

Мнѣніе Потебни о двухъ первонач. творительныхъ.

Въ виду двойственности суффикса творительнаго п., и Потебня склоненъ производить всѣ твор. падежи изъ двухъ первоначальныхъ: *мѣстнаго* и *соціативнаго* (первоначально тоже пространственнаго).

2. *Твор. соціативный безпредложный* есть наиболѣе устарѣвшій и заслоненный другими падежами въ славянскихъ нарѣчіяхъ, особенно же творительнымъ съ предл. *съ*, который однако не равняется древнему соціативному безпредложному, такъ что многое, принимаемое Миклошичемъ и

Знѣмудомъ за соціативный надежъ, должно быть относимо къ творительному орудію, причины, образа.

Нужно отличать два вида творительнаго соціативнаго: Два вида твор. соціативнаго.

а) въ творительномъ соціативномъ предметъ сопровож-
нающий, сосуществующій бываетъ предметомъ самостоятельнымъ по
отнош. къ главному; напр. въ санскр. «богъ (съ) богами», «солнце (со)
звѣздами», «каша (съ) молокомъ», «равенъ (съ) пимъ»; въ слав.: «солю
и квасомъ муку мѣвимъ», «приобщивша съ страстьми».

б) Въ тв. соціативномъ предметъ сосуществующій бываетъ не са-
мостоятельный, а составляющій часть или условіе бытія главнаго
предмета, что особенно явственно бываетъ при предметахъ конкретных.
Напр. «бѣ же Мстиславъ дебелъ тѣломъ, великыма очима» Лавр.—«Бо-
ристъ тѣломъ бяше красенъ, лицомъ кругломъ» Сказ. о Бор. и Гл.—«Мы
ся донескахомъ оружіемъ одною стороною, рекше саблями» Лавр.—«го-
родчане только душею остахася» Нов. I.—«а насъ отпустили юлыми ю-
ловами за море» Ао. Ник. Въ обычной начальной формулѣ завіщаній до 17 в.:
«се язъ рабъ Божій, отходя сего свѣта, своимъ цѣлымъ умомъ, нину
грамоту» можетъ быть тв. образа: «въ здоровъ умѣ».

Не нужно смѣшивать: «приммше побѣду славою и честию великою»
(Ипат. во многихъ мѣстахъ), гдѣ предлогъ съ слился съ слѣд. словомъ
«славою»: «(с) славою».

3. *Творит. мѣста* означаетъ путь движенія на неопредѣленномъ
протяженіи и отличается отъ винительнаго тѣмъ, что послѣдній обозначаетъ
мѣру движенія на всемъ протяженіи, наприм. «пройти полемъ», «предъ
полемъ; за полемъ; подъ полемъ» и т. д. безразлично, съ какими предло-
гами; и «пройти поле» (т. е. все).

а) Твор. мѣста ставятся при глаголахъ движенія и Видъ твор. мѣ-
ста.
пробыванія на мѣстѣ, которые могутъ опускаться, при чемъ
при глаголахъ пробыванія можетъ стоять и мѣстный пад., который отли-
чается, однако, отъ творительнаго мѣста тѣмъ, что мѣстный означаетъ
пробываніе на одномъ пунктѣ, а твор. на нѣсколькихъ и, слѣд., выра-
жаетъ также движеніе. Напр. въ серб. «кад су были полемъ ширикијемъ»
= когда были полемъ, т. е. шли, ѣхали не въ полѣ (на полѣ), а въ раз-
ныхъ мѣстахъ поля.

б) Есть еще твор. мѣста, употребляющійся въ значеніи «смотря
по»: «хохлатыя куры двормъ ведутся», «это бываетъ челоукомъ, лошадыю,
юдомъ», т. е. не вездѣ, а мѣстами. Такому творительному Потѣбя при-
дается дистрибутивное, «распределительное» значеніе, по которому одна
единица пространства можетъ б. принята за тѣмъ многихъ подобныхъ.

в) Къ твор. мѣста должны б. отнесены нарѣчія: передомъ, кру-

гѡмъ, слѣдѡмъ (а слѣдомъ—есть еще *суц.*, равно какъ и *дорогою*), прямою; перекы (=поперекъ др.-рус. *Лавр.*, *Плат.*).

Въ русскихъ говорахъ *мѣстоименныя нарѣчія*: куды, ^{Мѣстоименныя нарѣчія на бы.} сюды, туды (ср. мдр. кудюю, сюдою, тудю), вѣроятно, есть остатки твор. п. мн. ч., какъ и въ чеш. и польск.: *kudy*, *tudy*, *sudy*; *tedy*... отвѣтомъ на которыя первоначально могъ служить *тв.* п. (полеми), а не *вин.* (въ поле): ити куды?—полеми.

4. *Твор. времени* аналогиченъ съ твор. мѣста и предполагаетъ его: время въ твор. падежѣ представляется *путемъ*, а дѣйствіе во времени—*движеніемъ въ пространствѣ*. Вслѣдствіе этого и разница между *тв.*, *вин.* и мѣстнымъ времени такая же, какъ въ этихъ же падежахъ мѣста: *ѣхать днемъ* (т. е. *нѣкоторое* время въ теченіе дня); *ѣхать, побыть день* (т. е. *весь день*); *утромъ, вечеромъ* (тв. п.) также относится къ стар. мѣстному *утрь, вечеръ* (=совр. *вечеру*), какъ и тв. п. *полемъ* къ мѣстному *въ (на) полѣ* *).

Иди твор. пад.
времени.

Твор. времени, какъ и мѣста, восходитъ къ до-славянскому періоду. Въ слав. нарѣчійхъ онъ употребляется

432

а) съ значеніемъ *въ теченіе такою-то вр.*: «преложи вся книги... 6-ю мѣсяцъ» *Лавр.*—«Вои не можахуть перепити *днемъ* до вечера» *Пл.*—Въ позднѣйшемъ яз. такіе твор. времени являются уже архаизмомъ: «Она въ 3 часа напроказить можетъ столько, что и *въкомъ* не пособить». *Ф. Виз.*—Теперь явственнѣе чувствуется, что творительнымъ падежемъ обозначается только *нѣкоторая часть* времени: *мѣтомъ* я написалъ то-то (т. е. на неопредѣленномъ протяженіи дѣла). Въ этомъ же смыслѣ: зимою, весною, осенью; днемъ, ночью, утромъ, вечеромъ, этими днями, тѣмъ временемъ, дорогою, почною темнотою (*Держ.*), *походомъ* (=во время ночи, похода); а также: *разомъ, махомъ, духомъ, часомъ, сею минутою*; стар. *единою* (=разъ, разомъ вмѣстѣ) для выраженія одного момента. Для *точной* же опредѣленія времени употребляется уже *вин. п.* безъ предлога или съ предлогами: три дня, въ три дня.

433

б) Къ этому творительному времени относятся или точнѣе—тождественно съ «разомъ», «единою» употребляются и «пятью-пять» и т. д., а *м. б.* и темныя по происхожденію нарѣчія на *шти, жды*: тришти, трижды и проч.

в) Аналогично съ «куды» къ твор. времени относятся по происхожденію и *нарѣчія времени на бы*: тогда, област. *козды, чеш. kdy, пол. gdy*.

г) Подобно «распределительному» мѣста бываетъ и *дистрибутивный времени*: временами, вечерами и т. д. Когда же единица времени приня-

* Но какая именно разница между *вечеромъ* и *вечеръ* (вечеру). Потребия не поясняетъ. *И. Б.*

мается за типъ многихъ подобныхъ, то ставится твор. *ед.* ч. *вм.* множественнаго: часомъ, порою.

д) Къ тв. *„шестью мѣсяць»* (=въ теченіе 6 мѣсяцевъ) примыкаетъ и другое знач.: «за 6 мѣсяцевъ до чего» для обозначенія, быть можетъ, *приблизительности*. Напр. *«три дни»* т. е. дня за три (до Успенія Богородицы) повелѣнъ игомень рушити...» Лавр.

Отсюда, кажется, ведутъ начало нарѣчія и союзы *чѣмъ* изъ первонач. «прежде чѣмъ» (а не «вмѣсто того, чтобы»): «чѣмъ на мостъ намъ ити, поищемъ лучше броду» Крыл., съ перестановкою же предложеній постѣ срав. степени «чѣмъ» могло получить значеніе *нежели* (*нечѣмъ*): «ему больше годовъ, нежели (*нечѣмъ*) тому», при чемъ «нечѣмъ» предполагаетъ употребленіе отрицанія (*не*) при сравненіяхъ*).

е) Примѣры, въ родѣ: «бѣ отроче *лѣтомъ*» (=одного года) Миклош. относятъ къ твор. соціативному (Гр. IV*, 726), а Потебня—къ творительному для обозначенія *прожитаго* времени *отъ начала до смерти* или другого событія и т. обр. ставитъ этотъ твор. въ связи съ предыдущимъ видомъ (д).

б. Твор. орудія и средства, по мнѣнію Дельбрюка и Шердья, вытекаетъ изъ твор. соціативнаго при глаголахъ движенія, напр. «онъ ѣдетъ *колесницею*» (=вмѣстѣ съ колесницею), но Потебня выводитъ первоначальное представленіе объ орудіи изъ значенія *пути*: «*какимъ путемъ* это сдѣлать», «*посредствомъ* чего это устроить». Отсюда,

а) твор. *орудія* ставится при глаголахъ *идти, ѣхать посредствомъ* чего: «куряне... придоша *коньми*» Ин.; точно также: ѣхать каретою, возомъ; перенос.: «чужимъ *умомъ* не далеко уѣдешь» (=посред. чуж. ума, а не *сз...*).

б) При глаголахъ *двигать чѣмъ* съ *непереход.* знач. въ отличіе отъ тѣхъ же глаголовъ, но переходныхъ: *вертѣть пальцами*, (а не *пальцы*), *двигать ногою*, (а не *поту*); *ворочать, ударить, хватить, хлеснуть, колотить, бить* (челомъ); *махать, помахать*.

в) При гл. *заложиться чѣмъ* (=заслониться, закрыться): «Давидъ же заложися *ночью* и бѣжа Смоленську» Лавр.

г) При гл. *владѣнія*: «поидѣте княжити и владѣти *нами*» Лавр.; въ соврем.: *владѣть, править, руководить, распоряжаться, начальствовать, командовать чѣмъ* (=посред. чего).

д) Твор. *цѣны* при глаголахъ *купить и продать*: *купить* (вѣнчитъ

*) Въ славянскихъ языкахъ простое *не*, какъ частица предпочтенія, является рѣдкою и употребляется лишь въ сложениі: *неже, нежели, негли, нели, а не, не какъ, ни*: «Луче есть на своей землѣ костью лечи, и *нели* на чужѣ» Ипат.— «Лѣвши бы ми смерть, а *не* (ни) курское княженіе» Дан. Зат.

Объясненіе союзовъ *чѣмъ* и *нечѣмъ* (—*нечѣмъ*)

Виды твор. орудія и средства.

чимъ); *торговать*, *дать*, *взять*: «чимъ купимъ хлѣбы» Остр. Е.—„Начаша торговати *пнязи*“ Повг. I.—«Даютъ *скорою*» (=платить *шкурами*) Лавр.—Аналогичны съ этимъ и твор. п.: платить *нечьмъ*, жить *нечьмъ*, а также послѣ *существительныхъ*: *сдача мелочью*, *взятки щепками* (Гог.). Ср. далѣе II, 489.

459

е) Твор. *названія вещества*, изъ котораго *сдѣлано*, что-н., при чемъ твор. означаетъ *средство* производства работы: „церковь *блшеть* создана *бѣлымъ камнемъ*“ Пш.—«Столицъ *каменемъ* сдѣланъ» Дан. Пал.—«Тиунъ его (князя), яко огонь *трепетицею* (изъ осиповыхъ дровъ) *накладенъ*» Дан. Зат.

460

ж) Твор. *орудія*, *выраженнаго лицомъ*, а не *предметомъ* *неодушевленнымъ*: при глаголахъ *держати*, *соблюдати* (*блюсти*), *поставити*, *отъяти*, *малолати*, *проявляти*, *посююти* (*самъ собою*, т. е. *самъ черезъ себя*), *сказати кѣмъ въ смыслѣ черезъ посредство кого*, и др.: «*държати Новгородъ сыномъ*» Повг. I; „*всю волость Черниговскую собою держати*“ Пшат.—Въ литер. яз. *выраженія*: «*всѣ будутъ счастливы тобою*» Держ. „*...вами выгоды тѣму по службѣ получилъ*“ Гриб. устарѣли и удержались только: «*самъ собою*» и «*само собою*»: «*самъ собою дошелъ*» Гог. Но другіе нѣкоторые твор. *падежи*, *примыкающіе къ этому типу*, скорѣе могутъ быть названы твор. *образа дѣйствія*: *перомъ*, *шерстью* (=въ видѣ *перьевъ*, въ видѣ *шкурокъ*), *лицемъ* (*лично*), *головами* (*поголовно всѣ, все*). Напр. «*свадебную кунцу давати шерстью*, а не будетъ кунцы *шерстью*, *пш* пять грошей (давати) за кунцу» Акт. З. Р.—«*Иванушку и твою сожителницу почти головою* (=все) не понимаю» Ф.-Виз.—Въ совр. яз.: «*выйти навстрѣчу всъмъ городомъ*» (тв. образа д.); «*служба-службой*, а *дружба-дружбой*» есть также тв. образа д., а не орудія, и равняется *выраженію* «*сама по себѣ*», а не «*сама собой*».

461

з) При глг. *оженити-ся* въ стар.-слав. (а въ серб. и теперь) ставится имя жены въ твор. п. въ смыслѣ тв. *орудія*, а не въ *социативномъ* значеніи (съ кѣмъ): «*Всеволодъ оженн сына своего Святослава Васильковною*» Лавр. Ср. *млр. оконити чѣмъ* (=снабдить *конемъ*); *влр. опышити чѣмъ* (*ударомъ, словомъ*), *осолити солю*, *огородити*, *обоюзити*; старин. «*ополонитися челядью* (=снабдить себя челядью), *скотомъ*» Пш.; *обловитися* *множествомъ звѣрей*» Пш.; *обвинити винами*, *облицити дѣлы* (=посредствомъ *вины*, *дѣлъ*, а не въ *винахъ*, *дѣлахъ*); *оклеветати чимъ*; м. б., сюда же относится: *кленати чимъ*; «*одарити* (и *подарити*) *великими дарами*» Пш.

462

и) Тв. орудія *при безличныхъ оборотахъ*: дороги *снгомъ* занесло, замело.

і) Въ виду того, что тв. орудія равно возможны какъ при *дѣйствительныхъ*, такъ и *срединыхъ* глаголахъ, къ этому же типу должны б. отнесены:

аа) твор. при гл. дышать чѣмъ (а не какъ): дышать полною грудью, гнѣвомъ;

бб) плевать, харкать, отрыгаться, рвать (жолчью), пахнуть, во-
нять, смердеть, отзываться, отдаваться чѣмъ: по Малецкій считаетъ
творительные отъ гл. пахнуть за твор. *вещества*, Зикмундъ—за твор. *срав-*
нительныя, а Миклошичъ (IV, 718) рассматриваетъ его особо;

вв) плакать горькими слезами,

гг) цвѣсти кнестями: „лицо цвѣтеть прыщами и угрями“. Ср. кипѣть
сердцемъ, болѣть душою, горѣть любовью, сохнуть тѣломъ, блистать
золотомъ, кишѣть червями, обрости волосами. Зикмундъ считаетъ эти
падежи твор. причины и основанія, а Микл. относитъ ихъ къ твор. при
страдательныхъ, возвратныхъ и среднихъ глаголахъ (Гр. IV, 706—7).

к) Тв. *орудія въ психологическихъ явленіяхъ* обозначаетъ не только
ближайшее къ субъекту орудіе, какъ наприм. *глаголати, чѣсти* «четыреми
языки»; «мыслию» *смыслиши*; *слышана* «своимъ языкомъ», но и даль-
шійшее орудіе, что въ новомъ рус. яз. выражается болѣею частію пред-
логами *о* съ мѣстнымъ и *на* съ вѣн. п. Такъ, *промышлять чѣмъ* (=за-
ботиться о чемъ): «аще моя глава ляжетъ, то промислите собою» Лавр.;
игати, игзвати: «пегъвай собою» Кир. Тур.; *впрвати, радѣти* (въ
значеніи *радѣ буду*): «опъ нами радѣть, а мы имъ радѣли» Пут. Лукьян.
Въ нов. яз.: *бредить чѣмъ, скучать чѣмъ*; м. б. *торопиться* замуже-
ствомъ (Ср. далѣе при глаголахъ возвратныхъ II, 468—471).

л) Параллельно съ этимъ творительнымъ, творительный орудія ставился
и при другихъ многихъ глаголахъ, означающихъ психолог. явленія: шутку,
обманъ, презрѣніе, отвращеніе и т. п.: *играти чимъ, кѣмъ* вж. *ныгати*:
паоъ чѣмъ, вочто: *блзгити, глумитися, лѣстити, лгати, измяти*
(помѣнать). *лукати* (desipere), *ругатися* кѣмъ, *прящется* (оправдывал-
ся), *препирати* (оспаривать посред. чего), *объцатися*. Въ пов. яз. *шу-*
тить, презирать, пренебрегать, дорожить; хвастать (м. б., и возвр.:
хвалиться, величаться), *клясться, божиться, присягать, кланяться кому*
чѣмъ (подаркомъ), *бить* (челомъ).

6. Твор. *энергическій* или *условленный страдательнымъ*
сказуемымъ, который у Бусл. неточно называется творительнымъ дѣй-
ствующаго лица. Этотъ твор. весьма близокъ къ творительному орудія, но
отличается отъ сего послѣдняго тѣмъ, что отражаетъ на себѣ особенность
страдательнаго залога и, встрѣчаясь рядомъ съ другими творительными при
страд. з., не смѣшивается съ ними: письмо мною (тв. энергич.) написано
перомъ (..тв. орудія); въ примѣрѣ «ови вяжеми и ниями пхаеми» (Лавр.) —
«пятами» твор. орудія, при которомъ подраз. другой твор. лица, (кѣмъ-ниб.),
обусловленный страдательнымъ залогомъ, но въ выраж.: «печальни, зимою

ощипляеми» (Лавр.)—«зимою» есть твор. дѣйствующаго предмета, пот. ч. при обращеніи въ дѣйствит. оборотъ будетъ: «зима (холодъ) ошипляла».

468

Смѣшеніе энергич. творительнаго у Зикмунда и Миклош. съ твор. причины при глаголахъ непереходныхъ.

Различіе, дѣлаемое Потебней между этими падежами.

Зикмундъ относитъ твор. при страд. сказ. къ творительнымъ причины и основанія наравнѣ съ творительнымъ при непереходныхъ гл.: «Богомъ стоитъ весь свѣтъ». Миклошичъ (Гр. IV, 704—6) также отождествляетъ творительные при страд. з. съ творительнымъ при непереходныхъ глаг. *быти, мръѣти, гибнути, пѣсти, потонути, изнемогати, сохнѣти, штизѣнѣти, таяти, юрѣти, полѣти* (горѣтъ?), *помръзнѣти, исцѣлѣти* и пр., а равно и упомянутые выше: *житьи, болѣти* чѣмъ. Но Потебня всѣ творит. при непереходныхъ *безъ ся* относитъ глав. образомъ къ творительнымъ или орудія, или причины и не отождествляетъ ихъ съ творительнымъ при страд. з., такъ какъ твор. при страд. з. обязательно долженъ имѣть и имѣеть «противнемъ» своимъ им. и. при соответствующемъ дѣйствительномъ: «письмо *на-сано мною*» = «я *писалъ* письмо», творительный же при непереходныхъ глаголахъ *такою* противна неимѣетъ: для выраженія «женою *воздрасе* зѣлою» не м. б. противнемъ дѣйствительный оборотъ «жена *вздраси* зѣлою». какъ думаетъ Микл., ибо тутъ противопоставлены не *страдательный дѣйствительному*, а *средній дѣйствительному-причинному*, при чемъ въ первомъ примѣрѣ «женою» будетъ *причиною*, а во второмъ—«жена» *дѣйствующимъ предметомъ*, тогда какъ въ выраженіяхъ: «письмо *на-сано мною*» и «я *писалъ* письмо» *мною* и *я* равно будутъ дѣйствующимъ предметомъ.

Тъ. энергическій и орудія при среднихъ глаголахъ на *си*.

469

Что же касается среднихъ глаголовъ *съ ся*, то Потебня признаетъ возможнымъ при нихъ и твор. энергическій, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда медіальное значеніе глаголовъ *съ ся* возникло не изъ возвратнаго, при коемъ *ся* чувствуется какъ вин. и., а чрезъ посредство страдательнаго. Напр. *печься* (заботиться) возникъ изъ возвратнаго: «*печь себя* посред. чего»; но онъ могъ получить и страд. значеніе: «быть *пекому* (озабочиваему) чѣмъ», и слѣдов. тотъ же сред. гл. «*печься*» могъ соединяться и съ творительнымъ энергическимъ. Такъ обр. выраж.: «*непечьтесь* душею вашею, что бѣте» можетъ приближаться или къ страдательному обороту съ творительнымъ энергическимъ: «не *будите* *озабочиваемы* душею вашею», или къ возвратному: «не *заботьтесь* о душѣ вашей». т. е. не *озабочивайте* себя душою вашею (тв. орудія).—«*Оженившийся* *печеться* женою, како угодити женѣ» Кир. Тур., т. е., или *бываетъ* *озабочиваемъ* женою (твор. энергич.), или «озабочиваетъ себя женою» (тв. причины). Микл. (Гр. IV, 817—818) такіе твор. падежи помѣщаетъ между твор. *основанія* и творительнымъ при глаг. «пахнуть».—Къ такимъ же среднимъ гл. съ *ся* слѣдуетъ отнести: *стыдиться* и *стыдиться*, *лжмиться*, *печаловатися*, а также глаголы съ возвр. *си*: *сѣжалитиси* Плат.,

стужатися (Кипр. Тур.), если только эти глаголы безъ-дат. *си* вм. *ся* имѣли переход. значеніе: «досады стужаютъ мнѣ»; *ятися* (=яту быти), *повестися* (поведену быти), *сложитися* (=быть соединену), *кончатися* (быть кончену), *хвалятися*, *хулятися*, *растаятися* (=быть растоплену), *располятися* (=б. распалену). Напр. «Мѣстиславъ же... петшиною любовью обуюмъся (=быть объять) съ братьею хожаше» Шват.—Въ пов. литер. рус. яз. слѣды страдательности можно видѣть при глаг. на *ся*: *радоваться*, *веселиться*, *тужиться*, *мяться* (Держ.), *волноваться*, *тревожиться*, *мучиться*, *славиться*, *хвалиться*, *величаться*, *гордиться*, *чваниться*, *попыхаться*, *казниться*, *пониматься* (водою), *заниматься* (огнемъ).

471

471

7. *Твор., условленный именемъ и нарѣчіемъ.* Въ отличіе отъ творительныхъ орудія, условленныхъ глаголомъ, творительный при имени получаетъ другой отбѣнокъ уже въ силу того одного, что глаголъ означаетъ признать возникающій, а имя—признакъ данный, готовый. Сюда относятся:

472

А) *Твор. при прилагательныхъ и нарѣчіяхъ* Тв. при срав. степенн. *сравни. ст.*, означающій мѣру того, чѣмъ одинъ предметъ превосходитъ другой. Напр. «*аршиномъ* длиннѣе», «*юловую* выше», «*малымъ* дорожее», «бѣ бо ему възвѣщено прежде *днемъ* единымъ» Лавр.; въ союзахъ сравнительныхъ: «*тѣмъ* болѣе, что», «*чѣмъ* дальше, *тѣмъ* больше». Въ эти творительные не имѣютъ отношенія ни къ мѣсту, ни къ времени и отличны какъ отъ творительныхъ, стоящихъ при глаголахъ сравненія (превосходить, равняться, удлинить, уменьшить и т. п.), такъ и при прилагательныхъ полож. степени, хотя Зикмундъ, Миклош., Востоковъ, Шлейхеръ и Даничичъ не разграничиваютъ ихъ другъ отъ друга.

473

Б) *Твор. при прилагательныхъ не сравнительной степенн.* и не означающій мѣры; онъ ближе подходитъ къ тв. орудія и дѣйствующаго предмета, но грамматически не мож. б. отождествленъ съ ними, такъ какъ твор. орудія стоятъ при глаголахъ и причастіяхъ, а твор. дѣйствующаго предмета—при страдательномъ залогѣ, разсматриваемый же твор. ставится при прилагательныхъ: *долженъ*, *виненъ*, *повиненъ*, *вселеъ*, *печаленъ*, *отличенъ*, *бессмертенъ*, *трудоенъ*, *страстенъ*, *красенъ*, *раздѣленъ* и др., а также: *беременна*, *брюхата*, *тяжела* (сыномъ), *щенна*, *супоросна*, *стельна* и под.

474

Миклош. (IV, 705) тв. при большей части этихъ прилагательныхъ относитъ къ одному разряду съ твор. при страд. сказуемомъ. Но 1) эти прилагат. съ суф. *енъ* не суть причастія страд. прош. врем. (Ср. *долженъ* и *одоленъ*, *печаленъ* и *опечаленъ*); 2) даже при причастіи, напр., «*обязанъ* чѣмъ», твор. находитъ въ связи съ творительнымъ орудія, а не дѣйствующаго предмета, ибо творител. остается и при дѣйств. залогѣ: *обязать* кого *почтеніемъ*.

Твор. при прилагательныхъ не сравнит. ст.: *долженъ*, *одолженъ* и др.

Несогласіе Поттеби съ мнѣніемъ Миклош. и Бусл. относительно этого твор. и.

475 *Буслаевъ* считаетъ *по́лонъ*, *наполненный*, *исполненный* прилагательными, если послѣ нихъ стоитъ родит. п., и страд. причастіями, если слѣдуетъ пад. *твор.*, которымъ по общему правилу управляютъ страд. глаголы: по въ выраж.: «стаканъ, наполненный мною *виномъ*» отъ страдательнаго залога зависить только «мною», а „виномъ“ останется и послѣ дѣйств. з.: „наполнить *виномъ*“, какъ и въ „полонъ *виномъ*“, гдѣ тв. п. и Миклошичъ признаетъ творительнымъ *орудіа*. На основаніи всего этого Потебня склоненъ думать, что разсматриваемый твор. п. занимаетъ средину между тв. орудія и творительнымъ дѣйствующаго предмета, или еще лучше — просто твор. орудія, при чемъ расширяется эта категория и на случаи, гдѣ нѣтъ глагола. Такіе твор. встрѣчаются и въ древ.-рус. яз., и въ ст.-слав., и въ новомъ рус.: „новинныи будутъ... *епитимью*“ Лавр., „единъ должнъ бѣ *идити съ* динарии“ О. Е. — „...которымъ (гусямъ) нѣкогда былъ долженъ Римъ *снасеньемъ*“ Кр. — „*Грабительствомъ* богаты“ Грѣб.

В) *Твор. отношенія* (=по отнош. къ ч.) ставится:

476 *а)* При *прилагательныхъ*: „малыя *вѣрстою* (малыхъ по возрасту) *любзвѣно* *принимъ*“ Пзб. 1073. — „Църкви неказаны *льпотою*“ Нов. I. — „...*пространствомъ* безконечный, *теченьемъ* времени превѣчный“ Держ. — „высокъ *ростомъ*“, „весель *нравомъ*“, „скорбень *главою*“ и т. д.

477 *б)* При *сущ. конкретных и абстрактныхъ*: великанъ, дубина, молодець, красавецъ (собою), аранъ (рожей), герой, богатырь, казакъ и т. д. Въ стар. яз.: „моуринъ *тѣломъ*“ (*αἰθίοψ τὸ σῶμα*), XIII сл. Гр. Б. — „сотопины псады *дѣломъ и правомъ*“ Пп., именемъ, врозвищемъ, родомъ: „Скотины *всѣмъ родомъ*“, *именемъ* Лазарь“. — „И бысть *убытокъ* крестьяномъ *хлѣбомъ*“ Пск. I.

γ) При *больше сложныхъ названіяхъ величины*: „двадесать тысячъ *числомъ*“ Пп. — „Вышнюю съ двухъ-этажнѣй домъ“.

478 *δ)* При *глаголахъ одною и даже неодною происхожденія съ прилагательными, сочетающимися съ тв. п. отношенія*: похорошѣть *лицомъ*, (ср. „хорошѣ *лицомъ*“); при глаголахъ *простить, излѣить* (ср. прил. *простъ, цѣль*): „Никита простилъ *очною бользнію*“ Нов. II. — Въ связи съ гл. „цѣлти“ твор. при *сущ.*, „получи *исцѣленіе* своею очною бользнію“ Нов. II. — „Есмя приобщени отъ поганыхъ *пѣмцевъ и водою, и землею, и юловами*“ Пск. I. — „И тутъ греки съ цимъ уговорились *пошлиною*“ Пут. Лукьян.

479 *Характерныя особенности творительнаго отношенія.* Въ то время какъ другіе ученые (Малецкій, Зикмундъ, Гаттала и Миклошичъ) смѣшиваютъ твор. отношенія съ творит. причины и орудія и не обособляютъ его, Потебня, на основаніи разсмотрѣнныхъ примѣровъ, выдѣляетъ этотъ твор. пзъ другихъ и характеризуетъ его двумя особенностями: а) тѣмъ, что онъ, подобно твор. при

прилагательныхъ сравнительной (А) и несравнительной (Б) степ., первоначально ставился лишь при именахъ, а затѣмъ и при глаголахъ, сперва образованныхъ отъ этихъ имей, а потомъ—и не происходящихъ отъ нихъ, и б) тѣмъ, что этотъ творительный первоначально есть творительный *дополнения*, или, какъ выражается Потебня, „въ основѣ его лежитъ творительный, *объективно* означающій вѣншій предметъ“.

8. *Творительный причины* бываетъ двухъ видовъ: Два вида твор. причины, 486.

А) *Творительный, тяготящій только къ сказуемому*, которымъ бываетъ *средній* глаголъ безъ „ся“, не предполагающій *страдательности*. Сюда относятся многіе изъ тѣхъ непереходныхъ глаголовъ, твор. падежъ при которыхъ Миклош. разсматриваетъ какъ твор. при страд. залогѣ (Ср. выше II, 468): „глаголю мръвѣхъ“, „женою Сампсона погыбе“, „жаждою сохнути“, и какъ твор. при страд. з. дѣлается именительнымъ въ дѣйствительномъ оборотѣ, такъ точно и твор. причины становится именительнымъ, если на мѣстѣ среднихъ глаголовъ поставить соответствующіе дѣйствительные обороты или глаголы, которые Потебня называетъ *причинными*: „женою Сам. погыбе“ и „жена Сампсона погыбла“. На этомъ основаніи Потебня исключаетъ изъ этой категоріи „болѣть чѣмъ“, такъ какъ не находитъ глаголу *болѣть* соответствующаго противня въ дѣйствительномъ оборотѣ, но находитъ „сходными“ съ тв. причины а) творительные при глаголахъ съ значеніемъ „воинять чѣмъ“ и б) твор. въ значеніи „черезъ кого“, „черезъ чье посредство“, „при чьей помощи“, „здѣсь воиняетъ *детемъ*“ (ср. „здѣсь воиняетъ *детомъ*“); „*тобою* проидохомъ сквозъ огонь и воду“ (Иват. ср. „ты *провелъ* насъ сквозъ огонь и воду“).

Б) *Твор. причины, независимый отъ качества глагола*. Эти творительные относятся не къ одному какому-либо члену, а въ совокупности ко всемъ членамъ предложенія. Таковы, между прочимъ, образованнѣе изъ этого творительнаго союза: *имѣже, тѣмъ, тѣмъ же*: „у Києва баше перевозъ тогда... *тѣмъ* глаголаху «на перевозъ на Кіевъ» Лавр. Между тѣмъ, твор. *мѣста, орудія, образа д. и дѣйствующаго предмета* тяготяють только къ своему глаголу. Напр. «и разыде (разъединила) ны съ ними рѣка, и пельзѣ бѣ ны съ ними *тою рѣкою* (твор. прич.) битися полкомъ» (тв. образа=въ строю) Инат.—«Льстко убіенъ быеть... *Святополкомъ* Одовичемъ (тв. дѣйств. предм.) *совѣтомъ* (тв. прич.) бояръ невѣрныхъ» Инат.—«Пойде Володимерь въ Новгородъ *своими орудыи* (=во своимъ дѣламъ) Нов. I.—«И ту *иньвы* (=въ сердцахъ) повелѣ воевати много Ип.—«А сыпа отцовою *виною* наказити» Ак. З. Р.

*) Эти два вида твор. падежа могутъ быть и твор. орудія: Справ. II. 463 и 459.—И. Б.

Въ нов. литер. яз. этотъ тв. рѣдокъ и замѣняется описательно: «по причинѣ», «въслѣдствіе», *отъ* страху, *съ* голоду, *по* лѣности, *за*, *изъ-за*, *черезъ*.

Близость твор.
образа къ нарѣ-
чіямъ.

184

9. Твор. образа дѣйствія. Къ этимъ творительнымъ, за исключеніемъ твор. отношенія «именемъ Лазарь» (Ср. II, 477), Потебня относитъ тѣ же случаи, что и Буслаевъ (Гр. § 246, 4, в), а именно: 1) тв. образа дѣйствія (въ обширномъ смыслѣ), на вопр. *какъ?* (идти *шаюмъ*), 2) тв. усиленія: «высокимъ—высоко», «вода *водой*» и 3) тв. уподобленія: летѣть *стрѣлой* (=какъ стрѣла). Хотя на вопросъ «какъ» отвѣчаютъ и другіе творительные: соціативный, мѣста, времени, орудія, но твор. образа отличается отъ сихъ послѣднихъ тѣмъ, что онъ, отвѣчая на вопросъ «какъ», теряетъ реальность *объекта* и, приближаясь къ адвербіальному значенію, становится затѣмъ нарѣчіемъ, такъ что твор. образа «есть моментъ, предшествующій переходу дополненія въ нарѣчіе», по отношенію же къ «разнооставности» его можно сказать, что въ него втекаютъ различныя творительныя при легкомъ измѣненіи своего значенія по направленію къ потерѣ субстанціальности». Такъ, первоначальный тв. соціативный въ выраж.: „только *душою* остаюся“ можетъ перейти и въ твор. образа; творительныя пад.: „*головую* повалю за Новгородъ“, „*костью* вадоша“, „упалъ *лицомъ* на землю“ могутъ быть и тв. орудія, и твор. образа, смотря по тому, насколько ясна субстанціальность этихъ творительныхъ въ выраж.: „удариться обо что *иоловсю*“—будетъ тв. орудія пот. ч. субстанціальность въ словѣ „*головую*“ ясно чувствуется, но въ выраж.: „того самого *иоловой* (=лично) возьметъ“ субстанціальность затемняется и потому „*головую*“ будетъ твор. образа. Поэтому Миклошичъ безъ всякой нужды (Гр. IV, 714) вводитъ особую категорію творительнаго, означающаго «то, *согласно* съ чѣмъ нѣчто совершается», напр. „бѣ *чрьдойъ*“ (=по очереди) служебникъ“, „судити *правомъ*“ (=согласно съ правомъ) Майтборскимъ: въ подобныхъ примѣрахъ творительныя и. суть твор. образы, пот. ч. въ нихъ видна только „подкладка творительнаго орудія, но нѣтъ уже его субстанціальности“.

185

Подобно тому, какъ латин. твор. *mente*, независимо отъ вещественнаго своего значенія, прямо переходитъ въ окончаніе *нарѣчій* въ романскихъ языкахъ (итал. *pienamente*, фр. *pleinement*), такъ и въ славянскихъ языкахъ многія выраженія, соответствующія латинскому *mente*, формально переходятъ въ тв. образа *независимо отъ своего вещественнаго значенія*. Напр. „такъ обр.“, „нѣкоторыми дѣлы“ (=ни по какимъ дѣламъ=никакъ=вовсе), «тайнымъ обычаемъ» (=тайно), „звѣринскимъ образомъ“ (=по-звѣрному), „никоимъ же образомъ“, „явился звѣзда...копѣйнымъ обр.“, „бысть морь великъ во Псковѣ и знаменіе *жельзою*“ Нов. I. (Въ нов. литер.: „не нужно *оставаться* *иолодомъ* =виноголодь). Для выраженія способа движенія и пре-

быванія: „ходити *лжею* (лживо) предъ Богомъ“ Повг. I. „где Всеволодъ *ратью*“ Повг. I, какъ нынѣ: „войною“ (а не *съ* войною).

Однородно съ „ити *войною*“: „пойти *изъездомъ*“ Шпат., „разбоемъ“ 457
 „грабежемъ“—„опоромъ“ (=стремительно) Пск. I. „торонемъ“ *ibid.* „посольствомъ послаша“ Повг. I. „сторджа масть чергою быти (=д. отбываться по очереди) Акт. З. Р. I.—Миклошичъ эти и под. твор. относитъ безъ пужды къ особому разряду творительныхъ, означающихъ *намыреніе* и *послѣдствие* (IV, 722); но „одра (ободра) *мьхомъ козелъ*“—не *для мьха* (тв. цѣли), какъ думаетъ Микл. (IV, 734), а тв. образа, аналогично съ выраж.: 458
 „драть кожу *ремнями*“, „снять кору *дудкою*, а не *полосою*“.

Однородно же съ „ити *войною*“ употребл. „*вечеромъ* стаха“, „*пѣлкомъ*“ (въ видѣ строя), „*шатры*“ (какъ нынѣ: „стоять *обозомъ*“); „*Ѳеодосій... лежащъ мощьми*“ Лавр. (по Микл. это твор. соціатив: IV, 723—4).

Къ твор. образа, *вещественно* означающему мѣру и число (Микл. IV, 711), какъ напр. летать, ходить, лежать, ставить... *десянками, сотнями, литъ ведрами, бочками*, примыкаютъ многочисленныя выраженія (Микл. IV, 708—11): *всѣгать каракулями, молотить сыромолотомъ, птицы летаютъ стадами, люди снуютъ толпами, кровь льетъ ручьемъ* и т. д.

Зикмундъ и Микл. (IV, 635) въ выраж.: „даромъ дати“ считают 489
 „даромъ“ твор. предикативнымъ и, слѣд., соответствующимъ второму числительному, какъ въ оборотѣ „зятя имѣти *князя*“ (=княземъ), Потебня же признаетъ „даромъ“ твор. *образа*, происшедшимъ отъ твор. орудія: „надѣлнть кого подаркомъ“. Ср.: „отецъ и мати чадо свое въсажаше въ ладью *даромъ* гостемъ“ Повг. I; отс. наше нарѣчіе „даромъ“.

Подобно тому какъ твор. п. можетъ стать дополненіемъ *одного* существительнаго (безъ глагола), напр. „*знаменія птицами*“ Лавр., такъ точно и твор. образа можетъ соединяться съ *однимъ* существительнымъ: „присла Гюрги *дары* многы *наволокою* и *скорою*“ Пн.; „дары *златомъ* и *сребромъ*“; въ нов. яз.: „*взятка щенками*“, „*рубль серебромъ*“, „*подати напурою*“ (Ср. выше II, 458, д; 459, ж).

Нерѣдко трудно бываетъ провести границы между творительнымъ существительнаго и нарѣчіемъ, а, слѣд., между дополненіемъ и обстоятельствомъ образа. Критеріемъ для этого до нѣкоторой степени м. служить, во-первыхъ, то, что существ. въ твор. образа употребляется еще во всѣхъ падежахъ, напр. „говорить *шопотомъ*“, а нарѣчіе—не употребляется: „*пѣшкомъ*“, „*босикомъ*“, и во-вторыхъ—для отличенія существительнаго отъ нарѣчія русской яз. пользуется иногда удареніемъ, напр. *верхомъ, бѣгомъ* (нарѣч.) и *вѣрхомъ, бѣгомъ* (сущ.); но все зависитъ тутъ отъ *сознанія говорящаго*; напр. „*рысью*“, „*шнхобью*“ 490

Средства къ различію нарѣчій отъ существительныхъ въ тв. п. образа.

м. б. въ извѣстныхъ случаяхъ и существительнымъ, и нарѣчіемъ. Изъ другихъ средствъ различія нарѣчій отъ существительныхъ можно указать

а) на рѣдкій случай приставки *несогласуемаго* слова къ твор. образу для указанія нарѣчности надежѣ, напр. въ мѣр. яз.: „*паномъ-дѣло* (?) жпв.“;

б) на существительныя изъ имени прилагательнаго, которыя употребляются въ твор. пад. только въ смыслѣ нарѣчій: „Андрееви же главною ратные *маломъ* не до полковъ ихъ“ Ип.

в) Нарѣчности содѣйствуетъ*) плеонастичное употребленіе существъ и прилаг-хъ въ творител. *усиленія*, который, согласно съ Миклош., подраздѣляется на слѣд. разряды: аа) твор. существительнаго *съ* прилагательнымъ, которое составляетъ здѣсь «самое главное»: „вздѣрмавъ *се сномъ тежкомъ*“ т. е. тяжело (Микл. IV, 713, § 8, IV), бб) тв. существительнаго *безъ* прилагательнаго, при чемъ существительное бываетъ одного происхожденія съ *маломомъ* (Микл. IV, 713, § 10, I, II), при которомъ онъ является въ качествѣ обстоятельства: *взжделаніемъ зѣло въздѣлахъ*“, *слыхомъ* не слышать, *ходенемъ* ходить, и вв) твор. существительнаго и прилагательнаго, которые являются *повтореніемъ* корня того слова, которое усиливается: „*полнымъ* полно, *однимъ* одинъ, *никѣмъ* никого, *болванъ* *болваномъ*“.

г) Множ. число благопріятствуетъ образованію нарѣчій изъ творительнаго образа. Напр. „единъ же изъ нихъ, *тихи* шедъ, послушааше“ Жит. Θεод.—; „*Мали* бо насъ невзяша Печенѣзи“ Лавр.—; „*Матерны* лаяти кому“ Акт. Пет. XVI в. — Сюда же: *опакы* (назадъ), *накы* съ разными значеніями**) *акы* (=как. обр. и *какъ* срав. союзъ), *такы* (=„же“, „все-таки“ и „таки“ для усиленія: *такъ-таки*, *притомъ-таки*). Сюда же нужно отнести нарѣчій отъ относительныхъ прилагательныхъ на *ьск*: рус-ьскы, поган-ьскы, потьскы (по-итичьи), пьсьскы. — Въ литер. яз. эти нарѣчія обыкновенно только въ соединеніи съ прилаг.: „онъ дѣтеки добръ“, а *безъ* прилагательнаго къ нарѣчию прибавляется *по*: напр. „подѣтеки“ вм. „подѣтеку“ („подѣтекому“), какъ въ польск. и чеш.: *porusku*; въ словен.: *romaly*, *potichy*.

10. Твор. на мѣсть вторыхъ (согласуемыхъ) падежей.

Взглядъ разныхъ ¹⁰¹ *Л.* Это своеобразнѣйшее явленіе славянскихъ и литов-
ученыхъ на тѣ. скаго языковъ Потебня признаетъ позитивнымъ (вытѣсня-
пропозитивнымъ. щимъ); а не древнѣйшимъ (вытѣсняемымъ); какъ думаютъ
пад. ¹⁰²

*) По не превращается въ нарѣчіе? И. Б.

**) а) назадъ, обратно, б) вторично, опять, в) обратно, въ свою очередь, взаимно, г) «наки ли» съ условно-противит. значеніемъ «иначе», «въ противномъ случаѣ», «если не»: «Любо дай Изяславу, чего ти хочеть, *наки ли* (=если вѣтъ, =если не дашь=иначе...), и (=то) пойди полкъ своими ко мнѣ» Ип. д) *Лакъ* союзъ постпозитивный для выраженія легкой противоположности (=а, же). Ср. выраж: «въ другую сторону»=«иначе», «въ против. случаѣ», «а не то»: «подай-ка мнѣ супротивника; *въ другую сторону* я твою силу побью» Сказки Ав. VI, 315-

Шлейхеръ, Миклошичъ, Гатталла и Вуслаевъ. „Болѣ всего развитъ этотъ оборотъ (твор. предик.) въ польскомъ, гов. Микл., между тѣмъ какъ другіе слав. яз. *совѣсть* оставили его, первоначально же онъ былъ *всѣмъ свойственнъ*... Такъ по-русски говорится: я видѣлъ его *здоровато* въ *здоровымъ*“ (Гр. IV, 727)

494

2. При недостаточномъ отдѣленіи грамматики отъ логики, о синтаксическомъ значеніи этого творительнаго, по сравненію его со вторыми (согласуемыми) надежами, выводились заключенія, напоминающія взглядъ Аристотеля на разные роды сказуемаго. Такъ, Миклошичъ (Гр. IV, 740) согласно съ Гатталлою и Смитомъ говоритъ: надежомъ сказуемаго бываетъ у насъ не только именительный, но часто и творительный съ тѣмъ различіемъ, что именительный опредѣляетъ, *что такое подлежащее само по себѣ*, а творительный лишь *ничто приписываетъ* подлежащему. Согласно съ этимъ содержаніе сказуемаго, выраженного именительнымъ и.; *вполнѣ* равно содержанію подлежащаго, какъ $2+2=4$, сказуемое же, выраженное творительнымъ и., такого соотвѣтствія не имѣетъ. Однако *языкъ* не всегда слѣдуетъ такому *логическому* взгляду на сказуемое. Напр. въ предложеніяхъ „человѣкъ есть *разумное животное*“ и „человѣкъ есть *животное*“ сказуемое выражено въ обоихъ случаяхъ именительнымъ надежомъ, между т. о равенствѣ сказуемаго съ подлежащимъ во второмъ предложеніи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ этомъ сказуемомъ заключается лишь одинъ признакъ подлежащаго — „животность“.

495

496

497

Предложенія, въ которыхъ сказуемое опредѣляетъ, *что такое подлежащее* по существу своему, Зикмундъ называетъ предложеніями *сущности*, а тѣ предложенія, въ которыхъ сказуемое приписываетъ подлежащему лишь *ничто*, отличающее его отъ другихъ предметовъ, называетъ предложеніями *случайности*. Въ предложеніяхъ сущности, по словамъ Вуслаева и Гатталлы, сказуемое ими ставится въ *им. п.* (Ломоносовъ былъ *великій человекъ*), а въ предложеніяхъ случайности — въ творительномъ (Ломоносовъ *бы рыбакомъ*), при чемъ въ „быть“ въ послѣднемъ случаѣ можно поставить *сдѣлаться, стать, казаться*. Неправильность такого взгляда очевидна. Мы говоримъ: „я былъ *боленъ*“, хотя *им. п.* „боленъ“ есть признакъ несущественный; говоримъ также: „люди остаются *людьми*“, хотя тутъ творительнымъ и. сказуемаго выражается признакъ весьма существенный.

498

Уже Востоковы помѣтили вѣрный путь къ опредѣленію различія между *им.* и твор. сказуемаго, хотя и держались категорій „прирожденности“ и „случайности“, именно: когда гл. „быть“ составляетъ *связку*, тогда сущ. ставится въ *им.* надежѣ, какъ предикативный атрибутъ, согласующійся съ подлежащимъ; когда же „быть“

Взглядъ Восто-
ковыхъ на *им.* и *тв.*
сказуемаго.

499

обращается въ *сказуемое*, тогда существительное служить *дополненіемъ* къ нему и полагается въ падежъ творительномъ (Рус. Гр. § 121).

Держась намѣченнаго Востоковымъ взгляда, Потебня выводитъ разницу между именительнымъ въ *сказуемомъ* и такъ наз. твор. предикативнымъ

а) изъ *измѣненія функции глагола* въ то время, когда согласуемый падежъ (онъ быть *рыбакъ*) переходитъ въ несогласуемый (онъ б. *рыбакомъ*),

б) изъ *различія согласуемости и несогласуемости* падежей,

и в) изъ *разницы между такъ наз. творительнымъ предикативнымъ и тѣмъ творительнымъ (образа), изъ котораго твор. предикативный выводится**).

3. Такъ наз. твор. предикативный, названіе котораго удерживается Потебней только для краткости, долженъ быть точнѣе названъ *творительнымъ, замѣняющимъ вторые согласуемые падежи*, по пронехожденію же своему имѣетъ онъ отношеніе *только къ творительному образу и съ нимъ только можетъ быть смѣшиваемъ*.

500

Грамматическая субстанція (I, 93) творительнаго образа и остальныхъ творительныхъ падежей по отношенію къ субстанціи подлежащаго и объекта то бываетъ совершенно отдѣльна, то совпадаетъ или сливается вмѣстѣ съ ними. Такъ, напр., въ твор. *орудія*: „*клинь клиномъ* выгоняется“ вещь, означенная творительнымъ, съ-вѣтъ не та, которая означена именительнымъ, хотя обѣ и названы однимъ именемъ „*клинь*“; точно также въ твор. *образа* (усиленія) „*клинь-клиномъ*“, свинья-свиньей (=настоящій клинь, настоящая свинья) субстанціи обоихъ падежей также различны: въ именительномъ субстанція реальная, а въ творительномъ *фигтивная*, напр. „и изъ гостей. домой (Хавронья) пришла свинья-свиньей“, или въ выраженіи: „*И иде войною*“ субстанціи именительнаго и творительнаго образа (вообще) совершенно раздѣльны. Но въ нѣкоторыхъ творительныхъ *образа*, напр.: „*игумень иде съломъ*“, (оборотень) „*рыщетъ лютымъ звѣремъ*“ замѣчается „частное *слияніе*“*) субстанцій именительнаго и творительнаго падежей, пот. ч. какъ именительнымъ, такъ и творительнымъ пад. означаетъ одинъ и тотъ же предметъ: посоль и есть игумень, лютый звѣрь и есть оборотень. Въ *подобныхъ творительныхъ образа* „можно видѣть уже первую ступень творительнаго предикативнаго“, въ которомъ *всегда* бываетъ *совпаденіе* субстанцій съ субстанціей именительнаго.

Но къ творительному образу, какъ сказано выше (II, 483), кромѣ образа вообще и усиленія, относится еще твор. *ундобленія*, подъ которымъ раз-умѣется съ одной стороны простое *сравненіе* (летѣтъ *стрѣлою* = какъ стрѣла,

*) Эти три основныя мысли и примѣняются далѣе Потебней при объясненіи твор. предикативнаго. И. Б.

**) т. е. не полное совпаденіе всѣхъ признаковъ, а лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ. И. Б.

подобно стрѣлѣ, но не будучи стрѣлою), а съ другой—и *превращеніе* (у дороги осталась *бѣлымъ камнемъ* Марья Царевна). Между этими творительнымъ простого сравненія и превращенія есть разница, но разница не грамматическая (формальная), а вещественная, которая можетъ быть опредѣлена въ каждомъ случаѣ только на основаніи извѣстнаго круга знаній; напр. въ выраж.: «Всеславъ скочи *вѣлкомъ* до Немигы» *вѣлкомъ* мы можемъ признать творительнымъ превращенія (а не простого сравненія) потому только, что знаемъ, что современники и авторъ Сл. о Н. Н. смотрѣли на Всеслава, какъ на чародѣя, грамматическими же средствами отличить ихъ не можемъ. Равнымъ образомъ, въ грамматическомъ отношеніи все равно, что „идти въ походъ *воеводою*“ (=въ *качества* воеводы), что „ходить *воеводою*“ (=подобно воеводѣ), „ходить *оголемъ*“; или: „клохтать *насыскою*“ (=въ *качества* насыдки“) и „лѣтъ *соловьемъ*“ (=подобно соловью); но въ отношеніи вещественнаго значенія эти творительные не одно и то же. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что субстанція творительнаго предикативнаго всегда совпадаетъ съ субстанціей именительнаго, можно думать, что изъ творительнаго *собственно-сравненія*, субстанція котораго не совпадаетъ съ субстанціей именительнаго, не выводятся случаи творительнаго предикативнаго и «только вообще изъ творительнаго образа и то въ случаяхъ совпаденія субстанцій» именительнаго и творительнаго «выводятся другіе случаи творительнаго предикативнаго»^{*)}). Миклошичъ (IV, 732 и сл.) справедливо относитъ къ твор. предикативнымъ слѣд. примѣры: «Бавкица *липою* стала», «бѣлымъ *канемъ* осталась Марья царевна», хотя Бусл. первый примѣръ относитъ къ твор. предикативному, а второй—къ твор. образа (уподобленія) (Гр. § 246, прим. 1 и 10).

Глаголы, входящіе въ *составное* сказ., какъ извѣстно изъ предыдущаго (II, 174 и сл.), бываютъ двухъ разрядовъ: 1) глаголы *возникновенія* (стать, бывать, дѣлаться, казаться, оставаться, называться и др.) и 2) глаголы *вещественнаго движенія* и *пребыванія* (иду, лежу, стою, спужу; жить, расти, умереть и др.). При глаголахъ перваго разряда *второй* (*предикативный*) *именительный* какъ прилагательныхъ, такъ и существительныхъ былъ обыченъ въ старин. яз., а отчасти есть и теперь; при глаголахъ же втораго разряда *второй* именительный прилагательныхъ также обыченъ, а *существительныхъ* быть рѣдокъ и замѣнялся творительнымъ; поэтому выраженіе «стала (1 разр.) *липою*» есть оборотъ *позднѣйшій*, который можетъ быть возстановленъ древнѣйшимъ оборотомъ съ *именительнымъ* пад: стала *липа*, выраженіе же «лежала (2 разр.)

Глаголы, входящіе въ составное сказ. и твор. предикат, при яхъ.

*) Ср. «Князя *насыскою* не клохчуть» Держ. *И. Б.*

**) Изъ предыдущаго ясно однако, что твор. предикативные могутъ выводиться и изъ творит. *превращенія* въ случаяхъ совпаденія субстанцій, о чемъ дальше и говоритъ Потебня. *И. Б.*

каменемъ» есть оборотъ древній, который на основаніи памятниковъ древ.-рус. письма съ трудомъ могъ бы быть замѣненъ оборотомъ съ именительнымъ падежемъ. [Ср. выше II, 180].

Причина ранней замѣны именительнаго творительнымъ предикативнымъ при глаголахъ движенія и пребыванія лежитъ, съ од. стороны, въ *различной степени энергичности* глаголовъ того и др. разряда, а съ другой—въ *неравномерной служебности* ихъ при образованіи составнаго сказуемаго (Ср. II, 177—9). Глаголы перваго разряда наиболѣе служебны, т. е., проявляютъ наибольшую энергію въ образованіи составнаго сказуемаго, вслѣдствіе чего и связь (согласованіе) предикативнаго атрибута съ подлежащимъ тѣснѣе и крѣпче; напротивъ, глаголы втораго разряда наименѣе служебны, т. е., принимаютъ меньшее участіе въ образованіи состав. сказуемаго и могутъ даже обходиться вовсе безъ предикатив. атрибута, вслѣдствіе чего и связь (согласованіе) сего послѣдняго съ подлежащимъ естественно бываетъ менѣе крѣпка и легко разрушается. При этомъ дѣятельность подлежащаго при глаголахъ перваго разряда *предшествоуетъ* появленію признака въ предикативномъ атрибутѣ, который вслѣдствіе этого является уже *результатомъ* дѣятельности подлежащаго: N бысть (явися, нарѣчеса...) воевода, т. е., X сперва не былъ воеводой и сталъ имъ уже *послѣ*, вслѣдствіе энергіи подлежащаго, проявляющейся въ глаголѣ, тогда какъ при глаголахъ втораго разряда признакъ предикативнаго атрибута представляется возникающимъ не послѣ, а слѣдов. и *не вслѣдствіе* энергіи подлежащаго, а *одновременно* съ дѣятельностію его: «X иде пѣшь», т. е. онъ былъ пѣшь *въ то самое время*, какъ шелъ. Так. образ., при глаголахъ меньшей энергіи признакъ предикат. атрибута, вслѣдствіе *одновременнаго* возникновенія его съ дѣятельностію подлежащаго, представляется какъ бы даннымъ, готовымъ и потому можетъ смѣшиваться съ простымъ атрибутомъ (Ср. I, 99—102). Такое смѣшеніе предикативнаго атрибута съ простымъ опредѣленіемъ становится еще легче, когда на мѣстѣ прилагательнаго является существительное, пот. ч. трудно представлять *возникновеніе множества признаковъ* предикативнаго существительнаго *одновременно* съ дѣятельностію подлежащаго и легче мыслить ихъ данными, готовыми, какъ это бываетъ въ простомъ атрибутѣ. По этой причинѣ предикативн. существительное, *согласованное* съ подлежащимъ, какъ напр. «княгыня съѣде вдова лѣтъ 40», тѣмъ легче можетъ быть понято за простой атрибутъ: „княгыня вдова съѣде лѣтъ 40“. Изыскъ, чувствуя это, долженъ быть, для избѣжанія смѣшенія *простого атрибута съ предикативнымъ*, разорвать связь *согласованія* въ падежѣ между подлежащимъ и предикативнымъ существительнымъ и перенести послѣднее въ *несогласуемую область дополненія*: «преставися княгыня Глѣбовая..., съѣвши по князи своемъ вдовою лѣтъ 40». Ипат.—Итакъ,

древнѣйшій предикативный твор. существительнаго, подобно творительному образу: «пгумень иде съломъ», означаетъ *одновременность* представленія какъ признака предикативнаго атрибута, такъ и дѣятельности подлежащаго, (княгиня снѣла, *будучи въ то же вр. вдовою*), тогда какъ *позднѣйшій* предикатив. творительный при глаголахъ большей энергіи (1 разр.): «липою стала», «оборотилась кукушкою» означаетъ нѣчто, *слѣдующее за дѣятельностью* подлежащаго (въ то время какъ она становилась, оборачивалась, *не была еще липою, кукушкою*). И чѣмъ слабѣе энергія глагола, тѣмъ слабѣе и связь согласованія между предикатив. атрибутомъ и подлежащимъ. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что при глаголахъ меньшей энергіи (2 разр.) прежде всего порвалась связь согласованія съ подлежащимъ, и возникъ твор. предикативный *ем. именительнаго*.

503

4. По аналогіи съ тв. предикативнымъ, сюда же долженъ быть отнесенъ и творительный *простой аппозиции*, не замѣняющій и не предполагающій второго согласуемаго именительнаго, какъ это бываетъ въ творит. предикативномъ; напр. «*ребенкомъ* лишилась она матери». Этотъ твор., повидимому, еще древнѣе, чѣмъ творительный предикативный существительнаго при глаголахъ меньшей энергіи, и *отъ энергіи глагола вовсе не зависитъ**), по отношенію же ко времени онъ не означаетъ ни послѣдующаго за дѣйствіемъ, какъ это бываетъ при глаголахъ 1-го разряда, ни строго одновременнаго съ дѣйствіемъ, какъ при глаголахъ 2-го разряда, а выражаетъ скорѣе состояніе, *совпадающее съ временемъ дѣйствія*.

Твор. аппози-
тивный и виды
его.

Твор. аппозитивный замѣняетъ собою приложение и ставится

а) *при именительномъ*: «мати, *непознавши мужьска ложа, дѣвицею* порожди» Кир. Тур., «пострижися *дщи его дѣвою*» Лавр. Эти твор. равняются въ соврем. яз. выраженіямъ: «еще въ дѣвцахъ», «въ дѣвахъ», «будучи еще дѣвою», тогда какъ въ творительномъ *предикативномъ* послѣ глагола 1-го разр. «пострижися дѣвою» означало бы результатъ дѣйствія: «постригалась *въ дѣвы*». Ср. въ нов. яз. твор. аппозитив: «сколько слезь *ребенкомъ* пролилъ я» Батюш., «ты *дитей* съ нимъ часто танцовала» Грѣб.^{**}).

506

*) а составляетъ простое приложение къ своему опредѣляемому имени. И. Б.

**) Нужно отличать отъ этихъ аппозитивныхъ творительныхъ творительные *сравненія*, которые Потебня называетъ здѣсь почему-то *предикативными*, хотя передъ этимъ и говорить (II, 502), что изъ творительнаго сравненія предикативные творительные не выводятся. Такъ напр., «она плететъ косы въ трос, *дѣвкою*» (=какъ дѣвка, тв. сравн.), по—, «женщина *дѣвкою*» (=въ дѣвкахъ, тв. аппозитив.) иначе плететъ косы, чѣмъ *жениною* (=будучи замужнею). Нельзя также смѣшивать съ аппозитивными и тѣ твор. предикативные, которые Миклош. и Даничичъ причисляютъ тоже къ аппозитивнымъ, какъ напр., «служи *иподиякономъ*», «сѣлъ *господаремъ*» и под., гдѣ творительные *входятъ въ составное сказ.* и не служатъ приложеніемъ къ подлежащему. И. Б.

б) Тв. аннотативный при *вин.* (или *род.*): «слышу же се, яко се-
стру имата *дѣвою*» (въ дѣвцахъ) Лавр., «*дитѣй* (еще во время дѣтства)
возилъ (меня) на поклонъ» Гриб. И эти твор. аннотативные нужно отли-
чать отъ творительныхъ предикативныхъ: «*дѣвою* (какъ дѣву) сохрани ѿ»,
«остави его *сиротою* (въ качествѣ сироты, а не въ то время, когда онъ
былъ сиротою).

в) Твор. аннотат. при *дат.*: «еще *юнкеромъ* случилось мнѣ быть по-
казенной надобности»... Терм.

При им. и вин. творительный аннотат., можетъ быть, въ отличіе отъ тв.
предикат., не согласуется въ *числѣ* съ опредѣляемымъ именемъ: «бѣаху
дѣвою (=въ дѣвахъ) дѣштери чѣтыри пророщающе», тогда какъ въ твор.
предикативномъ было бы: „дѣвами“, согласно съ греч.: „*ἐβρον τετροχόστας*
ὑπαυδάς παρθένους“.

**5 Твор. предикат. на мѣстѣ второго косвеннаго падежа
существительныхъ.**—Микл. (IV, 727, 8) прежде всего относитъ сюда тѣ
твор. предикат., которые соответствуютъ 2-му вин. (и род.) при глаголахъ
съ знач.: *называть, считать, дѣлать* кого чѣмъ. Возникновеніе ихъ, какъ
сказано выше, Потебня считаетъ болѣе позднимъ. По крайней мѣрѣ, въ
Остр. Ев. и Савв. книгѣ (за исключеніемъ Супр. рук., языкъ которой позд-
нѣе, чѣмъ Остр. Ев.) на мѣстѣ этого твор. ставится *второй винит.*, а въ
старыхъ *русскихъ* памятникахъ равно употребляются и 2-й вин., и твор.
именъ существительныхъ (но не прилагательныхъ): «поставиша Ѳектиста
епископа Чернигову» Новг. I; „нарекъ ю *дщерью* собѣ“ Лавр.—И 2-й *дат.*,
должно б., началъ замѣняться творительнымъ гораздо раньше XV в.: „писатъся
господару нашему... во всякихъ грамотахъ *братомъ* молодшимъ“ А. З. Р.
1448 г.—Въ нов. литер. яз. твор. существительнаго вмѣсто 2-го вин. и
2-го дат. сталъ уже необходимымъ. Даже въ 18-мъ в. не встрѣчаются уже
подоб. выраж.: „называю васъ *друзей*“ (вм. друзьями), „человѣку нельзя
быть *ангелу*“ (вм. ангеломъ).

**6. Тв. существительнаго на мѣстѣ предикативнаго име-
нительнаго при глаголахъ большей энергичности.** Въ Остр. Ев.
этотъ твор. предикативный также отсутствуетъ, какъ и тв. в.м. вторыхъ
косвенныхъ п.; въ Супр. р., Шестод. Иоан. Экз. употребителенъ, а въ стар.
русскихъ памятникахъ равноправенъ съ предик. именительнымъ: «у Иродова
жена *грекини* бѣ и бѣше была *черницею*» Лавр.—«Съгна отця съ престола
и самъ *царемъ* ста» Нов. I.—«Поставленъ бысть Никола Гречинъ *еписко-
помъ*» Плат.—Гораздо раньше появился предикат. твор. при *страд. при-
частіи* аннотативномъ въ косв. падежѣ («о отроцѣ сиротою оставленѣмъ»
Микл. IV, 732) и при *именахъ отпричастныхъ* («хочетъ ми помочи на
поставленіе *митрополитомъ*» А. З. Р. I, 1395 г.).

Въ нов. рус. яз. этотъ твор. появлялся постепенно при различныхъ глаголахъ большей энергичности, а при нѣкоторыхъ и до сихъ поръ остается предикат. *именительный*, при чемъ постановка творительнаго зависитъ и отъ различія *глагольных формъ*. Такъ,

а) при глаголахъ большей энергичности *стать, сдѣлаться, казаться* и под., стоящихъ въ личной формѣ, рядомъ съ твор. до позднѣйшаго времени упорно сохраняется и им. п. (Ф.-Виз., Крыл., Пушки., Грив., Гог.): «теперь большой онъ баринъ *сталъ*», «сдѣлалась моя Матрена ни пава, ни ворона».

б) При остальныхъ в. *finite* этого разряда (за исключеніемъ *быть*) теперь им. п. долженъ считаться уже совсѣмъ устарѣлымъ. Таковы глаголы: *изываться* (прозывать, именовать), *слыть, считаться, остаться, стать* (въ знач. оборотиться во что); но до сихъ поръ въ письмахъ: «остаюсь вашъ, докорн. *слуша*».

в) *Причастія* и *двуприч.* отъ этихъ глаголовъ, какъ предикативныя, такъ и аннотативныя, равно и *неопр. н.* еще менѣе способны теперь сочетаться съ им. п.: «ставшій (ставши) *человѣкомъ*»; «захотѣлъ *сынокъ барономъ* сдѣлаться» Хемп.—Это же наблюдается и въ мѣр. яз.

г) Въ формахъ отъ существительнаго глагола *быть* слѣдуетъ отличать не только причастныя формы отъ остальныхъ, но и личныя настоящаго времени отъ другихъ временъ. Такъ,

а) *будучи, бывши* сочетаются только съ твор.: «будучи честнымъ *человѣкомъ*», а форма *быть* при обычномъ творительномъ удерживается и им. п. *прилагательныхъ качественныхъ, причастій* и даже *существительныхъ*, если «*быть*» слѣдуетъ послѣ «*можетъ*», «*долженъ*», составляющихъ вмѣстѣ съ «*быть*» какъ бы одну модальную форму личнаго глагола; напр.: «Царь долженъ *быть* судья, министръ и воинъ» Крыл.

б) При *былъ, буду, будь* им. п. тв. надежи теперь *равноправны*, хотя и съ тонкими отбѣнками: «мужикъ *работникъ* *былъ* прямой» Кр. — И *былъ* самъ нѣкогда *юнкеромъ*» Лерм.—Востоковъ не правъ, утверждая, что *буду* и *будь*, употребленныя предположительно, сочетаются съ им. п., а употребленныя положительно—съ творительнымъ (Гр. § 121); и въ томъ и въ другомъ смыслѣ правильно могутъ употребляться оба надежа: «я *буду* *солдъ* и *волкомъ*» (предполагается въ игрѣ), «онъ *будетъ* *богачемъ* и *богачъ*», «*будь* *царемъ* и *царицей* (положительно). Въ мѣр. яз. скорѣе замѣтна архаичность въ употребленіи им. п., а въ польскомъ употребляется болѣе твор.

в) При наст. вр. *есмь—суть* Буслаевъ считаетъ тв. п. въ рус. лит. языкѣ полонизмомъ (Гр. § 246, пр. 2), но это не точно: не только у новѣйшихъ писателей, но и въ стар. рус. яз. и въ народ. произведеніяхъ твор. п. употребителенъ; напр. «шю ся моя грамота не *грамотою*, а дѣло не *дѣломъ*» А. З. Р. 1448 г.—«И кто жъ у насъ *всегодою*?... Васильевичъ

Предикат. принадлежи существительныхъ при различныхъ формахъ гл. *быть*.

512

513

514

515

516

воеводу» Рус. и. Шейнъ.—Изъ наблюдёнія надъ примѣрами видно, что им. и твор. употребляются при этомъ въ опредѣленныхъ случаяхъ, а именно:

1) при *наличномъ* «есть—суть» твор. и. *невозможенъ*, въ отличіе отъ польскаго, поэтому слѣдуетъ считать полонизмомъ у Дмитр.: „и смѣлый, дерзкій шагъ *есть* подвигомъ геройства“;

2) при *опущенныхъ* же «есть—суть» ставятся и им., и твор.: им. и. тогда, когда «есть» бываетъ *формальною связкою*, и твор. тогда, когда «есть» заключаетъ въ себѣ *вещественное значеніе*, сходное съ глаголами *служить, являться, оказываться, оставаться**). Напр. „Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ“ Держ.—«Признайтесь, вы этому одинъ *виною*» Лерм.—„А тетушка? все *двушкой*, *Минервой*? все *фрейлиной* Екатерины первой?“ Гриб.

517

7. *Им. и твор. прилагательныхъ на мѣстѣ вторыхъ винительныхъ, родительныхъ, дательныхъ и именительныхъ*. Твор. предикативный прилагательныхъ въ ст.-слав. яз. не встрѣчается, а въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ очень рѣдокъ: «ти бо мимоходичи прославятъ челоуѣка любо *добрымъ*, любо *злымъ*» (Лавр.), въ *новомъ* же рус. *литературномъ* языкѣ

а) замѣтна рѣшительная наклонность ставить твор. прилагательныхъ какъ на мѣстѣ *именительнаго аппозитивнаго* („*живымъ* погребшійся въ могилѣ“), такъ и на мѣстѣ *винительнаго* (и *род.*) *предикативнаго* („и видѣлъ онъ себя богатымъ лишь во снѣ“ Крыл.), хотя вторые винит. и род. прилагательныхъ употребляются еще у писателей 18 и даже 19 в., чего нельзя сказать про вторые вин. и род. *существительныхъ*, а обороты изъ вторыхъ винительныхъ и родительныхъ *съ неопр.* «*быть*» нынѣ рѣшительно невозможны, какъ напр. „я считалъ себя *быть благополучнаго*“.

518

б) Что касается 2-ю *дательнаго* прилагательныхъ и причастій при *неопр.* накл., то 1) „одному“ и „самому“ донинѣ не могутъ б. замѣнены творительнымъ: скучно *быть* (оставаться, жить, ходить, толкаться и проч.) *одному, самому*, 2) въ другихъ же прилагательныхъ этотъ дат. удерживается донинѣ при гл. „*быть*“ послѣ *можно, должно, слѣдуетъ, нельзя* и под. („за чѣмъ же *быть*... такъ *невоздержну* на языкѣ“ Гриб.), 3) вообще же замѣна дательнаго творительнымъ при неопред. и. началась не позднѣе 15 в., въ 18 вѣкѣ твор. сталъ равноправенъ съ дат., а теперь тв. вм. дательнаго сдѣлался правиломъ: *быть, лежать убитымъ; стать, сдѣлаться, очутиться, казаться, притворяться... богатымъ*. Въ мдр. твор. и. составляетъ правило.

в) При употребленіи *именительнаго* и *творительнаго* прилагательныхъ на мѣстѣ *именительнаго предикативнаго* нужно различать слѣд. случаи:

*) Въ Серб. яз. глаголь *существительный* ставится *съ твор.* даже тогда, когда «самъ» (сѣмь) стоитъ налицо.

а) при *неопр. накл.* (за исключен. „быть“) въ им. н. ставится только *одинъ*, а остальные прилагательныя—въ твор.: „не хотѣла жить *одна*“, „не хотѣла жить *одинокою*“; что же касается прилагательныхъ при глаголѣ „быть“, то 1) *одинъ* (*solus*) ставится въ им. пад., а числит. *одинъ* (*unus*)—и въ им., и въ тв. н., напр. „они боятся быть *одни*“, „ты можешь быть *однимъ* (или *одинъ*) изъ первыхъ“; 2) при оборотахъ: „могу *быть*“ и „долженъ *быть*“, близкихъ къ одной модальной формѣ, именит. пад. прилагательныхъ употребительнѣе, чѣмъ твор., при другихъ же глаголахъ съ „быть“ издавна употребляется уже твор. прилагательныхъ, хотя не устарѣлъ еще и им. н., напр. „эгоизмъ можетъ б. *отвратительнымъ*“ Пушкин.; „работа не могла быть *окончена*“, всякій *хорошъ* будетъ“, „ты хочешь быть *богатымъ* (и *богатъ*)“; 3) причастія страд. съ „быть“, также составляющія какъ бы одну форму, болѣе склонны къ удержанію им. пад.: „здѣсь я имѣлъ честь быть *представленъ* гр. Паскевичу“ Пушкин.

3) *Прим.* „бывшій“, равно какъ и дѣйств. причастія другихъ глаголовъ, употребляющіеся только въ местоименной формѣ, сочетаются съ твор. какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ: „N, бывшій въ то время *богатымъ* (богачемъ)“, дѣйств. же *будущи* и *бывши*, какъ болѣе формальныя, требуютъ творительнаго *лишь существительныхъ*, а не прилагательныхъ и причастій: „будучи вамъ вовсе *незнакомъ*“ Лерм., но: „будучи *первымъ*“.

γ) При *личныхъ формахъ* (со включеніемъ страд. сказуемаго составнаго) глаголы *называются, слыть, считаться, остаются* требуютъ творительнаго прилагательныхъ, какъ и существительныхъ. (Ср. выше II, 512, б): „прикинулся *влюбленнымъ*“ Гриб.

δ) При глг.: *стать, сдѣлаться, казаться* и подобныхъ ставятся и тв., и им. н. какъ прилагательныхъ, такъ и существительныхъ (Ср. выше II, 511, а); напр. „когда ночь показалась намъ *коротка*, то утро за-то показалось очень *долгимъ*“ Пушкин.; стоялъ *первымъ, послѣднимъ*.

ε) При *быль, буду, будь* твор. существительныхъ обычае, чѣмъ твор. прилагательныхъ: „будь *добръ*“, „будь *братомъ*“.

ζ) При наст. *есмы* прилагательное въ твор. н. не ставится *никогда* ни въ рус., ни въ мѣр.-восточ. литератур. языкѣ.

Что касается существенности и случайности признаковъ въ предикативномъ именит. и творительномъ, то отъѣнки эти «взаимно условлены»*), и различіе между им. и тв. состоитъ въ слѣдующемъ.

Все грамматич. содержаніе предложенья съ предикативнымъ твор. мыслится въ *три одинаковые* приѣма, какъ музыкальный тактъ изъ *трехъ чет-*

Отличіе значенія твор. предикативнаго отъ именительнаго.

*) т. е., и въ томъ и въ др. падежѣ могутъ быть существенные и случайные признаки. И. Б.

вертей; напр. въ предлож.: «онъ былъ офицеромъ» *былъ* есть не связка, а самое. сказуемое, *офицеромъ* же является *дополненіемъ* къ нему (Ср. II, 499) и, слѣдов., мыслится не въ подлежащемъ *онъ*, а *особо* отъ него, хотя и есть между ними *частное совпаденіе* признаковъ на ряду съ другими подобными объектами, возможными при томъ же подлежащемъ и сказуемомъ: онъ былъ офицеромъ, стало быть, былъ и чѣмъ-то другимъ. Так. обр., твор. предикативный согласно съ происхожденіемъ его отъ творительнаго образа (Ср. II, 500—502), выражаетъ *одинъ* изъ *соподчиненныхъ* признаковъ, приписываемыхъ данному подлежащему, но *еще не вошедшихъ въ содержание его*. Предложеніе же съ предикативнымъ именительнымъ не мыслится въ три *одинаковые* приема, такъ какъ здѣсь подлежащему противопоставляется *лишь одинъ сложный членъ*—составное сказуемое: „онъ *былъ офицеромъ*“; поэтому мысль не останавливается на связкѣ „*былъ*“, и между подлежащимъ и предикативнымъ именительнымъ подлежащемъ устанавливается такая тѣсная связь, что въ моментъ рѣчи не является побужденія приписывать къ подлежащему другой какой-либо признакъ, кромѣ даннаго въ именительномъ предикативномъ, хотя бы признакъ предикативнаго именительнаго и *былъ* несущественнымъ. Конечно, въ данномъ примѣрѣ „онъ“ не только былъ офицеромъ, но и многими другимъ болѣе существеннымъ, напр. *человѣкомъ*, но мысль говорящаго въ моментъ произношенія предложенія: „онъ былъ офицеръ“ не останавливается на другихъ соподчиненныхъ признакахъ, могущихъ совмѣщаться въ субстанціи даннаго подлежащаго *).

*) Въсѣмъ этимъ Потебня, безъ сомнѣнія, хочетъ сказать, что предикат. именительный не тѣмъ отличается отъ предикат. творительнаго, что въ именительномъ будто бы заключается признакъ *существенный*, или что, содержание его *равно содержанию подлежащаго*, какъ думаютъ Миклошичъ, Гаттала и др. (II, 495 и сл.), а тѣмъ, что самый *грамматическій составъ* предложеній съ им. и творительнымъ предикативнымъ *неодинаковъ*, а потому и содержаніе ихъ мыслится *неодинаково*: въ предложеніи съ предикативнымъ именительнымъ этотъ послѣдній, входя въ *составное сказ.*, тѣснѣе сближается съ подлежащимъ, и потому говорящій, такъ сказать, *не успѣваетъ* припоминать другихъ признаковъ, исчерпывающихъ содержаніе подлежащаго, вслѣдствіе чего и *кажется*, что сказуемое *исчерпываетъ* все содержаніе подлежащаго (Ср. дал. III, 74) или, по крайней мѣрѣ, указываетъ на *существенный* признакъ его; въ предложеніи же съ *творительнымъ* предикативнымъ этотъ послѣдній связывается съ подлежащимъ при помощи самостоятельнаго сказуемаго и потому мыслится какъ *дополненіе*, лежащее *вне* подлежащаго и только *частію* совпадающее съ нимъ, подобно твор. образа; поэтому и *становится очевиднымъ* для говорящаго, что сказуемое съ предикативнымъ творительнымъ *лишь частію* исчерпываетъ содержаніе подлежащаго, именно—обозначаетъ *одинъ только* какой-либо признакъ изъ всѣхъ, какіе могутъ входить въ субстанцію подлежащаго, хотя то же самое можетъ б. и въ предикативномъ именительномъ, но только здѣсь это прикрывается *иллюзіей* въ виду тѣснѣйшей связи между подлежащимъ и предикативнымъ именительнымъ, входящимъ въ состав. сказуемое. И. Б.

8. *Ходъ развитія творит. предикативнаго въ польскомъ* яз. тотъ же, что и въ русскомъ, но послѣдніе результаты значительно разнятся.

а) На мѣстѣ 2-го *вин.* тв. ставится съ 14—15 в., а при нѣкоторыхъ глаголахъ замѣняется предлогами *za*, *na* какъ съ существительнымъ, такъ и съ прилагательнымъ, между тѣмъ какъ въ рус. яз. лишь существительное возможно съ „за“.

б) На мѣстѣ 2-го *дател.* по правилу ставится *твор.* какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ, за исключеніемъ *samemu* (самому).

в) На мѣстѣ 2-го *именительнаго*

α) *твор. п. существительнаго* также издавна составляетъ правило;

β) *прилагательное* при составн. сказуемомъ изъ причастія *страда- тельнаго* теперь можетъ стоять только въ *твор.*, а въ старинномъ иногда встречается и *им.* надежь:

γ) при *простыхъ* сказуемыхъ (кромѣ *ies*) прилаг. ставится до сихъ поръ и въ *им.*, и въ *тв.*, но различіе между глаголами большей и меньшей энергіи не сказывается:

δ) при *ies*, *by*, по мнѣнію Малецкаго, предикативныя *существительныя* ставятся въ *им.* и *твор.*, прилагательныя же *только въ им.*, а въ *творительномъ по исключенію*, именно—когда они замѣняютъ *сущ.* или когда при нихъ можетъ подразумѣваться существительное *опущенное*, напр. *pisarz może być narodowym* (т. е. *pisarzem*). Но Потебня не соглашается съ этимъ и подтверждаетъ примѣрами изъ лучшихъ польскихъ писателей, гдѣ никакихъ существительныхъ при прилагательныхъ подразумѣвать иногда нельзя или не слѣдуетъ, употребленіе же прилагательнаго въ *несогласуемомъ* *творительномъ*, по его словамъ, не должно быть отождествляемо съ субстанціонированіемъ прилагательнаго, такъ какъ употребленіе существительнаго въ *тв. п.* на мѣстѣ надежа *именительнаго совершенно разрушаетъ* его грамматическую согласуемость, между тѣмъ какъ прилагательное въ *твор. предикативномъ* теряетъ согласованіе *только въ надежь, а въ родъ и числѣ согласуется*.

ε) При неопредѣл. *нак.* *być* *дат. п.* какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ обязательно замѣняется *творительнымъ*, кромѣ *szemci*, но и теперь еще обыченъ *именительный*, какъ и въ рус. яз., при выраж.: *можетъ* быть, *долженъ* быть (Ср. выше II, 518, 519).

ζ) При *будучи* (*będąc*) *сущ.* ставится въ *твор.*, а *прил.*—въ *им.* и

η) О значеніи *творительнаго существительныхъ* при глаголѣ *быть* Малецкій гов., что этотъ надежь, въ отличіе отъ *именительнаго*, высказываетъ не то, *что* кто есть, а то, *какъ* кто есть, и, слѣдов., этотъ *тв.*, по Малецкому, есть *твор. сравненія*, выражающій *недѣйствительность, мнимость*. Однако Потебня представляетъ множество примѣровъ, гдѣ въ *творительныхъ* при *jest*, *był* не видно никакого слѣда сравненія; напр. *żół-*

nierz był młodym chłopcem, т. е. (солдаты) быть не какъ бы хлопцемъ, а действительно таковымъ. Болѣе удовлетворительно мнѣніе Миклошича, по которому тв. предикативный означаетъ то, чѣмъ подлежащее становится и, слѣдов., служить выраженіемъ *движенія*, а именительный обозначаетъ то, что подлежащее *есть* и, слѣдов., служить выраженіемъ *покоя*; но такъ какъ бытіе, существованіе представляется слѣдствіемъ, результатомъ движенія, то творительный часто стоитъ и при глаголъ *быть* съ значеніемъ *оказываться, являться*: „nie każdy człowiek jest (=оказывается, является) *Cezarem*“⁴. Но Потебня не можетъ согласиться и съ Миклошичемъ, такъ какъ въ примѣрахъ, въ родѣ żołnier był młodym chłopcem, глаголъ *былъ* есть не глаголъ движенія, а скорѣе вещественный глаголъ пребыванія въ покоѣ (=находился въ состояніи), а потому творительный при немъ падежъ должно объяснять такъ же, какъ и въ рус. яз., т. е., что онъ означаетъ признакъ, *находящійся въ сочетаніи съ другими соподчиненными*, между т. какъ именительный означаетъ признакъ *безъ отношенія къ другимъ* (Ср. выше II, 521, 522), съ тою только разницею, что въ польск. языкѣ больше случаевъ сочетанія существительнаго глагола съ твор. п., и что *есть, былъ, будетъ, будь* чаще понимаются *вещественно* и употребляются въ смыслъ *сказуемаго*, не обращая вниманія на время глагола и на существительное или прилаг., между которыми въ польск. яз. разница менѣе выдерживается, чѣмъ въ рус. яз.

В) Въ предложеніяхъ съ подлежащимъ *to*, по словамъ Малецкаго и Миклош., сказуемое всегда ставится въ именительномъ, напр. była to święta prawda (IV, 737—8), но по объясненію Потебни въ предложеніяхъ этого рода им. п. существительнаго есть *подлежащее*, а *то*—сказуемое, поэтому существительное и стоитъ въ им. п., какъ и въ рус. яз., напр. „первый предметъ, поразившій меня, *была береза*“, „это *была береза*“, „это *были березы*“, гдѣ уже одно *согласованіе* (*была береза, были березы*) указываетъ, что береза, березы есть подлежащее.—Сюда же должны б. отнесены личные обороты съ неопред. накл.: „знать—это *заслуга*“, гдѣ существительное является также подлежащимъ, а *это (to)*—сказуемымъ: „заслуга есть вотъ это: „знать“; или: „poznać ludzi—*najpierwsza nauka*“⁵).

Г) Прилаг., мѣстоп. и причастія, какъ части рѣчи болѣе предикативны, чѣмъ сущ., и способныя къ болѣе тѣсной связи съ глаголомъ, ставятся въ именительномъ, но прокрадывается аналогія и съ существительными, вслѣдствіе чего встрѣчается и твор. п.; напр. „Franciszek Puławski był *ranim*“

⁴) Нужно различать при этомъ тѣ указат. мѣстоименія, которыя служатъ замѣною неопредѣленныхъ наклоненій, выдвигающихся на мѣсто *подлежащихъ*, и потому являются *подлежащими*, а не *сказуемыми*; напр. „жить и ненавидѣть—это несчастье“. Чаще всего такіа замѣны бывають въ безличныхъ оборотахъ (Ср. II, 350) и при дат. съ неопред. (II, 395—6). И. Б.

(= „*znajdował się rannym*“, а не „*był rannym*“), „*matka była z każdym rokiem spokojniejsza*“.

9) *Твор. предикатив. въ литов. языкѣ.* Въ то время какъ въ серб. яз. предикативный твор. ограниченъ, а въ латышскомъ весьма рѣдокъ, въ литовскомъ, напротивъ, твор. предикативный изъ существительныхъ и прилагательныхъ употребляется, какъ и въ русскомъ, на мѣстѣ

а) второго *винительнаго*: „мы Авраама имѣли *отцомъ*“.

б) на мѣстѣ второго *дательнаго*: „дать имъ силу стать *дѣтьми* Божиими“;

в) на мѣстѣ *второго именительнаго* при личныхъ формахъ и неопред. накл., при страд. связуемомъ ставится творительный, а при *есмь* (*esmi*), согласно съ рус., обыкновенно именит. н., хотя встрѣчается и твор., быть можетъ, въ силу польскаго вліянія.

Общій выводъ изъ всего изслѣдованія слѣдующій:

1. Въ живыхъ языкахъ „разрушеніе стараго есть вмѣстѣ созданіе новаго“.

Общій выводъ
изъ предше-
ствующаго
изслѣдованія.

2. Въ рус. яз. чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше „увеличивается противоположность имени и глагола“; такъ, причастіе, составляющее *промежуточную форму между именемъ и глаголомъ*, въ древ. языкѣ могло имѣть такую степень самостоятельности и предикативности, какая возможна теперь лишь въ *личномъ* глаголѣ и отчасти въ неопр. накл. Слѣдов., близость и общность между именемъ и глаголомъ въ древ. языкѣ была большая, чѣмъ въ языкѣ позднѣйшемъ.

3) Согласуемость (аттрибутивность) древняго языка съ теченіемъ времени ограничивается и замѣняется

а) разложеніемъ составнаго сказуемаго на два предложенія, связываемыя союзомъ,

б) образованіемъ дѣеприслѣговъ,

в) употребленіемъ нарѣчій вмѣсто согласуемыхъ прилагательныхъ,

г) употребленіемъ неопредѣленнаго вѣд. прислѣговъ

и д) употребленіемъ несогласуемыхъ надежей вмѣсто вторыхъ согласуемыхъ, а именно:

аа) на мѣстѣ двухъ *одинаковыхъ* косвенныхъ надежей ставятся *вин. съ твор.*, *род. съ твор.*, *дат. съ творительнымъ*;

бб) на мѣстѣ *предикативнаго* аттрибута, *согласуемаго съ подлежащимъ*, во многихъ случаяхъ ставится твор., при чемъ *оставшіеся еще два* именит. (подлеж. и предикативный аттриб.) *получаютъ новый смыслъ* (Ср. II, 521, 522, 528), въ чемъ должно видѣть усложненіе духовной жизни и усовершенствованіе языка: внесеніе въ предложеніе этого творительнаго *расширяетъ*

область *несогласуемыхъ* падежей (объекта) на счетъ согласуемыхъ (аттрибута), т. е., вносится новая категория дополнений, и чрезъ это дѣлается *болѣе определенной* категория аттрибута, суживаясь до *простой* аттрибутивности, тогда какъ въ древнемъ языкѣ аттрибутивность была и *предикативная*.

4) При этомъ при замѣнѣ согласуемого предикативнаго существительнаго несогласуемымъ творительнымъ возникаютъ новыя разграниченія существительнаго, какъ слова попреимуществу самостоятельнаго и несогласуемаго, и прилагательнаго, какъ слова аттрибутивнаго и согласуемаго, отчего понятіе о существительномъ еще болѣе обособилось отъ понятія о прилагательномъ.

5) Наконецъ, происходили измѣненія отношеній предиката и предикативной связки. Въ началѣ связокъ было много, но потомъ значительная часть глаголовъ вовсе лишается способности быть связками и дѣлается *сказуемыми*; нѣкоторые сохраняютъ эту способность быть связками лишь при помощи аттрибутивности прилагательныхъ, и только глаголы существительный, особенно въ наст. вр., остается *формальной* предикативной связкой (за исключеніемъ одного случая *вещественности* содержанія), что еще раньше достигнуто было въ сочетаніи глагола «есть» съ чисто предикативнымъ причаст. аз. Въ этомъ стремленіи бывшихъ связокъ быть самостоятельными сказуемыми видна склонность языка *сосредоточить предикативность исключительно въ глаголь*, какъ это же видно и въ замѣнѣ *причастнаго* сказуемаго придаточныхъ предл. (нѣсть кто *милоуиѣ*) глагольнымъ (См. II, 206 и сл.), а до этого—въ превращеніи донифинитивнаго слова въ глагольную форму.

Часть III. *)

Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго.

*Введеніе**).*

Вслѣдствіе расширенія области *несогласуемыхъ* падежей (объекта) и уменьшенія *согласуемости* (аттриб.), произошло увеличеніе разницы между

*) Эта часть *Записокъ* (посмертное изданіе) является непосредственнымъ продолженіемъ части предыдущей: вслѣдъ за составнымъ сказуемымъ, которому посвящена вся вторая часть, слѣдуетъ другой членъ предложенія—опредѣленіе. А такъ какъ опредѣленіемъ бываютъ *именныя* части рѣчи, то первыя главы третьей части *Записокъ* и посвящены изслѣдованію природы именъ существительныхъ и прилагательныхъ и употребленію ихъ въ качествѣ опредѣлительныхъ словъ. И. Б.

**) Издатели неправильно въ оглавленіи III го тома ставятъ *введеніе* въ скобкахъ послѣ общаго заглавія этого тома, какъ будто содержаніе введенія и составляетъ трактатъ «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго».—И. Б.

существительными и прилагательными (II, 534—5). По этой причинѣ не могло не произойти измѣненія и въ кругѣ дѣятельности существительнаго, что въ свою очередь повліяло на усиленіе глагола и обособленіе прилагательнаго и нарѣчія.

Мысль и языкъ находятся въ тѣснѣйшемъ отношеніи между собою, поэтому необходимо коснуться наименованія грамматическихъ терминовъ и съ точки зрѣнія философіи.

Существительное есть грамматическое названіе вещи, (Ср. I, 92, 93), которая кромѣ того называется *субстанціей*, *субъектомъ*, *объектомъ*. **Вещью** наз. связка явленій (качествъ, силъ), разсматриваемая *отдѣльно* отъ другихъ связей. **Субстанція** есть *носитель*, *средоточіе* и въ то же время *источникъ* и *причина* явленій, въ которыхъ вещь проявляется и познается нами. Такъ, познавать *Бога*, какъ Субстанцію, значить познавать Его творенія или обнаруженія. **Субъектомъ** называемъ вещь *познающую*, *дѣйствующую*, а **объектомъ** (предметомъ)—вещь *познаваемую*.

Тѣсное отношеніе между языкомъ и мыслью.

Опредѣленіе вещи, субстанціи, субъекта и объекта.

Прилагательнымъ, какъ опредѣленіемъ существительнаго (аттрибутомъ), называемъ категорію *качества* и *свойства* вещи, т. е. силу въ *спокойномъ* состояніи.

Опредѣленіе прилагательнаго и качества.

Глаголомъ или грамматич. *сказуемымъ* называемъ свойство вещи или силу, не въ спокойномъ состояніи пребывающую, а *отражающуюся на другихъ вещахъ* (объектахъ), на взаимной связи между вещами, причемъ сила эта въ грамматикѣ называется или *дѣйствіемъ* (со стороны субъекта), или *страданіемъ* (со стороны объекта), или *состояніемъ*, когда дѣйствіе и страданіе разсматривается *независимо* отъ отраженія на другихъ вещахъ.

Опредѣленіе глагола, дѣйствія, страданія и состоянія.

Понятія *дѣйствія* и *причины* не отдѣльны другъ отъ друга; отсюда выраженіе: *cum hoc* (или *post hoc*), *ergo propter hoc*. По этой же причинѣ какъ грамматич. разряды: подлежащее и сказ., опредѣляемое и опредѣленіе и проч., такъ и соответственные философскіе разряды бываютъ *парны*. А судя потому, что дѣйствіе субъекта *вообще* мы можемъ выразить только человѣкообразно («дождь идетъ», какъ *человѣкъ* идетъ),—можно думать, что и вообще понятія дѣйствія и причины возникли черезъ перенесеніе *нашихъ* дѣйствій на дѣйствія *другихъ* предметовъ. Отсюда ведетъ начало свое мнѣніе о языкѣ и исканіе въ немъ рѣшенія психологическихъ задачъ, и если о мысли нашей узнаемъ мы *по слову*, то для насъ самихъ *рождается и измѣняется она въсплывая съ словеснымъ выраженіемъ*. Поэтому М. Мюллеръ и говоритъ, что «петинная исторія чело-
вѣческаго духа должна б. изучаема въ документахъ *языка*» (Das Denken im Lichte der Sprache, 1888 г., стр. 477).

Языкъ есть исторія чело-
вѣч.
духа.

Языка вообще нѣтъ, а есть только языки и ихъ разновидности до

языка *личнаго* включительно; но этимъ не исключается возможность *обобщенія* категорій мысли разныхъ временъ и народовъ до *общечеловѣчности*, только «для правильного сужденія объ общечеловѣческой категоріи субстанцій, качества и проч. нужно знать, въ какомъ она видѣ дана въ языкахъ».

Надо думать, что способность къ *отвлеченному* мышленію, т. е. къ мышленію категорій *отдѣльно отъ вещей*, приобрѣтается народами *постепенно* и, стало быть, иногда отсутствовала.

М. Мюллеръ утверждаетъ, однако, что «языкознаніе неопровержимо доказало, что человѣч. мышленіе, т. е., человѣч. языкъ направляется *не* отъ конкретнаго къ отвлеченному», что «корни, изъ коихъ строится всякій языкъ, отнюдь не конкретны, а отвлеченны», и что «единственный путь къ наименованію вещи есть ея *познаніе*, а что же можетъ значить *познаніе*, какъ не подведеніе чего-либо подъ *общее понятіе*?» На этомъ основаніи М. Мюллеръ настаиваетъ на отвлеченности и первоначальныхъ словъ: корни суть не *знаки предметовъ*, а воплощеніе *понятія* о повторявшейся *дѣятельности*. «Производя многократно дѣйствіе, напр. битья, мы доходимъ до сознанія этого дѣйствія, гов. ошъ, и, сопровождая удары *звуками*, получаемъ въ этихъ звукахъ естественное *воплощеніе* этого сознанія», т. е. первоначальное слово съ *общимъ* и, слѣдов., отвлеченнымъ значеніемъ корня.

Но этому мнѣнію противопоставляется другое, именно, что содержаніемъ *первообразнаго* слова, предшествующаго образованію отвлеченныхъ грамматическихъ и философскихъ категорій, могъ быть *только образъ*. А именно: когда имя въ первый разъ было прихвачено къ одному предмету, то оно имѣло *только единичное, конкретное* значеніе, ибо другихъ предметовъ того же рода въ это время еще не было *для говорящаго*, а слѣдов., и слово не могло еще для него быть *родовымъ* понятіемъ. Такъ, я говорю ребенку: «это—рыба», не сообщая ему да и самъ не зная этимологіи этого слова; при *слѣдующемъ* же наименованіи «и это—рыба» въ ребенкѣ совершается уже обобщеніе, котораго у него при *первомъ* взглядѣ на рыбу и при ея *наименованіи* еще не было. —

Взглядъ на отвлеченность первоначальныхъ корней, съ од. стор., противорѣчить, какъ видѣли (I, 23-24), конкретности первобытнаго языка, а съ другой—вытекаетъ изъ ошибочнаго приема доказательства. Исследователи языка, приписывающіе первоначальнымъ корнямъ *отвлеченное* значеніе, высказываютъ только свой *личный* взглядъ безъ достаточныхъ на то данныхъ. Во первыхъ, *значенія* корня не дано ни въ какомъ памятникѣ, и объ абстрактности или конкретности его судятъ по словамъ *производнымъ*, а промежутокъ между *формальными* словами индоевропейскаго языка и *предполагаемыми* словами безъ *флексій* или, что то же, первичными корнями

Опроверженіе
этого взгляда у
Потебни.

измѣряется цѣлыми тысячелѣтіями. Такой скачекъ, конечно, «есть свачекъ смертельный для всякой достовѣрности», какъ выражается Потебня. Во вторыхъ, приписывая извѣстное значеніе доисторическому корню, мы или повторяемъ значеніе корня производнаго, или вносимъ то, которое возникло въ періодъ производства слова и до того времени не существовало, т. е., идемъ *ὑστερόπρωτον*. Наконецъ, положеніе, что всѣ имена предполагаютъ *понятія* или *общія* значенія корней (такъ какъ де всякое познаніе или наименованіе есть подведеніе чего-либо подъ *общее* *понятіе*)—въ сущности должно быть признано не доказательствомъ, а простымъ тождествомъ или *повтореніемъ утвержденія*, что *общій* признакъ въ мысли *первобытенъ*, между тѣмъ какъ именно и нужно было *доказать* эту первобытность. Приведенное же выше доказательство *общности* значенія корня, когда мы обозначаемъ *однимъ и тѣмъ же* словомъ *повторяющееся* дѣйствіе, есть не доказательство, а тоже *ὑστερον—пробтерон*: когда корень слова «бить», при *повтореніи* дѣйствія, нашелъ для себя *новое* примѣненіе, то значеніе его дѣйствительно *обобщилось*, но до примѣненія оно могло не быть *общимъ*.

14

15

I.

Первообразна ли отвлеченность въ существительномъ *качества*?

16

Качество, какъ нечто отвлеченное отъ того, въ чемъ оно находится, въ *историческое* время индоевропейскихъ языковъ выражалось существительнымъ *производнымъ* и прежде всего *существительными жен. и сред. рода на ѣство, тво, ость*.

Выраженіе качества существительными производными.

Такъ, начиная съ древнѣйшихъ намятниковъ, и въ слав. языкѣ имена на эти суффиксы означаютъ только качество: сладство, сладость (I. Эз. Болг.), тогда какъ существительныя, совпадающія съ *сред. родомъ прилагательныхъ*, обозначаютъ не только качество, но и то, въ чемъ качество заключается (ср. дал. III, 59 и слѣд.), при чемъ такое существительное, какъ *тепло*, въ свою очередь отвлеченіе самого прилагательнаго, когда это последнее мыслится вмѣстѣ съ своимъ опредѣляемымъ и, слѣдов., прикрѣпляется къ *опредѣленной субстанціи*: «свѣтлое и тресвѣтлое сълице! всѣмъ тепло и красно еси» (Сл. о II. Пг.).

17

Но мыслители прежнихъ вѣковъ и нынѣшнее простонародье за такими абстрактными явленіями, какъ *тепло* и *журненіе*, *свѣтъ* и *электричество*, усматривали особыя *субстанціи*: флогистонъ, теплородъ, электрическую жидкость. Поэтому и нынѣ для огромнаго большинства качество или свойство извѣстной вещи принимается тоже за вещь *не въ смыслъ метафоры*. Напр. въ Лѣчеби. 18 в. говорится: если сокъ хрѣну «пущать въ ухо, то онъ всю *глухоту* (какъ вещь) *выоняетъ*»; «укусъ съ медомъ прикладывать до больныхъ очей,

Взгляды древнихъ мыслителей и простонародья на качество, какъ на реальную субстанцію.

18

- то выйдетъ очная болѣзнь» (ibid.). Въ такомъ же *неметафорическомъ* смыслѣ смотрѣли на качества вещей и древніе ученые. У Платона губы ви-
 19 ваютъ въ себя воду и *близину* луннаго свѣта и шия (*candorem bibant*).
 У Апулея *качества* въ атмосферѣ (*serenitas, rigor, crassitudo, raritas*) бо-
 20 рются между собою, уничтожаютъ др. друга, чреватѣютъ и рождаютъ, какъ
 лица. При такомъ возрѣніи на качество, *вещь* и *качество* ея являются
парою особей и какъ бы *уравниваются*, въ силу чего «латин. писатели и
 ставятъ перѣдко существительное *качества* вмѣсто имени *носителя* этого
 качества, которое можетъ при этомъ быть выражено прилагательнымъ или
 21 родительнымъ принадлежности», напр. *vilitas ossea* (простая кость); *senec-
 tas ovium* (старыя овцы).*) Отцы церкви, унаследовавъ возрѣнія древнихъ
 на стихіи, въ томъ числѣ и на огонь, объясняютъ (Шест. Іоан. экз.), что
свѣтъ, созданный въ первый день, свѣтилъ въ первые три дни *самосто-*
 22 *ятельно*, и лишь въ четвертый день вложено было въ свѣтла «свѣтее
 соущие прѣвзошедшаго свѣта». Объективная раздѣльность субстанціи и ея
 качества еще болѣе видна въ слѣдующихъ словахъ Шестоднева: «*ино*
іестествомъ и родомъ *было*, *ино же поблѣненное тѣло*... «*ино* іестъ
 свѣтовное свѣтильство, *ино же подлежае свѣтоу тѣло*...; въ загробной же
 23 жизни «огненное іестество» будетъ раздѣлено: «*тѣгда тѣже свѣтъ* на освѣ-
 щеніе будетъ праведникомъ, а *жеженія болѣзнь* (т. е. свойство причинять
 24 боль) *моушимымъ* отлоучена боудеть». Свѣтъ по отношенію къ свѣтлому
 тѣлу нѣсколько разъ въ Шестодневѣ уподобляется душѣ, оживотворяющей
 тѣло, такъ что *качество* является душою *вещи*, при чемъ Богъ сотворилъ
 сперва «видъ и образъ прѣждесоущей», т. е. качества, свойства, «потомъ
 же вечная соущия на бытіе прѣведе».

Выводъ отсюда:
 непервообраз-
 ности, отвлечен-
 ности къ оуще-
 ствительныхъ
 качества и дѣй-
 ствію.

Т. обр., Потебня возвращается къ тому же, что высказы-
 зано имъ и во *введеніи*, именно, что древній яз. *конкретенъ*,
 а потому и отвлеченность существительныхъ качества неперво-
 25 образа: сначала существительныя качества представлялись *ре-*
альными субстанціями и потомъ уже—абстрактными или отвлеченными**).

Сказанное о пониманіи качества, какъ субстанціи и вещества, примѣ-
 няется и къ дѣйствию, напр. «въ лоуноу *хощудни* (ущербъ) вложено іестъ»
 (Шестоди.). Ошибочно было бы думать, что въ подобныхъ случаяхъ имя
 дѣйствія *сначала* вполне отвлеченно, напр., по отношенію къ *мысли* со-
 вершенія, а *потомъ* уже къ этой отвлеченности пристають обстоятельства
 мѣста, дѣлающія отвлеченность конкретною.

*) Ср. Поуч. Серап. XIII в. «наведе на ны языкъ... не щадящъ красы уны,
 немощи старецъ, младости дѣтей». И. Б.

**) Срав. далѣе III, 634, 635. И. Б.

II.

Предполагаютъ ли сущ. имена качества значеніе собирательности?

Съ именами существительными качества перѣдко соединяется и значеніе *собирательности*. М. Мюллеръ на собирательное значеніе въ такихъ именахъ смотритъ слѣд. образомъ. Отвлеченныя существительныя качества, бывъ образованы при помощи извѣстнаго суффикса, получали сначала значеніе *собирательности*; таковы напр. имена съ суф. *tas* (= *της, τηςτος*): *juventas* (= *juvenes*), *posteritas* (= *posterii*), *civitas* (= *cives*); потомъ собирательное значеніе исподволь переходитъ въ *отвлеченное*: *gaudia*, *tempus juventutis*, и наконецъ является единичное, существо въ семьѣ боговъ: *Juventas* (*Das Denken...* 234).

Того же взгляда М. Мюллеръ и на другія существительныя качества, которыя, по его мнѣнію, происходятъ отъ качественныхъ прилагательныхъ; напр. сущ. *Schönheit* отъ прилаг. *schön* первоначально обозначало *совокупность* прекраснаго, а потомъ—отвлеченное понятіе красоты; съ теченіемъ же времени существительныя качества могли уже производиться отъ прилагательныхъ и безъ мысли о посредствующей ступени собирательности (*Das Denken...* 425—6).

Не такъ смотритъ Потебня на происхожденіе собирательности въ именахъ, заключающихъ въ себѣ значеніе и качественное, и собирательное. Онъ прежде всего думаетъ, что о происхожденіи собирательности въ подобныхъ именахъ слѣдуетъ судить по тѣмъ случаямъ, когда собирательность *не связана* бываетъ съ тѣмъ или другимъ *суффиксомъ*. Такъ, въ славянскихъ и другихъ яз. есть не только отвлеченныя, но и *конкретныя* существительныя, которыя въ *един.* ч. могутъ относиться и къ отдѣльной особи, и вмѣстѣ съ тѣмъ «являются образомъ сплошнаго множества», напр. «привалила *птица* къ круту берегу», «повелѣно брить *имъ бороду*» (Пушк.). Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ (муха, рыба, листъ и др.) конкретныя имена явственно еще отличаются отъ собирательныхъ, какъ напр. «много *жида* (конкретно) на ярмаркѣ» и «много *жидовъ*» (Акс.); «нападало *листу* и *листья*». Въ выраженіяхъ «*листь сухой валится*», «*листья валятся*» и «*листья валятся*» различіе между «*листь*», «*листья*» и «*листья*» заключается въ образъ: въ первомъ случаѣ (*листь*) *единица* служитъ *символомъ* множества, во второмъ (*листья*) представляетъ *раздѣльное* множество и въ третьемъ (*листья*)—*сплошное* множество. Когда же конкретныя имена переходятъ въ собирательныя, тогда они и сочетаются со *множ.* ч., напр. «Черный Клобукъ, весь совокупившеся, *пыхана*» (Ипат.), хотя употребляется и *един.* число: «се вои отъ насъ *расшлись*... а Черный Клобукъ нами *леститъ*» (Ипат.). Съ такимъ собирательнымъ зна-

Взглядъ М. Мюллера на происхожденіе собирательности въ именахъ существительныхъ качественныхъ.

Несогласіе Потебни съ этимъ взглядомъ.

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

ченіемъ въ старинныхъ русскихъ памятникахъ употребляются многія сущ. имена ед. ч. безъ суффикса собирательнаго: *юсть*, *иноземь*, *ловець*, *Исковичь*, *мужь*, *смердоъ*, *куница*, *осетръникъ*, *медоваръ*, *конникъ*, *скотъ*, *птичь* (птица), *конь*, *человѣкъ*, *комонникъ*, *тругъ*, *Москаль* (Ср. въ нов. яз. *непріятель*, *Турокъ* и др. «ходить подъ *Турку*»); а также: *кость*, *помокъ*, *камень*, *животъ* (=скотъ), *дровно*, *беревно*, *жердь*, *боръ* и др. Напр. «У сего козачтва зобралосѣ... *человѣка* (=людей) *сѣмдесять*» Лѣт. Самов. «Князю великому дасть сто *рубля*». (Грам. Іоанна Данил. 1338—40 г.).— «*Бойца* *человѣкъ* съ 100[«]» (А. Моск. Г.).— «*Стала збираться усяка птиця и всякі звѣрі*» (Зап. о Ю. Р.).— «*Звоював Государь Шведа* (Полит. пам. 18-19 в.).

На основаніи многочисленныхъ случаевъ употребленія съ собирательнымъ значеніемъ существительныхъ ед. ч. безъ собирательнаго суффикса Потебня предполагаетъ, что и существительныя съ суффиксами собирательности первоначально означали также единичность, а потомъ *синекдохически* стало употребляться единственное ч. въ смыслѣ множественнаго. Сюда относитъ онъ качественно-собират. существительныя съ суффиксами *ина* (изна), *ьство*, *іе* (ье), *ія*, *ота*, *ья*, *ьба*, *сь*, *ядь*, *ость*, *ь*.

Съ суф. *ина* (рѣже *изна*): *зернина* (зерно), *тынина* (тынь); издревле собират. *дружина* предполагаетъ первоначально единичное значеніе, какъ въ мѣр: «*чоловіче мій, дружино* (=другъ) *моя*».—*Мужьчина*, *женьщина* первоначально—свойство того, кто мужьскъ, женьскъ (ср. стар.-рус. сущ. *дѣньскъ*), а потомъ уже могли стать существительными собирательными, слѣдовъ каковаго значенія въ рус. яз. не осталось.—*Барщина*—сперва барская работа, а потомъ собират. «собрать всю барщину».—*Бѣлизна* въ рус. яз. только свойство бѣлости; а въ польск.—собират. *бѣлье*. Вообще, въ русскихъ именахъ на *ина*, соответствующихъ польск. *изна*, господствующее значеніе есть *качество*, и лишь въ немногихъ словахъ появляется собират. значеніе.—*Лозина*—первоначально въ значеніи единичномъ (*хворостина*), а отсюда—собират. «бѣ бо городъ обила вода и сильная *лозина* и *вербье*» Плат.—Отъ собирательнаго значенія можетъ вновь произойти единичное; такъ, соврем. *осина* (единичное) могло нѣкогда имѣть собират. значеніе (Ср. мѣр. *осичина*), а передъ этимъ—также единичное.

Съ именами на *ина* (*изна*) сходны имена на *ьство*, которыя во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ сперва означаютъ *качество*; напр. *божьство*—свойство Бога, а потомъ—единичное съ значеніемъ «Богъ»; когда же нѣкоторые изъ такихъ именъ примѣняются ко многимъ особямъ, тогда они получаютъ и собир. значеніе: «король подымать *бесерменство* на *христьянство*» Ак. Зап. Р.—*Комоньство* въ стар.-рус. яз. значитъ *доблестъ коня*, и лишь въ стар.-чешскомъ—*конная дружина*.

Имена на *ше* (рус. *ье*) изъ качественныхъ переходятъ въ собирательныя также только тогда, когда качество или свойство примѣняется ко многимъ однороднымъ особямъ, безъ этого же остаются при значеніи качественности. Таковы сущ. на *ше, ье*,

а) образованныя отъ прилагательныхъ качественныхъ: *обилѣе, здорровѣе, веселѣе* (качественныя), но *старѣе, сырѣе, шилѣе, бѣлѣе*—суть сущ. собирательныя.

б) Имена дѣйствій, образованныя отъ прич. страдательныхъ на *н, т, лнш* въ немногихъ случаяхъ становятся собирательными; напр. *рожденіе* (цсл.) и *роженіе* (стар.-рус.) въ смыслѣ *συγγενής* (родственниковъ).

в) Сущестительныя, образованныя отъ косвенныхъ надеждъ въ зависимости отъ предлоговъ, собирательными не дѣлаются, а получаютъ значеніе а) *лица*: *подружье*, б) *мѣста*: *приморье*, γ) *времени*: *повечерье*.

г) Имена, образованныя отъ прямыхъ надеждъ, во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ донынѣ бывають собирательными: *желше, вѣбше, смоковше*, которыя въ влрус. яз. въ 18 и 19 вв. вошли въ склоненіе на *з*, какъ собират. множ. ч, напр. *зубья. Бабья, дурачье* и подоб. въ соврем. яз. только собирательныя, но они могли нѣкогда означать и принадлежность, отождествляясь съ сред. р. прилагательныхъ: *бѣбье* (то, что принадлежитъ бѣбѣ), какъ въ греч. яз. *ἰππιζόχ* конница отъ прилаг. *ἰππιζός*.

Сущестительнымъ на *ье* соответствуютъ имена жен. р. на *уя*: цсл. *братрица*, рус. *братья* (зятя, шурья), ставшія потомъ *множ. ч.* съ значеніемъ собирательности при сущ. *братъ, зять*...

Черезъ суф. *ота* образуются отъ сущестительныхъ и прилагательныхъ сущестительныя качественныя: *красота*, и лишь немногія переходятъ въ собирательныя, напр. *тѣхота*—нѣшее войско, *гомота* (млр.)—голь, *бѣдноста, темнота* (бѣдные, темные люди).

Къ именамъ дѣйствія на *ья, ѣбя* (стрѣяня, служба) примыкають только немногія собират. *служня*=прислуга (Догов. Дм. Нв. 1388 г.), *родня, тридѣя* (отъ *гридь*), *тальба, холостѣя, юлытьба*.

Имена жен. р. на *ень* и *ядь* даютъ также нѣкоторыя собирательныя: *молодежь, холостежь, челядь, ружлядь*.

Имена на *ость* суть качественныя, какъ сказано было выше (III, 16), но *святость*—собират. (собрание иконъ) А. Ю. 1546 г.

Имена жен. р. на *ь*, означающія дѣйствіе (дрожь, боль) и качество (чернь), бывають собирательными только въ отдѣльныхъ случаяхъ: *задежь, заваль, шваль, приарь, дрянь, молодь, чернь* (простой народъ); *погань, оичь, гошь, знать* прежде всего качественны, и даже старинныя собират. *нядь, днѣть, Русь, Чюдь, Вось* и проч. предполагають качественность.

Въ собирательныхъ именахъ *Сьвера* (Ипат.) (и *Сьверъ* Лавр. л.);

Черемиса, Мордва, Муroma, Печора, Ура, Зимыола, Лытьгола (Лавр. л.) собирательность могла возникнуть, какъ въ словѣ *юспода*: сперва *юспода* жен. рода=господство (значеніе предполагаемое); отсюда а) въ примѣненіи къ *мѣсту*—владѣніе, домъ (въ серб. яз.) и б) въ примѣненіи къ *лицу*: чеш. *hospoda* (господинъ), серб. собират. *юспода* (*domini*) съ атрибутомъ въ ед. ч. жен. р. и со сказуемыми сперва въ единственномъ а потомъ—во множ. ч. Отсюда тождественное по ударенію съ сербскимъ влрусское *юсподѣ* стало собирательнымъ множ. ч. къ сущ. *юсподинъ*.

Неизвѣстно, такъ ли возникло собирательное значеніе въ словахъ: Волхъва, Ляхва, Татарва, дѣтва, жидова, листва. Во всякомъ случаѣ надо думать, что *собирательность именъ происходитъ отъ качественности, а не наоборотъ*, какъ думаетъ М. Мюллеръ, при чемъ въ разныхъ языкахъ переходъ этотъ происходитъ въ разное время и въ разной мѣрѣ. Такъ, теперешнее нѣмецкое *Menschheit* есть только собир. сущ. (человѣчество), а у Гердера и Гёте употреблялось и какъ качественное: человѣчность; французскому качественно-собирательному *jeunesse*, нѣм. *Jugend* въ русскомъ соответствующее качественное *юность*, *молодость* и собирательное *юношество*, *молодежь*. Самый же переходъ отъ качественности къ собирательности совершается (тогда, когда качество, понимаемое какъ особь, *лицо*, служитъ символомъ *многихъ* особей, обладающихъ этимъ качествомъ. Въ извѣстныхъ стихахъ Пушкина:

«Вдохнеть о славѣ *младость*

«И рѣвая задумается *радость*»

олицетвореніе молодыхъ людей въ существительныхъ *младость* и *рѣвая радость* находится, т. сказать, на перевалѣ къ собирательности этихъ именъ.

III.

Происхожденіе имени прилагательнаго.

Близость существительныхъ качественныхъ къ прилагательнымъ и признаки этой близости

Въ тѣсной связи съ качественностью именъ существительныхъ находится вопросъ о происхожденіи именъ прилагательныхъ. Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ *разница* между сущ. и прилагательнымъ *уменьшается*, атрибутивность же существительнаго *увеличивается*.

Близость существительныхъ, означающихъ качество, къ прилагательнымъ качественнымъ же доказывается тѣмъ, что и отъ существительныхъ были степени сравн: *бережье* (ближе къ берегу), *звѣрье*, *скотье*. На большую же качественность старинныхъ существительныхъ съ одн. стор. указываетъ образованіе отъ существительныхъ такихъ глаголовъ, какъ *звѣрять*, *псать*, *чертить*, изъ которыхъ видно, что *вовремя производства подобныхъ глаголовъ* существительное означало не только определенную субстанцію, но

и свойственное ей состояніе, а съ другой—на большую качественность старинныхъ существительныхъ указываютъ мѣстоименныя окончанія ихъ при окончаніи именномъ: *дѣва* и *дѣвая*, *бездѣла* и *бездѣлая* (Псал. XI в.), *Иродова* (Пзб. 1073), «великое войско челоуъ бѣтъ» А. М. Г. 1633; въ соврем. мѣр: «молода поіивая».

Кромѣ того, въ ту пору, когда въ прилагательныхъ еще не было членнаго окончанія (*добра-гоу*); тогда существительныя отличались отъ прилагательныхъ только по синтаксическому употребленію. Такъ напр., *сѣсьдѣ* значило и *сосѣдѣ*, и *сосѣдній*: «къ земли *соусѣдѣ*» (прилаг.) Шест.; *ладѣ*—согласіе и ровный (*ладный*); *друиѣ*—amicus и прилаг. другой; *прокъ*—сущ. (ср. соврем. въ-*прокъ*) и прил. остальной; *покорѣ*, *покура*—покорность и покорный (Кир. Тур.); *сладѣ*—голодъ и прил. **сладѣ* (*слазды*); *лѣкъ*—agens, *лѣка* залѣвъ и кривой.

То же замѣчается въ именахъ и съ другими окончаніями:

Ѣ муж. и на жен. р. Напр. *лѣжѣ*—лживый челоуѣкъ, *лѣжа*—обманъ и прил. «*лѣжѣ* свѣдѣтель»—*лживый* свѣдѣтель.—Суффиксъ этотъ образуетъ отъ именъ существительныхъ многочисленныя прилагательныя притяжат. образца *дѣвичѣ*, *нашѣ*, *вашѣ*; *въжѣ* (*peritus*), *дрѣвѣ*, *чужѣ*, *иужѣ* (*alienus*), соврем. рус. *пропаций*, *солоций* и др. Съ этимъ же суффиксомъ, есть много и существительныхъ, при конхъ, какъ при *межа* (цел. *межда*) итъ соответствующихъ прилагательныхъ, по значенію относительности, свойственное прилагательнымъ, можно предполагать при нѣкоторыхъ изъ нихъ. Таковы имена: *прицѣ*, *хруцѣ*, *свѣрѣ* (*сверчекъ*), *хвоцѣ* (*конскій хвостъ*), *бѣрѣ*, *прѣждѣ* (*передняя часть*: «съ *прѣжда* іен (главъ) лежить теме» Шест.). *гвицѣ* (*относящийся къ свѣту*)—сквозная дыра, *госпожа* (собств. притяж. отъ *господѣ*, какъ *теща* отъ *тестѣ*), *греча* (соб. греческая; ср. мѣр. гречка), *кожа* (при *коза*), *душа* (принадлежащая духу), *вечеря* (относящаяся къ вечеру), *суша*, *стужа*, *ица*, *чаца*, *пуца*, *роца* и др.

Суф. *снѣ*, *унѣ* (жен. *унѣя*), *ѣнѣ* образуютъ какъ прилагат., такъ и существительныя; напр. *пѣанѣ* (*пи-панѣ*), *рѣанѣ* (*сердитѣ*, *золь* и потому *рѣтивѣ*), *истуканѣ*, *стоянѣ*; прозвища: *Мазанѣ*, *Скиданѣ*; *брехунѣ*, *го-сфунѣ*, *пѣвунѣ*, *топорѣ колунѣ*; *сочень*, *трунень*, мѣр. *мѣдень* (прилаг.): въ покрывнкою *мѣдѣню*.

Въ образованіи существительныхъ отъ прилагательныхъ безъ присоединенія новаго окончанія, какъ кажется, нужно различать два случая.

А. Первый случай, когда опредѣляемое существительное, какъ легко подразумѣваемое, опускается, и т. обр. опредѣлительное прилагат. принимается на себя значеніе опущеннаго существительнаго; напр. сперва «*портной швецъ*» (А. до Ю.В.) или *порт-*

Суффиксы общія для существительныхъ и прилагательныхъ: *ѣ*, *а*; *аѣ*, *аѣнѣ*, *аѣнѣя* (уныя) ит.

43

46

47

48

49

Два случая образованія существительныхъ изъ прилагательныхъ.

А. Первое отношеніе опредѣляемаго существительнаго.

ной мастеръ» (ibid), а потомъ одно слово *портной*. По образцу «портной» до XVIII в. включ. въ рус. и польск. яз. были существительными: *русскій*, (человѣкъ), *Московскій*, *Литовскій* (в. кн.), *крымскій* (ханъ), *турецкій* (царь). Этими же путемъ стали существительными фамилии на *скій* и болѣе древнія имена городовъ и странъ изъ именныхъ формъ прилагательныхъ: *Боровскъ*, *Курскъ* и притяжательныхъ на *ѣвъ*, *овъ*, *инъ*: *Ярославъ*, *Боголюбовъ*, *Люботинъ*, а равно отъ качественныхъ съ опущеніемъ существительныхъ муж., жен. и ср. р. (городъ; весь, деревня, рѣка; село): *Великая* (рѣка), *Красное* (село). Также множество существительныхъ нарицательныхъ: *становой* (приставъ), *мастеровой* (человѣкъ), *заутреня*, *обидня*, *вечерня*, *всенощная* (служба), *Страстная*, *вербная*, *масляная* (педѣля), *сѣнная* (площадь), *косой* (заяцъ), *борзая* (собака); по *праву*, по *льву* (руку) *Пшат.*, *поступная*, *купчая* (крѣпость) и др. Въ областныхъ влр. нарѣчіяхъ равно какъ и въ мѣр. яз. такихъ случаевъ множество, при чемъ нужно замѣтить, что чѣмъ отвлеченнѣе опускаемое опредѣляемое существительное (рѣка, вина, потреба), тѣмъ труднѣе бываетъ возстановлять его.

Б.—безъ подразумеваемаго существительнаго. Б. Но есть множество случаевъ, гдѣ опущенія опредѣляемаго слова не было, а между тѣмъ прилагательное стоитъ въ качествѣ существительнаго. Напр. загадка: «*Криво-лукаво! куда побѣжало? Сстрижено-брито! **» тебѣ дѣла нѣту» (рѣка съ излучинами и поляны).

а) Прежде всего въ качествѣ существ-хъ являются тѣ прилагательныя, которыя прилагаются преимущественно къ людямъ, не нуждаясь при этомъ въ опредѣляемыхъ словахъ и ихъ опущеніи; напр. „многими“ (=многами) и тымычынскому милостыню даяти“ (Пѣбор. 1073 г.); *родной*, -ая; *поплатой*, *молодые* (только что повѣчавшіеся), *верховой*, *пѣтый*. Особенно часто—въ пословицахъ: «*босъ лаптей не износить*», *холостъ* много мыслить, а *женатой* болѣ.»—Всякое прилагат. и причастіе, становясь собственнымъ, вмѣстѣ становится и существительнымъ: «Земной судейка *Поспѣлъ* Васильевъ... съ *Поспѣломъ* Десятовымъ» (163 г. А. до Ю. Б.). Ср. чешскія фамиліи на *ль*.—Въ древ. рус. и ц.-сл. случаяхъ употребленія именъ прилагательныхъ въ качествѣ существительныхъ очень много. Напр. *Хоробрь* (храбрь) въ значеніи *удалецъ*, *богатырь*; «пакы блаженный приде въ манастирь свой, яко *храбрь* силы» (=сильный богатырь), побѣдивъ злыя духи» (Жит. Феод.).—«*Ни хитру*, ни *юразду*... суда Б. не минути» (Сл. о И. II)=ни *хитрецу*, ни *мудрецу*... Потебня думаетъ даже, что сущ. на *ецъ*, *яцъ* произведены не отъ прилагательныхъ, а прямо отъ существительныхъ же (Ср. далѣе III, 126—7), какъ напр. «бѣлъ молодецъ» отъ „бѣлъ молодъ“, гдѣ «молодъ» есть не прилагательное, а существительное, къ которому присоединенъ суф. *ецъ* для того только, чтобы не смѣшивать суще-

*) По другому варіанту: «*зслено-кудряво! тебя стережи*». И. Б.

ствительныхъ съ прилагательными, обособившимся *потомъ* въ отдѣльную категорию *). [Ср. другія существительныя такого же образованія: *мѣзиницъ, правица, десница, шуйца*]. Поэтому Потебня отказывается отъ прежде высказаннаго мнѣнія, что будто бы въ прилѣгахъ, какъ «*битый небитаю* везетъ», подлежащее и дополнение не становятся здѣсь существительными (I, 98, 99), а остаются де прилагательными.

б) Не предполагаютъ опущенія опредѣляемаго и существительныя изъ прилагательныхъ *сред. р. ед. ч.*, гдѣ средний родъ служить средствомъ обозначенія качества субстанціи. (Ср. выше III, 16). А такъ какъ субстанція есть или *нѣкто* (лицо), или *нѣчто* (вещь), то и существительныя изъ прилагательныхъ *сред. р.* означаютъ

Прилагательныя
сред. р. ед. ч.
въ качествѣ су-
ществитель-
ныхъ.

или а) лицо: «*сужено-ряжено* не объѣдешь въ кузовѣ»; «не ровень *чортъ* навернется либо *старо* (сущ.) одушливое, либо *младо* (сущ.) педужливое»,

или б) вещь какъ чувственную, такъ и отвлеченную (дѣло, произведеніе, дѣйствіе). Напр. *озимое, яровое* (посѣвъ); *ѣсть мясное, рыбное,, молочное, постное*; зло, лихо. — «Сыскивать надъ нами всякаго *дурна*, буде что который насъ какое *дурно* учинить (1690 г. А. Ю); говорили про *жилое*, про *былое*; *постоялое*; *взятое, даное, приданое*. — Производныя существительныя отъ притяжательныхъ и относительныхъ прилагательныхъ: *мое, твое, свое, чужое, Божье* и нарѣчныя выраженія отъ нихъ: *по-моему, по-Божьему*, а также род. п. существительныхъ послѣ сравнит. ст.: «ѣтъ больше *нашего*» (=чѣмъ *мы*), «въ Едринополь поселенскаго народу больше *царевдскова*» (Путеш. Лукьян.). — Сюда же относятся сущ. ср. р. отъ прилагательныхъ относительныхъ на *вскъ, ѣв, овъ, ѣн* и отъ прич. прош. вр. страд. з. для обозначенія *должности, платы, подати, взысканія*: тысяцкое, подымное, вѣзжее и пр

г) Такъ какъ субстанція съ значеніемъ *нѣчто* обозначаетъ еще *мѣсто, время и состояніе*, то употребляются и такія существительныя изъ прилагательныхъ *сред. рода* безъ подразумѣваемаго опредѣляемаго слова, какъ *жило, пусто*: «дано мнѣ на прожитокъ въ деревняхъ и въ пустошахъ, въ *жить* и *пусты* 25 четвертей» (1680 г. А. до Ю. Б); *черно, было* (на *черно, на было*), до *суха*, «унивахуться до великаго *пьяна*», «умереть со *стужена*» (1542 г. А. Пет.), *яро* (т. е. ярая вода, весна), *ведро, мокро* (мокрая вода). — Въ новомъ яз. нарѣчныя выраж: до—*сыта*, съ—*дуру*, с—*полна*, с—*перва*, в—*скорь*, до—*сею*, по—*дому*, по—*часту*. — Всѣ слав. нарѣчія на *о, е* (како, тако, мною, тихо) образовались изъ существительныхъ

*) Нужно помнитъ при этомъ, что, по Потебнѣ, образовались *прилагательныя* изъ существительныхъ, а не наоборотъ, и что превращеніе существительныхъ въ прилагательныя вызвано стремленіемъ языка устранить двойственность теченія мыслей въ сужденіи (Ср. далѣе III, 72, 73, 78—80; 130—131). И. Б.

сред. р. *вин. п.*, представляя собою слѣды *объекта* (чего прежде Потебня не хотѣлъ признавать: ср. I, 121); въ примѣрахъ же, какъ «умъ—*хорошо*», (I, 108—110), «пьяный мужъ—*дурно*», нарѣчія образовались отъ надежа именительнаго.³¹⁾

Числит. ср. р.
ед. ч. въ каче-
ствѣ существи-
тельныхъ.

65

б) Числительный сред. р. ед. ч. въ качествѣ существительнаго, переходящаго въ нарѣчіе, ставятся тогда, когда или считаемиы существительныи различнаго рода, или когда полъ безразличенъ. Напр. «въѣхаша безъ вѣсти въ поганый, взяша 6 селъ, а *самое* городъ» Ипат.

Мѣст. *кое, кое-
какое, кое-какое,
въ качествѣ со-
юзовъ и нарѣ-
чій въ выраже-
ніи*

в) Мѣст. *кое, кое-какое, кое-какое, кое-какое* въ смыслѣ производныхъ частицъ нарѣчій и союзовъ.

66

Мѣст. *кое* въ сред. р. получаетъ разнообразныя значенія:

а) раздѣлительное *кое-кое*=то... то, одно... другое; напр. «*кое* (=то, одно) на колесахъ, *кое* (=то, другое) на хлѣбѣ 25 рублевъ на одинъ день» Иск. I.—«И прибили тое силу великую, *кое* сами, *кое* кони топчуть».

б) При глаголахъ покоя (есть, находится) *кое* близко къ нарѣчію *мѣста* (*идѣ* и *куда*) и даже переходитъ въ нарѣчіе. Напр. «разбери, *кое* отроки и *кое* дѣвѣны» (Палея 1494 г.).—«*Кое* (=гдѣ) ваши златыи шеломы» (Сл. о Н. Нг.).

в) Къ пространственному значенію примыкаетъ *временное*: «когда», «пока», и удвоенное «кое-кое» съ значеніемъ «когда же наконецъ» или «изрѣдка», «кое-когда»: «Князь великой... уже стоятъ (подъ Новгородомъ) недѣли 3 и 4, а ждя отъ нихъ, *кое* ему челомъ добють, а Новгородцы также дожидали, *кое-кое* отъ нихъ самъ прочь поидеть» Иск. I.—«*Кое* (пока) встать, *кое* умылся.., анъ и развѣло».

г) Отъ временнаго «когда» *кое* переходитъ въ *условно-причинный* союзъ „если“, „такъ какъ“, „якъ“ (въ м.р. и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галаціи), а въ в.р.—къ значенію *изъяснит.* союза „что“: Маруся *як* (=если бы) нестояла в церквѣ, то ѿ небачила“ Квит.—„У тебя на твою землю крѣпость есть ли, *кое* (=что) онъ вашу землю ваетъ“ А. Ю.—«Вѣтъ ли челомъ N и сказывалъ, *кое* купилъ у N поддереви“ А. Ю.

д) Изъяснительное „что“ предполагается значеніемъ „почему“: „*что* не ходишь“? „*кое* тебя долго не было?“ (кур. губ.).

е) Какъ соврем. в.р. *нѣ-что* (нѣчто), такъ и старин. рус. *кое* въ значеніи „развѣ“? напр. „на немъ же цѣловалъ хрестъ и что к тобѣ реклъ, *кое* (развѣ) управилъ?“ Ипат.

³¹⁾ Т. обр., Потебня, вопреки взглядамъ Буслаева и Миклошича (Ср. выше I, 109, 110), сказуемая «хорошо», «дурно» считаетъ еще нарѣчіями, но дальше (III, 456) признаетъ ихъ уже прилагательными и притомъ *субстантивированными*. И. Б.

ж) Наконецъ, для выраженія неопредѣленности въ современныхъ влрусскихъ говорахъ и литературномъ языкѣ „кое“ (кой) примыкаетъ къ нарѣчьямъ мѣста, времени и къ мѣстоим. „кто“, „что“: *кое-куда, кое-гдѣ, кое-когда, кое-кто, кое-что*; въ мвр. же яз. такіа сочетанія не обычны.

Которое могло употребляться въ смыслѣ раздѣлительномъ: одно... другое, то... то вмѣсто *кое-кое*; но кромѣ этого случая „которое“ ставилось и въ смыслѣ изъяснительнаго союза, просоединяясь къ союзу *что*: „а *что* *которое* пѣмци приняли (=захватили) псела Псковского... или *что* понимали панихъ въ Колинномъ... а то все отпустиша во Псковъ“ Псков. I.

Ово: «*ово* ихъ измѣроша, а друзи разидошася» Новг. I. Отсюда союзъ раздѣлит. *ово—ово* (=кое—кое, то—то): «и тако же възгарахуся голубышцы, *ово* клѣти, *ово* вѣжѣ, *ово* ли одрины» Лавр.

Иное: а) «бѣяше Новгородцевѣ мало... а меньшее они разидошася, а *иное* померло голодомъ» Новг. I.

б) *иное, ино* въ значеніи «иной разъ», «иное мѣсто» (о времени), «иному перу»: «а зимою соспѣ ѣли, а *иное* побылатиши Богъ дастъ» Новг. I.

в) *иное... иное*—то... то: «*иное* въ церкви почую, *иное* къ воеводѣ уйду» Илт. прот. Авв.

Близость существительныхъ къ прилагательнымъ и указанные выше случаи употребленія прилагательныхъ въ качествѣ существительныхъ даютъ поводъ думать, что существительныя происходятъ отъ прилагательныхъ. Однако *условія* образования существительныхъ отъ прилагательныхъ заставляютъ предполагать, что въ древнюю пору образовались не существительныя отъ прилагательныхъ, а наоборотъ—прилагательныя отъ существительныхъ. И дѣйствительно, когда мы употребляемъ, напр., прилагательное *бѣлы* и хотимъ сообщить это знаніе другому, не понимающему русскаго яз., то мы указываемъ *лишь на вещь*, въ которой находится качество бѣлости, и говоримъ «*бѣло!*». При этомъ иностранецъ въ первый мигъ приметъ это слово за названіе *и вещи, и ея качества вмѣстѣ*, а потомъ уже, когда даны будутъ ему сочетанія: *бумага бѣла, стѣна бѣла* и пр., онъ своимъ умомъ выдѣлитъ *прилаг. бѣло*, какъ названіе *только качества*. Такъ и въ исторіи языковъ, различающихъ названіе вещи и признака, прилагательное (какъ болѣе отвлеченное, чѣмъ существительное) *позднѣе* существительнаго и образовалось изъ него; или иначе говоря: существительное, какъ первоначальное названіе *извѣстнаго признака вмѣстѣ съ субстанціей*, заключающей въ себѣ и другіе признаки, ближе къ чувственному образу и потому *первообразнѣе*, чѣмъ прилагательное, которое обозначаетъ признакъ *безъ определенной субстанціи*.

Взглянуть на происхожденіе прилагательныхъ отъ существительныхъ въ болѣе срѣднюю пору

70

71

72

73

Выдѣленіе из-
вѣстнаго при-
знака изъ суще-
ствительнаго и
происхожденіе
прилагатель-
ныхъ.

74

Сопоставленіе
суждений анали-
тическихъ и син-
тетическихъ съ
предложеніями у
Штейнтала.

Въ выраженіяхъ: «зеленая трава», «трава зелена» при-
знакъ «зелень» мыслится нами въ словѣ «трава». Спрашивается,
какъ же выдѣлился признакъ зелени въ атрибутъ и
предикатъ, т. е., какъ произошло прилагательное?

Согласно съ сочиненіемъ своимъ «Мысль и языкъ» (Ж. М. Н. Пр. 1862 г.
и 2-ое изд. стр. 155-9), Потебня рѣшаетъ этотъ вопросъ черезъ сопостав-
леніе суждений и предложеній. Сужденія дѣлятся а) на *анали-
тическія*, въ которыхъ признакъ предиката мыслится и яв-
ственно повторяется *уже въ субъектѣ*, напр. «тѣло протя-
женно», «золото желто», и б) на *синтетическія*, въ коихъ
предикатъ есть *нѣчто новое*, непосредственно немислимое въ субъектѣ, напр.
«тѣла имѣютъ вѣсъ». Но и въ синтетическихъ сужденіяхъ признакъ пре-
диката *тѣсно связанъ* съ субъектомъ и долженъ вытекать изъ содержанія
субстанціи его, т. е. долженъ указывать на необходимость, въ силу кото-
рой предикатъ соединяется съ тѣмъ, а не другимъ субъектомъ.

На этомъ основаніи Штейнталь утверждаетъ, что сужденія, а рядомъ
съ ними и *предложенія* не бываютъ сложены изъ *двухъ* понятій или пред-
ставленій, отдѣльных для субъекта и предиката, а представляютъ, съ од-
ной стороны, *одинъ чувственный образъ*, и это есть предложеніе, а съ дру-
гой—*разложеніе* этого образа, или *выдѣленіе изъ него одного извѣстнаго*
признака, и это есть *сужденіе*. Выдѣленный признакъ мыслится въ каче-
ствѣ предиката, и субъектъ *въ моментъ сужденія* мыслится лишь какъ
этотъ признакъ, такъ что изъ множества признаковъ субъекта вводится въ
сознаніе *только одинъ*, влѣдствіе чего субъектъ и предикатъ и представ-
ляются въ моментъ сужденія тождественными или равными другъ другу:
«собака бѣжитъ» = «эта собака (субъектъ) есть *бѣгущая* собака» (предикатъ).

75

Перенесеніе По-
тебней вопроса
о выдѣленіи при-
знака на почву
логики.

Однако разсужденія эти не отвѣчаютъ еще на вопросъ:
«какъ происходитъ выдѣленіе признака?» Но дѣло измѣняет-
ся, если вопросъ этотъ изъ области *логики* перенесемъ на
почву *языка*, который показываетъ, что сочетаніе подлежащаго
и сказуемаго, опредѣляемаго и опредѣленія *не тождественны*, какъ это бы-
ваетъ въ логическомъ сужденіи. Такъ, народныя поэтическія выраженія: «лицо
бѣлый *снѣгъ*», «*ремень* человекъ», «дѣвчина *юрлиця*», «уроды, Боже, *се-
ребро* стебло» и др. суть сужденія, вовсе не подходящія подъ формулу ана-
литич. сужденія «*a=b*» (субъектъ=предик.); выраженія эти не подходятъ
и подъ формулу синтетическаго сужденія, которое изъ множества призна-
ковъ субъекта выбираетъ только одинъ для предиката: «А (равное *a+b*
+v+g) есть *a*», т. е., одинъ изъ *всѣхъ* признаковъ, составляющихъ со-
держаніе субъекта. „Если имя поставлено какъ предикатъ или опредѣленіе,

76

гов. Пауль, то оно уже не можетъ быть именемъ *вещи* и съ этой точки зрѣнія предикативное и атрибутивное имя становится *прилагательнымъ*. Нынешняя разниа между существительнымъ и прилагательнымъ могла возникнуть лишь такъ, что одна часть именъ стала употребляться преимущественно для означенія вещей, а другая для обозначенія качествъ. Когда же къ этому прибавилось *формальное* различеніе (существительныхъ и прилагательныхъ), тогда разграниченіе существительнаго и прилагательнаго совершилось⁷⁷. Такого же мнѣнія и М. Мюллеръ: по его словамъ, стоитъ только употребить существительное адъективно, и существительное можетъ быть замѣнено прилагательнымъ; вмѣсто homo м. б. поставлено humanus. Так. обр., путь отъ существительнаго къ прилагательному, по мнѣнію Пауля и Мюллера, есть атрибутивное употребленіе существительнаго: достаточно употребить существительное атрибутивно, и мы отвлекаемся отъ всѣхъ признаковъ обозначаемой имъ вещи, кромѣ одного, обозначаемаго атрибутомъ; но *откуда* самое *стремленіе* превратить существительное въ прилагательное—этотъ вопросъ все-таки не разрѣшается мнѣніями Пауля и Мюллера.

Взглядъ Пауля и М. Мюллера на происхожденіе прилагательныхъ, какъ атрибутивныхъ.

Съ точки зрѣнія *языка*, въ сужденіи «трава зелена» или «зеленая трава» можно усматривать разложеніе единства слова «трава» лишь подъ тѣмъ условіемъ, что качество «зелена» дано намъ *готовымъ*, а не *выдѣлено* изъ существительнаго „трава“, и, слѣдов., словесное выраженіе указываетъ собственно *не на выдѣленіе* признака изъ чувственного образа, а на *слиянiе* въ сужденіи *двухъ* единствъ, двухъ чувственныхъ образовъ: „трава“ и „зеленость“, какъ это бываетъ въ предложеніяхъ, выраженныхъ посредствомъ *сравненiя*: „камень-человѣкъ“, „лицо-бѣлый свѣтъ“, ибо въ первоначальномъ языкѣ всякое прозаическое безобразное выраженіе, какъ „трава зелена“, и *со стороны своего атрибутива* бываетъ поэтическимъ, образнымъ (Ср. „Мысль и яз.“ Ж. М. Н. Пр. 1862 г., стр. 133; 2-ое изд. стр. 158).

Исправленіе Потебней этого взгляда на основанiи языка общаго.

Сліяніе въ сужденіяхъ *двухъ* единствъ и влѣтекающая отъ двойственнаго теченiя мысли.

Для всякаго сравненія двухъ понятій или образовъ долженъ быть *общій признакъ* или основаніе; такой же общій признакъ долженъ быть и между подлежащимъ А и сказуемымъ или атрибутомъ Б. Первоначально *различіе* образовъ подлежащаго и сказуемаго сознается *явственно*, а общій ихъ признакъ мыслится *безотчѣтно*; отсюда—отсутствіе сосредоточенности мысли въ предложеніи. Но если образъ Б часто приписывается другому образу на основаніи *одного и того же общаго признака*, то признакъ этотъ *выдѣляется* въ образѣ Б между другими его признаками и дѣлаетъ образъ Б *качественнымъ*, хотя и не превращаетъ его еще въ *прилагательное*.

20 Устраненъ въ двойственности превращеніемъ существительнаго въ прилагательное.

Для превращенія же такого качественного образа Б изъ существительнаго въ прилагательное нужно *стремленіе къ устраненію двойственности субстанціи въ сужденіи*, или, говоря другими словами, *стремленіе языка превратить существительное въ прилагательное* вызывается *стремленіемъ устранить двойственность течения мыслей въ сужденіи*.

Отсюда, наоборотъ, возвести первообразное прилагательное къ первообразному существительному значить указать *весь кругъ признаковъ*, изъ которыхъ первоначально взять одинъ только признакъ, оставшіяся въ прилагательномъ, какъ основаніе сравненія при сочетаніи въ предложеніи двухъ самостоятельно сложившихся чувственныхъ образовъ—подлежащаго и предиката атрибута. Такъ, прилагательныя, служація названіемъ цвѣтовъ, и теперь еще явственно указываютъ на чувственные образы, изъ которыхъ выделяетъ былъ первоначально признакъ, вошедшій въ прилагательное: *юлубой* есть цвѣтъ *юлубя* (т. е. первоначально *сизый*); *зеленъ* есть цвѣтъ растенія, *зелья*; греч. *χλωερός*, *χλωρός* зеленый отъ сущ. *χλόη*, *χλός* зелень; *малиновый* (отъ малина), *брусничный*, *вишневый*, *багряный*—*пурпуровый* (*πορφύρεος* отъ *πορφύρα* улитка багрянца). И пока атрибутъ въ видѣ *существительнаго* мыслится, какъ *совокупность признаковъ*, до тѣхъ поръ и основаніи для присоединенія его въ опредѣляемому можетъ быть столько же, сколько въ немъ мыслится признаковъ; напр. «вода-малина» можетъ значить вода, какъ малина по *цвѣту*, по *вкусу* ягоды, по *близости* къ водѣ малиника (Ср. у Тургенева «Малиновая вода»), и т. д. По этой же причинѣ многозначность можетъ быть и въ атрибутахъ, выраженныхъ *прилагательнымъ*, образованнымъ отъ первообразнаго существительнаго, указывая тѣмъ самымъ на ту эпоху, когда еще первообразное *существительное* присоединялось къ опредѣляемому для показанія множества признаковъ, составляющихъ содержаніе опредѣляемаго существительнаго. Напр., какъ «*кремень* человекъ», такъ и прилагательное *сербъ*. «*криликъ* (човекъ)» могутъ означать человека и *стойкаго* по характеру, и *жестоката*, и *скупого*.

IV.

Согласованіе прилагательныхъ.

Наибольшая согласованность прилагательныхъ по отношенію съ существительными и глаголами.

Прилагательное въ славянскихъ языкахъ есть часть рѣчи наиболѣе согласуемая, и въ то вр. какъ личный глаголъ согласуется со своимъ подлежащимъ въ лицѣ и числѣ, а существительное атрибутивное—почти исключительно въ надежѣ со своимъ опредѣляемымъ,—прилагательное же и причастіе согласуются съ существительнымъ и въ надежѣ, и въ родѣ, и въ числѣ. Изъ всѣхъ трехъ видовъ согласованія прилагательныхъ особенно нуждается въ объясненіи

согласованіе въ родѣ, такъ какъ «грамматическій родъ, пошедшій отъ пола^{*)}», переносится на имена вещей, а не ихъ свойствъ», обозначаемыхъ прилагательными.

Какъ же понимать въ славянскихъ языкахъ согласованіе прилагательнаго въ родѣ?—Потѣ думается, что посредствомъ однородныхъ окончаній атрибута и субстантива языкъ стремится «пріемовать и мысли, изобразить единство прилагательнаго и существительнаго, при ихъ полярной противоположности въ другихъ отношеніяхъ», а по мнѣнію Штейнталя, мѣстоименіе указательное, служившее сначала для различенія рода, «было употреблено затѣмъ для обозначенія атрибутивнойности и присоединено къ имени какъ существительному, такъ и прилагательному» (Микл. IV, 20). Почему же, однако, обозначеніе рода мѣстоименіемъ указательнымъ стало прилагаться одинаково какъ къ существительному, такъ и къ прилагательному?

Различіе между существительнымъ и прилагательнымъ, какъ извѣстно, не исконно. Мы уже видѣли, что прилагательныя возникли изъ существительныхъ (Ср. III, 72 и слѣд.), и было время, когда свойство мыслилось только конкретно, какъ вещь (Ср. выше III, 17 и слѣд.). Въ это-то время, т. е., когда прилагательнаго еще не было, и явилось въ индо-европейскихъ языкахъ обозначеніе грамматическаго рода. А такъ какъ прилагательныя долгое время и послѣ возникновенія «сохраняли слѣды своего происхожденія^{**)}», то родъ ихъ, естественно, обозначался такъ же, какъ и въ существительныхъ. Къ этому же давнему времени относится возникновеніе согласованія прилагательныхъ съ опредѣляемыми существительными и въ числѣ и падежѣ. Т. обр., вопросъ о согласованіи прилагательныхъ съ существительными въ родѣ сводится къ вопросу о согласованіи атрибутивно-предикативныхъ существительныхъ съ другими существительными, а не прилагательными. Такое согласованіе въ родѣ вполне очевидно: въ рус. яз. «сынъ одинецъ», «дочка одиница»; случаи же несогласованія въ родѣ, какъ «пиръ-радость», «бѣлка-ходокъ», суть явленія *непервообразныя*, какъ и несогласованіе прилагательнаго съ первоначальнымъ родомъ существительнаго: «нашъ воевода» изъ «*наша* воевода».

Кромѣ согласованія въ родѣ, замѣтно согласованіе существительныхъ и прилагательныхъ и въ *представленіи*, куда, согласно съ Бусл. (Гр. § 63), относятся, между прочимъ, имена уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя и уничижительныя.

Согласованіе въ степени уменьшительности и рѣже увеличительности нѣсколько походитъ на согласованіе въ родѣ, но такое согласованіе не обязательно, такъ что уменьшительность, ласкательность не-

^{*)} Срав. далѣе III, 588 и слѣд. И. Б.

^{**)} т. е. признакъ въ нихъ мыслился конкретно, какъ вещь. И. Б.

Объясненіе согласованія прилагательныхъ въ родѣ.

85

86

87

рѣдко выражается только въ определяемомъ существительномъ, а въ прилагательномъ нѣтъ; напр. родной *батюшка*, милыя *подруженьки*; млр. рідний *батенько*, білосе *дерево*, бістра *річка*. По рядомъ съ этимъ употребляются и «*річенька* *бистренька*», «ко *сошки* *кленовенкой*.»—[Въ литов. и латыш. языкахъ развиты ласкательныя формы *существительныхъ*, а ласкательныя прилагательныя крайне ограничены]. Есть уменьшительныя формы прилагательныхъ и сравн. ст. въ влр. и млр. яз.: старшенькій, меньшенькій.— Стремленіе къ такому согласованію уменьшительности и ласкательности существительныхъ и прилагательныхъ можетъ, впрочемъ, задерживаться размѣромъ стиха народной рѣчи, не выходящаго болѣе длиннаго уменьшительнаго прилагательнаго.—Въ русскихъ престолярныхъ говорахъ ласкательныя формы распространяются даже на слова инфинитивнаго значенія (Ср. «Значенія мнж. ч.» стр. 71—2) и *междометія* (Бул. § 63, пр. 7): *спатеньки*, *асинька*, *ахти* *миѣченьки* и др.

Итакъ, согласованіе въ *представленіи* состоитъ въ томъ, что настрѣеніе лица, выражающееся въ ласкательной формѣ *имени вещи*, распространяется въ известной мѣрѣ и на ея *качества* или *дѣйствія*, а также и другія вещи, находящіяся съ нею въ связи. На этомъ основаніи, если обращаются, напр., къ высшему лицу, уменьшая свое имя, то уменьшается и все, принадлежащее низшему: „Быють челомъ дворяне и дѣти боярскіе Вотнікіе въ X и N погостѣхъ... Били, государи, челомъ вамъ государемъ... Василей Левшинъ на наши *погостишка*... и Петръ *крестьянишекъ* напихъ не изѣхалъ... и онъ сказалъ, будтося наши *крестьянишка* не послушали...“ А. Ю. 1611 г. Но въ наибольшей мѣрѣ такое согласованіе сказывается въ отношеніи *аттрибутивномъ*, при чемъ какъ прилагательныя *аттрибутивныя*, какъ видѣли, не всегда слѣдуютъ «согласованію въ представленіи», такъ точно то же бываетъ и съ *существительными* *аттрибутивными*; напр. «*батеньку цвѣте*», но «*дівчино серденько*», «*синоньку* *Ивашечку*», «*Марусеньку* *спроточка*», «*вишеньки*—*черешеньки*» и т. п.—[То же замѣчается и въ Литов.—латыш. яз].

Распространеніе уменьшительности на слова инфинитивнаго характера, на наркчія, также на части тѣла, платье и проч. соответственно возвращенію на лицо. Подобно тому какъ ласкательность переходитъ на слова инфинитивнаго характера, такъ точно сказывается она и въ уменьшительныхъ наркчіяхъ: „*прилетѣла* та *тетеречка*, *прилетѣла* та *теперичка* *сіла-пала* на *виконечку*, *иптается* на *здоровьячко*«.—*Частитѣла*, *платье* и проч. изображаются соответственно возвращенію на лицо: «*Як* *пійдемо* у *долину* да *впрвемо* *лопушину* да *пошием* *жуванину*»;—„*Ногаечка* *дротяенька*, а я *молоденька*»;—„*пшов* *дідниче* та на *базарище*“; „*поіхав* *дідочок* *рано* на *торжочокъ*“; „*волчище*—*сѣрое* *хвостиче*“; „*ай* же *старчицо* да *перегрипищо*“; „*какъ* *бывала* тутъ *коровица* *обжорица*“ и проч.

Общій выводъ изъ разсмотрѣнія согласованія существительныхъ и при- 99—100
лагательныхъ можетъ быть слѣдующій *):

1) родъ въ прилагательномъ сохранился отъ того времени, когда прилагательное было еще существительнымъ:

2) въ зависимости отъ этого въ славянскихъ языкахъ прилагательное не отличается отъ существительныхъ согласованьемъ *въ родъ*, ибо въ немъ согласуются очень часто и существительныя между собою: „спвецъ жеребенъ:“ „жеребица свинца,“ „дівка шинкарка, дівча-шинкарча“;

3) съ согласованіемъ въ родъ сходно „согласованіе въ представленіи,“ и такое согласованіе прилагательнаго съ существительнымъ идетъ отъ согласованія *существительнаго съ существительнымъ же*, какъ и уменьшительные суффиксы прилагательныхъ первоначально принадлежали существительнымъ:

4) что касается согласованія атрибута *въ числъ* и *падежъ*, то оно также должно быть отнесено къ тому еще времени, которое предшествовало образованію прилагательнаго отъ существительнаго:

5) наконецъ, изъ согласованія „по представленію“ можно видѣть, что согласованіе вообще не есть *только внѣшнее средство* для того, чтобы относить опредѣлительное слово къ опредѣляемому; напротивъ, унодобленіе опредѣлительнаго опредѣляемому вызывается *внутреннимъ подобіемъ* ихъ между собою. На почвѣ мнѣческаго мышленія опредѣлительное и опредѣляемое это—душа и одушевляемое ею тѣло.

V.

Происхожденіе разрядовъ существительнаго.

Если *verba finita* служатъ исключительно для выраженія предикативности, то существительныя должны бы быть только подлежащимъ и дополненіемъ; на дѣлѣ, однако, они сохраняютъ, какъ видѣли, большую или меньшую атрибутивность и извѣстную степень приближенія къ предикативности (Ср. III, 351 и слѣд). Уже во 2-й ч. (стр. 88) высказано было, что первобытное имя ближе всего подходило къ причастию съ именнымъ и глагольнымъ признакомъ, а теперь можно прибавить, что оно подходило къ причастию *не прилагательному* (позднѣйшему), а къ причастию *существительному* (первообразному), съ опредѣленною субстанціей и признакомъ, *производимымъ* этой субстанціей, словомъ—первобытное имя, предшествовавшее выдѣленію или обособленію прилагательнаго, было *именемъ дѣйствующаго лица*, *nomē agentis*, а прочіе разряды существительнаго: имена *орудія* (*instr.*), *дѣйствія* (*actionis*), *произведенія* (*acti*),

Nomina agentis, какъ перво-
бытныя суще-
ствительныя.

*) Распределеніе этого вывода по пунктамъ принадлежитъ мнѣ. И. Б.

мѣста и *времени* (п. loci) нужно считать производными. Доказательства этому слѣдующія:

163

а) прилаг. качественное, совпадающее по формѣ своей съ существительнымъ (III, 45), ближе по значенію къ ном. agentis, чѣмъ къ другимъ: напр. *ста-ръ* (кор. *sta*)—стоячій, вѣроятно, сначала въ примѣненіи къ стоячему дереву, т. е. высокому, крѣпкому, многолѣтнему. Цсл. *тыскъ*—тѣсный, собств. *тысящій*. И *старъ*, и *тыскъ* значать первоначально: „производящій въ себѣ такое-то качество“, „носитель, обладатель качества“.

б) „Въ существительномъ изъ значенія ном. agentis удобно выводятся прочіе разряды, но не наоборотъ“, а именно.

Имена *орудія*; напр. *косарь*—тотъ, кто косить, и родъ большого пожа (instr.); въ древ. же времена у славянскихъ и многихъ другихъ народовъ смотрѣли на нѣкоторые орудія (мечи, сабли), какъ на существа вполне чело-
вѣкообразныя и способныя носить собственные личные имена.

164

Имена *дѣйствія* (п. actionis) и качества „первоначально вполнѣ субстанціальны, т. е., предполагаютъ *дѣйствительную* субстанцію. Поэтому разница между ними и именами дѣйствителя должна по направленію къ прошедшему сводиться на нѣтъ“ *).

Имена *произведенія* (п. acti) также „могутъ непосредственно примыкать къ ном. agentis. Такъ, если, по повѣрьямъ, *кладъ* самъ выходитъ и уходитъ“, то въ первоначальномъ образованіи „кладъ“ могло значить: *самъ себя положилъ*, т. е., могло быть ном. agentis. Особенно же номіна acti сближаются съ ном. agentis чрезъ посредство именъ дѣйствія: *кладъ* сперва кладеніе (ном. actionis), а потомъ—то, что кладется.

165

Имена *мѣста* или связываются съ ном. agentis тоже черезъ ном. actionis, напр. *владѣніе*, *имѣніе*, *уездъ* и др., или же прямо мѣсту, какъ дѣйствующему лицу, приписывается дѣйствіе, которое въ немъ совершается; напр. *прихожая* (комната) (Ср. II, 236).

166

Другіе примѣры на то, что многія имена сущ. съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ имѣютъ нѣсколько значеній: *крѣпость* (ном. acti и actionis: закрѣпленіе, купчая крѣпость); *скотскій выпускъ* (п. actionis и loci), *писаніе* (п. actionis и acti), *дача*, *строеніе* (п. actionis и acti), *покупка*—дѣйствіе и вещь, *посылка*—дѣйствіе и вещь, *грабежъ*—дѣйствіе и результатъ: награбленное („Татарове еша на костѣхъ, полонъ весь и *грабежъ* (=награбленное) ту оставиша“), *татьба*—дѣйствіе и результатъ („гдѣ есте ту *татьбу* дѣла?—Ту есмь *татьбу* потеряли“ А. Юр.), и проч.

167

Хотя грамматич. родъ и вліяетъ на разграниченіе этихъ разрядовъ су-

*) т. е. имена дѣйствія и качества въ древнѣйшую эпоху представлялись не только дѣйствительно субстанціальными, но и дѣйствующими лицами. (Срав. выше III, 19). И. Б.

существительнаго, но и помимо вліянія рода можно видѣть образованіе этихъ разрядовъ съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ, имѣющимъ многія значенія. Рассмотримъ, напр., существительныя съ суф. **ъ** (тема *a*), **ь** (тема *ja*).

Простыя имена съ этими суф. попреимуществу суть nomina actionis; напр. *пай* (птичій говоръ), *строй* (устройство), *вѣдъ* (вѣдѣніе), *видъ* (зрѣніе), *слухъ* (слушаніе), *иноусъ* (отвращеніе), *мѣлѣ* (волненіе), *рѣмѣ* (поруганіе), *лай*, *варъ* (жаръ), *иной* (гниеніе и навозъ), *ломъ* (копійный), *водъ* (воженіе), *родъ* (рожденіе, происхожденіе), *ловъ*, *моръ*, *боръ* (собираніе), *бредъ*, *бѣгъ*, *прогъ* (гремяніе), *звонъ*, *пискъ*, *свистъ*, *гамъ*, *скрипъ*, *крикъ*, *зыкъ*, *фыкъ*, *толкъ* и др. Но отъ глубокой древности и донынѣ есть имена на **ъ**, которыя означаютъ лицъ дѣйствующихъ, переходящихъ въ значеніе орудій, какъ дѣйствователей, при чемъ нерѣдко совмѣщается и значеніе дѣйствія и произведенія. Напр. **Богъ** съ др. инд. — распредѣлитель, податель. **Сокъ** — слѣдщій (за звѣремъ), юрид. обвинитель; другое **сокъ** — клей, вытекающій изъ дерева при глаг. *сякнути*. **Бай** (красно-бай) — рассказчикъ. **Родъ**: а) собств. родящій, ближайшій родственникъ: „вы пѣста князя, ин рода (им. дв.) князя“ Лавр; привидѣніе, духъ родственника: „дѣти бѣгаютъ рода“ Дав. Зат.; м. б., мнѣніе **Родъ**, какъ родоначальникъ; **родъ** какъ fatum (Шест. 142); б) собир. *gens*: „вѣста родъ на родъ“ Лавр. в) **родъ** — рожденіе: nom. actionis. **Рой** соб. летящій (ср. птица рѣсть) и *conventus*: nom. actionis. **Бой** — bellator, какъ nom. agentis — гонящій (погоня) отъ *ви* — гнать: Микл. **Бой**: а) nom. instrum.: цел. *бичъ*, влр: то, чѣмъ бьютъ, уменьш. *боекъ* (битокъ въ бабкахъ); рыло свинное. б) nom. actionis: бѣненіе, битва; бой часовъ. в) nom. acti изъ nom. actionis съ переходомъ въ страд. значеніе: ломъ (чугунный). г) loci: бойница; лавка на бою — на бойкомъ мѣстѣ. **Ный** (ковать): n. instr. молотъ (кующій, бьющій) Избор. 1073; *кій* — билліардный. **Ломъ** а) instr.: желѣз. рычагъ, б) n. actionis: ломъ въ костяхъ. в) n. acti: буреломъ, поломан. вещи. **Ковъ**, а) n. actionis: insidiae, б) n. acti: металлъ, который куется. **Ровъ** — n. acti, а nom. ag. n actionis отсутствуетъ. **Рѣвъ** — n. acti стар. рус. видъ процентовъ (ср. сущ. настагъ, присогъ, накладъ, ростъ, насъгъ) отъ гл. рѣзать: то, что прирѣзано (ср. *рубъ* отъ гл. рубить, *кусъ* отъ кусать). **Злѣвъ**: а) n. ag. отсутствуетъ, б) n. instr.: насть, какъ зіяющая, в) n. actionis: зіяніе. **Съсъ** цел. instr. сосокъ; n. actionis только въ сложн.: „въ засосѣ“. **Сконъ** а) n. agentis: скаковой конь (Шп. 289). б) instr.: въ польск. поги (охотника); в) actionis — скачекъ, прыжекъ, г) loci въ серб. *sallus aquae*: Скакавац, Скоковац — соб. имя водопадовъ. **Тѣлѣ** а) n. ag. — переводчикъ, б) n. actionis — толкованіе. **Стыдъ** n. ag.: „сама стыда полюбила“. **Гнусъ** а) n. ag. (*гнусъ* — гадкое насѣкомое), б) n. actionis: „до гнуса“ — до отвращенія (Шест.). **Плутъ** n. ag.: плутующій. **Трѣсъ** а) n. ag.: робкій человекъ, б) n.

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

action. трясение. *Блѣдѣ* а) п. actionis отъ п. acti: блудотрясѣніе; пол. ошибка; б) п. loci: цел. *Иранар*. *Ходѣ* а) п. ag. въ собственныхъ именахъ: Ходѣ, Ходько, Ходкевичъ, б) п. actionis: хожденіе, в) п. loci: ходъ (лѣстница) въ подполѣе. *Громѣ*—п. ag. Царь Громъ (мнѣч.) и п. actionis. *Звонѣ*—п. instr. колоколь (млр.), п. actionis и п. temporis: «въ самый звонъ церковный». *Глѣдѣ* п. ag.—музыкантъ, п. instr.—гудокъ. *Пискѣ* а) п. ag.—трубачъ (цел.), б) п. instr.—цел. труба (tibia). *Свистѣ* п. ag. отсутствуетъ; отъ instr.—вар. свистокъ*).—Личныя прозвища дѣтей по крику и шуму и происшедшія отсюда соб. имена должны быть производимы отъ ном. agentis, а не actionis: *Гамовѣ* сынъ *Тыртовѣ*, *Скрыповѣ*, *Рюма*, *Рыковѣ* (уменьш. *Рычко*, отъ *Рычковѣ*) и др. *Перепѣлѣ*, вм. переперъ, отъ гл. «прати» съ значеніемъ не «летать (volare)», какъ думаетъ Миклош., а «бить»: крикъ перепеловъ называется охотниками *бой*.

Отношеніе значеній въ именахъ на *ѣ* сложныхъ съ предлогами. *Разбойѣ* а) п. ag. разбойникъ: «ихъ *разбой* разбили». Это значеніе сущ-го *разбой* предполагать и въ простомъ *бой* (стр. 110) п. ag., безъ котораго не возникло бы въ *бой* значеніе instr.; изъ единичнаго ag. *разбой*—собират. *разбойники*. б) п. action. «на *разбой* ити». в) п. acti: «сталь онъ... отъ Кучюмова *побой* въ дву динцахъ» А. Ист. г) loci—серб. мѣсто, гдѣ происходила разбой. *Пропойѣ* а) п. ag: пропоецъ; пьяница, б) п. action: актъ свадьбы противать невѣсту. в) temporis—время, когда бываетъ пропой. *Пересконѣ* а) п. ag. др. рус: перебѣжникъ; б) теперь только п. action. и acti. Ср. дрб. *ускок*, цел. *убыгъ* *ѡубыгъ*, цел. *ушидѣ*, *ушѣдѣ* *fuga*х.—Рус: *супругѣ*, *приставѣ*, *неслукѣ*, *послукѣ*, *неукѣ*, *пророкѣ*, *поварѣ*, *спасѣ*; *поводѣ* п. agentis—польск. истецъ, п. action—побужденіе, п. instr.—конскій поводъ: *ухватѣ* п. ag.—ухоръ, п. instr.—рочагъ.

Цел. и др. рус. имена actionis изъ *ѣ* вм. позднѣйшихъ на *іе*, *іи*. Въ *цслав.* сложные съ предл. п. actionis на *ѣ* отчасти замѣнившіеся позднѣе именами на *іе* (tie): *прѣзорѣ* гордость, *прѣлогѣ* переложеніе, *прѣстѣпѣ* преступленіе, *сѣкоупѣ* совокупленіе; *пѣхотѣ* похотѣніе, *вѣскоурѣ* испареніе, *вѣсходѣ*, *вѣзводѣ*, *расходѣ*, *сѣлогѣ* (сложеніе), *постѣгѣ* (—женіе), *наоукѣ* (наученіе), *вѣзвратѣ*, *превратѣ*, *застоупѣ* (—пленіе), *оуіасѣ* (—шеніе), *вѣспарѣ* (—еніе), *вѣскоурѣ*, *окоусѣ* (—искушеніе), *отпадѣ*, *сѣмьсѣ*, *видѣ*—зрѣніе, *обѣухѣ* (—аніе), *слоухѣ*, *прикосѣ* (прикосновеніе), *вѣкоусѣ*, *проповѣдѣ*, *прооуставѣ* (проуставленіе); *постѣхѣ*, *почѣгѣ*, *подрагѣ* (подраженіе), *вѣздрѣдѣ* (*τρυπαλον*) и др. (См. у I. Экз. Болг.).—Когда эти имена имѣютъ значеніе и agentis, и actionis, тогда они въ качествѣ атрибута при конкретномъ существительномъ могутъ производить двусмысленность: «Богъ *спасѣ* нашъ» и Спаситель. и спасеніе.

*) п. actionis—свистѣніе у Потебни почему-то опущено. И. Б.

Въ др.-рус. яз. имена actionis на *ъ* часто вм. *іе*: *подъѣмъ* (подымание), *сыскъ*, *опытъ* (испытание), *указъ*, *отпускъ*, *подмогъ*, *подносъ* (подношение), *поворотъ* (возвращение), *излюбъ* (избраніе, приговоръ), *изволъ* (—леніе), *розрѣбъ*, *розрѣбникъ* (запись о распредѣленіи податей).

118

Имена на *ііе*, *тіе* суть только имена дѣйствія, по преимуществу длительного, и очень рѣдко переходятъ въ имена лицъ

Имена на *ііе*,
тіе и значенію
ихъ.

119

и конкретныхъ вещей, а потому заключаютъ въ себѣ существіи чисто фигуративныя, напр. *зрѣніе*, *обонянiе* и проч. тогда какъ имена на *ъ* означаютъ способности, какъ *дѣятелей* или *орудій*: *видъ* (чувство зрѣнія), *обонхъ* (чувство обонянiя).—Точно также: *засовъ*, *совокъ*, *насосъ*, *запоръ* и т. п. суть конкретныя вещи, орудія; *выонъ*, *подгызъ*, *нарывъ*, *напывъ*, и проч. суть мѣста и вещи, а *сованье*, *засовыванье*, *сосаніе*, *запираніе*—только дѣйствіе; *убой*, *уловъ*, *недородъ*, *посѣвъ*, *нажинъ* суть результаты дѣйствія. Согласно съ Бусл. (Гр. § 59, пр. 1), Потебня заключаетъ, что имена на *ъ* въ др.-рус. языкѣ и въ просторѣчiи, кромѣ конкретности, обозначаютъ еще *однократность*, имена же на *ііе*, *тіе* отличаются большею отвѣченностью и *длительностью* дѣйствія: услышать *крикъ* и *кричаніе*, выстрѣлъ и *стрѣляніе*.

120

Имена на *омъ* (ѣтъ), *емъ* (ѣтъ) большею частію происходятъ отъ корней, означающихъ звуки, и по преимуществу суть ном. actionis: ропотъ, топотъ, хохотъ, лепетъ, скрежетъ; однако есть между ними и п. agentis, не всегда, впрочемъ, происходящія отъ корней, означающихъ звуки; напр. *живомъ*, какъ п. ag.—*скотъ*, животное и *желудокъ*, какъ живущее или то, чѣмъ живутъ; по общеслав. *живомъ*—*vita* есть п. actionis.—*Возъ*—ном. agentis и actionis, *кречетъ*, *чечетъ* (чечетра), *кокомъ* (*кочетъ*) суть п. agentis; *трепетъ* (крыльевъ), *стрепетъ* (шумъ при полетѣ)—ном. actionis; *хобомъ*—хвостъ, какъ качающійся, всякій; *грозомъ*—п. actionis и agentis (большое рѣшето).

121

Имена съ суф. *ота* ж. р. а) отъ глаголовъ: икота, рвота, ломота, клевета, б) отъ существительнаго: красота, срамота, в) отъ прилаг. доброта, кислота.—Лица: спрота, юнота. Въ млр. *собирабельное*—дѣвота, бѣдота, въ влрус: пѣхота, голота.

Имена муж. р. на *ень*: грабень, дѣлежъ—въ ц.-слав. и влр. суть п. actionis, но въ серб. и хорутан. есть и п. agentis.—Рус. *собирает*. на *ежъ* жен. р., но въ областныхъ говорахъ (по искаженію?), употребляются и въ муж. р: «молодежь—не хорошъ».

122

Сравнивая имена на *ъ* простые (ловъ) и предложныя (у-ловъ) со сложными изъ двухъ словъ (звѣро-ловъ), можно замѣтить, что первыя изъ нихъ (простыя и предложныя) большею частью бывають именами actionis, т. е. съ мнимой существіемъ, а вторыя—съ

Образцы слож-
ныхъ именъ
agentis.

субстанціей дѣятельности, т. е. именами *agentis* и рѣже *instr.* Имена сложные изъ двухъ словъ бываютъ нѣсколькихъ образцовъ:

1. Одни изъ нихъ таковы, что первый членъ соответствуетъ винительному и род. падежу при глаголь или причастіи: *звѣроловъ*, *звѣробой*, *сѣноной* (дождь, іюнящій сѣно), *мѣсной* (мѣс. октябрь), *ледоколъ*, *мукомолъ*, *вѣтрогонъ*, *медоваръ*, *шаповалъ*, *коновалъ*, *конокрадъ*, *володавъ*, *мухоморъ*, *живодеръ*, *рукотеръ* (ручникъ), *жилотуль* (соб. тянущій жилы, мучитель скотныя; названіе моста въ 1 Повг. л.) и проч. Рѣже такія имена означаютъ дѣйствіе, время и иногда мѣсто: *мясоидъ*, *сѣнокошъ*, *сѣнозбѣръ* (Даль), *сѣноваль*.

2. Ко 2-му образцу относятся такія имена, въ которыхъ первый членъ соответствуетъ или опредѣлительному прилагательному при существительномъ, или нарѣчію при глаголь и причастіи. Напр. *Скороходъ* (или скорый ходъ, или скоро ходящій), *краснобай*, *пустогай*, *пустомолъ*, *пустомядъ*, *лиходѣй*, *дармоидъ*, *кривосудъ* и др.

3. Къ 3-му образцу относятся имена сложные съ *самъ* (единъ), при разложеніи которыхъ первый членъ или является подлежащимъ, если второй членъ принимать за глаголь (самодуръ), или — предикативнымъ атрибутомъ, если второй членъ разсматривать какъ причастіе или прилагательное (самосѣвъ — самъ сѣющійся). Эти имена большею частью суть ном. *agentis*: *самоборъ* (бѣ), *единоборъ* (бѣ), *самобѣгъ* — *ходъ* — *варъ* — *стрѣль*, *самоидъ*, *самодуръ*, *самокатъ*, *самородъ* (окъ), — *хвалъ*, — *текъ*, *самоукъ*, и рѣже н. *actionis*: *самоионъ*, *самоплавъ*, *самосудъ*. Сюда же къ ном. *agentis* отнести Потебня и слова *самодержецъ*, *самовидецъ*, серб. *самородица*, которыя Миклошичъ причисляетъ къ предыдущему разряду.

4. Къ 4-му разряду образцовъ Потебня относитъ тѣ сложные имена, при разложеніи которыхъ первый членъ (не мѣст. *самъ*) соответствуетъ тоже подлежащему, а не дополненію или опредѣленію, какъ въ 1-мъ и 2-мъ видѣ образцовъ. Имена эти суть ном. *actionis*, а отсюда — *loci* и *temporis*: *лѣтопадъ*, *вороногай*, *солнопекъ*, *водопадъ* (*actionis* и *loci*), *окомизъ* (Микл.), *ледоплавъ*, *рѣкоставъ* — время замерзанія рѣкъ, по «рѣкоставъ» — сѣв. вѣтеръ, останавливающий рѣки, есть н. *agentis*. Такимъ же обр. различаются и простыя: а) *ставъ*, *станъ* съ непереход. значеніемъ: стоящій, ставимый» и б) *ставъ*, какъ ставящій, останавливающий: *ставъ мельничный*, *запрудъ*, *насыпь*, а также исл. и др. -рус. *ставъ* — *суставъ* (связывающій).

Производныя
имена *agentis*
въ *ынъ*, *ынъ*, *ынъ*, *ынъ*,
ынъ.

Подтвержденіемъ первообразности значенія существительныхъ *agentis* въ именахъ на *ъ* можетъ служить значеніе же *agentis* производныхъ отъ нихъ именъ съ суф. *ыць*, *ынъ*, *ынъ*, *онъ* (=греч. *ζός*, лат. *icus*), *ынъ*: *стѣнь* отъ *стѣль*, *черноризъ* отъ *черноризъ*, *переступень* изъ *прѣстѣпнь* и др. Имена: *борецъ* отъ предпола-

гаемаго ном. *agentis* «боръ», *боицъ*, *ловицъ*, *иоуницъ*, *тѣвѣцъ*, *рѣзѣцъ* (п. *instr.*), *писецъ*, *купецъ*, *пудецъ* (стар. рус.) и имъ подобныя предполагають первообразныя ном. *agentis* на *з*, хотя бы эти первообразныя на *з* и не сохранились. Такъ, *глумецъ* (*histrio*) происходитъ не отъ «глумъ» сцена, а отъ предполагаемаго «глумъ»—п. *agentis*; *швецъ* отъ предполагаемаго швъ (п. *agentis*)—шьюшій, хотя въ Шестодн. (212, 4) *швъ* употреблено въ смыслѣ п. *acti*: *шовъ*; *жънецъ*, *поецъ* (пропоецъ): «Ой *поецъ*, *пропоецъ* Авдотынь батюшка: пропиль свою дочку за вишнюю бочку» Шейнъ Р. нар. п.

128

VI.

Аттрибутивность существительнаго.

129

Въ славянскихъ нарѣчійхъ, по словамъ Миклошича (Гр. IV, 3—4), атрибутивное прилагательное перѣдко замѣняется существительнымъ (человѣкъ *грѣшникъ* вм. человекъ *грѣшнѣ*), какъ въ латин. и греческомъ: *victor exercitus*, *ἡδὸρς στρατιῶται*. По Потебня, согласно съ предыдущимъ изложеніемъ, не виднѣтъ въ старин. языкѣ замѣны прилагательнаго существительнымъ, а съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка не виднѣтъ тождества между выраженіями: «человѣкъ *грѣшникъ*» и «человѣкъ *грѣшный*», такъ какъ въ первомъ выраженіи атрибутъ *вещественъ* и имѣетъ свою субстанцію, а во второмъ—*лишенъ вещественности* и отнесенъ къ другой вещи (ср. выше II, 87). Что въ старин. яз. не происходитъ тутъ замѣны, это видно изъ того, что выраженія «человѣкъ *грѣшнѣ*», «въякъ хъщнѣ» должны быть сопоставлены съ выраженіемъ «сѣбѣкъ борецъ», гдѣ сущ. «борецъ», какъ сказано выше, происходитъ отъ предполагаемаго *существительнаго* же (а не прилагательнаго) *боръ* (ном. *agentis*), такъ что «грѣшнѣ» и «хъщнѣ» до образованія существительныхъ «грѣшникъ» и «хъщникъ» были также ном. *substantiva agentis*, какъ напр. до образованія сущ. «супротивникъ» было ном. *agentis* «супротивнѣ»: «Изломн Андрей копне свое въ *супротивнѣ* своемъ» Плат. Что же касается *побужденія* къ образованію сущ—аго на *икъ*, то это объясняется стремленіемъ языка избѣжать *двузначности*, которая могла возникнуть, напр., въ «хъщнѣ»; такъ к. въ «хъщнѣ» соединяются значенія и сущ—аго, и прилаг—аго. Въ позднѣйшемъ яз. «хъщнѣ» стало исключительно прилагат—мъ, хотя и съ первоначальнымъ суффиксомъ *нѣ*.

130

Если примѣнять къ сужденіямъ (Ср. выше III, 74—80), то предложеніе «въякъ хъщнѣ» есть сужденіе синтетическое, въ которомъ соединены *два* субстанціи, а «въякъ хъщнѣ» (прилаг.) есть сужденіе аналитическое, въ которомъ разложена одна субстанція, т. е. выдѣленъ изъ субъекта «въякъ» одинъ признакъ «хъщнѣ». Так. обр., атрибутивность сущ—аго въ предложеніи

Аттрибутивное сущ. не ест. замѣна атрибутивнаго прилагательнаго.

Различіе между атрибутивнымъ существительнымъ и прилагательнымъ и причина позднѣйшей замѣны первого вторымъ

131

Потебни): мужъ *Литовникъ*. Парнц: *безчинникъ*, *въчникъ*, *благовѣстникъ*, *пустынникъ*, *прикащикъ*, *доводчикъ*, *вѣтеръ сѣверикъ*.—Сюда же относятся образованныя отъ суф. *ьн*: *ранникъ*, *польникъ* (жен. *поляница*) *тѣль-* 135
никъ, *ельникъ*, и др. Тоже въ мдр. и серб.

Суф. — *анъ*, — *янъ*: боръ *соснякъ*, заяць *бѣлякъ*, *первакъ*, *другакъ*. 139
Тоже въ серб. языкѣ.

Суф. *ачъ*: голубъ *трубачъ*, волъ *рогачъ*.

Суф. *ягъ*: боръ *соснягъ*, липнягъ, олинягъ.

Суф. *тай*: свать *сходатай*.

Суф. *таръ*: лѣсъ *кустаръ*.

Суф. *унъ*: морозъ *трескунъ*, медвѣдь *пыстунъ*, комаръ *пискунъ*.

Суф. *ѣнъ* отъ темъ, имѣющихъ нынѣ значеніе прилагательнаго: день 140
пятокъ (Ипат.) *четвертокъ*, сынъ *однолѣтокъ* (Ср. суф. *ѣко*: конь *Бу-*
рочко, *воронко*), банмакъ *отопокъ* и др.

Суф. *ѣ*: мечъ *самосѣкъ*, сапоги *скороходы*, мѣсяць *перекрой*, сонъ 141
уюмонъ. Тоже въ мдр.: виноградъ *рукосад*.

2. Суф. *опредѣлительныя жен. рода* съ суф. *ѣна* (неуменьшительнымъ), 142
который соотвѣтствуетъ муж. *ѣ*, *йѣ* (*ь*, *йѣ*), или *инъ*, или *ьнѣ*: *пустолайка*
(*пустолай*), *кѣянка* (*кѣянинъ*), *уроженка* (*уроженецъ*), *шапка Мурманка*,
дѣвка чернявка, *бѣлка зырянка*, (*плеть*) *нагайка*.—*Ласточка косатка*, 143
бочка сороковка, *баба проставолоска*, и др.—Тоже въ мдр: *дівна Московка*.
баба украинка, *дочка безталанночка*, *дівнй дубівка* и др. Тоже въ серб. 144

Суф. *ица*, соотвѣтствующій муж. *ьцъ*, *икъ*: (*недѣля*) *вѣрбѣзня*, на 145
улицю *Рогатицу*, сопна *межница*, *дѣвка страдница*. Безъ опредѣляемаго:
свѣтлица, *юрница*, *теплица*, *безприданница*; болѣзни: *трясавица*, *желавица*: 146
десница, *шуйца*, *мѣдяница* (*змѣя*), *синица*, *юлубица*.—Тоже въ блр., малор.,
серб., болгар.

Суф. *уха*, соотвѣтствующій муж. *ухъ*, а въ современ. языкѣ—*унъ* 147
(п. agent.); которому болѣе соотвѣтствуетъ *унья*: птичка *тѣвуня*; муха
юрюха, вонь *поползуха*, лихорадка *трясуха*, *нетуха* и пр. Тоже въ
мдр., серб.

Суф. *иха* въ связи не съ суф. *ихъ*, потерявшимъ образовательную 147
силу (*женыхъ*), а съ —*ѣ*, —*ь*: муха *шумиха*, ткачиха (*ткачь*), *Поспѣ-*
лиха (мужъ *Поспѣль*), *Кабаниха* и др., а также мдр. *аха*: дочка *петшаха*.

3. *Средній родъ существительныхъ въ качествѣ атрибута* упо-
требляется очень рѣдко.

Суф. *ятъ*—въ мдрус. (*дівча шинкаря*), а въ велр. ему соотвѣт-
ствуетъ, можетъ быть, —*я*: моя теля *хвостомеля*.

Суф. *ище* съ соотвѣтствующимъ жен. р. *ица*: старшине *урюмище*, 148
бабица дурища.

Суф. *ишко*: еришко—кромачишко.

Согласованіе по
смыслу, какъ пе-
реходъ къ несо-
гласованію.

На серединѣ согласованія и несогласованія атрибута въ родѣ стоятъ тѣ существительныя, когда къ опредѣляемому муж. р. присоединяется атрибутъ жен. или сред. р., который, «сживаясь съ опредѣляемымъ, переходитъ въ его родъ», и такъ обр. получается согласованіе по смыслу: поѣхъ Тереньице, мужикъ неvěжа.

В. Существительное опредѣлительное, несогласованное съ опредѣляемымъ *).

Здѣсь нужно различать слѣд. случаи:

1) *Атрибутъ согласуется въ числѣ, но не согласуется въ родѣ.* Это бываетъ тогда, когда опредѣляемое замѣняется своимъ синонимомъ другого рода: «къ дорогѣ—*тельжнику*» (первоначально: *пути*—*тельжникъ*); образъ Спасѣ *пядница* (первонач.: *икона*—*пядница*). Впрочемъ, во многихъ случаяхъ неясно, какъ произошло несогласованіе въ родѣ при согласованіи въ числѣ: «яблоко *Путіва*» вм. *яблока*?—сукно *русакъ*, бѣлка *ходокъ*.

2. *Когда опредѣляемое или опредѣлительное бываетъ собирательнымъ или отвлеченнымъ* (т. е., именемъ качества или дѣйствія), тогда согласованіе между опредѣляемымъ и опредѣлительнымъ въ родѣ или числѣ можетъ быть *только случайное*. Сюда относятся слѣд. 5 случаевъ:

а) При собирательномъ конкретномъ атрибуѣтѣ ед. числа опредѣляемое конкретное во множ. числѣ: люди *охочей человекъ*, Псковичи *охочей человекъ*; «ноча воевати *Волгу люди* (вин. п.) Всеволождъ» (Лавр.); т. е., людей Волжскихъ.

б) При собирательномъ отвлеченномъ опредѣляемомъ ед. числа конкретный атрибутъ множ. числа или наоборотъ: «дружины *Кіянномъ* и *Смольняномъ*» Плат.—«Мало дружины—*охочихъ людей*» Пск. П.—«Мужи Псковичи *отчина* вл. князя» Пск. Г.; «гроши *наемъ*», «собирать казну *деньги*»; «встрѣча государевы *люди*», «толица богатые *люди*», «все *казаки*—*Пальевщина*... все *юлудьба* безпорочная» Пут. Лук., «поѣхаша съ *передними* съ *дружиною*» Плат.

Встрѣчаются и средніе случаи между а) и б), т. е., сочетаніе ед. числа собирательнаго конкретнаго съ ед. числомъ собирательнаго отвлеченнаго: «*маючи комонника* *компаньи* немало», т. е. конныхъ компанейцевъ (Лѣт. Самов.).

в) *Опредѣляемое конкретное не согласуется въ родѣ съ опредѣли-*

*) Подъ несогласованными атрибутивными существительными Потебня разумѣетъ не только тѣ, которыя не согласуются съ опредѣляемымъ ни въ родѣ, ни въ числѣ, но и тѣ, которыя имѣютъ случайное согласованіе то въ родѣ, то въ числѣ. И. Б.

тельнымъ отвлеченнымъ или согласуется случайно, при чемъ определенное какъ препозитивное, такъ и постпозитивное бываетъ въ ед. ч.: «земли *отчина*», «люди *дрянь*», «помѣстья *жалованье*», «дрова *сырье*», и лишь при определяемомъ множ. ч., понимаемомъ *раздѣльно* (а не собирательно), определенное можетъ ставиться и во множ. ч.: «*дани*—пошлины» и «*дани*—пошлина». Если же препозитивный отвлеченный атрибутъ сливается въ одно слово съ определяемымъ, то определенное ставится *только въ ед. ч.*: «бой-баба», «дрянь-человѣкъ», «дрянь-люди» (а не *дряни-люди*).

Къ такимъ атрибутамъ, случайно согласуемымъ въ родѣ и числѣ, относятся:

Сущ. съ суф. *ина*: «телка—*лонщина*», (мясо) *ветчина* (т. е. ветшина, мясо старое: ср. «книги ветчаны»); (мясо) *сзъжина* (противопол. ветчинѣ); имѣнье *отчина*, дань *пошлина*, лѣсокъ *рябина* *), мужичищю—*деревенщина*, тишина—говоръ, пшеница *ярина*, дерево *дубовина*, рыба *осетрина* и др.

Сущ. съ суф. *ь* жен. р. и отчасти муж.: корова *нетель*, бѣль серебро, мѣдь камень, земля (лѣсъ) *недѣль*, лѣсъ *дичь*, камень *дичь*, деревня *пустошь*, подводъ *усталь* (усталый), бѣлка *подпаль* **). Такъ и въ соврем. яз.: *дрянь* человѣкъ, товаръ *заваль*, лошадь *неималь*, трава *нескошь*, плетенка *неличь* (некасиетая), народъ *чернядь*.—Тоже и въ мр. яз.—Суф. *ь* муж. р.: люди (въ Кромахъ) *шерейнь* нагольной (бѣдность).

Суф. *ость*: «пиръ-радость великая».

Суф. *ть*: «не стало у него духу-пропасти».

Суф. *а, я*: купилъ село, вотчина-выслуа, съча лѣсъ, дани-невывла-ты. «ледомъ *ночьмержею*» (намерзшими за ночь) Повг. I, *надежда* государя, *краса* дѣвца, народъ *сила*, *сила*-армія.

Суф. *ыня*: пустыня деревня.

Суф. *ье*: дрова *сырье*, несчастье замужество.

Суф. *нье*: руга *жалованье*, вотчина *жалованье*, нарское слово *жалованье*, казна—*собрание*, церковь *строение*, псковская вотчина великихъ князей *страдание*.—Тоже и въ мр.

Суф. *ьство*: «имѣнья ихъ вельми обраны отъ *поганства* отъ татаръ».

Суф. *никъ, някъ*: дерево *молоднякъ*, *дубнякъ*.

*) Сущ. «рябина» Потебня принимаетъ здѣсь, значить, за имя *собирательно-качественное*, а не конкретное. Срав. выше III, 34 и 41, а также ниже III, 179.—И. Б.

**) Здѣсь приведенъ, между прочимъ, у Потебни невѣрный примѣръ: «велѣлъ подставить корыта... чтобъ отъ дождевой воды *рожь* и *досталь* не погнила» А. М. Госуд. 1, 257 (1629 г.). Конечно, тутъ «досталь» не атрибутивное сущ., а нарѣчіе съ значеніемъ *вовсе, совсѣмъ* (=до остатка). Срав. Слов. Срезнев.—И. Б.

Устраненіе двойственности субстанцій при сочетаніи родового и частнаго имени.

163

г) Несогласованіе въ родѣ бываесть, когда и *опредѣляемое*; и *опредѣлительное конкретны*, при чемъ первое — *родовое* а второе *частное* (паричат. или собственное). Чувствуемая двойственность субстанцій при этомъ сочетаніи устраняется превращеніемъ опредѣлительнаго въ прилагательное. Напр. рѣка Дунай, птица орелъ. «кипарисъ-дерево» и «на деревѣ на кипарисовѣ»; «океашъ море» и «посреди моря океанскаго»; «до рѣки Тердановы» (Дан. Пал.); «Терданъ подобенъ рѣцѣ сновѣстній» (ib.), «во городъ во Кіевскій», Буянгъ островъ и «ко Буянову острову». — Двойственность субстанцій устраняется еще или опущеніемъ родового имени (просто: Дунай), или же образованіемъ изъ обоихъ словъ *одного*, при чемъ родовое ставится позади, а *препозитивное частное* уже не склоняется: «Тагиль-рѣка», «Тагиль-рѣкой», какъ «Новгородъ, Новгородъ» (Ср. выше I, 99-100).

164

Переходомъ отъ *постпозитивнаго* частнаго *склоняемаго* (рѣки Дуная) къ *препозитивному* частному *несклоняемому* (Дунай-рѣкѣ) служатъ тѣ случаи, когда и *препозитивное частное* еще *склонялось*; такъ, въ „Книгѣ Большого Чортежу“ (Кн. Б. Ч.) 1627 г. постоянно встрѣчаются такіе примѣры: „А ниже Навлова города до усть рѣки Оки 50 верстъ, а отъ Оки рѣки пала въ Волгу“. Такъ же ставятся (хотя и рѣже) *колодезь, юра, озеро, юродъ*: „на правомъ берегу Волги городъ Ярославль, а подъ Ярославлемъ подъ юродомъ пала рѣка Которосль“. Обыкновенно *препозитивное* *склоняемое* частное, какъ видимъ, употребляется не при первомъ, а при *второмъ упоминаніи*, хотя встрѣчаются и *исключенія*: „Серпуховъ стоитъ на рѣкѣ на Нарѣ, а отъ Оки рѣки (неупомянутой выше) съ верету“. Замѣательно, что такая *постпозитивная* постановка *уменьшительнаго рѣчка* встрѣчается въ кн. Б. Ч., кажется, только одинъ разъ (стр. 176), и въ этомъ нельзя не видѣть, повидимому, сохраненія самостоятельной субстанціальности въ словѣ *рѣчка*, не поддающемуся слиянію съ собств. именемъ, какъ „Ока-рѣка“; поэтому, для устраненія субстанціальности *уменьшительнаго*, оно вовсе опускается при *второмъ упоминаніи*: „отъ рѣчки Рогозенца до рѣчки до Олешинки верстъ 5, а Олешинка („рѣчка“ опущено) пала въ Уды“.*)

165

167

168

Древность пре-
позитивной по-
становки *слого-*

Постпозитивность родового имени встрѣчается уже въ старѣйшихъ памятникахъ рус. письменности, при чемъ частное пре-

*) Было бы натяжкой допускать такое объясненіе: какъ въ предыдущихъ случаяхъ, такъ и въ данномъ, родовое имя опускалось и опускается потому, что оно легко подразумевается изъ *предыдущаго* упоминанія, и мысль вовсе не нуждается въ повтореніи того, что ясно само по себѣ. Доказательствомъ этого служить уже то одно, что при *первомъ* упоминаніи родовое *не опускается*, какъ скоро частное можетъ быть смѣшано съ другимъ частнымъ, напр. Олешинка село и Олешинка рѣчка. И. Б.

позитивное иногда склоняется: «отъ Царя-города», «по Оцѣ-рѣкѣ» Лавр. л.; также у Дан. Палом. Изъ устныхъ памятниковъ въ Голубиной книгѣ—почти постоянно, также—въ стихѣ о Георгии, въ былинахъ: осетра-рыбу, Сафать-рѣка; въ Повг. I лѣт: «угъ-вѣтръ», «сѣверь-вѣтеръ». Впрочемъ, въ устной словесности безразличная постановка родового и частного имени („въ Кіевѣ градъ» и „въ стольномъ городѣ во Кіевѣ», «Владиміръ князь» и «князю Владиміру»), можетъ быть, зависѣть отъ разлѣка стиха, но, повидимому, князь чаще употребляется постпозитивно, чѣмъ препозитивно.—Родовое *свѣтъ* ставится и препозитивно, и постпозитивно, при чемъ, сливаясь съ опредѣляемыми, можетъ лишиться склоняемости: „свѣтъ-Иванъ“, „Ивана-свѣтъ“, „Ивану-свѣтъ“.—*Дунай-рѣка* въ млр. встрѣчается рѣже, чѣмъ въ впр., но обычны въ пѣсняхъ: *клен-дерево, сон-трава, щука-рыба*.

По обыкновенному правилу сказуемое и опредѣлительныя слова согласуются съ *родовымъ* (рѣка, городъ), а не съ *частнымъ*, но при равной субстанціальности родового и видового можетъ быть согласованіе и съ тѣмъ и съ другимъ: „А рѣка Вореколь *пала* выше г. Ельца“ (кн. Б. Ч.); „а выше Азова *вытекъ* изъ Дону протока (жен. р.) Мертвой Донецъ (іѣ.).—„Городъ Іонія *стоитъ убогая*“ (Пут. Лук.).—„Ниже Нежеголи *пала* въ Донецъ рѣка *Волчьи воды*, а *вытекли* изъ-подъ Пизюмекія дороги“ Кн. Б. Ч.

д) Наконецъ, несогласованіе или случайное согласованіе въ родѣ и числѣ бываетъ, когда и *опредѣляемое*, и *опредѣлительное* состоятъ изъ *конкретную* видового или *частнаго* имени, напр. *дубъ-столъ**). Здѣсь, въ силу большого различія сочетаемыхъ членовъ, атрибутивная субстанція (дубъ) не можетъ подразумѣваться при опредѣляемой субстанціи (столъ), какъ это

*) Так. обр., всѣ 5 случаевъ несогласованія или случайнаго согласованія опредѣлительнаго существительнаго съ опредѣляемымъ въ родѣ и числѣ сводятся Потребною къ выясненію *атрибутивной сочетаемости* собирательныхъ, отвлеченныхъ и конкретныхъ существительныхъ между собою, при чемъ оказывается, что только въ 3-мъ случаѣ (в) при *опредѣляемомъ конкретномъ* атрибутивъ можетъ быть отвлеченнымъ именемъ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ отъ конкретныхъ, и, слѣдов., *сочетанія отвлеченнаго опредѣляемаго съ отвлеченнымъ же атрибутивомъ не бываетъ*. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ проводимыхъ Потребною образцовъ типа в) едва ли возможно признать иные опредѣляемыя имена конкретными, каковы *говоръ тишина, пиръ-радость великая, походъ-набѣтъ* и др. Поэтому слѣдовало бы допустить еще и 6-й случай—сочетаніе *отвлеченнаго атрибутивнаго существительнаго съ отвлеченнымъ же опредѣляемымъ*. А если принять въ соображеніе, что Потребная выводитъ атрибутивность существительныхъ изъ фигуры *hendiadys* (Ср. далѣе III, 280), то необходимость признанія этого 6-го случая является еще болѣе настоятельною, такъ какъ сочетаніе отвлеченныхъ существительныхъ посредствомъ *hendiadys* бываетъ очень частое (Ср. далѣе III, 294 и слѣд.)—И. Б.

бывасть при сочетаніи родового и видового имени, а потому для устранения двойственности въ представленіи сочетаемыхъ субстанцій, атрибутивное существительное не опускается, какъ это возможно въ сочетаніи „Дупаи рѣка“, а замѣняется прилагательнымъ: „дубовый столъ“, такъ что оборотъ рѣчи „дубовый столъ“ нужно считать произведеннымъ изъ первоначальнаго «дубъ-столъ», а не наоборотъ („дубъ-столъ“ изъ «дубовый столъ»), какъ думаетъ, повидимому, Вуслаевъ (Гр. § 240, прим. 5). Поэтому и такіе выраженія, какъ „купецъ-жена“, „купецъ-дочь“, заключаютъ въ себѣ сущ. на—*сиъ* (ср. „мужъ Новгородецъ“), а не сокращеніе изъ прилагательнаго на—*цкъ*, какъ думалъ сперва Потебня (II, 100).—Такимъ же способомъ обозначается мѣсто принадлежности и время: *семѣ Деина*, *семѣ Печера*, *семѣ порога* (т. е. семѣ, которая ловится въ порожной части р. Онеги), *вътерѣ съверѣ*, *вътерѣ западѣ*; *ковры Персія* (Гог.); *Сурдалъ монастырь* (Салтык.); *семѣ межень*, *осень семѣ*, *бѣлка петровки* (лѣтнія, убитая въ Петровки).

Частные случаи
атрибутивного
сочетанія суще-
ствительныхъ.

Въ частности къ тѣмъ или другимъ атрибутивнымъ сочетаніямъ существительныхъ Потебня относитъ еще слѣд. случаи.

Свѣтъ-Русь. Здѣсь собственное „Русь“ должно было рядомъ значеній приспособиться къ сочетанію съ нарицательнымъ „свѣтъ“ (миндус). „Русь“—первоначально понятіе частное, Русь Южная, а съ XIII в.—уже *вся русская земля*. Затѣмъ, послѣ нашествія татарскаго, т. е., со второй половины XIII в., Русь является вообще противоположеніемъ татарскимъ кочевьямъ: „Русь-родина, страна красоты, радости, благочестія“ съ точки зрѣнія татарскаго полоняника; отсюда „выйти на Русь“ значить не только спастись изъ татарской неволи, но и вообще „спастись“: „я не думала..., что быть де мнѣ на святой Руси, что ходить по сырой землѣ“, говор. спасаемая дѣвушка во время бури на Онежскомъ озерѣ (Барс. Прич. I). Отъ противоположенія Руси „поганымъ татарамъ“ Русь стала обозначать *міръ человѣчій* въ противоположность міру нездѣшнему, тогосвѣтному, страшному. Такъ, въ сказкахъ Змѣй, Яга-баба, заставши у себя скрытаго богатыря, говорятъ: „фу, Русь-кость нахнеть“, на что домашніе отвѣчаютъ: „ты по Руси (т. е. по *человѣч. свѣту*) леталъ, такъ русскаго духу напыхался“. Отсюда въ сказкахъ „выйти на Русь“ получаетъ частное значеніе: „спастись изъ нездѣшняго міра“. И какъ въ древ. языкѣ отъ частнаго значенія „міръ—народъ“ образовалось общее значеніе „весь міръ“ и просто „міръ“ въ значеніи *κόσμος*, а въ мѣр. Украина получаетъ общее значеніе страны, „весь свѣтъ“, такъ и эпитетъ *свѣтъ* въ выраженіи „свѣтъ-Русь“ лишь закрѣпляетъ въ опредѣляемомъ значеніе „свѣта—міра“ и представляетъ тавтологичнымъ съ опредѣляемымъ „Русь“; *свѣтъ-Русь* = *свѣтъ-міръ*, весь міръ. Но прошедшее отсюда прилаг. „свѣторусскій“ возвращается

опять отъ общаго къ частному значенію *Руси*: „восходитъ луча (ж. р.) солнца краснаго освѣтитъ всю землю *святѣорусскую*“ (т. е. не весь міръ, а одну только Русь), въ стихахъ же исторической пѣсни: „А Сконинъ князь Михайло Васильевичъ, оберегатель *міру крещеному*, и всей нашей земли *святѣорусскія*“, можно видѣть не только сочетаніе общаго (міръ крещеный) и частнаго (наша Русь-земля), но и *ѣмъ дѣа дѣоѣ* (міръ крещеный и русская земля), такъ какъ по возрѣбію московскихъ людей до начала 18 в. только Русь Московская есть истово крещеный міръ. Отсюда эпитетъ *свѣто* могъ замѣниться эпитетомъ *свѣто*: *святѣорусскій*, *святѣорусь*: „*святѣорусь-земля* всѣмъ землямъ мати“ (Кал. перек.).

Так. обр., *свѣтъ*—*Русь* въ замѣнѣ *свѣто*—*Русь* получаетъ новый оттѣнокъ—качественный. Съ такимъ качественнымъ оттѣнкомъ употребляются и другія атрибутивные существительныя въ сочетаніяхъ: *Дунай-море* (для выраженія широты, простора), *поле-раздолье*, *вода-крыница* (бѣлор.: ключевая), *травя-мурава*, *лѣсъ-рябина*, *дѣбрь-суходолъ*, *долина-суходолъ*, *боръ-суходолъ*, *мохъ-болото*, *лѣсъ-болото*, *гора-камень*, *мостъ-камень*, *человѣкъ-камень* (статуя), *садъ-виноградъ*, *садъ-яблони*, *дубъ-столъ*, *тынь-дубъ*, *число-время* (пригл. *числоватая*), *млр. вода-погода* (вода здоровая по обьясн. Кулинина), *медъ-патока*, *туча-ромъ*, *душа-дѣвица*, *душа-человѣкъ*. *Свѣтъ* въ значеніи не *mundus*, какъ въ *свѣтъ-Русь*, а *lux*, для выраженія сочувствія, любви къ лицу: «Плѣхъ Муромецъ, *свѣтъ-атаманъ* сынъ Ивановичъ», «*свѣтъ-надежда* князь стольно-киевскій». — «А *свѣты* вы наши высокіе хоромы», *свѣтъ-батюшка*, *свѣтъ-матушка*, *Господь свѣтъ* милостивъ, *Богородица свѣтъ*. И пренепозитивное, и постнепозитивное «свѣтъ» можетъ сливаться въ этихъ случаяхъ съ опредѣляемымъ и терять свою склоняемость. Точно также сливаются: *переплетъ-затылокъ* (т. е. переплетъ только въ корешкѣ); *дворъ-частокъ*, *юлюбъ-глинка* (о цвѣтѣ, отс. фамилія Глинка), *серыи-яхонты*, *серыи-лапки*, *сныгъ-пороша*, *приметъ-дрова*, *приметъ-солома*, *клюши-посохи*, *кипарисъ-дерево*, *камка-луданъ* (соврем. псков. луданъ—шелковая вещь, старин. луда—платъ, верх. одежда: Слов. Срезн.), *свинецъ-доска*, *жемчугъ-наместо* (млр.), *сребръ-стебло* (млр.), *сафьянъ-черевикъ* (млр.), *шовкъ-платочекъ* (бѣлор.).

Къ такимъ существительнымъ опредѣлительнымъ, сливающимся въ одно слово съ опредѣляемымъ, прибавляются иногда и свои опредѣленія или дополненія: „сапоги-зеленъ сафьянъ“, „пѣвень—*костюмъ до земли*“; сложныя опредѣленія эти сперва согласуются съ опредѣляемыми въ падежѣ, а потомъ, повидимому, вълѣдствіе преобладанія именительнаго, неизмѣнно ставятся въ именительномъ: „обертываюсь *туромъ—золотые рога*“. Встрѣчаются, хотя и рѣдко, сложныя опредѣленія и съ сопозитивнымъ

Атрибутивные
существитель-
ныя съ каче-
ственнымъ от-
тѣнкомъ.

171

172

173

174

Паратактич-
ность и гипотак-
тичность рѣчи.

175

176

177

178

179

180

181

характеромъ: „плыветъ сіра утка *утята малыньки* (вм. съ утками). Такія сочетанія сложныхъ опредѣленій съ опредѣляемымъ называются *паратактическими* *). Но рядомъ съ паратактическими построеніями существуютъ въ старинномъ языкѣ и построенія *ипотактическія*, подчиняющіяся обычному вышнему управленію словъ: ядро *гивенка* и ядро въ *гивенку*, меринъ *десять лѣтъ* и меринъ *десяти лѣтъ*, сѣдло *отъ злата* жъжена (позолота сквозь огонь), кожуюхъ *оловира***) грѣцкаго Ппат; коверъ—разные цѣбты съ золотомъ и серебромъ, сузно красно-малиново съ круживомъ. Впрочемъ, до XVIII в. въ письменныхъ памятникахъ преобладаетъ построеніе паратактическое, равно какъ и въ устной словесности: сапоги *зеленъ сафьянъ*, А клюшья у калѣкъ *рыбья кость*, бѣсѣда (=скамья) *дорогъ рыбой зубъ*, по той по ростъ *по бѣлу снѣгу*.—«Отыскивалъ *прѣсныхъ водъ*—колодезей (прѣсноводныхъ)» Кн. Б. Ч.—У Гнѣдича: «сто на эгидѣ бахромъ развѣвалось *чистое злато* (Иліада III, 448).

При гипотактическихъ построеніяхъ существительное—*аттрибутъ* въ древ. инд. и латин. ставилось въ аблятивѣ (*abiete puppes*), а въ славянскихъ, литовскихъ нарѣчіяхъ и греч. яз. этому аблятиву соответствуетъ *род*. Такіе родительные, *не имѣющіе при себѣ своего опредѣлительнаго*, съ незапамятныхъ временъ вытѣсняются уже прилагательнымъ, образуемымъ изъ этого существительнаго: *сельская* церковь вм. *церковь села*, и только род. п. вещества сохраняется иногда: «мошти въ гробѣ *мрамора* положише»; но род. падежъ, *сопровожаемый своимъ опредѣленіемъ*, и до сихъ поръ встрѣчается еще часто, особенно въ народ. поэзіи: пряжка *красна золота*, выпала пороха *снѣгу бѣлаю*, потолокъ *черныхъ соболей*. То же и въ серб. языкѣ, и въ мдр., въ литовскомъ же и латыш. для обозначенія происхожденія изъ вещества почти исключительно ставится род. п., хотя бы приемъ и не было своего опредѣленія.

Образцы *паратактическаго* построенія: туръ—*золотис рога*, «чръленъ стягъ *бѣла хорюювъ* (=съ б. хоругъ.), чрълена чолка *серебрею стружѣ* (=на серебр. стр.)» Сл. о П. П.; «П *трапезу* чюдную одраша *драгий камень* и *велий женьчугъ*» Повг. I.—«Пелена бар-

*) Слѣдов., паратактическимъ называется такой строй рѣчи, который относится къ области *сочиненія* или *соподчиненія* (Ср. П, 399—400) *вм. современнаго подчиненія* (сапоги—зеленъ саф. вм. сап. изъ зел. саф.) и который, въ случаѣ падежнаго несогласованія опредѣляемаго съ опредѣлительнымъ, вноситъ въ рѣчь *безсвязность* (туромъ—золотые рога). Этимъ же свойствомъ характеризуются и паратактическія придаточ. предложенія, которыя, относясь къ главному, не соединяются съ нимъ никакими относительными словами (Ср. далѣе III, 318—325 и слѣд.) *И. Б.*

**) шелковая, затканая золотомъ ткань (Слов. Срезн.). *И. Б.*

хатъ рылой» А. до Ю. Б; «опашень багреневой нувовицы серебряные» ib; «Меринъ каръ грива на льво, звѣзда во лбу» Р. Пет. Библ. — Въ былинахъ: шатеръ полы бѣлыя, вѣшникъ золотая ручка, старичекъ кривой колпачекъ, змѣй лютый золотая голова, птица желѣзны косы, булатны когти. (Тоже въ блрус. и мдр. нарѣчійхъ и серб. языкѣ). Паратактическому же сочетанію *существительныхъ* соответствуетъ и постановка *прилагательная съ причастіемъ* въ одномъ падежѣ съ определяемымъ, тогда какъ въ болѣе новомъ яз. вмѣсто прилагательнаго обыкновенно употребляется при этомъ существительное съ предлогомъ: «стоитъ Христосъ *серебрянъ едѣланъ*» Дац. Пал. (=едѣланъ изъ серебра); «А везеть ошъ палину тяжелую а и мѣдну (=изъ мѣди) *литу* въ 300 пудъ» Кир. (Дополн. къ III т. *Записокъ* стр. 645).

Постановка составныхъ частей сложнаго опредѣленія не безразлична: «Туръ *золотые рога*» и «Туръ *рога золоты*» такъ же относятся другъ къ другу, какъ «Ивань-городъ» къ «городъ Иванъ (Ивановъ)». Въ такомъ же отношеніи находится обычная до 18 вѣка постановка *родительныхъ принадлежности* передъ дополняемымъ по сравненію съ постановкою *послѣ* дополняемаго: «*Россійскаго государства люди* порою сѣбѣвы» (Котом.) и «люди государства Россійскаго», или постановка родительнаго принадлежности между предлогомъ и дополняемымъ существительнымъ и *послѣ* него: «у *Святого Духа* съшествія» (Новг. I) и «у Сошествія Святого Духа». Смысл *препозитивной* постановки обнаруживается изъ древне-греческой постановки родительнаго и другихъ надежей между членомъ и его существительнымъ: это «*ссть во-мощеніе дополненія въ дополняемое, болѣе тѣсное ихъ единство*», между тѣмъ какъ *постпозитивность* «соотвѣтствуетъ раздѣльному мышленію стѣхій этихъ словъ». Препозитивность опредѣлительныхъ словъ и по-служила еще въ глубочайшей древности къ образованію *сложныхъ* словъ: *золоторогъ, суходолъ, черноклень* и др.

Однако не все сложныя имена имѣютъ одинаковое значеніе по отношенію къ другимъ словамъ, къ которымъ они относятся. Такъ, сложные имена образца „*золоторогъ*“ не отождествляются съ своимъ определяемымъ, а означаютъ лишь часть его и принадлежность и потому допускаютъ *соціативность* отношенія: „*туръ золоторогъ*“ = туръ *съ* золотыми рогами; между тѣмъ другія сложныя, становясь опредѣлительными, по значенію своему *совпадаютъ* со своимъ определяемымъ, исключая всякую мысль о соціативности: „*боръ-суходолъ*“ значитъ *боръ*, который вмѣстѣ съ тѣмъ и *суходолъ*, а не боръ съ суходоломъ.

Имена первого образца (золоторогъ) называютъ *сложными притяжательными* (composita possessiva), а имена второго образца (суходолъ) — *сложными опредѣлительными*

Различіе значеній, зависящее отъ препозитивной и постпозитивной постановки сложныхъ опредѣленій.

Препозитивность какъ поводъ къ образованію сложныхъ словъ.

Composita possessiva et determinativa.

(*composita determinativa*). Образцы, какъ мнр.: *Рябоконь*, *Сивоконь*, *Гурбоконь*, *Рябокобыла*, *Лихобаба*, *Стародубъ* и др., становясь атрибутами, могутъ быть двусмысленны: они или могутъ совпадать съ опредѣляемымъ, какъ „*дубъ стародубъ*“, и тогда становятся *composita determinativa*, или же не совпадать, а составлять лишь принадлежность опредѣляемаго, подобно „*туръ золоторогъ*“, и тогда становятся *composita possessiva*. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слова *Рябокобыла*, *Бьлошанка*, *Кривошанка* суть только *прозвища* къ опредѣляемому слову, обозначающія извѣстный *признакъ*, существующій *совмѣстно* съ опредѣляемымъ словомъ: *Рябокобыла*, т. е. бѣзидицъ на рябой кобылѣ, *Кривошанка*, т. е. носящій кривую шанку. Отсюда въ послѣдствіи фамиліи съ суф. *инъ*: *Рябокобыл-инъ*, *Кривошанк-инъ*.

Миклопичъ сложные *прилагательныя* склоняетъ причисляя прямо къ прилагательнымъ съ *адъективирующимъ* суффиксомъ *ъ* второго изъ составныхъ членовъ: *благосердъ* изъ * *сръдо*. Но Потебня не видитъ „*нужды* предпологать повальное превращеніе“ такихъ *composita possessiva* въ прилагательныя, такъ какъ, съ од. стор., атрибутивность *существительнаго* доходить донынѣ и увеличивается къ древности, а съ другой—не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо *адъективирующемъ* суффиксѣ въ этихъ сложныхъ именахъ, ибо въ ц.-слав., рус. и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ есть множество сложныхъ *существительныхъ* съ окончаніями *ъ*, *а* и даже *о*, на которыя оканчиваются въ то же время и *простыя* имена, составляющія *второй* членъ сложнаго слова, напр., *Святополкъ* (полкъ); *острохвость*, *острошеть*, *стонога* и т. и. Правда, во многихъ другихъ случаяхъ при образованіи сложныхъ именъ окончаніе второго члена измѣняется, какъ напр., *маловѣръ* (изъ—вѣра), *молодоженъ* (—жена), *островкрыль* (—крыло); но такое измѣненіе окончанія „могло быть только средствомъ“ согласованія сложнаго *существительнаго* съ опредѣляемымъ и „шагомъ къ превращенію его въ прилагательное, но не самымъ превращеніемъ“ въ прилагательное, что въ слав. яз. наступило лишь съ присоединеніемъ *членнаго* окончанія.

206

Различіе паратактическихъ сочетаній съ отглагольнымъ аблативомъ и принадлежностью.

Отъ паратактическихъ атрибутивныхъ сочетаній образа „*саногъ зеленъ сафьянъ*“ (II, 191) нужно отличать паратактическія же сочетанія образа *церковь Спасъ*, *люди мужескъ полъ*. Главное отличіе сочетаній того и другого образа состоитъ въ томъ, что при замѣнѣ ихъ гипотактическимъ сочетаніемъ съ *родительнымъ* падежомъ, родительный падежъ первыхъ заключаетъ въ себѣ *отглагольн. аблативный* (*саногъ зеленого сафьяна* = *саногъ изъ зеленого сафьяна*, какъ лат. *abiete puppes*), родительный же сочетаній второго образа есть родительный *принадлежности* и *части*: *церковь Спаса* = и. *Спасская*, стадо *овець* = стадо *овечье*.

Образцы паратактическаго сочетанія.

Паратактическіе атрибутивные обороты съ значеніемъ принадлежности восходятъ къ глубокой древности, и такое сочетание атрибутивного сущ.—го съ своимъ опредѣляемымъ бываетъ въ разныхъ падежахъ. Такъ, въ древнемъ индійскомъ яз. употребляются двойные твор. и даже дательные падежи: „вы закрыли солнце на небѣ облакомъ дождемъ“ (т. е. дождемъ облака или „изъ облака“); „нѣкоторые убиты ногами слонами“ (т. е. ногами слона); „очищайте сомъ Индръ питью“. Въ послѣднемъ примѣрѣ двойной дательный, изъ коихъ одинъ (питью) есть имя *дѣйствіа*, важный въ томъ отношеніи, что онъ можетъ служить объясненіемъ литовско-славянскаго *дательнаго при неопред.* наклоненія.

образецъ церковъ Спасъ.

207

Миклюничъ (IV, 450) падежъ атрибутивнаго существительнаго объясняетъ аттракціей къ падежу опредѣляемаго слова: дѣлится *женскимъ полъ*, вм. *женска полу*; но Потебня, согласно съ прежде высказаннымъ взглядомъ (II, 398—9), не видитъ тутъ никакой аттракціи: въ оборотѣ «око зрѣнію солнцу» оба дательные падежа *одинаково* относятся къ довольняемому «око» и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ болѣе раннимъ, уподобившимъ себѣ имя, стоявшее въ другомъ падежѣ. Въ аттракціяхъ смыслъ уподобляемой формы для говорящаго не существенъ, и въ началѣ для понимающаго она является даже искаженіемъ смысла; напр. «заложена бысть церковь . . . камена на сѣтогорскихъ черницахъ дворѣ» (Пск I), гдѣ мѣст. пад. *черницахъ* вм. черницъ поставленъ подъ вліяніемъ звуковой формы: сѣтогорскихъ и мѣстнаго падежа «на дворѣ»; или: «о боярехъ и иныхъ чинныхъ людяхъ» Котом. Советамъ другое замѣчается въ примѣрахъ разсматриваемаго паратактическаго сочетанія. Выраженія: „раздавлены ногами слонами“ вм. ногами слоновъ не безсмысленно: здѣсь однимъ и тѣмъ же падежомъ обозначены двѣ дѣйствующія субстанціи—„ногами“ и „слонами“, изъ коихъ вторая является принадлежностью первой, а потому второе имя и можетъ быть замѣняемо родительнымъ принадлежности (ногами слоновъ) или прилагательнымъ притяжательнымъ (слоновыми ногами). Отсюда вытекаетъ и то, что паратактическое сочетание атрибутивнаго существительнаго съ опредѣляемымъ слѣдуетъ считать болѣе первообразнымъ, чѣмъ гипотактическое посредствомъ род. падежа, хотя и сочетание съ род. падежомъ часто встрѣчается въ старѣйшихъ русскихъ лѣтонисяхъ, въ противоположность прилагательнымъ, которыя до XVII в. встрѣчаются гораздо рѣже. —Примѣры: „На той могилѣ поставилъ церковь святого *Николу*“ Лавр.—„Заложена бысть церква святая *Богородица*“ Плат.—„Заложи церковь *Благовѣщеніе Мъстиславъ князь*“ Новг. I; по: «священа бысть церковь св. *Михаила*» Нов. I.

Взглядъ Микл. и Потебни на эти образцы.

208

209

210

211

212 Столь же часты случаи, когда собственнымъ опредѣлительнымъ въ-
тъсняются нарицат. опредѣляемое: „А Дирова могила за св. *Ориною*“ Лавр.—
„Отелуша обѣдно у святомъ *Михаилѣ* и нонде изъ церкви“ Пнат.—Такъ
и донинѣ; „у *Спаса*“, „за *Спасомъ*“, „противъ *Спаса*“, однако едва-ли
можно говорить „въ *Спасѣ*“ и „въ *Спасѣ*“. Но опущенное нарицательное
повторяется иногда даже въ придаточ. предложениі съ *относит. мѣсто-*
именіемъ: „положиша и въ (=у) святоѣ Богородици, юже церковь учиниша
отецъ его Андрѣй“ Пнат., а иногда употребляется только одно мѣстоиме-
ніе: „положиша тѣло его въ св. Богородици, юже бѣ самъ созда въ Во-
лодимири“ Пнат.; въ иныхъ же случаяхъ согласованіе происходитъ не съ
нарицательнымъ, стоящимъ налицо, а съ собственнымъ: „да и церковь св. Его-
рей *весь сюръль*“ Повг. II (Ср. выше III, 173: „градъ *Гонія* стоитъ *убоая*“).

213 При паратаклическомъ сочетаніи „церковь Богородица“ сочетаемыя су-
ществительныя представляются равносильными и потому могутъ они смѣни-
ваться и замѣняться одно другимъ: «въ лѣто 1172 чудо сотвори *Богъ* и св.
Богородица церковь *Десятинная* въ Киевѣ» Пнат.—«Новгородъ же заступи
Богъ и святая... *церкы святая Софія*» Повг. I.

215 Вліяніе смѣшенія и взаимодѣйствія сопоставляемыхъ членовъ оказы-
вается и на употребленіи предлоговъ; напр. „преставися игуменъ Моисей у
святыя Богородица Антоновъ монастыри“ Повг. I.—„Вѣже въ Киевѣ *къ*
святой Орини въ монастырь“ Пнат., т. е., когда бывають налицо и соб-
ственное, и нарицательное, тогда нарицательное съ пространственнымъ зна-
ченіемъ ставится или въ мѣст. надежъ, или съ предлогомъ *въ*, а при соб-
ственномъ имени, *какъ при мѣст.*, ставятся предлоги *у* и *къ*; если же на-
рицательное имя опускается, тогда при имени святого ставится предлогъ *въ*
съ значеніемъ *мѣста*: „приведоша *въ* св. Софію“, и только съ перевѣсомъ
значенія *отношенія къ лицу* употребляется предл. *у*: „поставиша Діонисія
игуменомъ *у* святого Георгія“ Повг. I.

Сказанное объ образцѣ „церковь Спасъ“ относится и къ образцу „*Ико-*
на Никола“.

216 Образецъ икона
Никола. а) Наричательное сочетается съ собственнымъ, напр. „и
присеце (Андрей) икону *святую Богородицу*“ Лавр. „образъ чу-
дотворецъ *Димитрій*, образъ *Спасъ* нерукотворенный *Пядища*“, „двад-
цать два образа *Празники* *Владычии* да *Пророки* и др.

б) Наричательное опускается, но потомъ повторяется при относит.
мѣст.: „Помолвися... *Спасу Избавнику*“, яже есть *икона* въ городѣ Мѣль-
ницѣ“ Пнат.

217 в) Наричательное вовсе опускается. Особенно много такихъ примѣ-
ровъ въ памятникахъ XVI и XVII вв.: „у *Николы чудотворца* целена бар-
хатъ цвѣтной“.

г) Значеніе съ лица переносится на вещь, какъ и до нынѣ; напр. „А святую Богородицу... одраша“ Новг. I.—„Межа идетъ, куды Богородица ходила“, т. е. съ иконой Богородицы ходили. А до Ю. Б.—Совр. сѣв. рус. „Бога снить“, т. е. покланяться передъ иконой. „Заутра плакала св. Богородица у св. Якова“ (т. е. икона Б-цы источала слезы).

218

Собственное имя въ одномъ надежѣ съ нариц. *праздникъ*: „это было подъ Спась *праздникъ*“, „о *праздникъ Рождество* Пресв. Б-цы.“—Съ опущеніемъ нарицательныхъ праздникъ, день, память: „на Киприка и Улигу“, „на Пророка Плью“, но при предлогѣ *на* могъ стоять и род. п. собственного имени: „на (день) святыхъ Татьяны. Выраз.: „на Семенъ день“ безъ сомнѣнія вм. „на Семень день“.

219

Паратактически сопоставляются обыкновенно лицо и вещь, принадлежащая ему: дворъ, домъ, шатеръ, городъ, страна, тогда какъ *при подчиненіи* имя лица ставится въ род. п. или превращается въ прилагательное: „къ матери ко двору“ (=ко двору матери), „прибхалъ къ шатру къ Куниру царю“, „ко царю Константину къ палагамъ бѣлокаменнымъ“.

220

Лицо или вещь и ихъ состояніе и дѣйствіе паратактически сопоставляются, какъ равно самостоятельныя субстанціи: *о немъ, о здоровьи*“ (=о его здоровьи), „молятъ Бога *о здоровьи, о мнѣ* великомъ князѣ“, „поѣхаша *по дорожъ по нихъ*“ (=по ихъ направленію) Плат.—„П купцы *намъ* зѣло обрадовалися *нашему пришествію*“ Пут. Лукьян.—„*Не язъ не хотѣние мое, но злое ны сотворилъ посолъ*“ Плат.—[Тоже въ мѣр. п бѣлор. нар. п серб. яз.]. Множество другихъ примѣровъ выбрано изъ Пам. дпм. спом., Ак. Моск. Г.; Ак. до Юр. Б., Ак. Пет., Рус. Пет. Библ., Путеш. Лукьян.: „отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ *людей отъ ихъ плыненія*“, „къ государю къ рукъ“, „о такихъ судьяхъ о наказаніи“, „о гонѣхъ о приниманіи“, „въ татѣхъ въ лошадахъ“, „о помѣстѣхъ о передѣлѣхъ“, „о тѣхъ пустошахъ обѣ отъемъ“, „успленіе свята Богородица“, „мы въ неку въ сѣнѣ и въ пожнѣ помпились“, „дано отъ кожъ отъ дѣла (=за выдѣлку кожъ) 4 гривны“, „отъ суконъ отъ тканья“, „отъ крашенны отъ краснѣ“, „отъ кафтановъ отъ шитья“, „дано отъ сибирскаго запасу *отъ письма*“ (=за написаніе) отъ отписокъ подъячему рубль“ А до Ю. Б. (т. е. за написаніе росписокъ (,отписокъ“) (въ пріемѣ) спб. запасу).—«Берутъ пошлину съ записки съ лошади, съ лѣтъ и съ шерети» (=съ записки лѣтъ и шерети лошади) Котом.

221

222-5

226

При обращеніи приведенныхъ паратактическихъ сочетаній въ гипотактическое, въ род. надежѣ ставится имя *вещи* или *лица*; но есть цѣлый рядъ примѣровъ такого паратактическаго сочетанія, при обращеніи которыхъ въ подчиненіе въ родительномъ надежѣ ста-

Образецъ подъ
Спась *праздникъ*.

Образецъ къ матери, ко двору.

Образ. о немъ, о здоровьи.

Образецъ *книга* *новое письмо*.

227 вится не имя вещи или лица, а имя дѣйствія или соответствующее ему конкретное. Напр. *книга новое письмо* = книга новаго письма; «оброкъ по книгамъ по новому письму», «и мы по сѣю расходу по межѣ всякіе признаки ставили» (т. е. по межѣ, по которой онѣ «розшѣлъ» спорныя земли) А. до Ю. Б. — «Книга «Псалтырь» печать мелкая (= мелкой печати), — 228 «грамота своя рука» (= грамота своей руки = своего рукописанія) и др.

Образецъ на
пѣнь на тру-
дѣхъ: на Дунаѣ
на берегу.

Наратактически сочетаются также *лицо* и *его душа*, тѣло (или части тѣла), *цѣлая вещь* и *части ея*, при чемъ въ рус. языкѣ при постпозитивной постановкѣ части иногда употребляется лич. мѣстоименіе въ род. или дат. вад., указывающее на цѣлое. Напр. «и не буди *ему* (цѣлое) отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ *души* (дат. п.) *ею*» Поуч. Моном. — «Изяславъ же... съ своею дружиною вѣха въ *нѣ* (= въ нѣхъ, въ Берендичей) въ *бокѣ имѣ*» Плат. — «Богъ пошлетъ 229-232 по *душу* (часть) князю *Марью*» Ак. до гражд. распр. — «Сенка сидитъ на *немъ на трудѣхъ*» и проч. Тоже въ млр., бѣлор. и серб. яз. — «Удари громъ въ *маковицу* св. *Феодора* *церковь* и зажже» Лавр. — «Тѣмъ пономѣ... *верхѣ* (= на верхушкѣ головы) *власы* свои растити» Пск. I. — «Вхати дорогою къ *верху рѣчкамъ* *Ливнамъ*» Кн. Б. Ч., а также несклоняемая: *к верхѣ рѣчкѣ, къ усть Айдару*, при чемъ, по замѣчанію Бусл. (Гр. § 249, пр. 5), при подобныхъ паратактическихъ сочетаніяхъ нѣсколько словъ могутъ сливаться какъ бы въ одно сложное: «межа съ *Бѣлаю Болотни съ середки* на ошповый пень» А. Ю. — «Яко же бы(сть) *Володимеръ на томъ мѣстѣ на степени* (лѣстницѣ)... и рече» Плат. — «Игуменъ стоять въ *олтари во вратѣхъ, царскихъ, а на прѣпѣ церковныхъ западныхъ вратѣхъ* стоять *діаконѣ*» Путеш. Лук. — Тоже въ млр., бѣлор. и серб. яз. — Другіе примѣры изъ Кн. Б. Ч., А. до Ю. Б., Пут. Лукьян., А. Зап. Р., 233 Нам. др. писемъ, Нам. стар. Рус. Лит.: «на *Воли на берси*», «на *рѣкѣ на Москвѣ на львомъ берегу*», «по *правой сторонѣ по тому стоку*» (истоку, ручью), «межа... до *рѣки Унжи стрѣжи*» (= среднее теченіе), «въ *Черное море проливу* (заливъ) *морскую въ Ильменѣ*» = въ Ильменскій заливъ Чернаго моря, на *край море*, «*краемъ Дунаемъ*» и др.

Образ. изъ кон-
цу, въ обидѣ.

Въ примѣненіи *ко времени*, часть и цѣлое также соединяются паратактически: *къ концу къ обидѣ*; *къ Семену дню*... *ко сѣу осмдесятъ девятому году*; «дѣяки не ходятъ *къ началу къ церкви*» Нов. II.

236

Образецъ: бе-
реть за руки.
за перстни.

Наратактически сочетаются не только части и цѣлое, но и *самостоят. вещи*, при чемъ, при обращеніи этихъ оборотовъ въ подчиненіе, подчиняемое имя можетъ стоять *не въ род.* падежѣ, а въ другомъ съ соответствующимъ предложомъ. Напр., беретъ *за руки за перстни* (= за руки съ перстнями); привязать *коца къ дубовому столбу къ*

тому колыну булатному (=къ колыну въ дубовомъ столбѣ); межа до мху до зыби (=до мху на зыби, до моховой трясины), до ямы до ольхова пня (=до ямы у пня); *лююмъ дороюю* (=дорогою по лугу, луговой), спорили *межахъ о льсу* (=о межахъ въ лѣсу, лѣсныхъ).—„Святославъ пригна *къ перевозу къ Деснѣ*“ (=на Деснѣ) Пнат.—Володимеръ сrete я (Печенѣгы) *на Трубежь на бродѣ*“ Лавр.—„*Къ тебѣ Государю къ Москвѣ*“ (=въ Москвѣ, Московскому); „*о такихъ дѣльхъ и указѣ*“ (=объ указѣ относительно такихъ дѣлъ) Котоших.—Тоже въ млр., серб., польск. яз. [Сюда же слѣдуетъ отнести обращеніе къ нѣсколькимъ предметамъ при *asynleton* (безсоюзіе): «Острый мецо! борзый копо! Многая Руси!» Пнат.—Ой ты *садъ* ты мой *садъ*, садъ зелененькій! Ой ты *цвѣтъ* ты мой *цвѣтъ*, *цвѣтъ* червоненькій!«]

Къ паратактическимъ же сочетаніямъ можно отнести сопоставленіе разныхъ падежей или съ разными предлогами, но равнобѣрно относящихся къ дополняемому слову: «придоша *на берегъ надъ рѣку надъ Ушу*» Пнат.—«*На мнѣ на плеча* (=на мои плечи) напихуть вафтанишю» Жит. Авваг.—«*Намъ помогали о путномъ хожденіи*» (=нашему путному хожденію) Путеш. Лукъян.

Паратактически сопоставляются лицо или вещь и разрядъ, къ коему лицо или вещь относятся: «о *людехъ о мужскомъ и женскомъ полѣ*» Котош.—«Турецкіе люди *мужескъ полѣ* зѣло крупны» Пут. Лук.—«*Первой статьѣ дворяномъ* (=дворянамъ первой статьи) по 50 рублевъ» Котош.—«*Рыба зимняя и лѣтняя ловля*», «*шуба осинової цвѣтъ*», «во *Ольовичехъ племені*» (=въ племені *Ольовичей*), «на *кустѣ ракиѣ*» Пнат. и др.

Содержимое (измѣряемое вещество) и содержащее, какъ мѣра, единица, также сочетаются паратактически: «понмали *мы... мордвина съ пудомъ мѣдомъ*» А. до Ю. Б. 1677 г.:—«*На рожѣ на бочку* 3 бочки соли давали» Иск. I.—«Возьмите у меня *триста литръ злато*», «облить *ведромъ водою*». Тоже въ млр., блрус. и серб. яз.

Если въ Лавр. и Пнат. лѣт. такихъ оборотовъ, противоположному, не встрѣчается, зато обычны здѣсь такіе же обороты съ существительнымъ „множество“ вм. определенной мѣры: „они же видѣвше *множество злато и сребро*“ Лавр.—„И пришеѣ *дружина* вся *мноіе множество*“ ib.—«П *Полови...* придоша... *мноіе множество*» Пнат.—Такъ и позднѣе въ Повг. и лѣт., Путеш. Лукъян, Жит. Авв., а у Котоших. и въ болѣе позднихъ памятникахъ такое же сочетаніе употребляется съ сущ. *число*: «волки не малое *число*» Котош.—«*Лучшіе люди* довольное *число*».

Вмѣсто „множество“ и „число“ употребляется еще «*сила*», въ паратактическихъ сочетаніяхъ: «Трошкіе *войска* *сили* ве-

Образецъ на *Берегъ надъ рѣку*.

Образецъ *дружѣ мужескъ полѣ*.

Образецъ на *бочку на рожѣ*.

Образецъ *множество злато*.

Образецъ *войска сили*.

ликіе»; но если при «сила» стоитъ прилагательное, образованное отъ *опредѣляемаго существительнаго*, то выраженіе „множества“ вполне независимо отъ *опредѣляемаго*: „поскоинша же и ти Половци *силы половецкии*“
 249 Ипат.—Другіе образцы паратактическаго сочетанія при выраженіи „множества“: *стадо овы*, при чемъ подъ „стадомъ“ разумѣется вообще множество: „все *стадо чернеи*“ (т. е. вся монашествующихъ *братія*), „со *стадушкоу* со *дѣтиною*“, „къ *стаду* ко *сѣрымъ цусямъ*“, „отъ *толпы* отъ *красныхъ дѣвушекъ*“, „они поятъ *скотъ, козы, овы* великія *стада*“ Путеш. Лукьян.
 250 Образецъ *денни* Образецъ *денни часть* (половина, треть и проч., а также: *части*, *повытье*, какъ часть послѣ раздѣла, *жеребей*, какъ часть на-
 251 дѣла, *полоса*, какъ часть земли, *остатокъ*): „заплатитъ *дени* свое *повытье*“, „заложитъ *пожию* свой *жеребей*“, „землю *половою* владѣть“, „*Новгородци* же *останькы* (=тъ) *живыхъ* послаша по князя“ Новг. I., „*полки* *останокъ*“, „а другое *быдло* *часть* *пѣякую*... *позабрали*“, „оттуда *взяти* суть *святѣи младенцы* *половина* ихъ“ Дан. Палом., „а *дѣнемъ* *боярскимъ* его *половинъ*“, „за *медъ* за ихъ *половину*“, „съ *тою соли* съ *половины*“, „заложитъ *стѣну* свои *двѣ* *части*“, „въ *пашинъ* въ *полуторъ* *четвер- тикъ* *жити*“, „къ *тому* *половинъ* *селу* къ *Покровскому*“ („тому“ отно-
 522 сится къ „селу“, а не къ „половинѣ“ и равняется „къ тому селу къ *половинѣ* его), „пожаловалъ его *тѣмъ* *половиною* *селемъ* *Глядячимъ*“, „со-
 253 творшю ми *половину* *годину*“, „*половиною* *ратными* *людьми*“, „пожало- вать *еми* *деревню* *полубожею*... *деревню* *третью* *обожею*... съ *четвертью* *десятиною*“ и др.

Образецъ *денни* Сюда же относятся образцы счета: „*денни* *пять* *руб-*
 254—7 *лей*“, „о *деньгахъ* о *пяти* *рубляхъ*“, при чемъ считаемое (деньги, лѣсъ, сила (войско) и т. п.) можетъ стоять и пре-
 258 *рубляхъ*.
 254—7 *позитивно*, и *постпозитивно*. **Препозитивно**: „и *полоу* отъяна 4-ста чады“ Ипат.—„Скопншася *вся* *сила* (войско) *10* *тысящъ*“ Псков. II, «*льсъ* *де-*
 258 *вятъ* *знаменъ*», «*люди* *6* *человѣкъ*», «*козакѣмъ* *8-ми* *человѣкомъ*», «въ *торгу* *есмь* *велѣтъ* *кликати* *изъ* *заповѣди* *изъ* *двухъ* *рублевъ* (=изъ *двухъ* *рублей* *заповѣди* (род. п.), т. е. *подъ* *страхомъ* *пени* въ 2 руб.), «*вишу* *беруть* *двѣ* *доли* (=2 доли *вины*), «*подъ* *виною* *копою* *грошей*», «*емлютъ* съ *тою* *соли* съ *тысячи* *пудовъ* *всякіе* *пошлины*», «въ *иску* въ *деше- ность* *рублехъ*», «въ *серыхъ* *цѣною* *въ* *трехъ* *рублехъ* (въ *зависимости* отъ «*цѣною*» слѣдовало бы ожидать «въ *три* *рубля*»), «*посылается* *соболя- ми* *сороками* и *парами* (=сороками и парами *соболей*), «*большой* *боранъ* (*цѣна* *иска*) *сорокъ* *алтынъ*», «а *кто* *поведеть* (или *подыметъ*, т. е. *судей*) *на* *исправу* *на* *боранъ*, и *ему* (*прикащику*) *имати* (*брать*) *полевой* *боранъ* *по* *два* *алтына*». — **Постпозитивно**: «заложитъ *еми* *свою* *отчину* въ *полу- треть* *стѣ* *рублехъ*», *въ* *заемныхъ* *дѣлахъ*», «*билъ* *челомъ* въ *пятнадцат-*

ти лошадей въ грабежѣ», «съ пятью возы съ продажною солью» и др.—
Вѣдь эти примѣры паратактическаго сочетанія, по сравненію съ соврем. языкомъ, замѣчательны въ томъ отношеніи, что теперь паратактич. сочетаніе бываетъ тогда, когда считаемое равно числу: я отдалъ (всѣ) *денегъ пять рублей*, но: я отдалъ *денегъ* пять рублей, въ старинномъ же языкѣ при паратактическомъ сочетаніи это не различалось, какъ можно было видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ.

Отъ паратактическаго сочетанія, обозначающаго счетъ, Образецъ *пять* меду *пять* пудовъ. нужно отличать выраженія *мѣры*, *вѣса* и проч., въ которыхъ, при гипотактическомъ построеніи, *мѣра* и *вѣсъ* ставится въ *род.* *мѣры* или позднѣе предлогъ *въ* съ винительнымъ: «*кадѣ* меду *пять* пудовъ» (вм. *въ пять п.*), *ковшѣ* золотой *два* гривенки злата», «Богъ простилъ *отрока четьре* юда» Новг. л.; *меринѣ* саврасѣ *девять* лѣтъ», «*несводѣ* *осемьдесятъ* сажень», «*сабля* *два* рубля, при чемъ обозначеніе *мѣры* и *вѣса* ставится какъ препозитивно, такъ и постпозитивно, а слова: *вѣсъ*, *цѣна* въ именит. п.: «*шуба* *камка* *цѣна* 66 рублей», хотя встрѣчается и не въ именительномъ: «*ковшѣ* *серебрянѣ* *вѣсу* гривенка» А. М. Г.

По аналогіи съ образцами «множество *злато*», «стадо *овцы*» можно бы ожидать и при числительныхъ паратактическаго съ ними сочетанія именъ *считаемыхъ*, какъ это наблюдается въ санскритѣ, въ латин. и греч. яз. (*πέντε ἄνθρωποι*, *quinque homines*); однако въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскихъ и древнерусскихъ числительныя *количественныя*, начиная съ *пяти**), подобно собирательнымъ существительнымъ сочетаются *только* гипотактически, именно *съ род. множ.* ч: *пѣтъ десѣтъ*, *пѣтъи хлѣбъ*, «*предложи* *вся* *книгы* *шестью* *тысяцъ*» Лавр., «*на* *семѣ* *соборовъ*» Кир. Тур., «*приходиша* *воевать* *въ* *осемѣ* *сотъ*» Новг. I, такъ что чрезвычайно *рѣдкія* паратактическія сочетанія *суть не первообразы*, а принадлежность *позднѣйшихъ* списковъ, какъ напр: «*двѣ* *тысячѣ* *гривнѣ*» Лавр., «*иѣ* *въ* *сѣтъ* *дружинѣ*» Поуч. Моном.**). Впроч., весьма рано, а въ рус. яз. не позднѣе

*) А два, три и четьре, сочетаются съ им. и вин. изъ двойств. именительнаго и винит., *двои* же и *трои*—съ им. множ. (см. далѣе III, 272.) И. Б.

**) Какъ смотрѣть на эти, хотя и рѣдкіе, случаи паратактическаго сочетанія числительныхъ количественныхъ? т. е., существовали ли въ *живомъ* рус. языкѣ до XIV в. паратактич. сочетанія *пѣтъ хлѣби*, *пѣтъи хлѣбы* рядомъ съ обычнымъ гипотактич. сочетаніемъ: *пѣтъ хлѣбъ*, *пѣтъи хлѣбъ*? и если существовали, то не сочетались ли сперва количественныя паратактически, а потомъ *обычнымъ* путемъ изъ паратактическихъ перешли въ сочетанія гипотактическія? На эти вопросы Потебня опредѣленнаго отвѣта не даетъ и говорить только, что сочетаніе «*пѣтъ хлѣбъ*» можно считать *правиломъ*, но что бываютъ *отеченія* языка (живого?), которыя въ письменность не проникаютъ. Слѣд., можно, по

259

260

261

XIV в. числительныя количественныя, кромѣ *тысяча*, разсматриваются уже какъ *прилагательныя* и во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ им. и вин., согласуются въ падежъ съ именемъ считаемымъ: «во *стѣ* рублехъ», «на *стѣ* возѣхъ», «въ *сорокъ* алтынехъ» и проч., но «сто» съ *опредѣлительнымъ* принимается за существительное и имѣетъ послѣ себя род. п.: «въ *третьемъ* стѣ *льнѣ*».

VII.

Несогласованіе приложенія въ падежѣ.

Аттрибутивныя существительныя, сочетающіяся паратактически со своими опредѣляемыми, являются *приложеніемъ* къ слову послѣднимъ. При этомъ, какъ видѣли, въ однихъ случаяхъ атрибутивныя существительныя согласуются въ падежъ со своимъ опредѣляемымъ, а въ другихъ—не согласуются. Несогласованіе приложенія въ падежѣ съ опредѣляемымъ выражается въ томъ, что приложеніе остается въ *имен.* падежѣ и тогда, когда опредѣляемое переходитъ въ *косвенный* пад.: «а зовутъ его *Власкомъ, Ивановъ сынъ*».

Образецъ несогласованія приложенія: зовутъ его *Власкомъ, Ивановъ сынъ*.

Въ этомъ образцѣ крестное, личное имя (опредѣляемое) стоитъ въ *твор.* пад., а приложеніе къ нему—въ *именительномъ*. Но неизмѣненнымъ можетъ оставаться им. падежъ и личного имени, а падежъ отчества и фамиліи измѣняется: «*Александръ Ивановичъ Бобръва*». Так. обр., неизмѣняемость имени въ падежѣ бываетъ или препозитивною, или постпозитивною. Въ препозитивной постановкѣ неизмѣннымъ является собств. имя, и такое выраженіе сближается съ выше приведенными образами: «*Дунай-рыки*», «*князь Василья*», гдѣ согласованія собственно и быть не можетъ, такъ какъ первое слово—безъ флексіи и соединяется со вторымъ въ *одно сложное слово*; поэтому и при усиленіи въ языкѣ начала *подчиненія* первое имя, какъ неизмѣнный членъ сложнаго слова, не переходитъ въ падежъ дополненія; при постпозитивной же постановкѣ атрибутивъ является относительно самостоятельнымъ, можетъ *отдѣляться* отъ опредѣляемаго слова (*Юдкаго зовутъ Григорьевъ*), и потому чувствуется, что онъ явно не согласуется съ опредѣляемымъ. Тутъ происходитъ въ языкѣ какъ бы сдѣлка между двумя антами мысли: пока, при преобладаніи въ языкѣ *согласованія*, атрибутивъ и опредѣляемое стоятъ въ им. падежѣ,—оба слова *совидимому*, думать, что и «*пять хлѣби*», «*пятицѣ хлѣби*» существовали въ старинномъ языкѣ (до XIV в.), какъ паратактическія сочетанія двухъ *существительныхъ*, но что въ письменность они не проникли (Ср. далѣе III, 327) за исключеніемъ выше приведенныхъ двухъ примѣровъ, отмѣченныхъ Потемнею: «*двѣ тысячь гриновъ*» и «*цѣ въ стѣ дружинъ*», которые, впрочемъ, считаются оны отклоненіями отъ правила. И. Б.

ласны между собою: «зовуть меня Михайло Казарянинъ», но когда, съ усиленіемъ въ языкѣ подчиненія и объединенія мысли, опредѣляемое имя стало ставиться въ другомъ надежѣ,—тогда опредѣленіе на первыхъ порахъ не подчиняется еще этому требованію и по прежнему остается въ им. п.: «зовуть меня Михайлою Казарянинъ». И только при преобладаніи подчиненія устраняется такая непоследовательность. Другіе примѣры несогласованія приложения: «дать есмь женѣ своей женку Марья» А. Ю.— «Есимоу зовуть Любянская Сабля», «Аленкою зовуть Перфильева дочь» А. Ю. «Благословляемъ мы сестру свою божьимъ милосердіемъ, образомъ Воскресеніе Христово» Ibid.—«Образъ Спасовъ Вседержитель (им. п.) серебромъ обложень» А. Ю. Первая ступень или, по Потебнѣ, «задняя, (предыдущая) мысль» послѣдняго примѣра должна бы быть: «образъ Спасъ Вседержитель»; но, подъ вліяніемъ подчиненія, «Спасъ» замѣнено здѣсь прилагательнымъ «Спасовъ» (вм. Спаса), поэтому при полномъ подчиненіи и «Вседержитель» долженъ бы быть поставлено въ род. п.: «образъ Спаса (=Спасовъ) Вседержителя».*)

264

Слова: «имя», «прозвище» въ качествѣ вторыхъ субстанцій могутъ оставаться со слѣдующимъ собств. именемъ въ именит. п., хотя бы опредѣляемое стояло въ другомъ надежѣ: «родился у Рюрика сынъ и нарекоша ѿ (1-й вин. п.) дѣдне имя (им. п.) Михайло (вм. «именемъ»: 2-я субст). Плат.—, Анна... съ Иванкомъ... прозвище Истома» А. до Ю. Б., при чемъ собств. имя прозвища, въ силу стремленія къ объединенію предложенія, можетъ согласоваться съ опредѣляемымъ, но слова: «имя» и «прозвище» остаются въ им. п.: «поручился есмь по братья своему... прозвище Шумъ» А. Ю.— «Продать есмь Нефедью... прозвище Байдану» А. до Ю. Б.— Но бываютъ и обратныя явленія: ставится «именемъ» (какъ родомъ: Срав. II, 477), «по имени», «по прозванію», «во именѣхъ», а собств. имя остается въ им. пад: напр. «ловъ дѣюще Свѣнелдицю именемъ Люти» Лавр.— «Поставиша епископа именемъ Акимъ» Плат.

Постановка словъ: имя и прозвище при приложеніи къ собств. имени.

265

По изслѣд. II. Лавровскаго, древній яз., пользуясь тѣмъ, что вин. п. имѣлъ двоякую форму, сходную съ им. и род.,—допускать перѣдко разнообразіе въ одномъ и томъ же предложеніи: «доимите у меня мой шюринъ Михаила», т. е., соб. имя дополненія ставилось въ вин. надежѣ, равному родительному, а нарицательное имя приложения—въ винительномъ, равному именительному, и наоборотъ. Примѣровъ такихъ множество: «И посла къ нимъ сынъ свой Святослава» Плат.— «Изволиша себѣ епископъ (2-й вин.) поставити мужъ Богомъ избранъ Аркадія» Повг. I.— «Посла Володимерь сынъ свой Рома-

Владимиръ II. Лавровскій изъ постановки приложения то въ вин., то въ им. пад.

266

267-9

*) Таково колебаніе и, такъ сказать, борьба между сочиненіемъ и подчиненіемъ въ языкѣ! И. Б.

на“ Лавр.—„Послаша Псковичи свой посолъ Никифора“ Нек. I.—„Кня-
жо дагы приставъ своего человека Проконію“ (впк. п.) Грам. Рпж.—„По-
слаша по князь“ Ипат., „по сынъ“; по рядомъ съ этимъ есть и такіе
примѣры: „о Гди спаси князя нашего Феодора“ Писпѣсл. къ Мстисл. Ев.—
„Рюрикъ предасть имъ сына своего Андрея“, „поя за сына своего Рома-
на“. „посла сынъ свои Мстислава“; „лапотъ знай лаптя“ (Даль), „ве-
депа Мстислава въ греки за царь (ср. замужъ), „изобрѣте... художника...
именемъ Милоныа, Петръ же по крещенію“ Ипат.—„Положи въ монастырь
Ивана Васильевича Нельова, въ иноцехъ Иосафъ“ А. до Ю. Б.

Неизмѣнность
им. падежи, вы-
сказанная отъ
послѣдствія
сти приложенія.

Отсюда видно, что при *постпозитивной* постановкѣ оста-
ются въ именит. п. и собств. имена, и, слѣдовательно, неиз-
мѣнность именительнаго зависить здѣсь *не отъ качества* имени
(собственного или нарицательнаго), а отъ *постпозитивности*
и *анпозитивности* его, какъ и въ слѣдующихъ примѣрахъ, въ которыхъ
остаются неизмѣнными въ им. п. даже имена прилагат.: „Былъ челоуъ Илья
прозвище Меженя съ своею женою съ Матреною, ростомъ *средняя* и воло-
сомъ *руса*“; „увель Климъ *мерина*, шерстью *рыжъ*“ и др. Поэтому, если
приложеніе или анпозицію постпозитивную составляютъ имена прилагат.
или причастія, то и они могутъ оставаться неизмѣнными въ именит. п.,
хотя бы при нихъ и не стояло посредствующихъ словъ: имя, прозвище,
по имени, по прозванію и т. п. Напр. „образъ Пречистые Богородицы
междувратная“; „блюдечко по гривнѣ *Новгородская*“, „пять пуговиць
мѣдяны“ (а не мѣдяныхъ), „межа... отъ того пня на *иву* вверху *суко-
вана*... *поклѣпа* на *всходъ*“ А. Ю., „противу святому Спасу, *зовемый Вер-
етисъ*“ Новг. I. «онъ тутъ засталъ одну *панью*; отъ Татаръ *выкуплена*»
А. З. Р.—«Послать *шубу кунью*, атласомъ *крыта*», «благословляемъ...
образомъ Преев. Богородицы Одегитрія *обложенъ серебромъ* и *вызолоченъ*»
А. до Ю. Б.—«Благословляютъ *образами* *окладными*, *обложены* *золотомъ*»
Котош.—Вироч., ближайшее прилагательное, какъ видно изъ этихъ примѣ-
ровъ, остается въ падежъ своего существительнаго: «шубу *кунью*», «обра-
зами *окладными*»). Подобнымъ же обр. послѣ числительныхъ *два* (двѣ),
270 *три*, *четыре* съ существительнымъ въ именит. или вин. пад.
изъ тѣхъ же падежей *двойств. ч.* числа, а также послѣ *двои*,
271 *трои* съ существительнымъ въ именит. (или вин.) *множ.*
272 *числа*, ближайшія прилагательныя, начиная съ XVI в., могли
ставиться въ род. п. (какъ послѣ *пяти* и проч.: ср. выше III, 260), даль-
нѣйшія же—въ именительномъ: «три *однорядка* (им. п. изъ *двойств. ч.*)
мускихъ черлены», «четыре *панкадила* (им. изъ *двойств. ч.*) *мѣдныхъ*

*) Но это простыя опредѣленія, а не приложенія! И. Б.

малые»; «взяли трои серьги *серебряныхъ одницы*» (сущ.), «восемь лапокъ *лисиныхъ красныхъ*». — Тоже въ выпѣш. област. взр., въ малор. и серб. яз.

Если опредѣляемое существительное, стоящее съ атрибутомъ, будто бы изъ существительнаго же, переходитъ изъ именительнаго въ косвенный падежъ, то существительное — атрибутъ, становясь приложениемъ, можетъ *оставаться* по прежнему въ именит. пад. и такимъ образомъ не согласоваться съ опредѣляемымъ. Такъ, примѣняясь къ паратактическимъ образцамъ, приведеннымъ въ предыдущей главѣ, изъ образца «*шуба тафта желтая*» является оборотъ: «*шубу тафта желтая*», «около *чебота зеленъ сафьянъ*», «взяли... казаки *кобылку гнѣду ирива направо*». Можетъ не согласоваться съ опредѣляемымъ и *прилагательное* атрибутивное: «увель... *мерина шерстью рыжъ*». — Изъ образца: «*грамота своя рука*» является оборотъ: «*грамоту своя рука*», «прислать *перепись...* дыка *рука письмо*». А. Ю. — Изъ образцовъ: «друзья мужескъ полъ» являются обороты: «взялъ денегъ *шесть рублевъ* Московское *число* (им. п.); или для выраж. длины: «сдѣлать два погребъ *длина* въ двѣ сажени, *вышина* противъ того жъ» А. до Ю. Б. — Изъ образца: «*на бочку на рожъ*» является: «запить виномъ *стаканчикъ*» Лѣтеб. — Изъ образца: «*праздникъ Спасъ*» — «послѣ Иванова дни *Уськновеніе* главы». — Изъ образца: «*деньги половина*» — «давать хлѣба *половина* ржаного, *другая* ярового» А. до Ю. Б. — Изъ образца: «*ковшъ двѣ иривенки*» являются: «подать *чепъ* золоту *пять* (им.) *гривенокъ* да *ковшъ* (вып. п.) *иривенка*». — Всѣ эти примѣры и др. подобные суть остатки первоначальнаго паратактическаго сочетанія съ опредѣляемымъ, стоящимъ въ им. же падежѣ. Поэтому опредѣленіе времени въ им. п., стоящее безъ предшествующаго существительнаго и отвѣчающее на вопросы *когда?* *какъ долго?* *какъ часто?* есть именит. не паратактическаго происхожденія, а самостоятельный *): «пріѣхать (когда?) *канунъ* (им. сам.) *Вербницы*»; но „въ *субботу канунъ* *Вербницы*“ образовалось паратактически изъ „суббота канунъ *Вербницы*“. Точно также паратактическаго происхожденія и такіе примѣры: „поѣхъ во *вторникъ* 3-я *недѣля* поста“ Пск. I., „*июня* 23 *канунъ* *Ивана* *длинъ*“ „*лѣта* 7014 *декабрь* 4 *день* преставился архіепископъ“ Повг. I; но въ выраженіи: „въ Цареградѣ (когда?) *лѣтнее* время *ночь* 8 часовъ, а *день* 16 часовъ“ (Путеш. Лук.) — именит. п. не паратактическій. Точно также въ старш. рус. яз. *вечеръ*, *утро*, *день* съ, *осень* съ могли стоять не только въ выпит., но и именит. пад. самостоятельно, что особенно видно изъ именъ жен. р. на *а*, напр. на вопр. *какъ долго?* „мы бились *половина* *дня*“; на вопр. *какъ часто* съ союз. *что?* (млр.) „*що* *день*, *що* *юдина*“, (влр.)

Именит. падежъ приложений при косвенныхъ падежахъ опредѣляется имени.

Им. п. для обозначенія времени не паратактическаго происхождения.

*) См. „Синтакс. Н. В. Зв. п.“ Попова, стр. 57—58.

„что ночь (=каждую ночь), то домовою пугать его ходилъ“ (Изъ изслѣд. Попова. 57 *).

VIII.

Союзъ между словами, соединенными атрибутивно, hendiadys.

275

Видеть Микло-
ша и Попова
изъ hendiadys.

Въ близкой связи съ атрибутивностью существительныхъ, вносящую двойственность въ сужденіе, стоитъ фигура $\xi\upsilon\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \delta\upsilon\omicron\upsilon\tau\upsilon$ (ср. выше III, 131). Поэтому Миклош. (Гр. IV, 5) вслѣдъ за примѣрами атрибутивности существительныхъ говорить, что „иногда прилагательныя (т. е. опредѣлительныя слова) своеобразно замѣняются существительными (атрибутивными), которыя присоединяются къ опредѣляемому посредствомъ союза и“, что и составляетъ фигуру hendiadys. Поповъ въ своемъ изслѣдованіи („Синтакс. II. В. Зв. п.“, стр. 69), вывести этотъ оборотъ рѣчи изъ *комитативнаго* независимаго именительнаго, обозначающаго тотъ *второстепенный* предметъ, который находится при другомъ главномъ: „сапоги зеленъ сафьянъ“. Съ теченіемъ времени оба эти понятія, по мнѣнію Попова, начинаютъ разсматриваться какъ *равносильныя* и выражаются *однимъ и тѣмъ же* падежомъ: „къ чану зелену вину“, при чемъ въ нѣкоторыхъ языкахъ вставляются между ними союзы, и такимъ образомъ получается явленіе въ языкахъ: $\xi\upsilon\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \delta\upsilon\omicron\upsilon\tau\upsilon$, какъ выраженіе *одного* понятія черезъ *два* (Поп. 76). Итакъ, по этому господствующему взгляду, сначала было *одно*, цѣлостное для мысли, а потомъ, *вмѣсто* этого, стало *два* раздѣльныя единицы, сливающіяся въ единство.

279

Видеть Потеб-
ня на $\xi\upsilon\ \delta\iota\ \delta\iota$.
въ связи съ па-
ратактическими
сочетаніями.

Но Потебня, держась своего взгляда, что образное или конкретное выраженіе мысли древнѣе абстрактнаго, и что синтетическія сужденія, состоящія *въ сочетаніи двухъ самостоятельныхъ субстанцій*, предшествуютъ аналитическимъ, состоящимъ въ раздѣленіи мыслимаго на вещь и ея качества и дѣйствія, — отвергаетъ господствующій взглядъ, выраженный Миклошичемъ и Поповымъ, и утверждаетъ, что въ основѣ $\xi\upsilon\ \delta\iota\acute{\alpha}\ \delta\upsilon\omicron\upsilon\tau\upsilon$ лежитъ древнѣйшее атрибутивное паратактическое сочетаніе существительныхъ, служащее выраженіемъ *двойственности соединяемыхъ субстанцій*. Что же касается значенія союза, соединяющаго паратактически сопоставляемыя существительныя, то онъ означаетъ то же, что и при отдѣленіи причастія отъ личнаго глагола (II. 187 и слѣд.): ставъ и рече, или при отдѣленіи подлежащаго отъ ска-

*) Въ примѣрѣ у Потебни: „что городъ, то норовъ“, взятомъ изъ изслѣдованія Попова, есть им. *мѣста* (гдѣ?), а не времени. И. Б.

земаго (II, 194), а именно: «онъ служить явственнымъ выраженіемъ *медленности*, съ которою въ говорящемъ одинъ актъ мысли слѣдуетъ за другимъ»^{*)}).

Степень потребности въ этихъ плеонастическихъ теперь частицахъ, заполняющихъ собою пробѣлы мысли, различна. Въ немѣрной рѣчи онѣ рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ въ мѣрной; въ началѣ стиха или полуступиці (послѣ цезуры) эти эксплетивныя частицы менѣе замѣтны, чѣмъ внутри полуступиці. Такъ, въ нѣкоторыхъ сѣв. великорусскихъ былинахъ употребляется часто эксплетивная частица *и*:

«И только не ходи за Олену за Поновича

«И за бабьяго да пересмѣшника». Гильф.

«Отетянуть то онъ *и* тугой лукъ разрывчатой». Гильф.

Въ старш. рус. яз., кромѣ *и*, такими эксплетивными частицами служили:

1) *а*, имѣющее разные значенія: а) *соединительное*, куда примыкаетъ и *а* между личнымъ глаголомъ и причаст. (II, 190-3), б) *а* *противительное* (=же), в) *а* *условное* =*аще*: «*и* (=аще) есте послушали Цоловчъ *а* (=и) послы наша есте избилъ *а* (=и) идете противу насъ, ты (=то) вы поидите; *а* мы (=мы же) васъ не заяли» Повг. I.—«*А* пошлешь (=если пошлешь) куды слушку... *а* (=если) съ слугою къ кому бѣству или питье..., да воротивъ спроси его» Домостр.; г) *а* (какъ *и*) *заключительное* (=то) послѣ предложеній съ начальнымъ *кто*, *что* и въ сочетаніяхъ условныхъ послѣ *аще*, *аже*, *аже*, *да*, *же*: „кто ли не имѣеть конь, *а* (дослѣвайте) въ ладѣ“ Плат.—„Аще забываете всего, *а* часто прочитайте“ Поуч. Влад. Мон.; д) *а*, *а что*=*анъ*, *ажъ* въ болѣе новомъ языкѣ: „въ тѣ поры молодецъ озирается, *а что* (=анъ) сняты съ него дорогие порты“ Горь Злоч.—е) Плеонастическое соединительное *а* въ началѣ предложеній и стиховъ въ варусскихъ былинахъ.

2) *А и* въ стар. рус. яз. и въ былинахъ съ разными значеніями: а) *когда-то*: „*а и* бы при вечерѣ,—пришедъ конюшій, повѣда князю, яко ждетъ его Лаворъ“ Плат.—„*А и* будутъ на дворѣ княженецкімъ, скочили они съ добрыхъ коней“.—б) *а и* = *анъ*, *ажъ*: „Заглянулъ скороходъ на широкій дворъ, *а и* некуда Чурилъ вѣхати“.—в) *а и* плеонастическое, которое нужно отличать отъ *ай* (=гой если =ахъ ты) при зват. пад.: „въ славномъ великомъ Новѣгородѣ *а и* жилъ Буздай да 90 лѣтъ“.

3) *Да*: а) *плеонастич.*, которое по преимуществу раздѣляетъ аттри-

*) Изъ дальнѣйшаго перечисленія значеній эксплетивныхъ частицъ видно однако, что во *всѣхъ* случаяхъ онѣ являются не плеонастическими, а вполне необходимыми какъ для связи одного предложенія съ другимъ, такъ и для приданія извѣстныхъ отѣвковъ мысли. И. Б.

Различная степень потребности въ плеонастическихъ частицахъ мѣрной и немѣрной рѣчи.

282

Эксплетивныя частицы въ др. рус. яз.: *и*, *а*, *о*, *и*, *да*, *та*, *той* (той), *таже* (тоже), *можно*, *же*, *еще*.

283

284

285

286-8 быть и определяемое: „Какъ поѣхалъ Илья да слыть Ивановичъ“; въ началѣ же второго полустипня *да* ставится и между другими членами предложения. Въ малор. этому *да* соответствуетъ *та*, которое плеонастически употребляется и въ лѣтислесахъ Лавр. и Ипатской, при чемъ вм. простого *та* употребляется еще *таи* или *той*: «тоже знымы *той* посласта Берестню.., *той* ту блюдохъ городъ тѣхъ, *та* пдохъ Переяславлю» Лавр.—б) *Да* и *та* употреблялись и какъ союзы соединит.: «а вы раздравше (=разоривши) *та* прочь» Повг. I.—«Поѣхаша князи на Городецъ *да* въ Новгородъ» Лавр.—в) *таже* и *тоже*, *тожно*=потомъ: «начаша съѣха прежде князи, *таже* бояри» Повг. I.—«Ты пожди брата, *тоже* поидеши» Ibid.

4) *же* употреблялось съ разными знач.: а) *же* понудительно-соединительное; какъ и *да*, *та*: «ну *же*»=млр.: «*та* ну»; «иди *же*»=„да (*та*) иди“.—б) *же* соединит., которое ставилось между соединительными словами, а не постпозитивно: „бѣашеть у Болеслава сыновець 5—Сомовитовичи 2: Кондрать *же* (=и) Болеславъ, а Размиричи три“ Ипат.—«Дали ему скорлата портъ *же* (=и) чаторъ» Грам. Риж. къ Витеб. кн.—в) *же* препозитивное=противит. а: „наведя его къ тобѣ княжо, *же* (=а) къ собѣ въ пестоубку... и ту... за шню оковалъ“ Ibid.—г) *же* постпозитивное=потомъ, также: „села взяша... и придоша *же* (потомъ) къ городу“ Ипат.—«Вамъ повѣдалъ, а я повѣдалъ *же* (=тоже) Ипат.—д) *же* плеонастич. въ былинахъ: «Засвиस्ता-то онъ во весь *же* свистъ».

5) *Еще* нарѣч. на ряду съ союзами *и*, *а*, *да*, *та* также употребляется въ былинахъ плеонастически: «оставалосѣ *да* чадо милое *еще* молодой Василій *да* Буславичъ». — «Ахъ ты гость, ты купецъ *да* *еще* Митріище».

291 [Другія эксклетивныя частицы въ былинахъ: *нунь*, *тутъ*, *здѣсь*, *было*, *былъ*, *бы*, *е*, *ли*, *туда-на*, *себѣ-на*, *ужъ канъ*, *канъ*, *онъ* (постпозит.) имѣютъ болѣе отдаленное отношеніе къ hendiadys. Сюда нужно отнести и повторенія, заполняющія иногда дѣйные стихи].

292-5 *Hendiadys* въ большаго вниманія по отношенію къ hendiadys заслуживаетъ раздѣленіе атрибутивныхъ сочетаній союзами въ непереносной рѣчи и внутри полустипней. Такъ, при образцахъ «*путь дорога*», «*клецъ дерево*» являются: «поѣдешъ ты путемъ *и* дорогою»; «тутъ стояли же воры *и* разбойнички»; «есть у меня коготь *и* лихая болѣсть». Тоже въ блрус., малор., серб. и отчасти въ польск. яз.—При образцѣ «*ниръ радость*»: «Володимеръ же прослави Бога о такомъ чудеси Божіи *и* о помощи его» Ипат. (=о чудесной помощи Божіей).—«Сталасѣ намъ такая пригода (случай) *и* жалость» А. З. Р. (=печальный случай).—«Князь... приготовилъ пированіе *и* честь велику» Повг. I. (=почестное пированіе); «дани *и* пошланы», «дани *и* невылаты»; «то старина *то* *и* дѣянье» (=старинное дѣяніе), а такъ-какъ потомъ „старина“ стало означать „пѣсню“,

то союзомъ и стали раздѣляться и такія синонимическія сочетанія: „и тутъ тебѣ старинушки и славу поютъ“ Гильф. 296—9

Отмѣтимъ другія подобныя же сочетанія: „вѣрой и правдой“ (т. е. „по праведной присягѣ“, такъ какъ „вѣра“ въ старину означала и присягу или клятву; отс. „право“, какъ выраженіе божбы); „ратъ и сила“ (=сильная рать: синонимы); „сила и многое множество“ (=множество силы); „видѣвъ же окрестнія села бѣжащая въ градъ много же (=и) множество“ Плат.—Въ млр: „щастія и доля“ (=щастива доля), „огни та терни“ (=горящія терны), „цвѣтъ та калина“ (=цвѣт-калина). Тоже въ серб: „сила и сватови“ (=множество поѣзжанъ), „сила и дајира“ (=множество дьяволовъ), „коло и дјевојке“ (=коло дјевојачко). Но серб. *сила* въ значеніи *vis* отъ опредѣляемаго союзомъ не отдѣляется и означаетъ не только свойство, но замѣняетъ и самое лицо: „сила Петре“, т. е. не только сила Петра, но и самъ Петръ.—Этому паратактическому сочетанію (сила Петре) въ Гомеров. языкѣ соответствуетъ гипотактическое $\mu\acute{\epsilon}\nu\sigma\varsigma$ ($\beta\acute{\iota}\eta$, $\sigma\acute{\iota}\delta\acute{\epsilon}\nu\sigma\varsigma$) съ род. п: $\beta\acute{\iota}\eta$ ‘*Ἡρακλῆς*’, или съ прилагат. притяж: $\beta\acute{\iota}\eta$ ‘*Ἡρακλεΐη*’ въ значеніи „самъ Гераклесъ“.—Въ старинномъ рус. яз. въ такомъ же значеніи употреблялось гипотактич. выраж. «сила креста» или «сила крестная», т. е. самый крестъ: „И тако похваляче Бога и силу животворящаго креста пондоша“ Плат. (Ср. «Богъ заступилъ мя и крестъ честный» Лавр.). Но раздѣльную мысленія обѣихъ субстанцій въ формѣ: «сила и крестъ» (какъ и въ серб: «сила и Петре») не встрѣчается, и только сопоставленіе *силы* и *части цѣлаго* употребительно, какъ напр. въ греч: $\beta\acute{\iota}\eta$ καὶ $\chi\rho\sigma\acute{\iota}$. Тѣмъ не менѣе „сила“ представляется здѣсь субстанціей и замѣняетъ самую вещь, являясь двойникомъ ея.—Въ такомъ же смыслѣ употребляется и «душа», какъ двойникъ чловека: «душа не принимаетъ», т. е. я не могу пить, ѣсть; но *душа* употребляется въ серб. и въ hendiadys: «блага нѣмму и нѣеговој души» (Серб. нар. п.). 300

Такое воззрѣніе на душу по отнош. къ чловеку примѣняется у I. Экз. Б. къ объясненію единства и субстанціальности лицъ Св. Троицы: какъ чловекъ и его душа, такъ Богъ и Св. Духъ; какъ чловекъ и его слово, такъ Богъ и Сынъ (=Слово); какъ слово и его часть духовная (подъ которою у I. Экз. разумѣется воздухъ), такъ Слово (Сынъ Б.) и Духъ Святый. Отсюда гипотактическія выраженія съ притяжат. мѣстоим: «моя дуиѧ»=«я» или собственно hendiadys «я и душа», «самъ и душа»; точно также «моя голова»=«я» или hendiadys «я и голова» (какъ часть тѣла); поэтому выраженіе: «душа и тѣло»=„я самъ“; „мой братъ прибрѣлъ изъ полону душею да тѣломъ“ (т. е. самъ), а помѣстѣнца за нимъ пить“ А. М. Г.—«Пропадай моя голова» (т. е. я самъ). Въ значеніи двой- 301

Отдѣльные образцы hendiadys въ соединеніи съ именами *привѣдн.* сила, душа, голова, доля, счастье, иеній и Богъ.

300

301

302

303

304

ника человека, кромѣ «душа» и «голова», употребляются еще *доля*, *счастье*, *бѣда* и подоб., а потому вмѣсто „я“, „самъ“ говорится: „моя доля“, „мое счастье“. И какъ у всякаго есть свое счастье, своя доля, такъ есть у каждаго и свой богъ, геній; поэтому говорится: „счастливъ *твой богъ*“ (т. е. счастливъ ты самъ).

На основаніи тѣсной связи между лицомъ и его геніемъ, по мифію Потебни, можетъ относиться сюда и старин. рус. сочетаніе „Богъ и ты“: „братія идоша къ Антонію и рекоша: постави намъ игумена“. Онъ же рече имъ: „кого хотите?“ Они же рѣша: „кого хочетъ *Богъ и ты*“ Лавр., т. е. „ты *съ Богомъ*“.—Выраженіе «*съ Богомъ*», сближенное съ польскимъ и чешскимъ *zbożem*—счастливый, можетъ означать удачу, счастье (Ср. *szczęśliwy*, т. е. съчастію). Отсюда выраженіе: «ступай себѣ *съ Богомъ*», т. е. счастливо, благополучно. Помимо этого, «Богъ и ты» могло имѣть смыслъ «почетнаго обращенія къ лицу»*), какъ, въ противоположность этому, въ значеніи униженія ругательства, употребляются притяжательныя прилагательныя: *чортовъ*, *бисовъ*, *вражій*, хотя и не говорится: „врагъ и ты“. А въ нѣкоторыхъ случаяхъ «ты и Богъ» означаетъ, повидимому, *ты одинъ* («Богъ и ты» = „твой Богъ“ = „ты самъ съ собою“ = «ты одинъ»): «земля *Божія и твоя*» Плат., т. е. „ты одинъ въ ней воленъ“ **). Что же касается вышеприведеннаго выраженія: „счастливъ *твой Богъ*“, то оно сперва равняется: „ты самъ и твой Богъ, съ которымъ счастье“. Въ силу же связи между субстанціями *ты* и *Богъ*, атрибутъ („счастье“) второй субстанціи („Богъ“) становится атрибутомъ и первой (ты): „счастливъ ты“ = „счастье твое“. Сюда же должны быть отнесены *возвеличительные* и *уничижительные* обороты: „твое здоровье“, „твоя милость“, въ которыхъ притяжательное мѣстоименіе „твой“ съ качественнымъ именемъ „здоровье“, „милость“ соответствуютъ *личному* мѣстоименію „ты“: „твое здоровье“ = „ты и твоё здоровье“ = „ты“. Навр. „придоша къ Святославу послы изъ По-

*) Ср. соврем. „обожяемый государь“, лат. *divinus Augustus* И. Б.

**) Слишкомъ смѣло предположеніе Потебни проводить здѣсь параллель между выраженіями „ты и твой геній“, „ты и твой Богъ“ съ одной стороны и лѣтписнымъ „Богъ и ты“ съ другой. Въ отвѣтъ братіи къ Антонію подъ *Богомъ* разумѣется, конечно, не *личный* геній или „двойникъ“ Антонія (какъ въ выраженіи „счастливъ *твой Богъ*“, т. е. ты самъ), а Богъ вообще всѣхъ христіанъ, какъ самостоятельная Субстанція; поэтому въ словахъ братіи „кого хочетъ Богъ и ты“ субстанціи могутъ быть понимаемы *только раздѣльно*, и никакого отождествленія съ *личнымъ* геніемъ тутъ не можетъ быть. Потому-то и самъ Потебня оборотъ „Богъ и ты“ приравниваетъ къ обороту „ты *съ Богомъ*“, а не „ты самъ“. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать, по моему, и другое лѣтписное выраженіе: „земля *Божія и твоя*“, т. е. сперва Божія, а потомъ твоя, но не твоя исключительно, какъ желалъ бы Потебня. И. Б.

ловець... тако рекуче: „прошаемъ *здоровія твоего*“ (=спрашиваемъ *тебя*)
Ипат.—„Приѣхали есмь къ тобѣ... надѣючись на Бога и на *твое здоровье*“
(=на тебя) Ibid. 313

Итакъ, изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *дѣйствія* и *качества* лица при извѣстномъ состояніи сознанія предста-
вляются самостоятельными субстанціями, замѣняющими самое
лицо и являющимися двойникомъ его. Такія имена дѣйствія
и качества, какъ видѣли прежде (III, 220), сочетаются паратактически съ
именами лицъ: „о немъ о *здоровьи*“, „ему его *здоровью*“. Эти же паратак-
тически соединяемая имена и раздѣляются союзомъ въ *hendiadys*: „онъ и
его *здоровье*“, „онъ и его *приходъ*“, при чемъ значеніе дѣйствія *лица* мо-
жетъ, по связи, получить и имя *вещи*. Вотъ примѣры: „избавитъ ты отъ
непріязни (=диавола) и *стытей его*“ Лавр., „се клянусь *Богомъ* и *его при-
шестіемъ*“ Лавр., „пришелъ есмь съмо *васъ дѣля* и *вашихъ дѣля обидъ*“
Ипат., „ѣде Кондрать... *сыномъ королевымъ* и *его помощью*“ Ипат., „назъ
Якова и *его службу* скажу Государю“ А. Ист. I.—„Видѣтъ *свѣтъ* и *его*
по возвращеніи“ Гог. Мерт. Д.—Тоже въ мдр. и серб. яз. 314 315-317

IX.

Переходъ приложений въ предложенія *).

Если приложение не согласовано въ падежѣ со своимъ
опредѣляемымъ, напр. „межа на *иву*, *вверху суковата*“ (III,
270), то такое приложение съ точки зрѣнія *нынѣшняго книж-
наго* языка, требующаго единства въ предложеніи, можетъ по-
лучать видъ отдѣльнаго предложенія, особенно когда въ предложеніи стоитъ
безчисленное прилагательное или причастіе. По мнѣнію Попова, такіе обороты
дѣлаются самостоятельными предложеніями въ томъ случаѣ, если въ нихъ
на главный предметъ указывается *посредствомъ местоименія*: „стоитъ конь,
у него голова наклонена“ (Поп. II. Зв. В. пад., 70), Потебня же прибав-
ляетъ къ этому и другой признакъ отличенія предложенія отъ приложения,
а именно—появленіе въ предложеніи *особаго подлежащаго*, состоящаго въ
повтореніи опредѣляемаго слова: „и руки его назадъ свяжутъ *веревкою*,
обинта та *веревка* войлокомъ“. Котош. 318 319 320

Приложенія, *переходяція* въ предложеніе („туръ *золотые рога*“—
„туръ, на немъ *золотые рога*“), стоятъ въ ближайшей связи съ при- 321

*) Въ этой главѣ говорится вообще о переходѣ паратактическихъ пред-
ложеній въ гипотактическія, т. е. не объ однихъ опредѣлительныхъ, образо-
вавшихся изъ приложений, но и о дополнительныхъ. И. Б.

- 324 даточными глагольными предложениями, которыя не соединены ничѣмъ съ предложеньемъ главнымъ: „прислать чловѣка, *Иваномъ зовутъ*“, по связь эта объясняется не пропускомъ относительныхъ словъ, соединяющихъ придаточное предложение съ главнымъ, какъ думаетъ Буслаевъ (Гр. § 240, пр. 4: на четыре березы, (*которыя*) стоятъ на мядишѣ), а сходствомъ по строю, такъ какъ и приложенія, и предложения эти первоначально *паратактичны*, а не гипотактичны; т. е., не связаны относительными мѣстоименіями или союзами. Сходство между ними доходитъ иногда до тождества, благодаря тому, что вспомог. глаг. „*есть*“ можетъ опускаться при причастіяхъ: «образъ пречистые, серебромъ *обложенъ*» (здесь «обложенъ» можетъ равняться и «обложенный», и «обложенъ есть», такъ что можетъ быть и приложеніе, и предложеніе). Близостью же приложенія къ паратактическому или не связанному съ главнымъ предложенью объясняется и такое явленіе въ языкѣ, что они стоятъ рядомъ и какъ бы замѣняютъ другъ друга: «посадивъ пѣвня *косы до земли* (прилож.), *а голосъ на увесь свѣтъ идзе* (вм. приложенія: «голосъ на увесь свѣтъ»); и *гусли самыгранны, сами играющъ*» Ром. Бѣлор. сб. Въ силу такого схода между безглагольнымъ приложеніемъ и паратактическимъ глагольнымъ предложеньемъ, они и замѣняются *равнообразно* гипотактическими (связными) придат. предложениями при усилении гипотактичности и по мѣрѣ развитія относительныхъ словъ въ языкѣ: и «*туръ золотые рога*», и «прислать чловѣка, *Иваномъ зовутъ*» равно могутъ перейти въ гипотактич. предложения: «*туръ, у котораго золотые рога*», «прислать чловѣка, *котораго зовутъ Иваномъ*».

Примѣры паратактическихъ придат. предложений.

- Другіе примѣры *паратактическихъ* придаточныхъ предложений безъ относительныхъ словъ: «увидѣлъ Бова *старца, щены ребетъ*», «и узрѣ *траву, обвилась около дрѣва*». — 321-325 «Сказали, *пріѣхалъ (никто)...* Оудькою *зовутъ* сказалея» А. Ю. — «Сказалъ: «корешинко де именуется девятины, *отъ сердечныя скорби держатъ*». — А. Ю. — Въ нынѣш. яз.: «въ степи *просторъ, краю нѣтъ*» Лѣск. Тоже и въ марус. яз.

- 326 По мнѣнію Корша («Способы относительнаго подчиненія» 49—50), такіе паратактич. обороты у славянъ составляютъ исключенія и объясняются небрежностью со стороны писателей; но не такъ смотритъ Потебня: онъ думаетъ, что при благоприятныхъ условіяхъ паратактич. придат. предложения безъ относительнаго мѣстоименія и союза могли бы укрѣпиться въ литературномъ языкѣ, если бы «исконое теченіе нижнихъ слоевъ языка» (т. е. живая народная рѣчь) внесено было въ славянорусскіе переводы и подражательные памятники.

- 327 1) Образцы паратакт. предложений съ повто- Другіе образцы перехода приложеній въ предложения: 1) въ придаточномъ предложеньи повторяется существи-

тельное главнаго предложенія и ставится въ томъ надежѣ, который требуется глаголомъ придаточнаго, при чемъ при существительномъ ставится обыкновенно *указать*. мѣстоименія и союзы *и, а, же*. Напр. «есть пещера, *изъ той пещеры* исходить источникъ» Дан. Пал.—«Славѣни прозвашася Ляхове, *а отъ тѣхъ Ляховъ* прозвашася Поляне» Лавр.—«Ту суть двери велики, *и къ тѣмъ дверемъ* принаде Марія» Дан. Пал.—«И есть... купель, *въ той купели* купался Христосъ» Дан. Пал.—У Данила Пал. особенно много такихъ примѣровъ, такъ какъ языкъ его отличается простотою и близокъ къ народному. Впрочемъ, есть у него нѣсколько примѣровъ и гипотактического сочетанія, т. е. съ *относит.* мѣстоим.: «въ ночь, *въ нуюже* предавъ бысть отъ Иуды». Въ мдр. яз.—тоже.

2) Въ придаточномъ предложеніи существительное главнаго замѣняется лишь однимъ личнымъ мѣстоименіемъ (*и, онъ*): «И ту есть нупъ земной, создана же *надъ нимъ* комара» Дан. П.—«Коробка, *въ нее* уловныя деньги кладутъ» А. до Ю. Б. Тоже въ мдр. и у Гомера (Od. IV, 354).—Примѣры этого рода образцовъ уже ближе подходятъ къ придаточнымъ предложениямъ съ *относит.* мѣстоименіемъ: *а изъ нея — изъ нейже — изъ которой*, и потому образцы перваго рода (съ повтореніемъ существительнаго) должны считаться древнѣйшими. Ближе также подходятъ къ относительнымъ придаточ. предложениямъ паратактическія предложения и съ указательными нарѣчіями *ту, тамо* вм. относительныхъ *иде-же, кдѣ, когда* и пр.: «Оттуда до Xia' острова 100 верстъ, *и ту* лежить св. мучен. Сидоръ» Дан. Пал.—Примѣры съ *иде же*, какъ и съ *нуже* у Дан. Пал. встрѣчаются рѣже, «и ту есть баня, *идеже* работашъ Іоаннъ».

По отношенію къ возникновенію предложений съ *относительнымъ* мѣстоименіемъ важны тѣ случаи, въ коихъ соединит. союзъ *а* стоялъ не при косвенномъ, а при именит. падежѣ указательнаго мѣстоименія: «*а онъ*», «*а они*»: «Славяне... разгонили Зарѣчанъ, *а они* безъ досѣха были» Повг. I.—«Да, на березу да на ель, *а онъ* стоять вмѣстѣ среди болѣта». А. Ю. Въ рус. яз. это теченіе прекратилось, а въ чеш. оно дало *относит.* мѣст.: *an*—который (изъ «а онъ» чрезъ стяженіе), *ani*; въ польск. *ano* (что): *nalezł je, ani spi* (нашелъ ихъ, *которые* спятъ = *а они* спятъ).

3) Придаточное паратактическое предлож. можетъ относиться не къ имени главнаго, а къ сказуемому, и потому служить переходомъ къ дополнительному гипотактическому предложению съ союзомъ, при чемъ подлежащее въ придаточномъ должно быть падежомъ: «и увидѣлъ N, старецъ *цѣны* грѣбета». — «И будетъ у которыхъ государей *отъдала*, дочери есть, *и ты бы-о* томъ мнѣ отъказала» А. З. Р.—Тоже и въ мдр., въ сербскомъ же яз. вмѣсто опускае-

реніемъ существительнаго главнаго предлож.

2) Образцы съ личнымъ мѣстоимен. вм. существительн. глав. предложенія.

Большая близость этихъ образцовъ къ гипотактич. придат. предлож.

329

330

331

332

333

334

335-6 мыхъ *относительныхъ* словъ (союзомъ и мѣст.), которыя должны бы связывать дополнительное предложеііе съ главнымъ, употребляется *соединительный* союзъ *па, те* (=рус. *и*, новогреч. *καί*;) «Ој снашце... Шта је тебѣ; *па* (=что) ти не говориш?» Рајнов, Срб. нар. п.—Эти союзы замѣняютъ собою а) *что*, б) *такъ что* и в) мѣст. *который*. Въ чешскомъ этимъ союзамъ соответствуетъ *а*.

X.

337 **Мѣсто придаточ. предложеній съ относительнымъ словомъ по отношенію къ главнымъ.**

Отличіе современнаго яз. отъ стариннаго въ постановкѣ относительныхъ словъ.

338

Изысканій литературный яз., стремясь къ *объединенію* главнаго и придаточнаго опредѣлит. предложенія, обыкновенно ставитъ относительныя мѣст. непосредственно *послѣ* опредѣляемаго имени, которое уже не повторяется въ придаточномъ, такъ какъ относит. мѣстоименіе вполне *замѣняетъ* его; напр.: «человѣкъ, *который* (что) приходилъ вчера, сказывалъ»... Не то замѣчается въ языкѣ старинномъ, когда придат. предложеііе сознавалось болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ теперь, и когда связь и объединеніе его съ главнымъ были еще слабы: относит. мѣстоименія въ то время могли ставиться въ постпозитивныхъ придаточныхъ предложеніяхъ и не непосредственно послѣ опредѣляемаго имени, которое при этомъ даже повторялось въ виду неопредѣленности значенія относительнаго мѣстоименія, которое не могло замѣнять собою имени.—Вотъ примѣры *постпозитивныхъ* придат. предложеній.

339

Постпозитивная постановка придаточ. предложеііи и образцы ихъ.

Съ мѣст. *иже*: «Днѣпръ втечетъ въ Понетьское море жереломъ, *еже* море слово русское». Лавр.*).

Съ мѣст. *который*: «послалаша Псковичи...просити князя во Псковъ на Псковской старинѣ, *который* князь Пскову любѣ» Псков. I.—«Я могу теперь своей *саблей* владѣть, *которая* сабля во сорокъ пудъ» Гильф.

340

Съ мѣст. *наковъ*: «по сдѣланной *записи*, *какову* *запись* мнѣ дали...

Съ мѣст. *ной*: «Спустилъ онъ туды *злаченъ перстень* а въ эту-то чашу княженецкую, *коимъ перстнемъ* они обручались» Гильф.

На большую же самостоятельность придаточныхъ опредѣлительныхъ предл. стариннаго языка и меньшую связь ихъ съ главнымъ указываютъ еще и слѣд. особенности.

1) Относит. мѣстоименіе и безъ повторенія опредѣляемаго существительнаго можетъ далеко стоять отъ него: «*Всеславъ*, сынъ Брячелава, сѣде на столѣ его, *ею же* (т. е. Всеслава) роди мати отъ волхвованія» Лавр.

*) И теперь можно сказать: «*наковѣе* море называется. И. Б.

2) Относит. мѣст. можетъ не согласоваться въ *числѣ* съ опредѣляемымъ именемъ: «И ту улыкаху *жены* себѣ, *съ нею* же кто совѣщашеся»^{*)}.

3) Опредѣляемое имя а) опускается въ главномъ (но въ придаточномъ можетъ оно повторяться при относит. мѣстоименіи): «ноложина и у св. *Спаса*, *юже* (т. е. церковь) самъ заложилъ» Лавр.—«Приказати казнити вѣшати (мужиковъ), *которые мужики* были главные въ Угличѣ» Др. Р. Стих.

б) Или же опредѣляемое имя «не опускается, а указывается лишь общимъ смысломъ»^{**)}: «Словѣни (и)же сѣдаху по Дунаеву... Морова, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, *яже* нынѣ зовомая *Русь*. Симвъ бо первое преложены книги Моравѣ, *яже* прозвася *грамота* словѣнская, *яже грамота* есть в Руси и в Болгарѣхъ Дунайскыхъ» Лавр. 25.—«Самъ же боляне велми, *въ ней же болести* и скончася» Лавр.—«И ненавидя его пошлютъ на иную царскую службу, *котораю* ему дѣла исправить немочно» Котош.

в) Относит. мѣстоименіе могло относиться къ предполагаемому существительному, образованному отъ им. *прилагательнаго*, находящагося въ глав. предложеніи: «Славяне Бога и *крестную* сплу, *его же* (т. е. крестъ) переступили бяху Ростовци» Лавр. (Ср. III, 300). Но это существительное, образованное отъ прилагательнаго, могло стоять и налицо въ *придаточн.* предложеніи: «дается на *церковное* строеніе, *которыя* церкви бывають разорены» Котош.—Точно такъ же употреблялось въ прид. предл. относит. мѣстоименіе *что* въ разныхъ надеждахъ, при отсутствіи въ главномъ соотвѣтственнаго указательнаго мѣст. *то*: «посылается хлѣбное жалованье (тѣмъ), *чѣмъ* мочно сытымъ быть» Котош.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда относит. мѣстоименіе не заменяетъ существительнаго, а стоитъ вмѣстѣ съ нимъ и *впереди* его,—придаточ. предложеніе можетъ ставиться *препозитивно* по отношенію къ главному. Напр. «*котораю* князя хотите, и язъ вамъ того дамъ» Нск. I.—Препозитивность эта объясняется тѣмъ, что здѣсь въ придаточномъ предложеніи изображаются такія воспріятія, которыя *предшествоють* содержанію главнаго предложенія, а потому подобный строй рѣчи долженъ считаться вполне естественнымъ и болѣе первообразнымъ, чѣмъ постпозитивныя придат. предложенія. Доказательствомъ этого, между прочимъ, служить то, что препозитивность придаточныхъ предложеній была широко распространена въ разныхъ языкахъ болѣе древняго строя, напр. въ древ. индійскомъ, древнемъ латинскомъ («*quos pueros*

^{*)} Это же и въ соврем. языкѣ: «съ *которою* кто сговорился». И. Б.

^{**)} По приводимымъ ниже примѣрамъ слѣдовало бы ожидать приближенно такой редакціи: «опредѣляемое имя въ глав. предложеніи указывается лишь общимъ смысломъ и тѣмъ существительнымъ, которое находится въ придат. предл., при чемъ относит. мѣстоименіе согласуется съ именемъ *придаточнаго* предложенія». И. Б.

341

342

343

Постпозитивная постановка придаточныхъ предложений и смыслъ ихъ.

344 miseram, epistolam mihi attulerunt» Cic.), причемъ ошибочно мнѣніе, будто бы здѣсь существительное переносится изъ главнаго предложенія и есть такъ наз. *πρόκλησις* (Ср. II, 322). Вотъ примѣры изъ стар. рус. языка на *препозитивныя* прид. предложенія.

Образцы *препозитивныхъ* прид. предложений.

Съ мѣст. *иже*: *иже же* нмяху *полюбяныя*, овѣхъ поестъ баху, другія же мучаху» Плат. При этомъ существительное могло обращаться въ именит. *самост.* (II, 200), и тогда опредѣлит. придат. предд. дѣлалось *постпозитивнымъ*: «конь, его же любилъ... отъ того ти умерти» Лавр. (вм. *его же коня любилъ*).

Съ мѣст. *кто, что*: «А *кто* въ вѣтвѣ и въ питіи... не чисто стрипаетъ, и во всякомъ мастерствѣ *што* уградетъ или прилжетъ..., и *ты* вѣдѣла не угодны Богу» Домостр.—«И они бѣ послы, *о чемъ* они посланы, дѣла свои бодромъ объявили» Котош.

345 Съ мѣст. *который*: «*которые* люди кабальные..., и они бы шли въ государственную службу» Новг. 1572 г.—«Въ горѣды, *которою* ѣхати *дорогою*, посылають грамоты» (т. е. тою дорогою). Котош.—Въ мѣр.—тоже самое, 346 и притомъ *который* сохраняетъ часто значеніе стар. русское и ц.-слав.: «*который* изъ *двухъ* или изъ *многихъ*».

347 Съ мѣст. *накой, каковъ*: «А *какову* есмь грамоту писати, и язъ съ тоѣ грамоты послать къ тебѣ списокъ» А. З. Р.

Съ мѣст. *ной*: «А *коею* стороною по улицѣ Христосъ веденъ, и *та дорожа* вымощена камнемъ» Пут. Лукьян.

Препозитивныя прид. предложенія употребляются не только съ мѣстоименіями, но и съ *частицами относительными*: *что, сколько, куда, гдѣ* *).

348 *Что* съ им. и впп. имени соотвѣтствуетъ препозитивнымъ самостоятельнымъ именительному и винительному (Ср. II, 201) съ частицею *а*, съ которою встрѣчается даже рядомъ: «*а что* село Павловское... то даю княгынѣ своей» Собр. Г. Гр.

349 *Что* съ род. въ значеніи *сколько*: «*а что* есмь приоблѣтъ *золота*..., а то есмь дать княгынѣ своей» Пб. При этомъ иногда союзъ *что* тяготеетъ не къ имени, а къ глаголу: «*что* прислали рада литовская... грамоту, и язъ противъ тоѣ грамоты... напсаль» Ак. З. Р.

Съ част. *сколько*: «*а сколько* ихъ *словъ* будетъ... и на тѣхъ *словъ* готовятъ платье» Котош.

350 Съ част. *куда* и *гдѣ*: «А *куда* пошло... ѣздити по волости, ѣхати... по Петровѣ дни».—«А *идѣ* бывають послы... на посольскихъ дворехъ, и на тѣхъ дворехъ... поставлена бываетъ вахта» Котош.

*) По недосмотру, конечно, Потебня называетъ мѣстоим. *сколько* «частицею» наряду съ *куда* и *идѣ*, а рав. обр. и *что*, которое въ большинствѣ приводимыхъ примѣровъ является мѣстоименіемъ и лишь въ сочетаніи съ глаголомъ оказывается союзомъ. И. Б.

XI.

Предикативность существительнаго.

351

Подъ предикативностью существительнаго Потебня раз-
умѣетъ въ старинномъ языкѣ (а также и въ новомъ, какъ
арханизмъ) употребленіе существительнаго съ глаголами обща-
го значенія (быть, стать, жить и пр.) *вмѣсто простого гла-*
гольного сказуемаго, при чемъ *nom. agentis* входитъ въ составное *сказуемое*:
«сюда я больше не ѣздохъ (вм. не ѣзжу), а *nom. actionis* и сущ. качества
дѣлаются *подлежащимъ* такого «сказуемаго, которое по общности своего
значенія является недостаточнымъ для выраженія сказываемаго»: *жалоба*
моя (есть) вм. «я жалуюсь»^{*)}.

Употребленіе
существитель-
ныхъ съ глаг.
быти, стати вм.
простого глагола
и древность та-
кого употребле-
нія.

Въ противоположность Буслаеву (Гр. § 260, 261), который признаетъ ³⁵²⁻³⁵³
сокращеніе предложений или переходъ прилагательнаго и глагола прила-
точного предложения въ существительное («виновникъ» вм. «тотъ, кто
виноватъ», «моя неволя» вм. «я не воленъ»),—Потебня утверждаетъ со-
гласно съ прежде сказаннымъ (II, 117, 118), что теорія сокращенія пред-
ложений ошибочна и что не глаголь и прилаг., *какъ болѣе отвлеченныя*,
могутъ переходить въ существительное, а наоборотъ существительное—въ
глаголь и прилагательное. Поэтому и обороты: «я не ѣздохъ», «жалоба
моя», «моя неволя» (старин. «неволя ми») должно считать болѣе древними,
чѣмъ соотвѣтствующія имъ выраженія: «неѣзжу», «жалуюсь», «я неволенъ».
Трудно даже понять, гов. Потебня, въ чемъ состоитъ *сокращеніе*: «моя не-
воля» изъ «я неволенъ», такъ какъ количество членовъ остается *одно и то же*.

354

Переходъ глаголовъ въ имена въ *древнѣйшій* будто бы періодъ Бус-
лаевъ основываетъ на *первообразности и конкретности* глагола по срав-
ненію съ именемъ: глаголь, по ученію о первообразности глагола, нагляд-
нѣе де чѣмъ имя, слѣд. именное сказуемое *отвлеченнѣе* и должно относиться
къ позднѣйшей формации. Потебня же, согласно съ прежде сказаннымъ (III,
14—25), признаетъ глаголь и прилагательное *отвлеченнѣе* существительнаго,
ибо послѣднее можетъ означать *весь чувственный образъ*, а не одно дѣй-

^{*)} Однако изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что и *nom. agentis*, и *nom. actionis* употребляются не только въ качествѣ сказуемаго и подлежащаго, но и дополненія съ сохраненіемъ глагольнаго или, какъ выражается Потебня, *предикативнаго* своего значенія. Въ виду этого я позволилъ себѣ дать (III, 358 и слѣд.), не измѣняя порядка изложенія Потебни, видоизмѣнить нѣсколько рубрики его, а именно—вмѣсто трехъ подраздѣленій: а) *nom. agentis* въ качествѣ *сказуемаго*, б) *nom. ag.* въ качествѣ *подлежащаго* и в) *nom. actionis* я допустилъ только два: а) *nom. agentis* и б) *nom. actionis*, при чемъ и тѣ и др. существительныя разсматриваю по ихъ употребленію въ качествѣ сказуемаго, подлежащаго и дополненія (въ косвенныхъ падежахъ). И. Б.

ствіе или качество субстанціи. И такъ какъ *языкъ идетъ отъ наглядности къ отвлеченности*, а не наоборотъ, то и предикативность существительнаго должна увеличиваться по направленію къ древности.

355 Того же взгляда, какъ на предикативное существительное, держится Буслаевъ и на выраженія *описательныя*, напр. *держать рѣчь* вм. простого глагола *говорить*, представляющаго собою *разложеніе* дѣйствія на глаголъ и имя (Гр. § 257). Но если бы «описание» было *разложеніемъ* глагола (т. е. переходомъ его въ имя), то въ позднѣйшемъ языкѣ такихъ *разложеній* встрѣчалось бы больше, чѣмъ въ древнемъ, на дѣлѣ же приводимые Буслаевымъ примѣры изъ былинъ, какъ остатки старины, чужды нынѣшнему литератур. языку: *опочивъ (отвѣтъ, путь) держать, жалобу творить, поиздку чинить* и т. п., между т. примѣры, какъ «*метахъ жребѣиѣ*» (Остр. Е.), восходятъ къ глубокой древности и болѣе наглядны, чѣмъ «*жеребевать*», или «*крестъ класть*», чѣмъ «*креститься*».

356 Наконецъ, архаичность предикативности существительнаго, по словамъ Потебни, сказывается въ его *миоичности*, проявляющейся въ томъ, что имя *дѣйствія* представляется именемъ *дѣйствователя*, что чувствуется нерѣдко и донинѣ: «*грѣхъ мой ко мнѣ пришелъ*» вм. «я согрѣшилъ», «*на тебя эту ночь сна нѣтъ*» (Аблес.) вм. «тебѣ не спится» и т. п.

357 Случаи употребленія существительныхъ съ глаг. бытъ, стать и др. вм. прост. сказуемыхъ. Существительныя съ глаголами общаго значенія вмѣсто простого глагола въ старинномъ языкѣ, а также и въ новомъ, какъ архаизмъ, употребляются:

а) *nom. agentis*, какъ *предикативный атрибутъ* въ *составномъ сказуемомъ*, при чемъ въ болѣе древнемъ яз. такое сказуемое обозначаетъ не только постоянный признакъ дѣйствователя, но и *возникновеніе* признака, какъ въ простомъ глаголѣ. Напр. «*аще придутъ на тя Русскыѣ князи, то мы ти будемъ помощники*» Лавр. — «А впредъ де онъ о подмосковномъ помѣстьѣ *не челобитчикъ*» (=не будетъ просить). А. до Ю. Б. — Съ такимъ же значеніемъ употребляются *отместникъ*, *самовидецъ*, *начальникъ*, *досадникъ*, *песульникъ*, *зломатель*, *оберегатель*, *несильникъ* (=кто не насилуетъ); въ былинахъ: *ходоки*, *знатокъ*, *трудолица*, *работница*, *бральница*, *ломальница*, *портмонойница*, *угодница*; «*ночлежникъ-одолженникъ*» (=кому даютъ ночлегъ, того одолажаютъ); въ литер. яз.: «*не пздокъ*», «*не чтецъ*» (Гриб.). Тоже въ серб. и польск. яз. — Съ такимъ же глагольнымъ значеніемъ употребляются подобныя существительныя и въ *косвенныхъ* падежахъ: «искать *думщииковъ* да *совѣтшииковъ*», т. е. такихъ, которые бы подумали да посовѣтовали, при чемъ *nom. agentis* принимаетъ послѣ себя дополненіе въ тѣхъ же падежахъ, что и послѣ *verba finita*: *оберегатель отъ чего*, *ходокъ по земль*, за исключеніемъ винительнаго, вм. котораго ставится послѣ *nom. agentis* дат. или ред.:

абралицина *яодамъ* или *яодъ*. Въ др.-индійскомъ же и санскр., а изъ по- 362-367
 выхъ въ латыш., употребляется и винительный п. — *Nomina agentis* съ гла-
 голнымъ значеніемъ употребляются и какъ *подлежащія*: блр. «лугамъ зе- 3-8
 ленымъ *косцы будучь*, хоромамъ новымъ *жилицы будучь*»; влр. «отворийся 365
 дверь дубовая... идутъ банныя *истопнички* подружки да *водоношнички* (т. е.
 идутъ подружки *топить* баню и *носить* воду). — То же и въ литов.-лотыш. языкѣ.

б) *Nomina actionis* и *качества* съ глагольнымъ значе- Non actionis
 ніемъ употребляются такъ же какъ и nom. agentis, то въ съ глагольнымъ
 качествѣ подлежащаго и нѣрѣдка сказуемаго, то въ качествѣ дополненія
 (въ косвенныхъ надежахъ), при чемъ дѣйствующее лицо (nom. ag.) при та-
 кихъ именахъ съ мнимою субстанціей выражается или притяжательнымъ
 мѣст. и прилагательнымъ, или дательнымъ *commodi*: «воли моя (есть)»,
 «воли ми (есть)», а если имя дѣйствія стоитъ въ качествѣ сказуемаго, то
 оно получаетъ значеніе имени дѣйствителя*): «дочь дворянская... твоимъ
 плечикамъ не *подмоушка*, бѣлымъ рученькамъ не *замънушка*» Шейнъ,
 Рус. нар. п. — Въ болѣе позднемъ яз. nomina actionis въ оборотахъ этихъ
 вытѣняются прилагательными и нѣрѣчными («я *воленъ* есмь», «*страшно*
 смотрѣть» изъ «страхъ (есть) смотрѣть»).

Примѣры такого употребленія именъ дѣйствія и качества встрѣчаются 370-371
 и въ древ., и въ новомъ языкѣ.

Имена на *ъ* (ь) муж. р.: «и *слухъ бысть* (*ἡκούσθη*) (Остр. Ев.). —
 «Володимеръ же нача вопрошати..., куда *выходъ* его изъ Ляховъ» (=куда
 онъ пошелъ) Ипат. — «Бываетъ имъ *отпускъ* (= отпускаютъ ихъ) Котом. —
 «Не *обычай* тому есть» Ibid. — «Я знаю, какой гдѣ *птицы болѣе водъ*» Кр. —
 Куда же относятся обычные дошныя выраж.: *страмъ*, *стыдъ*, *страхъ* при- 372
 знаться=стыжусь...; *ирѣхъ* сказать и т. п. — Съ тѣмъ же значеніемъ п. ac-
 tionis употребляются и въ косвенныхъ надежахъ: «а великаго *ѣзду нѣтутъ*»
 Ипат. (=нѣхатъ не далеко), «*ходу* три мѣсяца (=идти 3 мѣсяца), «того
 описать не *въ память* (=не припомню) Котом. — «Слышавъ *приходъ* князя» 373
 (=что пришелъ князь); никому нѣтъ *спуску*, *удержу*, послѣ *просроку*,
 дати *промахъ*, *отъ роду*, *съ роду*, *въ счетъ*, не *въ счетъ*, не *въ догадъ*, 374
 не *въ домакъ*, не *въ мочь*, не *въ терпежь*, не *въ примѣръ*, въ *истому*,
 въ *стыдъ*, не *въ силу* и т. п.

Имена на *ю* и др. сред. р.: «ту ваю *яте будетъ*» (=будете схва- 375
 чены) Ипат. — «Како есть *княженіе* свата моего» (какъ онъ княжить) Ib.;
 съ такимъ же глагольнымъ значеніемъ употребляются: *стенаніе*, *спѣніе*,
помраченіе въ солнцы, *сбытіе* (исполненіе), *хотѣніе* мое, *непогодье*, Божіе
непособіе, *хоженіе*, *шествіе*, *престаніе*, *наказаніе*, *умноженіе*, *пробужде-* 376

*) Этотъ случай употребленія nominis actionis взятъ мною изъ 351 стр.,
 гдѣ издатели помѣстили его въ скобкахъ. И. Б.

377 ние, приведеніе мое (=то обстоятельство, что я привелъ), веселье, прокорм-
леніе, дѣло и др.—Въ косвенныхъ падежахъ: «Въ тѣхъ дни... мертвыми
378 погребенія не бываетъ» Котом.—«Не живетъ (бываетъ) вставанница послѣ
твоего живанья, быванья» Рыбн. (Ср. „по моему животи“ Пнат. „по-
слѣ его вѣку догаго“ Кирш. Дан.).—«И бысть сдѣлѣна ея Кневѣ» Пнат.,
379 житія ея во Псковѣ 12 лѣтъ Пск. I.—Съ такимъ же значеніемъ употре-
бляются ставленіе, медленіе, приятие, послушаніе, убійство, сожженіе;
380 въ парод. цѣл.: сиротанница, покликанница и др.

Имена жен. р. на *а, я, ѡ, ѡна*: подоба есть, на потребу намъ (=тѣ-
бѣ); намъ неволя, неволя ми, вина ея, твоя обида будетъ (=ты будешь
381 обижень), «побѣданы есть на Угры» Лавр.—«Бысть раюза Новгородцемъ
ею Псковичи» Пск. I, «бысть радость» Пв.—«велика сила» (=на сколько
я силенъ).—Употребляются еще: поруха, истора, волокита, жалоба моя
382 на кого, честь (=чествованіе), помощь, непомощь, печаль, скорбь, вѣсть
(пзвѣщеніе), ваша мысль (вы мыслите), охота (=хочется), вѣра (=вѣ-
383 рится), похвальба, срамота моя (=срамно мнѣ); тоже въ бѣлор., малор.:
нема красы, неволя твоя—разлука моя, недоля моя, досада, орада,
384-385 зуба, шкода. Въ влр. на *ка*: посылка, ссылка, зацѣпка, присылка, за-
писка (записываше), ставка, пытка, прибавка, поѣздка.—Въ пол. и серб.
nomina actionis съ глаг. *быть, стать* также употребляются въ этомъ смыслѣ,
386-387 а въ влрсе. къ глаголамъ общаго значенія прибавляются еще *стоитъ, ле-
житъ, живетъ*: «цѣна стоитъ», «цѣна лежитъ»; «и пришеде да снѣеъ
388-389 платинце... упрятать, гдѣ то живетъ».—Домостр. Въ литов. *) изъ имена
дѣйствія, особенно уменьшительныя, столь же употребительны съ глаголь-
нымъ значеніемъ, какъ и nom. agentis.

391 Къ именамъ съ предикатив. значеніемъ слѣдуетъ относить
и такіе образцы, въ которыхъ глагольное имя *поясняется*
пѣлымъ придаточнымъ предл.; напр. «Псковское *взятіе*, како
предложеніемъ. *взято* ѿ (т. е. Псковъ) Кн. Вел. Вас. Пв-чъ». *Эпекзегетич-
ность* (ἐπεξηγησις) такихъ придаточныхъ предложений, являющихся съ позд-
нѣйшей точки зрѣнія плеоназмомъ, Потебня сопоставляетъ съ оборотами
post v. sentiendi: «его многіе узнали, что онъ не прямой царевичъ Дмитрій»
392 Котом. (Ср. II, 322-4), и объясняетъ слѣд. обр. Сначала мысль вполне
удовлетворялась предикативностью имени: «пославъ испытай кождо ихъ
службу Богу». Затѣмъ, вѣдѣтвіе ослабѣвавшей предикативности имени
(служба) должно было появиться *малольное* его толкованіе сначала. б. м.
паратактивное, а потомъ гипотактивное съ *относительными* словами: «ис-
пытай кождо ихъ службу Богу, како *служить*» (Ср. post v. sent: «увѣ-
даша князя *идуща*» — паратакт. сочет. и затѣмъ «увѣдаша, *оже* князь *идетъ*» —

*) О литов. яз. Потебня ничего здѣсь не говоритъ. И. Б.

гипотак. сочет.). Наконецъ, глагольное имя въ глав. предлож. *замѣнилось* указательнымъ мѣст., которое могло вовсе опускаться передъ относительнымъ словомъ: «пославъ испытай (то), како кѣждо ихъ служить Богу», и так. обр. все лексическое содержаніе *именнаго* оборота (служба) перешло въ *глагольное* придат. предложение. Всѣ эти три ступени встрѣчаются уже въ первыхъ памятникахъ рус. письменности, но чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ менѣе обычны первый и второй обороты, какъ древнѣйшіе. На второй ступени могли возникнуть *hendiadys*, какъ напр. и есть въ Лавр. лѣт.: «пославъ испытай кожеждо ихъ службу и како служить Богу».

393

Эпекзегетическія придат. предложения относятся:

а) къ имени *дѣйствителя* (въ рус. яз. мало такихъ примѣровъ): «сытенный дворъ... а въ немъ чиновные люди... *винокуры, пивовары...* которые вино курятъ и пиво варятъ». Котош.

б) Придаточныя предл. служатъ поясненіемъ *аттрибута* при имени глав. предл.: «того же числа *приводной* крестьянинъ, *что приведенъ* въ отбоѣ...», *распрашивающъ* А. Ю.

в) Прид. предл. *при имени мѣста дѣйствія*: серб. «кад су билн горе у планине на појило, *идје се поји* стадо» *).

г) Придат. предл. *при nom. actionis* и *acti*: «повѣдаю *трудъ* свой, *оже* (=что) *ся есмь тружалъ*» Влад. Моном.—«А помнилъ бы еси, отче, *свой обѣтъ, какъ* *ся еси обѣщаль*». Другія выраженія: «о *начатіи* Галича, откуда *ся почаль*», «до *живота*, доколѣ еси *живъ*», «пача *скажи* пошлми», какъ *пошло*», «*природа*, которая *се намъ приодила*», «на *присѣли...* яко вы *присягнули*», «о *судѣ*, како *судити*», «пужа, что ихъ *нудятъ*», «*жалованье*, что меня *жалуешь*», «*писанья*, что *писалъ*», «*наказъ*, какъ тебѣ *наказовалъ*», «*купля*, что *купилъ*», «*владѣнья*, чѣмъ *владѣли*», «*промыслъ*, чѣмъ *стану промышляти*», «*кочеванья*, гдѣ *кочевалъ*», «*выходъ*, какъ *вышли* со кресты» и т. п. Такиѣ же образцы есть въ мар. и серб. яз.

394

395—с

Эпекзегетическія придат. предл. могутъ относиться и къ такому имени *дѣйствія*, котораго *нѣтъ* *налицо въ главн. предложении*. Напр.: «о дружкѣ, *како ходитъ* царя спрашивать о здоровьѣ» Котош. Здѣсь придаточное предл. служитъ поясненіемъ не имени *дѣйствителя* (дружка), а его *дѣйствія*—*хожденія* къ царю, и потому, при *именномъ* строѣ, этотъ оборотъ былъ бы выраженъ такъ: «о дружкѣ о *хожденіи*» или позднѣе: «о дружковѣ *хожденіи*» (Ср. III, 220)—«о *хожденіи* дружка къ царю со спросомъ о здоровьи», а при нынѣшнемъ глагольномъ строѣ: «о томъ, какъ дружка *ходитъ*... Такихъ примѣровъ у Котош. очень много: «о *попѣхъ* и о *чернецѣхъ*, какъ ихъ *кормятъ*», «о *посланинѣхъ*, какъ ихъ *принимаютъ*»,

Эпекзегетическія
прид. предл. а)
при *nom. ag.*,
б) при *аттрибутѣ*
nom. ag., в) при
именахъ мѣста
дѣйствія и г) при
nom. actionis
и *acti*.

Эпекзегет. прид.
предл. къ *под-*
разумнаго *имени*
дѣйствія
при *nom. ag.* и
современнаго *за-*
мѣна такихъ
оборотовъ.

397

398—д

*) Почему-то русскіхъ образцовъ здѣсь у Потебни не приведено. И. Б.

о ворѣхъ, что ихъ для свадьбы вынуждаютъ» и т. п. А рядомъ съ такими образами встрѣчаются и прямо придат. предложенія безъ п. *agentis* въ *главномъ*: «какъ къ посламъ посылается стольникъ», или же «одни отно- сительные субъекты безъ придаточныхъ предл.»: «о свадьбѣ, и о вѣчаніи».

Предикативныя имена, особенно въ оборотахъ болѣе поздняго типа, стали терять свою субстанціальность, отчасти замѣняясь образуемыми отъ нихъ именами прилагательными, отчасти же переходя изъ субъектныхъ оборотовъ въ безсубъектные, какъ напр. «страхъ было смотрѣть» изъ «страхъ былъ смотрѣть», при чемъ въ безсубъектныхъ оборотахъ прилагательныя стали переходить въ нарѣчія: «*страшно* было смотрѣть, *страшно* видѣть,

Переходъ пре-
дикативныхъ
именъ въ при-
лагательныя и
связанныхъ обо-
ротовъ въ безлич-
ные.

что»... Такимъ образомъ, въ литератур. языкѣ, съ одной сто- роны, образуется множество прилагательныхъ отъ именъ дѣй- ствія, а съ другой возникаютъ безсубъектные обороты.

Прилагательныя образуются а) отъ *nom. agentis* на *тель*: «N *мучителенъ*» изъ «N есть *мучитель*», принудитель, обременитель, разитель, разрушитель, доброжелатель, расточите- лень и др., которыя въ простонарод. рус. яз. необычны съ суф. *теленъ*.

б) Отъ *nom. actionis*: «N *обиденъ*» изъ «обида (есть) N-у», „я *он- денъ*“ изъ „диво (сущ.) мнѣ есть“, при чемъ прилагательныя эти полу- чаютъ двойное значеніе, судя, потому, образованы-ли они изъ имени дѣй- ствія а) какъ подлежащаго, или б) какъ сказуемаго или объекта въ кос- венномъ падежѣ: а) изъ „диво (подл.) мнѣ есть“ является прилаг. *ди- венъ* (съ значеніемъ *удивляюсь*), б) изъ „я (есмъ) диво“ является „я *дивень*“, т. е. удивляю; изъ „я при страѣ“ пропекаетъ прилагательное „*пристрашнь*“, т. е. внушаю страхъ.—Въ новомъ литератур. яз. прилаг. эти преимущественно употребляются со вторымъ значеніемъ, въ старинномъ же употребляются и съ первымъ. Напр. съ первымъ значеніемъ: „А *обид- ному* (=обиженному) на рубежи судъ“ Повг. Гр. 1318 г.—„...Чтобы лит- овскіе люди отъ государевыхъ людей были *страшны* (=устрашены)“, „начали быть *ужасны* (=стали приходить въ ужасъ)“, *убыточенъ* (=въ убыткѣ), *честенъ* (пользуется уваженіемъ), *ратенъ* (у кого рать съ дру- гими), *миренъ* (у кого миръ съ др.), *воленъ*=у кого воля (Ср. II, 378—9; 414—8), *виненъ* (повиненъ), *тѣчнь* (цсл.)=равенъ (=кому есть тѣтъ), *прѣльстѣнь*=прельщенный (Избор. 1075), *доходный* не только прибыльный, но и *доходящій*: „моя молитва къ Богу *доходна*“.

Съ такимъ значеніемъ прилагательныя отъ именъ глагольных упо- требительны въ млр., серб. и польск. яз.

Кромѣ перехода предикативныхъ существительныхъ въ прилагатель- ныя, потеря субстанціальности именами выразилась еще въ *устраненіи* подлежащаго.

XII.

Устраненіе подлежащаго.

„Подлежащее“ и „сказуемое“ взаимно предполагаютъ другъ друга и въ этомъ смыслѣ суть понятія *относительныя*; „безсубъектность“, т. е. отсутствіе опредѣленнаго подлежащаго, и „безличность“, т. е. неопредѣленность 1-го, 2-го и 3-го лица, выраженная глаголомъ 3-го лица *единств.* *) и, суть понятія *отрицательныя* и *непервообразныя* **). Средній родъ (*ne-utrum*) есть тоже понятіе относительное и отрицательное: положительные признаки его, напр. значеніе „овыча“, какъ *малость* животного, могутъ относиться и къ муж., и къ жен. роду и, слѣдов., предполагаютъ отрицаніе принадлежности къ полу. На этомъ основаніи неопредѣленность лица выражается также и среднимъ родомъ: въ однихъ языкахъ, какъ напр. нѣмецкомъ, неопредѣленность эта обозначается среднимъ родомъ указательнаго мѣстоименія *es*, а въ другихъ, какъ напр. въ славянскихъ нарѣчіяхъ, выражается окончаніемъ среднего рода именной части сказуемаго.

Способы выра-
женія неопредѣ-
ленности лица.

403

Хотя по мнѣнію Штейнталя въ данныхъ случаяхъ нѣмецкое „*es* есть нуль“, а по мнѣнію Гримма служитъ лишь слабымъ указаніемъ, намекомъ на существованіе *причины* явленія, т. е. подлежащаго, тѣмъ не менѣ Потебня придаетъ этому „*es*“ *знаменательное* значеніе: средній родъ, какъ *отрицаніе* принадлежности къ полу, не примыкая *непосредственно къ роду опредѣленнаго дѣйствозателя*, знаменуетъ собою новый шагъ мысли и есть *новообразование* въ развитіи языка. И какъ въ нѣмецкомъ употребляется указат. мѣст. *es*, такъ въ нлр. и влрус. употребляется для выраженія неопредѣленности лица средній родъ *личнаго* мѣст. *воно, оно*: „*воно* такъ и е“; „*оно*, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводится всякому *похвально*...; только знаете, въ такомъ мѣстѣ *оно* (а не *это*) неприлично“ Ревиз. Гог:— „*Оно* хоть иѣтъ публичности, да и заботности меньше“ Ibid.

Знаменательное
значеніе сред.
рода, какъ *ново-*
образования въ
развитіи языка.

404

405

Безсубъектное сказуемое можетъ выражать какъ *личныя* *состоянія* (ощущенія и воспріятія внутреннего міра), такъ и *внѣшнія явленія*. Исходною точкою для объясненія такихъ

Объясненіе про-
исхожденія без-
субъектныхъ
сказуемыхъ съ

*) Слѣдов., нельзя называть безличными формы 3-го лица *множ.* ч.: *dicunt, λέγουσι*, говорятъ, „гдѣ подлежащее хотя не названо, но извѣстно“. Гов. Потебня.

**) Непервообразными Потебня называетъ эти понятія потому, что безсубъектные обороты производятъ онъ изъ субъектныхъ, о чемъ и говорится далѣе (см. III, 406—418 и слѣд.). И. Б.

406. мнѣческой точ-
ки зрѣнія на
языкъ. безсубъектныхъ выраженій служить воззрѣніе, что въ каждомъ существѣ и въ каждомъ явленіи заключена двойственность и множественность *субстанцій*, дѣйствіями коихъ и объясняются такія явленія, какъ „не большой привередливъ, а *боль*“; „*сама боль*зна скажетъ, чего хочетъ“ Далъ. Посл.: „въ Томскомъ городѣ въ земленомъ погребѣ закопанъ камень, а взять у шайтаника... а тотъ де камень, какъ его поевитъ паружу, и отъ того де бываетъ *морозъ* и *вода* (Рус. Ст. Библ. II, 216—218). Въ подобныхъ воззрѣніяхъ является тотъ общій смыслъ, что мнѣческое существо производитъ извѣстное дѣйствіе какъ въ человѣкѣ, такъ и въ природѣ. Отс. выраженія: $\sigma\acute{\epsilon}\beta\alpha\varsigma \mu\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota$ = удивленіе меня беретъ; охота беретъ; скука, тоска, раздумье одолеваетъ; олицетворенія: „*сонъ* идетъ по сѣнямъ, *дрема*—по терему“; дрожь, лихорадка беретъ; напелъ на меня страхъ, пришла мнѣ охота; „щобъ тебе родимецъ побивъ“; „п уя и бользна крѣпка“ Плат. и пр.
408. Субстанціаль-
ность мнѣче-
скихъ субъек-
товъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ причина явленія *субстанціальна*. Но какъ скоро мнѣческой субъектъ или, по крайней мѣрѣ, его опредѣленность устраняются,—субъектные обороты могутъ превращаться въ безсубъектные. Устраненіе это происходитъ
409. Устраненіе мнѣческихъ субъек-
товъ и пере-
ходъ къ бессубъ-
ектности. а) частію потому, что извѣстныхъ враждебныхъ чело-
вѣку демоническихъ существъ называть не слѣдуетъ, какъ
410. Причины устра-
ненія мнѣче-
скихъ субъек-
товъ въ языкѣ, говорить Гриммъ:
- б) частію потому, что таинственно дѣйствующее лицо или существо представляется неизвѣстнымъ, пока не познано, кто оно такое: «тамъ водить»;
411. в) неизвѣстность же эта является нерѣдко слѣдствіемъ критическаго отношенія къ существованію мнѣческой субстанціи; такъ, въ народ. поэзіи мнѣческая *недоля*, *горе* есть змѣя, гадина на сердцѣ, но, вслѣдствіе критическаго отношенія къ существованію такой субстанціи, одинъ варіантъ иѣсни признаетъ *недолю* уже не змѣей, а *лихой годиной*, другой же варіантъ отрицаетъ и *лиху годину*, какъ личность, и признаетъ только *самое страданіе*, причиненное другою, уже *дѣйствительною личностью*: «Край моего серденька гадинойга въетца... А то не гадина, то лиха година: Зеушила—звѣляла *невѣрна, дружина*». Мет. 251.
412. Отрицательныя
сравненія въ
языкѣ, какъ пе-
репуты къ отри-
цанію мнѣче-
скаго дѣйствова-
теля. На перепуты къ отрицанію мнѣческаго дѣйствователя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на перепуты отъ субъектныхъ выраженій („гнѣвъ раскинается“, «сердце разгорается») къ безсубъектнымъ („меня знобитъ, меня въ жаръ бросаетъ“) стоятъ отрицательныя сравненія, умаляющія или отрицающія сходство сравниваемыхъ явленій: «безъ огня мое сердечко разгорается; безъ смолы моя утроба раскинается, безъ воды да рѣзвы пожги *подмываетъ*» Барс. Прич. Въ подобныхъ сравненіяхъ, отрицающихъ *способъ* дѣйствія (безъ огня, безъ воды),
413. Отрицательныя
сравненія въ
языкѣ, какъ пе-
репуты къ отри-
цанію мнѣче-
скаго дѣйствова-
теля.

лическій дѣйствитель въсе еще не отрицается, какъ выше: «то не *года*, то *лиха година*», но отрицается уже *конкретность* проявленія дѣйствителя, что ведетъ къ измѣненію представленія о немъ самомъ, а потомъ и къ отрицанію его. (Ср. съ предыдущими сравненіями безсубъектныя выраженія въ смыслѣ *нравственнаго* влеченія: «меня такъ и *подмываетъ*»; «такъ и *тянетъ*»; «*подбиваетъ*»).

Съ устраненіемъ опредѣленнаго субъекта изъ вышеприведенныхъ субъектныхъ выраженій (Ср. III, 406-410) являются безсубъектныя; напр. о болѣзни: «за животъ *беретъ*», «мою *утробу разрываетъ*», «какъ рукой *сняло*», «въ крокъ *свело*», *соннуло*, *скрючило*, *перекосило*, *разнесло*, меня *трясетъ*, *слабитъ*, *тошнитъ*, *рветъ* и т. д.; «дна (ломъ въ костяхъ) есть *подступила*» Плат., отс. безсубъектное *подступило*, *подкатило* подъ сердце; «щобъ тебе *горою* (тв. образа) *подняло*». Квит.; «щобъ тебе *нобило*», «бодай тебе за сердце *взяло*» Ibid. — Не ко всякому безсубъектному выраженію этого рода можно подобрать соотвѣтственное субъектное; тѣмъ не менѣе послѣднія предполагаются первыми, и по направленію *отъ* древности число безсубъектныхъ увеличивается насчетъ субъектныхъ.

Переходомъ отъ субъектности къ безсубъектности (Ср. далѣе 441) служатъ *замѣна* опредѣленной субстанціи неопредѣленнымъ мѣстоименіемъ: *нѣчто*, *что-то*, мпр. *чтось* (какъ имен. п., а не съ значеніемъ причины *почему-то*): «*что-си* (=что-се ѿ) *уеуну(ло)* за плече, и съ того *поча* *изнемогати*» Плат. —, «Ой *чтось* въ *лісі* *гукае*». Но такъ какъ мѣстоименіе это лишь *пустое мѣсто* *въ мысли*, если не получило значенія причинности, то оно легко опускается: «на 8 часу *нощи* *звонило* въ *колокольчики*... а то Богъ *вѣсть*, кто *звонилъ*». Пск. II. —, «*Стало* у меня... *кости-тѣ* *щемить*...» Квит. Авв. Но иногда, благодаря контексту, субъектъ безсубъектнаго сѣазуемаго можетъ быть *возстановленъ*: «А *тѣхъ* *человѣкъ*—7, *которыхъ* *молнія* *опалила*, 4 *человѣки* *отволочили*, а три *человѣки* *таки* до *смерти* *заразило*». Пск. I. —, «Гдѣ ни *взялись* *буйные вѣтры*... На морѣ *корабликъ* *поносило*, ко *Рыму* ко *граду* *примывало*». Безс. Кан. пер.

Образцы безсубъектныхъ и безличныхъ оборотовъ.

1) Образецъ *громомъ убило*. Въ образцахъ этого рода субъектъ превращается въ *твор. п.* дѣйствующаго предмета или рѣже въ *род. съ* *отъ*: *громомъ убило*, *водою подмыло*. —, «*Отъ* *молнія* *страшныя* *много* *людей* *поби*». Пск. I. Въ этихъ оборотахъ неизвѣстный субъектъ скрывается за объектами *громомъ*, *водою*, *отъ молнія*.

2) Образецъ *стучитъ* (безсубъектно). Въ оборотахъ этого образца

Появленіе безсубъектныхъ оборотовъ послѣ устраненія лич. субъектовъ.

Неопред. мѣст. какъ переходъ отъ субъектности къ безсубъектности.

безсубъектныя глагольныя сказуемыя, образованныя отъ именъ *существительныхъ*, предполагаютъ эти же самыя имена въ качествѣ субъектовъ: „*свѣтаетъ*“ (т. е. свѣтъ). Но это не есть тавтологія въ собств. смыслѣ, а разложеніе воспріятія на сходные элементы, изъ коихъ одинъ есть субстанція (свѣтъ), а другой—ея дѣятельность (свѣтаеть); это есть попытка объяснить явленіе. Сюда относятся глаголы *интранзитивные безъ ся*: морозить, моросить, жарить, стучить, шумить; холодѣть, теплѣть, вечерѣть, ободѣло, обвѣсѣло, поведѣло, позелѣло; гвѣтаеть, свергаетъ и т. п. Изъ нихъ болѣе архаичны тѣ, при коихъ имена болѣею частию не сохранились, именно—глаголы съ—и: сохнеть, мерзнуть, меркнеть. Образцы, въ родѣ *темнѣетъ, бѣлѣетъ*, также образованы отъ *существительныхъ*, а не отъ прилагательныхъ. Ср. „то не *туця туцится*... да не *темень темнитсе*“ Кир. II.

3) Образецъ *туманится, чудится*. Некоторые видятъ здѣсь въ возвратномъ *ся* такъ наз. *винит. п. внутренняго объекта*, т. е. „чудится“ = „чудо чудить *ся*“, гдѣ „*ся*“ *замѣняетъ* собою объектъ, *указываемый самимъ глаголомъ*, образованнымъ отъ этого существительнаго, какъ напр. *vitam vivere, vixit vixit*, а Миклошичъ, кромѣ того, усматриваетъ въ этихъ оборотахъ съ внутреннимъ объектомъ особенность древнѣйшаго языка, сохранившуюся въ народной поэзіи. Но Потебня, видя противорѣчіе въ самомъ названіи „*внутренній объектъ*“ (такъ какъ „объектъ“ есть нечто *внѣшнее* по отношенію къ субъекту и его дѣйствию), признаетъ этотъ объектъ за *настоящій, внѣшній*, ставшій потомъ *мнимой* субстанціей, и какъ вслѣдствіе устраненія мнимыхъ субъектовъ сказуемое превращается изъ субъектнаго въ безсубъектное, такъ и вслѣдствіе устраненія объектовъ, *ставшихъ мнимыми*, часть глаголовъ (а не всѣ) превращается изъ *транзитивныхъ* въ *интранзитивные*: сначала „шутки шутить“ (глаголъ переходный), а потомъ просто „шутить“ (глаголъ непереходный) *безъ возможности* прямого дополненія; сначала „городъ городить, думу думать, кличь кликать, работу работать, умомъ думать“—безъ всякаго формальнаго различія между объектомъ, означающимъ *внѣшній* результатъ дѣйствія (городъ городить), и такимъ, который *печерпывается* уже самимъ дѣйствіемъ глагола (думу думать), а затѣмъ устанавливается различіе между ними, и такъ назыв. *внутренній объектъ* или 1) остается *единственно* возможнымъ дополненіемъ (шутки шутить) или же 2) вовсе устраняется, и глаголъ становится непереходнымъ (шутить, кликать), или наконецъ 3) въ случаѣ *тавтологичности субъекта и объекта* (темень темнить темень), объектъ замѣняется возвратнымъ *ся*, причемъ первоначальное значеніе *ся* (какъ замѣны объекта) забывается, и т. обр. возвратный оборотъ (при устраненіи мнимаго субъекта *темень*) сводится на безсубъект-

ный: темень темнится“=темнѣется, „погода распогодилась“=распогодилось, выяснилось, „куръ (курево) курится“=курится, дымится.

4) Образецъ *снится мнѣ*. Обороты этого образца находятся въ связи съ предыдущимъ тавтологическимъ, ставится только при немъ *дат. п. лица*: сперва былъ субъектный оборотъ: „ему сонъ снится“ съ возвратнымъ значеніемъ; потомъ опредѣленный субъектъ замѣняется среднимъ родомъ неопред. мѣст. *что то* и, наконецъ, вовсе опускается: „ему снится“ (безсубъектно).

Безсубъектные обороты съ возвратнымъ *ся* имѣютъ нѣ-
сколько отбѣговъ:

а) *дат. лица* бываетъ дательнымъ *commodi*, который означаетъ *вышній* предметъ по отношенію къ устраненному подлежащему: „мнѣ случилось“ (что-то); „довелось“, „привелось“, „сложилось“, „како ся дѣяло“ Плат. „сталося“, „пришлось“.

б) *дат. падежъ* означаетъ то лицо, въ которомъ (а не для котораго) происходитъ дѣйствіе; выраженное сказуемымъ, такъ что этотъ *дат. п.* синонимиченъ съ именительнымъ подлежащаго: „не можется мнѣ“=„я не могу ся (Ср. „могу ли ся“ Лавр., т. е. въ сплахъ ли я); „мнѣ нездоровится“, мнѣ *хочется*, *думается*, *кажется*, *помянется*, *видится*, *прирезилось*, *занемоглось* и т. п. Иногда вм. *дат.* употребляется *у* съ *род.* (особенно при *страд.* сказуемомъ): „стоеквалось *у* молодца по свою родимую сторонушку“ Рыб. II.—Сюда же должны быть отнесены безсубъектные обороты отъ переходныхъ и непереходныхъ глаголовъ: мнѣ *пѣется*, *пѣется*, *поется*, *читается*, *пишется*, *спится*, *дремлется*, *зывается*, *дышется*, *не сидится*, *не ложится* и т. п. Обороты эти образовались изъ субъектныхъ: „вода пьется“=„вода пьетъ сама себя“, т. е. легко, охотно пьется, какъ выраженіи; это само собою дѣлается“=„это дѣлаетъ себя посредствомъ себя же“, т. е. легко, sua sponte.

5) Образецъ *говорится*, *dicitur*, *man sagt*.—Выраженіе *мнѣ говорится* имѣетъ два значенія: а) одно безсубъектное *возвратное*, примыкающее къ предыдущимъ оборотамъ, какъ „мнѣ пьется“, а именно: „мнѣ говорится“, т. е. я говорю легко, и б) другое—*страдательное*, представленное *возвратнымъ* (т. е. съ *ся*), съ значеніемъ латин. *dicitur*, нѣмец. *man sagt*, гдѣ „мнѣ“ есть *дат. commodi*, означающій другой предметъ по отношенію къ устраненному подлежащему: „мнѣ говорится“, т. е. не я говорю, а другіе говорятъ мнѣ (*man sagt*).

Отбѣнокъ значенія *man* былъ бы болѣе замѣтенъ и въ субъектномъ возвратно-страдательномъ оборотѣ: „скоро сказка *сказывается*, да не скоро дѣло *дѣлается*“, если бы при возвратно-страдательной формѣ употреблялся *твор. п.* дѣйствующаго лица, но такъ какъ этотъ *твор. почти не*

Отбѣны без-
субъектныхъ
оборотовъ съ
возвратн. ся.

127

428

429

430

Преимущество-
ное проявленіе
значенія „man“
въ безсубъект.
возвр.—страдат.
оборотахъ и чи-
сто страдатель-
ныхъ.

431 *встрѣчается*, при возвратно-страд. формѣ, то отглагольн. и дѣлается
наиболѣе явственнымъ лишь въ *безсубъектныхъ* оборотахъ. — Въ рус. яз.
значеніе „тап“ проявляется въ возвратной формѣ только отъ глаголовъ
432 *дѣйствительныхъ* съ дополненіемъ въ *вин. п.*, въ польскомъ же — и отъ
глаголовъ *среднихъ*, дополняемыхъ другими надежами: *szło się*, но нельзя по-рус-
ски: «шлось»; *tedy się idzie do...*; *hae idur*, но по-русски нельзя «сюда *идется*».

432 Подобно возвратно-страдательнымъ субъектнымъ и безсубъектнымъ обо-
ротамъ, значеніе «тап» явственно проявляется и въ *чисто-страдательныхъ*
оборотхъ, только *безсубъектныхъ*: «въ дѣвкахъ *сижено*, горе мыкано». —
Въ первомъ (безсуб.) оборотѣ: «въ дѣвкахъ *сижено*» отглагольн. «тап» про-
является явственно, но во второмъ: «горе мыкано»*) — наличное подлежащее
заслоняетъ собою мысль о бывшемъ подлежащемъ дѣйствительнаго оборота
433 (кто-то мыкать горе). Само собою, отглагольн. «тап» уже рѣшительно устраи-
вается при указаніи на опредѣленнаго дѣйствителя, выраженаго *твори-*
тельными или *родительными* съ *отг.* и *у.* (Ср. выше III, 428): «не про-
ѣхана *у добрыхъ у людшекъ* эта путь — широкая дороженька». Барс. Прич.

434 Переходъ под-
лежащаго въ пря-
мое дополненіе
при страдатель-
ныхъ безсубъ-
ектныхъ оборо-
тахъ.
435 При безсубъектныхъ оборотахъ, рѣшительно выдвигаютъ
ихъ значеніе «тап», подлежащее субъектнаго страдательнаго
оборота или прямо опускается: «съ молоду *бито* много, *траб-*
лено», или же замѣняется *прямымъ* дополненіемъ (Ср. греч.
ἀσκήσεων ἐστὶν τῶν ἀρετῶν и латин. *aliqua consilia reperiedum est*). Въ влрус.
яз. такой *винит.* прямою дополненія при страд. залогѣ рѣдокъ: «видно
землю»; «такой *красавицы* невидано» (*фод.* и. постѣ отрицанія), «вся *по-*
требная... давано» Домстр., «*виноватаго* назначено молода *Касьяна* сына
Михайлова»; въ «горе мыкано» *сред.* р. существительнаго можетъ считаться
и *пм.*, и *вин. п.*; но въ запад.-рус. и млр. этотъ *вин.* прямого допол. вполнѣ
обыченъ, какъ и въ польскомъ: «подрубано *сосну* бортиую... и *сосну* спа-
436 лено», «*тополю* (*вин. п.*) петято и... забрато» (Ср. далѣе III, 457). Въ
другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, повидному, это необычно.

437 Безсуб. обороты
съ знач. «тап»
при причастіяхъ
на *и* и *и* отъ
глагол. возвр., вза-
имныхъ и сред-
нихъ.
438 Безсубъектные обороты съ значеніемъ «тап» употребля-
ются съ причастіемъ на *и* и *и* отъ глаголовъ возвратныхъ
и взаимныхъ, а причастія страдательныя отъ глаголовъ *непере-*
ходныхъ только для этого случая и образованы: *сижено*; *хо-*
жено, *бывано*, *плакано*, *выто*, *плыто*, *жито* и др.; отъ глаголовъ *возвр.*
«не бѣ облачано *ся* во одежды тѣ николиже» Палаея; отъ глаголовъ *взаимн.*
«*размѣзено ся*» Домостр., «*договорено ся*»; «было *боротось*», «*помынялось*»,
«*пообратанось*», «*отправлено*» съ кѣмъ*). Въ сѣв. влр. нарѣчіи при этихъ

*) Если только «горе» не есть *вин. п.*: Ср. далѣе III, 435. И. Б.

**) Во всѣхъ этихъ оборотахъ *ся* лишилось уже значенія *вин. п.* и слу-
жить лишь средствомъ образованія взаимныхъ глаголовъ, а форма *страд. з.*

оборотахъ встрѣчается иногда указаніе и на опредѣленнаго дѣателя въ род. п. съ предл. у: «у дороднаго добра *молодца* много было на службѣ послужено».

6) Образецъ *убыло дня*.—Особый разрядъ составляютъ безсубъектныя сказуемыя со значеніемъ *увеличенія, уменьшенія, достаточности*, которыя въ слѣдствіе *значенія* своего непосредственно принимаютъ *дополненіе* вещи въ род. п.: «умножилось *братѣвъ*» Лавр. Въ нынѣшнемъ яз.: прибываетъ, убываетъ *дня, воды*; станеть (=достанеть), хватить *хлѣба* и т. п. При безсубъектномъ глаг. *есть* въ смыслѣ *находится* также ставится род. п.: «было пастъ» (Дополн. III, 656). Тоже въ мѣр., польск., чеш., серб. яз.

[Отъ этихъ случаевъ нужно отличать такіе, гдѣ родит. не зависитъ отъ самихъ безсубъектныхъ глаголовъ, а отъ опущенныхъ при нихъ словъ, означающихъ количество (*много* и т. п.): «потонзено *скота*, что и не счесть» Кр. — «Колѣ. будетъ *святыхъ Маовѣй*» Пнат. (опущено *день*). — Такіе же *мнимо-непосредственные* род. п. употребляются въ мѣр., чеш. и пол. яз.]

7) Образецъ «*туча ровъ* (впн. п.) *учинило*».—Когда въ оборотѣ «убило громомъ» неизвѣстный субъектъ скрывается въ творительномъ орудіи, тогда безсубъектное сказуемое «убило» является логически послѣдовательнымъ; но когда подлежащее бываетъ налицо, а сказуемое все-таки представлено безсубъектнымъ, тогда выходитъ противорѣчіе; напр. «того же лѣта... въ Торжку *туча* по одному часу ровъ *учинило*» Лавр. Такіе обороты составляютъ, повидимому, переходъ отъ субъектности къ безсубъектности (Ср. выше стр. 415).—«...и *ухватило* его *тѣкая сила*, аки вѣтромъ». — «А въ Любнѣ *потонуло* люди и *скоты*» Нек. I. — «Въ ночи *было вихръ* великѣ добрѣ» Повг. I. — «*Загорѣлось свѣча* в церкви» Ibid. — Въ былинномъ яз.: «а се *проява* *проявилосѧ*», «да еще у стараго *случилосѧ*... *шеломъ* сорока пудовъ». — При сравненіяхъ съ «какъ» предметъ сравненія ставился въ им. п., какъ *подлежащее*, а сказуемое употреблялось безлично: «по всему небеси лучи были, аки *вода* на морѣ вѣтромъ *колебалосѧ*» Нов. II.

8) Образецъ «*пришло ихъ тѣма*». Въ силу того, что въ оборотахъ этого рода им. п. существительнаго отвѣчаетъ на вопросъ *сколько*, а не *кто, что, и, слѣдов.*, субстанціальность имени приближается къ *нарѣчности*, противорѣчіе между именительнымъ пад. дѣйствующаго предмета и безсубъектностью можетъ вовсе не чувствоваться: «и царства его *было не многа лѣта*». — «*Прошло недѣля* времени» Котомш. — Въ нынѣш. яз.: «*нублики* сегодня *приходило цѣлая бездна*» Дост.; также: *было ихъ прорва, цѣлая куча, пропасть, непочатый уголъ*. Тоже въ мѣр., бѣлор., польск. яз. *Винительный* же пад. въ этихъ случаяхъ на вопросъ *сколько* не обуславливается безсубъектнымъ сказуемымъ, такъ какъ этотъ вин. ставится и не имѣетъ страд. значенія и есть только средство выраженія безличности (Дополн. къ III ч. стр. 655).

въ другихъ случаяхъ: «и раздѣлиши на двое: половину ихъ иде къ погребу, а половина... къ мосту» Лавр. (примѣръ въ стар. рус. рѣдкій).—«Зиоръ города мало не половину» Лавр.—Въ нов. яз.: «мѣру пшеницы *осталось*», «было сотню овецъ (обычно же съ предл. съ: «съ мѣру», «съ сотню»). Такой же вып. при *субъективныхъ* сказуемыхъ глагольныхъ и *прилагательныхъ*: «капельку, крошечку *подрость*», «былъ *капельку* неувѣренъ».

9) Образецъ *два—четыре человѣка (пять и т. д. и двое... человѣка) пришло*.—Здѣсь нужно различать два случая: 1) на вопр. *кто* эти числительныя сочетаются въ вып. нов. яз. съ *субъективными* сказуемыми во множ. ч.: «*тѣ* два голубя *прилетѣли*», 2) а на вопр. *сколько*—съ *безсубъективными*: «*тѣхъ* пять голубей *прилетѣло*».

Субъективные обороты на вопр. *кто*. 1) Въ первомъ случаѣ, т. е. въ *субъективныхъ* оборотахъ, нужно различать употребленіе числительныхъ *прилагательныхъ*: *два, двѣ, три и четыре* отъ числительныхъ *существительныхъ*: *пять... десять*. Въ стар. рус. яз. *прилагательныя* числительныя *два, двѣ* означали двойственность: «*та* два брата бѣста» (Лавр., Ипат., Новг. I), а *три и четыре*—множественность: «Ярославичи же *трѣ... идоша*» Лавр., въ новомъ же *вѣрус.* яз. двойственность и множественность этихъ *прилагательныхъ* числительныхъ замѣнились значеніемъ «*нѣсколько*» (=болѣе одной и меньше пяти: ср. I, 41), при чемъ именит. падежъ *существительнаго* при нихъ хотя и сохраняетъ форму двойственного числа, но принимается за множественное, а потому и *опредѣлительныя* слова, и *сказуемое* ставятся также во множ. числѣ: «*тѣ* два голубя *прилетѣли*». Въ *мзр.* яз. *два, три, чотири* по правилу сочетаются на вопр. «*кто*» съ формою только множ. ч.: «*прѣѣхали три козаки*», «*были у матки два сынки родные*». Наоборотъ, числит. *пять—десять* до половины 17 в. употреблялись еще какъ *существительныя* жен. р., съ которыми согласовались *опредѣлительныя* слова и *сказуемое*: «*та* десять копѣекъ *описана*». Такіе примѣры, впрочемъ, рѣдки, и весьма рано 5—10 становятся уже *существительными собирательными*, при которыхъ *сказуемое* ставилось во множ. ч.: «*прѣѣхала пять мужъ*» Лавр., а *опредѣленіе* все-таки въ жен. р. ед. ч.*): «*работа друую седмъ лѣтъ*» (Лавр.), «*въ ту пять лѣтъ*» (Пск. I), «*тая* (ж. р. ед. ч.) *пять лѣтъ*» (Ibid.), «*тысячу рублей новгородскую*» (Новг. II). Такъ и въ *сложныхъ* числительныхъ, мыслимыхъ *раздѣльно*: «*ту шесть сотъ рублей снати*» (Собр. Гос. Гр.). Поэтому атрибутъ при 5—10, встречающійся въ

*) Приводимые здѣсь примѣры не составляютъ *субъективныхъ* оборотовъ при подлежащихъ числительныхъ и, слѣдов., къ данному мѣсту не относятся, но очень цѣнны для выясненія вопроса о согласованіи *опредѣленій* при числительныхъ именахъ, поэтому я и не рѣшился выпустить ихъ. И. Б.

и слав. яз. во множ. ч., долженъ быть приписанъ вліянію греч. языка: «*всѣхъ* семь (*οἱ ἑπτὰ*) оумьръша» Мар. Ев.

Подъ вліяніемъ числительныхъ 5—10 атрибутъ ставился въ жен. р. ед. и при сочетаніяхъ числительныхъ *два, три, четыре* съ существительными качественными и числительными (четыре-десять=40): «былъ въ Новѣгородѣ 4 педѣли *полною*» Пск. I; «далъ два рубля *Новгородскую*» А. Пет. 1556 г.—«Богъ намъ далъ *четыре* десять динъ *сию*» Лавр. «к (20=двадцати) рублевъ *Московскую*» Р. Дост. I.—Также при *сорокѣ* и *полѣ* (половина): «*сорокѣ* рублевъ денегъ *московскую*» А. Ю.; «въ *тую* полтора дни» Пск. I., «на *чужую* пол-двора» Ibid.

Ставши собирательными, числит. 5—10 подчинились правилу согласованія прочихъ собирательныхъ, при которыхъ *ближайшее* опредѣленіе ставилось въ ед. ч., дальнѣйшее же во множественномъ: «*ини* (дальн. опр.) *простая* (ближ.) чадь рѣзаху... и ядоху», а первое изъ сказуемыхъ ставится въ ед. числѣ или безлично, второе же—во множ.: «два ворона *прилетѣло* и *сидятъ*», «весь городъ *ѣздитъ* въ рошу и не *выходятъ* изъ каретъ» Ф. Впз.—Собирательными стали и *двое, трое* и т. д.

2) На вопросъ *сколько* при сочетаніи числительныхъ какъ 2—4, такъ и 5—10 сказуемое *безсубъектно* и въ цѣл., и въ древ. рус. яз.: «*дѣва* - на десѣти ихъ *ѣсть*» Супр.—«Половецъ *бы* 12 (=дѣвъ на десѣти) тысячъ» Лавр.—«Кыянъ одѣхъ *изыбло* на полку томъ 10 тысячъ» Лавр.—Нынѣш. млр.: «*взято* у мене три кони», «*шло* воду *та* два соколи», при чемъ не слѣдуетъ смѣшивать безсубъектнаго оборота «*шло* ихъ *пять*» съ субъектнымъ «*то* *пять* *шло*» (ср. родъ, какъ въ народныхъ произведеніяхъ: «*другу* *три* сына конемъ *стопталъ*», «я *ждалъ* Добрыню *цѣло* *шесть* годовъ»): въ субъектномъ оборотѣ «*пять*» есть *подлежащее*, тогда какъ въ безсубъектномъ «*пять*» перестаетъ уже быть субстанціей, производящей дѣйствіе, и остается въ именит. п. только какъ *бывшее* подлежащее.

Какъ особенность русскаго яз., при сочетаніи числительныхъ съ существительными ставится *genitivus partitivus* прилагательнаго: «два *сизыхъ* голубя» (=два голубя изъ сизыхъ). Теперь этотъ род. раздѣлит. ставится обыкновенно между числительнымъ и опредѣляемымъ (два сизыхъ голубя), въ старин. же языкѣ (и нынѣш. народномъ)—на концѣ и при томъ съ логическимъ удареніемъ: «десять рубашекъ *мужскихъ* и *женскихъ* да четыре *убрусы* *бранихъ* и *простыхъ*»... При другихъ падежахъ, кромѣ им. и вин., встрѣчается такой родит. рѣдко. Хотя оборотъ этотъ бываетъ и субъектнымъ («три *взрослыхъ* юноши *сосѣднихъ* *разсуждали*» Кр.), но, кажется, онъ болѣе располагаетъ мысль къ безсубъектности.

10) Образецъ *зимовая служба* *молодцамъ* *нручинно*, по наличности

450

Безсуб. оборотъ
на вopr. сколько.

451

452

Родит. раздѣли-
тельный по пре-
имуществу въ
безсубъектныхъ
оборотахъ.

453

451-5

456

подлежащаго при безсубъектномъ сказ., Потебня приравниваетъ къ обороту «*туца ровъ учинило*» (см. выше III, 441), а по предикативному прилагательному въ сред. р. ед. ч.—къ несогласуемымъ предикативнымъ атрибутамъ: «грѣхъ сладко, а человекъ надко» (I, 108—110). Слѣдов., образецъ этотъ слѣдуетъ считать переходнымъ отъ субъектности къ безсубъектности, при чемъ безсубъектное сказуемое-прилагательное Потебня принимаетъ, какъ кажется, согласно съ Бусл. и Миклош., за прилагательное *субстантивированное* (вм.: «зимовая служба молодцамъ *кручина*»), хотя въ 1-й части своего изслѣдованія (I, 110) и даже въ этомъ томѣ (III, 64) онъ признавалъ «*кручину*» нарѣчіемъ *).

457

Къ этому же образцу надо причислять, какъ переходъ отъ субъектности, и слѣд. выраженія: «*городъ* (им. п.) *видно*»; «*музыка слышно*», т. е. сперва личный субъектный оборотъ: «городъ виденъ», «музыка слышна»; потомъ—съ безсуб. сказ.: «городъ *видно*»; «музыка *слышно*» и, наконецъ, для устранения противорѣчія между подлежащимъ и сказуемымъ, образуется оборотъ безличный безсубъектный: «городъ (вин.) *видно*», «музыку слышно», т. е. подлежащее въ нынѣш. яз. перешло въ дополненіе. Ср. выше III, 435: ср. также: «*есть бо разсплнѣи знати* и до днешняго дни»; потомъ: «*разсплнѣи знати (есть)*» и, наконецъ, въ нынѣш. яз.: «*разсплнѣи знати*» (II, 415—418; III, 464).—Въ мдрус.: «*звѣсно їх дѣвоча натура*» **).

458

11) Образецъ «*тѣ вѣсти вѣдомо*», «*вѣсть сказано служба*» совершенно такой же, какъ и предыдущій, только на мѣстѣ прилагательнаго стоитъ *страд. причастіе* въ сред. р.: «да въ томъ же приказѣ *вѣдомы* (личный субъектный оборотъ) *границаго дѣла мастера... вѣдомо* (безлично) *парская лѣтняя потѣха*» Котош.—На мѣстѣ предикативнаго причастія *страд.* со впом. глаголомъ можетъ стоять и *v. finitum* на *ся* въ *страдательномъ* безлично значеніи по образцу «говорится» (III, 430): «а инымъ *дается* *шапи* и *мушкеты*» Котош.

459

Прич. *прошед. страд.* безлично встрѣчается уже въ ц.-слав. яз. (м. б., подъ вліяніемъ греч.): «*гласъ трубы услышано* будетъ» (*σαλπιγγος*

*) Другіе два примѣра этого образца издателями поставлены въ скобкахъ: *ходъ былъ копеймъ нужно* (трудно), *трудовато* (кочковато) Пск. I и изъ „Рус. нар. п.“ Пейна: „намъ молодѣцъ ненадо... намъ денежки (им. п. мн. ч.) не надо“.

*) Так. обр. градація этихъ переходовъ отъ личности къ безличности была такая: сперва *личный субъектный* оборотъ (музыка слышна), потомъ—*безличный субъектный* (музыка слышно) и, наконецъ, *безличный безсубъектный* (музыку слышно). Серединный (безличный субъектный) оборотъ, какъ *переходный*, составляетъ такое явленіе, которое, что называется, отъ одного берега отсталъ, а къ другому не пристало, и потому представляется нашему сознанію необычнымъ, противорѣчивымъ. Языкъ уничтожаетъ это противорѣчіе тѣмъ, что устраняетъ субстанцію подлежащаго и переводитъ ее въ область дополненія: „музыку слышно“. И. Б.

φωνὴ ἀκοροσθὲν ἔσται). Въ поуч. Θεод. Печ.: «установлено же есть и кутья въ похвалу святымъ крестити... *установлено же есть и за упокои кутья крестити усопшимъ*». — Болѣе всего образцовъ этого рода въ памятникахъ 16 и 17 вв. При этомъ субъектные обороты на вопр. «кто» могутъ измѣняться въ безсубъектные при вопросѣ «сколько»: «купленъ на братію *осетръ*», но «даю ему на прѣздъ *гривна*», хотя это различіе не выдерживается.

460

Безсубъектные обороты, состоящіе изъ существительнаго глагола (быть, стать) и имени *).

461

Миклошичъ (IV, 366—9) дѣлитъ эти обороты на два разряда: а) одинъ, въ составное сказуемое котораго входитъ *существительное*, и б) другой, въ составное сказуемое котораго входитъ *прилагательное*, переходящее въ нарѣчіе, при чемъ обороты эти или не относятся къ лицу (объекту): *холодно!* или же относятся къ лицу, которое выражается по-русски *дательнымъ* пад.: «*мнѣ холодно!*» а въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр., хорут., польск., иногда и *винительнымъ*: «*мене je strach bilo*».

Возникновеніе этихъ безсубъектныхъ оборотовъ зависить съ од. стор. вообще отъ *стремленія къ вытѣсненію мнимыхъ субстанцій*; а съ другой — отъ *измѣненія значенія глагола существительнаго и близкихъ къ нему*.

Изъ предыдущихъ образцовъ видно, что переходъ отъ субъектности къ безсубъектности имѣетъ три ступени: а) музыка слышна, б) музыка слышию и в) музыку слышию (III, 457), при чемъ въ чисто безсубъектномъ оборотѣ подлежащее обращается въ дополненіе, и тѣмъ уничтожается противорѣчіе между подлежащимъ и несогласованнымъ сказуемымъ. Подобныя же три ступени перехода къ безсубъектности бываютъ и въ другихъ оборотахъ при *полномочномъ* сказуемомъ: «изва извила*) извило язва и просто „извило“, при чемъ для устраненія противорѣчія между сказуемымъ и подлежащимъ послѣднее вовсе опускается. — Если примѣнять эти три ступени къ разсматриваемымъ безсубъектнымъ оборотамъ изъ существительнаго глагола и имени, то здѣсь имѣютъ мѣсто только *первая* и *третья* ступени: „была пора“ (субъектный личный оборотъ) и „было пора“ (безличное сказуемое при подлежащемъ), третья же ступень *чистой безсубъектности* здѣсь невозможна, „такъ какъ сказуемое не заканчиваетъ собою

Особенность
этихъ оборотовъ
по сравненію съ
предыдущими.

462

*) Обороты эти нужно отличать отъ предыдущаго 10-го образца: „зимовая служба молодцамъ кручинно (есть)“, ибо, хотя сказуемое этого образца и состоитъ изъ существительнаго глагола и имени (кручинно есть), но оборотъ этотъ не можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ слова безсубъектнымъ, такъ какъ при безличномъ сказуемомъ находится тутъ подлежащее, въ приводимыхъ же ниже образцахъ Потебни имѣетъ въ виду совершенно безсубъектные обороты, состоящіе изъ существительнаго глагола и имени. И. Б.

мысли, неполномочно и требуетъ пополненія со стороны имени и нарѣчія, вмѣстѣ съ коими образуетъ составное сказуемое^{*)}). Такимъ образомъ, мнимая (а иногда мнѣшная) субстанція подлежащаго при чисто безсубъектныхъ оборотахъ этого рода устраняется тѣмъ, что она изъ подлежащаго дѣлается *частью составнаго сказуемаго*: „жалъ (подлеж.) миѣ есть“ обращается въ „миѣ жалъ *есть*“ (состав. сказ.); мпр.: „жалъ было, шкода было казати“, „пора было“, „треба було робити“ (II, 374—5). — Въ настоящемъ и буд.: *есть, будетъ*^{**)} субъектность или безсубъектность подобныхъ оборотовъ еще сомнительна, такъ какъ эти глагольные формы не различаютъ родовъ, но въ прошед. «было» безсубъектность уже явственна: „неволя ми (есть) своею головы блюсти“ (субъектно и безсуб.) Лавр., но „неволя ми *было* пристати въ свѣтъ“ (Лавр.) — только безсубъектно. — Въ *нынѣшнемъ* рус. яз. безсубъектны, новидному, только тѣ обороты, которые могутъ дополняться *неопределеннымъ* наклоненіемъ („стыдъ было *сказать*“), за исключеніемъ немногихъ, указанныхъ далѣе (см. III, 469, 471), въ другихъ же славянскихъ нарѣчійхъ возможны безсубъектные обороты и *не допускающие* неопределеннаго наклоненія: хорут. „zima, mraz je bilo“.

Образцы съ им.
существитель-
ными.

Образецъ „*страхъ* (кому) *глядѣть*“. Новидному, сочетание безличнаго или *неопредѣленно-субъектнаго* сказуемаго (сред. р.) съ *определеннымъ субъектомъ* (пора было) есть противорѣчіе неустранимое, однако языкъ, направляясь отъ опредѣленности субъекта къ его неопредѣленности, такое противорѣчіе переживаетъ. Такъ, напр., въ выраженіи: „язва знать на рукѣ“ вначалѣ „язва“ есть подлежащее съ правильно согласуемымъ сказуемымъ, а въ концѣ развитія подобныя именительные понимаются какъ *винительные* при безсубъектномъ сказуемомъ (Ср. „слышно музыку“); промежуточный между этими выраженіями моментъ: „язва знать“ (съ опущеніемъ *безличнаго* „есть“) долженъ былъ быть, какъ существуетъ въ древ. рус. яз. „неволя ми *было* пристати“ или въ нынѣшнемъ: *страхъ было глядѣть*“, „грѣхъ было *сказать*“, „пора *было* начинать“, и прежде чѣмъ эти именительные стали чувствоваться какъ *нарѣчія* (страшно, грѣшно), они должны были чувствоваться еще, какъ подлежащія. Поэтому, при глаголахъ *есть, будетъ, бысть*, гдѣ сред. родъ не можетъ связы-

^{*)} Т. е., въ виду неполномочности существительнаго глагола, подлежащее при немъ при переходѣ къ чистой безсубъектности нельзя ни превратить въ дополнение, какъ это возможно въ случаѣ „музыку слышно“, ни опустить, какъ въ оборотъ „язвилъ“, потому что неполномочный существительный глаголъ, для того чтобы стать полномочнымъ сказуемымъ, *самъ нуждается* въ субстанціи подлежащаго, и потому входитъ она въ составъ сказуемаго или въ качество имени, или нарѣчія, какъ можно видѣть изъ приводимыхъ затѣмъ образцовъ: *страхъ* было глядѣть, *страшно* было глядѣть. И. Б.

^{**) А также и *бысть*. И. Б.}

ваться, въ древне-рус. яз. обороты эти въ началѣ были субъектными („по-
воля ми есть“), но могли быть и безсубъектными; въ новомъ же языкѣ
подобнаго рода обороты (грѣхъ сказать, миѣ жаль, жаль *будетъ*) уже без-
субъектны, и именительный надежъ въ нихъ есть не подлежащее, а пре-
дикативный атрибутъ составнаго сказуемаго. Впрочем, имена означающія
время года, дня, состояніе погоды въ рус. яз. остаются подлежащими (былъ
вечеръ, жаръ...), въ некоторыхъ же другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ они
также безсубъектны: *bylo ueseg* (чеш.), а въ польскомъ *дат.* лица замѣ-
няется *винительнымъ*, дол. б., по аналогіи съ оборотами „*жалъ* мене бере“
(мнѣческаго характера) вм. „*миѣ* жалъ“.

Примѣры того же образца съ именами *прилагательными* совершенно параллельны примѣрамъ съ существительными:
„*дивно* ми *есть*“ сначала есть личный оборотъ, и „*дивно*“ представляется
существительнымъ сред. р., какъ въ „*диво* ми *есть*“, а затѣмъ „*дивно*“ вхо-
дитъ въ составъ безсубъектнаго сказуемаго, какъ нарѣчіе; *нужьно*, какъ „*нуж-
да* есть“ (Ср. греч. *Ἀνάγκη*, какъ мнѣщ. личность и затѣмъ *ἀνάγκαιόν ἐστι*
и нар. *ἀνάγκαιως*), „не бѣ *проходно*“, „будетъ *мочь*но (сущ. мочь), не-
*мочь*но“ Ипат., обидно, страшно, убыточно, недосужно, обычно, вольно,
должно, скучно, тошно, печально, досадно, больно, стыдно, совѣстно,
смѣшно, было *истомно*, *неудно* (не годъ есть), *неподобно* (не подоба есть),
темно, *конечно* (стар. рус.: „*конь*гъ въсѣмъ книгамъ“), *противно*, *дивно*
(=с. влр. много, долго, давно).

Всѣ приведенные безсубъектные образцы какъ съ именами существи-
тельными, такъ и прилагательными, допускаютъ при себѣ возможность упо-
требленія неопред. наклоненія, по *видно*, *слышно*, *замѣтно*, *знатно* (=знать),
не допуская неопред. накл. *), могутъ принимать объектъ въ *вин. п.* (Ср.
выше III, 457) и, повидному, сближаются съ безличными сказуемыми изъ
причастія страдательнаго: „сказано служба“ (III, 457—9). Вышеприведен-
ныя и подобныя имъ прилагательныя, при переходѣ ихъ къ нарѣчности, въ
безсубъектныхъ оборотахъ чувствовались еще какъ *существительныя*; даже
явно причастныя формы, какъ „въдомо“, употреблялись и теперь употре-
бляются въ смыслѣ существительныхъ: „а тогда на нихъ не было *въдома*
никакого“ Пск. I. Въ соврем. яз.: „съ *въдома*, безъ *въдома*“, *можно*,
*мочь*но изъ сущ. мочь (Ср. „кому чего не *въ мочь* платить“ Котом.); *див-*
но изъ сущ. *диво*, *мирно* изъ *миръ*, *тѣжно* изъ *тѣкъ*, *близко* изъ *близъ*,
низко изъ *низъ*, *притужно* изъ *притужа* (печаль) и проч.

Образецъ *оуно вѣсть*. Сюда относятся

а) прилаг. *срав.* степ. лучше, хуже (есть) и проч.,

*) Но „видно писать“, т. е. достаточно свѣтло для того, чтобы писать.

б) прилаг. *полож.* ст: хорошо, худо и проч.—И тѣ и другія дополняются *неопред.* наклоненіемъ.

472 в) Прилагательныя, не дополняемыя ни опредѣленнымъ, ни объектомъ: „пусто въ селѣ“.

г) прилагат. *количественный* (много, мало), дополняемыя *род.* п. (Ср. „сколько, столько, числит. два, три, сто...“ послѣ которыхъ также ставится дополн. въ *род.* п., когда они означаютъ количество: „ихъ было два“, „пришло ихъ тьма“, „долго времени“, „долго того было, пока я у разумъ прийшов.“). Въ противоположность Миклошичу (IV, 366), Потебня всѣ эти прилагат., какъ и предыдущія, въ нынѣшнемъ яз. признаетъ за *нарѣчія*, въ старинномъ же — за *существительныя*: въ выраженіяхъ „благодати будетъ“, „мало ли ти бѣшетъ горь подъ облагы вѣяти“ *благодати* и *мало* суть означенія субстанцій, и обороты эти были первоначально субъектны.

473 Насколько безсубъектность зависитъ отъ дополненія неопредѣленнымъ накл. или придат. предложениемъ. Теперь спрашивается, насколько *безсубъектность* предложения зависитъ отъ необходимости дополнять его *неопредѣленнымъ наклоненіемъ* или *придаточнымъ предложениемъ*?

474 Миклошичъ предложения съ неопредѣленнымъ накл. считаетъ частью субъектными, частью безсубъектными. *Субъектными* онъ называетъ тѣ, въ которыхъ неопредѣленное накл. замѣняетъ собою имен. пад.: *пер.-сл.* „не лѣно ми есть *мълчати*“ (=мълчание), „вамъ весело *бѣдити*“, „возможно ли ему *вѣрити*?“, „нельзя *медлити*“, а *безсубъектными* тѣ, въ которыхъ нѣтъ такой замѣны: „пора вамъ въ путь *ити*“ и проч. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, гов. Микл., *сомнительно*, субъектно ли предложение, или нѣтъ: „захотѣлось *сдѣлать*“, *млр.*: „треба *умрети*“.

Потебня отвергаетъ такой взглядъ и говоритъ, что правильность его должна находиться въ зависимости отъ правильного взгляда 1) на грамматиц. субъектъ, 2) на неопред. накл. и 3) на предложения съ *verb. finitum*.

1) *Грамматическимъ субъектомъ* въ славянскихъ нарѣчіяхъ можетъ б. только *субстанція*, означенная *именительнымъ п.*, а въ греч. и нѣмецкомъ кромѣ того и *субстантивированное неопр. накл.* съ членомъ въ именит. п. Слѣдов., неопр. п. въ славянскихъ языкахъ субъектомъ не м. быть.

2) *Неопредѣленное накл.* (за упомянутымъ исключеніемъ въ греч. и нѣмец. яз.) есть форма *только предикативная* и выражаетъ *второстепен. сказуемое*, подлежащее къ которому или точнѣе — производитель дѣйствія кагого указывается лишь или контекстомъ, или косвеннымъ надежомъ, стоящимъ при *главномъ* сказуемомъ: *ἔστι σοι (σε) λέγειν* = „тебѣ можно говорить“, гдѣ „говорить“ есть второстепен. сказуемое: „тебѣ можно, *чтобы ты говорил*“, между тѣмъ по взгляду Микл. *λέγειν* здѣсь есть подлежащее.

475 3) Миклошичъ держится взгляда, что субъектъ можетъ выражаться и цѣлымъ предложениемъ съ *verb. finitum*: „*accidit, ut ille veniret*“: слѣд.,

здѣсь *accidit*, по его мнѣнію, не есть безличное предлож., а только сказуемое къ подлежащему, выраженному придаточнымъ предложениемъ, ибо безсубъектное предложение бываетъ де только тогда, когда оно заключаетъ въ себѣ полный смыслъ и безъ субъекта или придаточнаго предложения, замѣняющаго субъектъ (Mikl. Subjectl. Sätze 230). Потебня же утверждаетъ, что предложение съ *verb. finitum*: «никогда не представляется существомъ, производителемъ, субъектомъ или объектомъ», слѣдов., придат. предложение не можетъ б. и подлежащимъ къ главному сказуемому. Поэтому, въ предложенияхъ «то, что онъ продаетъ имѣніе, было слышно давно, но того, что онъ продалъ, что-то не слышать» *то*—подлежащее, *того*—дополненіе, было слышно—субъектное сказ., неслыхать—безсубъектное, между тѣмъ оба придат. предлож. находятся въ одинаковомъ отношеніи къ своимъ главнымъ: слышно и неслыхать. Слѣдов., субъектность и безсубъектность главныхъ сказуемыхъ отъ придаточныхъ предложений не зависятъ. Равнымъ обр., скажу ли я «по утрамъ мнѣ снится» и «мнѣ снится, что...», или «мнѣ хочется» и «мнѣ хочется, чтобы... мнѣ хочется псть», все равно сказуемыя будутъ безсубъектны, ибо въ придаточныхъ предложенияхъ и неопредѣленномъ «ѣсть» не заключается производителей сна и хотѣнія, какъ представляется этотъ производитель въ выраженіи: «мнѣ снится то, что...» Так. обр., по мнѣнію Потебни, субъектность и безсубъектность подобныхъ оборотовъ зависятъ не отъ неопредѣленныхъ наклоненій и придаточныхъ предложений, а отъ того, нуждается ли языкъ въ указательномъ мѣстоименіи, или же довольствуется однимъ союзомъ для присоединенія придаточнаго предложения къ главному: если нуждается, то указательное мѣстоименіе въ именительномъ падежѣ дѣлаетъ эти обороты личными: «то хорошо, что...», если же довольствуется однимъ союзомъ (изъянительнымъ или цѣли), то являются обороты безличными: «хорошо, что...»

Независимость субъектности и безсубъектности отъ присутствія неопр. накл. или прид. предлож.

476

Безличные обороты изъ 3 л. въ ед. ч. есть, было, будетъ съ дат. над. и неопредѣльнаго наклоненія *).

Обороты эти бывають съ отрицаніемъ и безъ отрицанія, при чемъ въ старинномъ языкѣ отрицаніе ставилось какъ при «есть», такъ и при неопред. накл., въ новомъ же употребляется

Отрицаніе въ этихъ оборотахъ въ древ.-рус. и новомъ яз.

*) Это мѣсто (отъ 476 до 480 стр.) почти не представляетъ ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что сказано уже во II ч. Записокъ о безличныхъ оборотахъ изъ глаг. *есть* (II, 400—425 стр.), судя же по ссылкамъ еще на первое изд. Записокъ 1874 года, слѣдуетъ заключать, что незаконченные и безсистемные наброски эти, состоящіе иногда изъ однихъ только цитатъ, дѣлались Потебней до 2-го изданія 1888 г. и, быть можетъ, предназначались лишь въ качествѣ поправокъ и дополненій къ 1-му изданію I и II ч. Записокъ. И. Б.

только при неопредѣленномъ: «мнѣ *неуйти*», за исключеніемъ сочетаній «не было, не будетъ *знать*—*видѣть*,—*слыхать*» въ знач. страдательномъ (= не будетъ *видно*, *слышно*, *знатно* (*замѣтно*)). Оборотахъ этимъ, какъ и вообще безличнымъ выраженіямъ, должны были предшествовать личные; такъ, безличный переходный (Ср. III, 457) оборотъ «такова правда *взяти* (есть) Русину» образовался пзъ личного: «Русину *есть* правда *взяти* (ее)» (II, 416—417).

477

1) Образцы пзъ глаг. *есть* съ знаменательнымъ значеніемъ *находится*, *имѣется*, при чемъ то, что имѣется, выражается неопредѣленнымъ накл. съ относительнымъ словомъ *что*: *есть что дѣлать* и отриц. *нечего дѣлать* (=не *есть* что дѣлать: ср. II, 419 и сл.). По «*есть люди*»—оборотъ личный (ср. *были*, *будутъ* люди), который становится безсубъектнымъ

478

только при отрицаніи: «*нѣтъ людей*». Несогласованіе же ед. числа *есть* со множ. *люди* объясняется неправильнымъ употребленіемъ отдѣльных формъ

Затемненіе смысла формъ отъ «*есть*» и неправильное употребленіе «*есть*». гл. *есть*, затемненіе смысла которыхъ превратило *есть* въ общую личную форму: я *есть*, мы *есть*. (Ср. неправильное употребленіе *есть*: «кто *есть* у васъ загадку отгадаетъ»? — «Государь царь, ты *есть* мой батюшка». «Гдѣ *есть* онъ»? — (Пам. стар. Р. лит.): —

Съ тѣмъ же значеніемъ *находится* безличное *есть* употребляется и для выраженія количества: «насъ *было* (*есть*, *будетъ*) столько-то» (Ср. III, 451).

2) *Есть* съ знач. *случается*, *бываетъ*, при чемъ поясненіе того, что случается, выражается предложеніемъ или съ относит. словами *когда*, *что*, или и безъ нихъ. Примѣры:

а) безъ отрицанія: «онъ же начать красти десѣтъ вѣверницъ (бѣлокъ) *есть* же, *когда* и по болшу» (Патер. Скит.).—«*есть* же и всю недѣлю токмо (одну просфору) вѣгушааше» (Патер. Снл.).—«На всякой тычинѣ по маковѣ, А и *есть* по жемчужникѣ» Кпр.—Сюда же относится безличное «было» въ выраженіяхъ: *дать было*, *дать было*, *бывало* *подхожу* (Ср. II, 267—8), гдѣ «было» не сливается съ другимъ сказуемымъ въ одну форму, какъ и въ народ. поэзіи «было» постпозитивно при имѣющемся другомъ отдѣльномъ сказуемомъ: «на зарѣ *было* зарѣ утренней... Отъ сна *Пляя* пробуждается».

479

б) Если же въ оборотахъ этихъ бываетъ отрицаніе, то оно сливается съ «что» (Ср. II, 241), т. е., «не *есть*, что» переходитъ въ «*ничто* (нѣшто), при чемъ отрицаніе придаетъ значеніе возможности, вѣроятности: «А *ничто* (=можетъ б.) почнуть въ городѣ сидѣти крѣпко... и ты бы меня о томъ безъ вѣсти не держалъ» А. Зап., 1501—3 г.

в) Тотъ же отбѣнокъ возможности *есть* и безъ отрицанія получаетъ при обозначеніи количества (какъ мѣр. *бува*): «и вси люди потопли безъ вѣсти, *есть* (=мож. б., вѣроятно) человекъ болѣ 200 потопло» Пск. I, 243.

3) *Есть, будетъ* въ смыслѣ *довольно, достаточно*: «есть, тетиню» (довольно рублено).

Относительно *отрицательныхъ* безсубъектныхъ оборотовъ съ «есть», образующихся изъ субъектныхъ положительныхъ (есть люди—нѣтъ людей), нужно замѣтить слѣдующее: Переходъ субъектныхъ оборотовъ въ отрицательные безсубъектные возможенъ лишь тогда, когда «есть» употребляется съ значеніемъ *знаменательнымъ* (имѣется, случается, появляется и пр.), при чемъ им. и субъекта замѣняется *родительнымъ*, который у Потебни признается за род. *лишенія, удаленія* (Ср. II, 326). Происхожденіе этого родительнаго Миклошичъ (IV, 355—7) думаетъ объяснить первоначальною транзитивностью глагола «*есмы*», прямой объектъ котораго переходитъ при отрицаніи въ род. п.: «*сестры ѣсть дома*» — «*сестры нѣтъ дома*», но такъ какъ примѣръ «*сестры ѣсть дома*» не оправдывается ни однимъ слав. нарѣчіемъ, то Потебня выводитъ этотъ родительный изъ *именительнаго*: «*сестра ѣсть*», каковыхъ именительныхъ послѣ отрицанія въ н.-слав. и древне-русской письменности очень много: «*нѣтъ бо дръво добро*», «да не погыбнетъ *ничтоже*» (Марини. Ев.), «*нѣтъ ничтоже*», «не бысть *ничтоже*» Ипат. — «Мнѣ о томъ съ паною и слово *никакого не бывало*» А. З. Р. — «А *жалованье* нмъ не дается *никакое*» Котош. Можно думать, что родительный вм. винительнаго при транзитивныхъ глаголахъ съ отрицаніемъ повліялъ еще въ очень древнее время на обороты «*ничтоже ѣсть*», которые стали переходить въ «*ничесоже ѣсть*», какъ и послѣ переходныхъ глаголовъ: «*нѣтъ иною*» Марини. Ев., «*сею не бысть*» прежде въ Руси» А. до Ю. Б. — «На зиму не бысть *снѣга*» Повг. I. — «Нѣтъ *бѣды*». Вопрос. Кюр. — Но этимъ же образцамъ ставятся родительные и послѣ отрицательныхъ *интранзитивныхъ* глаголовъ *возникновенія и исчезновенія, движенія и пребыванія* въ извѣстномъ состояніи: «*пестало человека*», «не прошло *дня*», «не лежало *ничею*», «отъ тѣхъ *кандиль ни единого не возгорѣся*» Дан. Пал.

Бесуб. отрица-
тельные обра-
цы и объясненіе
при нихъ род. п.
изъ именитель-
наго.

189

481-2

183

184

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

I.

Формальные (синтактические) признаки конкретности существительнаго. *)

Слѣды древняго паратактическаго атрибутивнаго сочетанія *существительныхъ*, какъ «дубъ столъ», «чара вино», видны

Два способа гипотактического выраженія при-

*) Эта статья въ Приложеніи отчасти соприкасается съ VIII-ой главой (hendiadys), главнымъ же образомъ служить дополненіемъ и продолженіемъ VI главы объ атрибутивности существительныхъ: въ VI главѣ говорится о паратактическомъ способѣ сочетанія атрибутивныхъ существительныхъ, а здѣсь о замѣнѣ паратактичности гипотактичностью. И. Б.

487

належности: а) род. п. существительнаго и б) прилагательное.

еще въ памятникахъ относительно новыхъ; но не сохранилось слѣдовъ паратактическаго сочетанія существительныхъ для выраженія принадлежности лицу, какъ напр. *домъ Марія*. Для выраженія принадлежности лицу, за исключеніемъ образцовъ *церковь Спасъ* и *икона Микола* (III, 206—216) употребляется уже выраженіе *ипотактическое*: или а) *домъ Маріи*, или б) *домъ Маріинъ*, т. е., атрибутивное существительное или а) ставится въ род. и рѣже въ другихъ косвенныхъ падежахъ, при чемъ сохраняется двойственность субстанцій (угожденіе *Христу*, паденіе *въ раю*), или б) атрибут. существительное замѣняется прилагательнымъ притяжательнымъ и относительнымъ (угожденіе *Христово*, паденіе *райское*).

188

Однородно съ этимъ употребляются также и мѣстоименія или а) *его*, *ея*, *ихъ* для выраженія принадлежности 3-му лицу, или б) *мой*, *твой*, *свой* (народ.: *ейный*, *нашнскій*, *свойскій* и др.).

489-493

Оба эти способа замѣны паратактическаго атрибутивнаго существительнаго свойственны и другимъ языкамъ, сроднымъ со славянскими, но въ ц.-славянскихъ и древ.-русскихъ памятникахъ *преобладаетъ* употребленіе *прилагательнаго* на мѣстѣ *родительнаго* принадлежности въ латин. и греч. яз. Напр. въ ц.-славянскихъ памятникахъ: *иѣсильнъ* творецъ, *мхльбньнъ* печель, *исповѣданіе грѣховноіе*, *градное* плѣненіе (пл. города), *звѣрская* смерть (см. отъ звѣря), *дѣтское* лишеніе (лиш. дѣтей), въ видоу *голубинъ* (голубя), створеніе *бездьное* (бездны) и др. Въ русскихъ памятникахъ: *тѣлесное* покореніе (тѣла), *книжное* ученіе (ученіе книгамъ, грамотѣ), *ломъ копилый* и *звукъ оружийный*, *литовское* воеваніе (съ Литвой), *выгнанье братне* (братевъ), *дворовое* (двора) поставленіе, *пожениная* (пожни) расчѣтка, *приказное* (въ приказахъ) сидѣнье, *струевой* (струга) ходъ, строеніе *пушечное* (пушекъ), *полоная* своя вѣсть (о своемъ полонѣ), *лавочная* (изъ лавки) татьба, *черкаская* *межусобная* кровь (=кровь, проливаемая черкасами въ междоусобию), *воросскія* *проводныя* дѣла (=дѣла о приводѣ воровъ), *юсударская* слава (=слухъ про государя), *московская* *волокига* (=волокига по Москвѣ), *хвастанье молодецкое* (молодца). Тоже и въ мдр. языкѣ.

-494

Переходная ступень развитія языка въ періодъ образованія прилагательныхъ притяжательныхъ.

Образованіе прилагательныхъ притяжательныхъ и относительныхъ застаётъ языкъ на той ступени развитія, когда мышленіе при паратактичности въ языкѣ проявляется въ болѣе конкретной формѣ, чѣмъ нынѣ; хотя въ то же время обнаруживается въ языкѣ и стремленіе къ отвлеченности и гипотактичности, такъ что языкъ, съ одной стороны, поддерживаетъ привычку къ конкретному мышленію; а съ другой—уступаетъ стремленію къ отвлеченности. Прилагательныя притяжательныя какъ разъ стоятъ на этомъ распутии: они уже гипотактичны, но въ то же время придаютъ опредѣляемому существительному

и болѣе конкретность по сравненію съ родительнымъ принадлежности, такъ какъ, становясь атрибутомъ существительнаго, приписываютъ ему признакъ, мыслимый въ самомъ опредѣляемомъ („отчий домъ“), между тѣмъ какъ въ выраженіи „домъ отца“ признакъ этотъ мыслится не въ опредѣляемомъ имени, а *въ* его, т. е. въ *объектъ* при немъ.

Вотъ еще образцы, въ которыхъ выражается стремленіе языка сдѣлать опредѣляемое существительное болѣе конкретнымъ чрезъ прилагательное притяжательное.

1) Образецъ „въ *мое* *Иванова* мѣсто“, т. е. „въ мѣсто (вмѣсто) меня Ивана“. Въ последнемъ выраженіи опредѣляемое имя „мѣсто“, превратившись въ предлогъ („вмѣсто“), потеряло уже свою субстанціальность, а слѣдов. и конкретность. — Въ *попово* *Иванова* мѣсто“ А. до Ю. Б. — „Тягался Истома въ *Ицумново* мѣсто *Иваньево*“ А. Юр. — Въ такомъ же значеніи принадлежности могли соединяться съ опредѣляемымъ именемъ „мѣсто“ и *качественныя* прилагательныя: „посадили его... не въ *большее* мѣсто, не въ *меньшее*, садятъ его въ мѣсто среднее“ (Горе Злоч.), т. е., въ мѣсто, принадлежащее не большимъ, не меньшимъ, а *среднимъ* людямъ.

А такъ какъ вмѣсто атрибутивныхъ прилагательныхъ ставится и род. пад. принадлежности, то нелишне замѣтить, что въ древнѣйшихъ памятникахъ сущ. „мѣсто“ по аттракціи ставилось также въ родит. падежѣ: „въ *него* *мѣста* поставляють“ Изб. 1073, „возьми меня за *жены* *мѣста*“ Пам. гр. пис.; но бываетъ и наоборотъ: родительные обращаются въ винит. п. подъ вліяніемъ выраженія „въ мѣсто“: „въ его *Яковлеву* *голову* мѣсто“ А. до Ю. Б.

2) Образецъ „*своей* *землянинъ*“, т. е., человекъ изъ *своей* (а не чужой) земли, „*свои* *слобожане*“, „*мои* *князя* *Володимера* *Ондреевича* *сельчане*“, „*мои* *полчане*“ и т. п. Въ атрибутивныхъ притяжательныхъ мѣстоименіяхъ этихъ образцовъ Потебня усматриваетъ не одну только принадлежность, но и *качественный* отбѣнокъ, какъ напр. въ пословицѣ 17 в. „хоть *чужь* *чужанинъ*, да *свой* *землянинъ*“ (т. е. *такой же, какъ и я*, а не принадлежащій только къ моей мѣстности) на чужой сторонѣ мѣгъ бываетъ“.

Согласно съ такимъ взглядомъ на принадлежность, какъ на качество опредѣляемаго имени, самый вопросъ о происхожденіи (*откуда?*) выражается прилагательными мѣстоименіями: *какой, каковский, какой уроженецъ?* „Вы *каковскіе?*“ Въ народ. говорахъ: „*откудашной? откудаиной?*“

3) Образецъ *малые* *люди* вмѣсто цыфѣшняго „мало людей“ для выраженія количества. — На ступени конкретного языка количество, подобно принадлежности въ предыдущихъ образцахъ, также граничило съ *качественностью*. Такъ др.-русское выраженіе „*малые* *люди*“ имѣло не только *качественное* значеніе: *parvi homines* — люди *незначительные* въ извѣст. отно-

Отдѣльные образцы, указывающіе на болѣе конкретность опредѣляемыхъ существительныхъ при прилагательномъ притяжательномъ.

495

496

497-8

шеній, но и количественное; *pauci homines*; и въ то вр. какъ теперь количественность въ этихъ оборотахъ выражается абстрактно, нарѣчьемъ (мало людей),—въ языкѣ болѣе древняго строя количество многихъ вещей или одной собирательной обозначается прилагательными (еликъ, колникъ, нѣко-
 499 лякъ, многъ, малъ, невеликъ, доволенъ), вслѣдствіе чего опредѣляемое существительное представляется конкретнѣе, такъ какъ признакъ атрибута мыслится въ самыхъ вещахъ. „И рече Володимеръ: „се педобро, еже *малъ* городъ (собират. вм. „*малы* города“, т. е. мало городов) около Кіева, и нача ставити города по Деснѣ“... Лавр.—„*Малы* Греки (мало грековъ) нашему Государю доброхотны“ Пут. Лукъян.—„Землѣ русьскѣй *много* зло створише“ Лавр.—„*Многъ* полонъ взяша“ Лавр.—„*Кормъ* посломъ велѣлъ давати *доволенъ* (въ достаточномъ количествѣ) А. З. Р.—„Посла Володимеръ Славяту съ *нѣколкою* дружиною“ Лавр.—Въ формальномъ отноше-
 500 ній къ этимъ же образцамъ относятся и другія прилагательныя, хотя бы они означали и не количество: «абы въ *землю* *глубоку* (вм. глубоко) не входилъ» Плат.—Ср. въ лат. и греч. согласуемыя количественныя числительныя и прилагательныя: *centum, multi homines, ἡμίσεες λαοί* (половина людей) и т. п.

Принимая въ соображеніе стремленіе языка къ удаленію извѣстныхъ признаковъ изъ опредѣляемаго имени, чтобъ сдѣлать его болѣе отвлечен-
 501 нымъ, можно усмотрѣть, что позднѣйшій переходъ и отъ случаевъ „въ мое Иваново мѣсто“, „малые люди“ къ случаямъ „вмѣсто меня Ивана“, „мало людей“ однороденъ съ переходомъ отъ согласуемыхъ вторыхъ падежей къ ихъ замѣнамъ, отъ причастій къ дѣепричастіямъ, отъ согласуемыхъ прилагательныхъ положительной и сравнит. степени къ нарѣчій.

Метонимія и Сравнивая грамматическій строй оборотовъ, замѣняющихъ
 502 *hypallage* какъ другъ друга, говорятъ, что одинъ изъ нихъ есть приемъ по-
 первообразный этического (образнаго) мышленія, тропъ или фигура; такъ
 способъ выра- напр. *pallida mors* (блѣдная смерть) есть тропъ метонимія
 женія. или фигура *hypallage* (ὁπάλλαγή замѣна); таковы и вышеприведенные при-
 мѣры: *гбслънз* творецъ, *хлѣбный* печыць и пр. Конечно, это есть метони-
 мія, состоящая въ томъ, что производителю приписанъ признакъ его про-
 изведенія: *смерти*, напр. приписанъ признакъ тѣхъ, которыхъ она дѣлаетъ
блѣдными; но дѣло въ томъ, что, вопреки ученію о тронахъ и фигурахъ,
 этотъ-то метонимическій способъ выраженія и нужно считать первообразнымъ,
 а не тотъ, которому приписывается такъ назыв. „собственное значеніе“,
propria significatio, χρονολογία: „*mors pallentes efficiens*“, „некарь *хлѣба*“,
 „некарь, *пекущий хлѣбъ*“. И это естественно: „душевные *личныя* условія
 перваго возникновенія (метонимическихъ оборотовъ)... всегда проще, перво-
 образнѣе, чѣмъ условія возникновенія соотвѣтственныхъ не тропическихъ

выражений, которыя въ моментъ возникновенія тропа отсутствуютъ“ и для созданія которыхъ „нужно самообладаніе, рефлексія, противоположеніе себя всему вышнему“. Поэтому-то русскому путешественнику 1710—11 г. Лукьянову легче было приписать Царюграду свою личную эстетическую *ненасытность*, назвавъ его „градомъ ненасытнымъ“ (Пут. Лукьян., 34), вмѣсто того, чтобы сказать, что это — городъ, красотаи котораго насытитесь невозможно. — Къ такимъ же метонимическимъ оборотамъ слѣдуетъ отнести въ рус. яз. и слѣд. выраженія: *пьяное вино* (вино, отъ котораго *человѣкъ пьянъ бываетъ*), *веселый напитокъ*, *вода живая, мертвая*, *морозъ красный носъ, скорая, молодая смерть* и проч.

Примѣры метонимическаго употребленія атрибутовъ и древности ихъ.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ производителю извѣстнаго качества приписывается обладаніе тѣмъ самымъ качествомъ, которое онъ производитъ въ другомъ, напр. кремню, изъ котораго появляется искра, приписывается огненность, и такое состояніе мысли можетъ быть отнесено къ той глубокой древности, когда для говорящаго *причина* и *слѣдствіе* представляются очень сходными и какъ бы тождественными. Отсюда возникаютъ *двойники* для объясненія разныхъ состояній (болѣзней) и судебъ челоѣка (III, 301), при чемъ отношенія причины и слѣдствія извращаются: *слѣдствіе* является производителемъ того качества, которое должно быть отнесено къ *причинѣ*: не *горе-злочастье* (двойникъ злочастья челоѣка), удержавшее добраго молодца отъ самоубійства, утѣшило его, а добрый молодецъ утѣшилъ горе: „идеть (добрый молодецъ) веселъ некручиновать; *утѣшилъ онъ горе-злочастье*“. Отсюда объясненіе и многихъ метонимій въ языкѣ. Отношеніе причины (производителя) и слѣдствія (произведенія) есть отношеніе подлежащаго къ сказуемому съ его опредѣленіями и дополненіями, и какъ признакъ слѣдствія приписывается причинѣ, такъ и признакъ сказуемаго переносится на подлежащее, ибо подлежащее первоначально есть точный протівень сказуемаго. Такъ, вмѣсто отвлеченнаго оборота „человѣкъ, который торгуетъ просольной и свѣжей рыбой“, въ языкѣ конкретнаго мышленія является выраженіе: „просольный и свѣжій рыбакъ“, т. е., на подлежащее „человѣкъ“ перенесенъ признакъ сказуемаго съ опредѣленіями и дополненіями; отсюда метонимическій оборотъ: „се язъ, *просольный рыбакъ*“ (т. е. челоѣкъ, торгующій просольной рыбой)... продалъ есма свое анбарное мѣсто... *свѣжему рыбку*“ А. до Ю. Б. Пли: „дано *запасному пріемному цѣловальнику*“ (т. е. присяжному, принимающему запасъ) Ibid.— „*Разъѣздная, походная* красная дѣвица (т. е. дѣвица, которая бываетъ въ разъѣздахъ, походахъ) и др. При этомъ въ влрусскихъ памятникѣхъ 16—17 в., при сочетаніи названій

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

503

504

505

506

507

15

вещи, дѣйствія *вещи и дѣйствія*, въ случаяхъ метониміи и *hypallage*, определяемымъ существительнымъ (или относительнымъ подлежащимъ) можетъ быть имя какъ вещи, такъ и дѣйствія, а сообразно съ этимъ и въ атрибутивное прилагательное обращается то то, то другое изъ сочетаемыхъ существительныхъ: „*товарная* покупка“ (= покупка товара), „дѣло въ *вывозномъ* бобылѣ“ А. до Ю. Б., „записка въ *былой* жонки“ Ibid., „челобитье въ... *выдраныхъ* листехъ“ Ibid., тогда какъ въ позднѣйшихъ яз. и не въ метонимическихъ случаяхъ определяемымъ существительнымъ бываетъ только имя дѣйствія: о *вывозѣ* бобыля, о *побытѣ* жонки, о *выдраніи* листовъ*).

508

509

Сюда же должны б. отнесены примѣры и съ определяемымъ существительнымъ *nominis agentis*: ц.-слав. *земельный* дѣлатель, *серебрянъ* ковачь; въ нынѣшнемъ яз.: *часовой* мастеръ, *рыбный*, *винный* торговецъ, причемъ однако 1) не обычны относительныя прилагательныя, получившія *качественный* отбѣнокъ значенія (*железный* кузнецъ, *деревянный* мастеръ), и 2) атрибутивъ *объекта* вовсе не соединяется съ определяемымъ именемъ: говорится «мастеръ *стѣнныхъ* часовъ», но не возможно сказать: «часовой *стѣнный* мастеръ», «винный *крымскій* (=крымскихъ винъ) торговецъ».

Метонимич. выраженія, возникающія изъ сочетанія именъ *орудія* или *средства* и *дѣйствія* или *страдательности*.

По аналогіи съ метонимическими выраженіями, основанными на сходствѣ между причиною и слѣдствіемъ, между производителемъ и произведеніемъ, возникли въ языкѣ метонимическіе обороты изъ сочетаній и такихъ существительныхъ, изъ коихъ одно означаетъ не производителя и не причину, а *орудіе* или *средство*, другое же выражаетъ *дѣйствіе* или *страдательность*: «*мертвое* мыло», т. е. не то мыло, которое умерщвляетъ, а то, *которымъ* обмываютъ умершаго; «*спасенный* путь», т. е. путь, *которымъ* спасаются; «*благословенная* купница» А. Пет., т. е. купница (плата), за которую получается епископское благословеніе; «оружье княже *милостное*» Ипат., т. е. оружіе, на которомъ проявилась милость княжеская, и пр.

510

О различіи значеній *притяжательно-относительныхъ прилагательныхъ* на *овз* (старин. *уй*), *инз*, *ь* (= *яѣ*; *ячий*), *ий*, *ьскз*, *ьнь*, *ьнз* въ *качествахъ атрибутовъ*.

Членность и безчленность прилагательныхъ, какъ средство различенія ихъ въ новомъ яз.

1) Новый великор. языкъ при помощи *именного* и *стоименнаго* склоненія прилагательныхъ стремится установить разницу ихъ отношенія къ определяемымъ существительнымъ, обозначающимъ *особь* (лицо), *множество* (или родовое понятіе) и *дѣйствіе*, какъ вещь. Такъ, *именныя* притяжательныя (Ивановъ, Марьинъ), а также и *субстантивированныя* прилагательныя (Ярославль, Смоленскъ),

*) Но можно бы сказать паратактически: о бобылѣ о *вывозѣ*, о жонкѣ о *побытѣ*, что свидѣтельствовало бы еще о болѣе древнемъ строѣ рѣчи, чѣмъ гипотактическіе обороты съ *атрибутивнымъ прилагательнымъ*. И. Б.

суть *личныя*, принадлежащія одному лицу, *мѣстоименныя* же прилагательныя притяжательныя, а также и относительныя суть *родовыя* (гозловый, лебяжій, отцовскій, разбойный, воскресный). По по направленію къ старшій разница эта теряется: родовыя притяжательныя и относительныя могли ставиться въ именной или безличной формѣ, а личныя притяжательныя и субстантивированныя въ мѣстоименной: «жена *эла* мѣжа на оубійство остритъ, акы *Иродова* Прода» Изб. 1073; «преставися *Мьстиславля* Хрьстина» Повг. I; «приѣха княгини великая *Романовая*» Ппат., «о жени внука своего *Поревною*» Ппат. «Нелѣпитеся къ церкви ходити и на заутреню, и на обѣдно, и на *вечернюю*» Поуч. Луг. Ж.; «сему старцу отстоявшю *утренюю*» Лавр., по «*заутрени* еуже годниѣ» Лавр.

2) Независимо отъ членности и безчленности, новый литературный яз. въ нѣкоторыхъ случаяхъ присваиваетъ притяжательнымъ личнымъ одни окончанія (*овъ, инъ*), а притяжательнымъ родовымъ и относительнымъ другія (*скій*): *царевъ* и *царскій* (царская пышность), *свининъ* и *свинскій* и др. Первоначально же всякое притяжательное есть *личное*, предполагающее въ существительномъ, отъ котораго образовано, *особь*: въ выраженіяхъ «княгини *Володимеря*» и «свѣтъ *мѣсѣчи*» «мѣсѣцъ» столь же лично, какъ и «Володимеръ». Но позднѣе устанавливается разница между лицомъ и вещью, *особь* синекдохически принимается за родъ, мыслится все неопредѣленнѣе, и прилагательное при особи переходитъ изъ притяжательнаго личнаго въ родовое и относительное, приближаясь къ безотносительному, *качественному*. Поэтому, чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ обычнѣе въ немъ употребленіе *теперешнихъ* притяжательныхъ родовыхъ и относительныхъ въ смыслѣ *личныхъ*. По этой причинѣ тамъ, гдѣ мы теперь ставимъ прилагательныя относительныя, въ ц.-слав. и стар. рус. яз. употребляются притяжательныя прилаг. съ суф. *овъ* и *ъ* (жъ): ц.-сл. «разореніе *Иерусалимова* града *жидовьска*»; «пенадобѣ имъ... ни *тиунъ*» (=тиунскій) кормъ, ни *праведничковъ*, ни *доводничковъ* поборъ вм. праведничій, доводчичій) А. Ист.; «занасы пзготовить... людьми *помыщниковыми* и *вотчинниковыми* и *архіепископлыми* крестьяны» А. до Ю. Б. Для выраженія же относительности, къ притяжательнымъ на *овъ* и *ъ* (жъ) прибавлялись суф. *ьскъ, ѣнъ*: Петровскій, ц.-сл. «снлшше *свѣтовное*».

Прилаг. съ суф. *инъ* отъ именъ существительныхъ на *а* и *ъ* тоже сперва были притяжательными личными, которыя потомъ перешли къ относительности: «*волостелинъ* кормъ» Ак. Ист. (=кормъ волостеля, волостелевъ, а потомъ волостельскій), *татинъ* сперва—принадлежащій татю, а затѣмъ воровской: «*бромъ* разбойныхъ и *татиныхъ* дѣлъ» Котош.

Прилаг. относит. съ суф. *ьскъ* въ стар. языкѣ могли означать также

Различіе въ новомъ яз. значеній—*овъ, инъ* и—*скій* и безразличіе въ старомъ

511

512.

513

514

515

принадлежность: *русскій* = принадлежащій Руси, какъ собирательной особи, *Петровскіе жары*, *Крещенскіе морозы* имѣли такое же значеніе, какъ *Благовѣщеневъ день*, и замѣнялись иногда существительнымъ *родительнаго пад.* множ. ч.: «*вдовы шляхтичовъ*» (= *шляхтенія*) А. З. Р., «*мѣсто Гришинское*, (Гриши) *Ефремова*» А. до Ю. Б. Но для обозначенія *кровнаго* происхожденія болѣе употребительно прилаг. притяж. на *овъ*, а не *ьскъ*: «*сестра* *Олександра Васильева дочь Одреевича*, а *Оедоровская жена Ивановича*» А. Ю. (= *дочь* *Василья Одреевича*, *жена* *Федора Ивановича*).

516

Особенности употребленія атрибутивнаго существительнаго при прилагательныхъ притяжательныхъ.

517

Т. обр. въ старинномъ языкѣ существительное принадлежитъ для придаенія большей конкретности опредѣляемому существительному обращается въ прилагательное притяжательное. Теперь спрашивается, какъ поступалъ языкъ съ тѣми атрибутивными существительными, которые бывають при родительномъ принадлежности?—Въ оборотахъ, какъ «*сынъ князя Володимира*», при обращеніи существительнаго принадлежности (*Володимира*) въ прилагательное притяжательное; обыкновенно и атрибутивное при немъ существительное (*князь*) обращается въ прилагат. притяжательное: «*преставился Романъ князь сынъ Володимиръ*» (= *сынъ князя Володимира*) Лавр. Но если атрибутивное сущ. составляетъ одно сложное слово со своимъ бывшимъ опредѣляемымъ, то не переходитъ оно въ прилаг. притяжательное: «*князь—Семеновъ помѣстье*» (= *помѣстье князь—Семена*) А. до Ю. Б. Кромѣ того наблюдается нѣсколько случаевъ въ старинномъ языкѣ, когда атрибутивное существительное могло оставаться и въ род. падежѣ послѣ перехода существительнаго принадлежности въ прилагательное притяжательное. Такъ, если атрибутивное существительное стоитъ въ болѣе отдаленной связи съ опредѣляемымъ или имѣетъ при себѣ свое опредѣленіе (*домъ Маріи, матере Иоанновы*), то можетъ, а иногда и должно оставаться въ формѣ *родительнаго принадлежности*, который чаще ставился постпозитивно и рѣже—препозитивно.

Образцы постпозитивной и препозитивной постановки атрибутивнаго существительнаго въ род. падежѣ.

518

а) Образецъ ц.-сл. «въ дому *Симоновъ усмаря*», древ. рус.: «*пещера Иоаннова Предтечи*» Дан. Нал.; «*туже и Павловъ домъ бысть апостола*» Ив.—Особенно употребителенъ при этомъ въ старин. рус. яз. родительный *отчественныхъ* именъ (*patronimica*): «*княженъ Романовъ Ростиславича*» Инат., «*пошла зашь (дочь) Петровну Михалковича*» Лавр., а также прозвища: «*Степанъ да Петръ Васильевы дѣти Зяблайо*» (= *дѣти Василья Зяблага*) С. Г. Гр. Но когда личные прозвища стали переходить потомъ въ родовыя, тогда и род. падежъ призвища замѣнялся согласуемымъ прилагательнымъ: «*князь Михаилъ князь Юрьевъ сынъ Лыковъ*» Ibid.

519

б) Образецъ «*Елхимъ князя Юрьевъ бояринъ*», *Короля Жигимонтовъ*.

сынъ Владиславъ» А. Ю. и З. Р.; «отказалъ ему Рязанца Игнатиево помѣстье» А. до Ю. Б.

в) Когда атрибутивное существительное при притяжательномъ имѣетъ свое опредѣленіе, тогда род. п. ставится то послѣ притяжательнаго, то передъ нимъ: «домъ *Маринъ, матери Іоанновы*»; «дворъ *Іудинъ, предателя Христова*», «до гроба *Рохалина, матери Іосифовы*» Дан. Пал.; «въ царствѣ *Ісаковъ, брата своего*» Повг. І.; «до перваго лѣта *Олюва, русскаго князя*» Лавр. — «Воевали волость *брата* его Давидову и *сына* его Ростиславлю» Пнат.

520

г) При притяжательномъ можетъ стоять въ качествѣ атрибута не только атрибутивное существительное, но и прилагательное или причастіе; которыя также ставились въ род. падежѣ и, повидимому, только постпозитивно: «до гроба *Рахилина, матери Іосифовы Прекраснаго*» (= *Іосифа Прекраснаго*) Дан. Пал. — «О волость Герцюкову *убыеную*» Пнат. (= Герцюка убитаго); «по убійеніи же Герцюковъ, *рекомаю* Фридриха» Пнат.

д) При этомъ вмѣсто родительнаго падежа причастія и прилагательнаго могло ставиться цѣлое предложеніе съ мѣстоименіями относительнымъ и указательнымъ, которыя относятся къ атрибутивному притяжательному: «поминая *слово Господне* (= Господа), *иже* (Г-дь) рече» Лавр.; «до *Герасимова* монастыря, *ему же* (Герасиму) лютый звѣрь поработа, верета едина» Дан. Пал.; «а отгуду до гроба *Асафатова*... то бо (= *тѣ, т. е. Асафатъ*) есть былъ царь Юудейскій» Пв. — Въ заглавіяхъ: «о *царевниныхъ* покоехъ и о житіи *ихъ*» (= *царевенъ*) Котош. Даже у Карамз.: «при сихъ словахъ прервался *Лафатеровъ* голосъ; *онъ* (Лафатеръ) утерся платкомъ» *). Ср. III, 341.

521

е) Иногда, впрочемъ, прилаг. притяж. и род. п. существительнаго, отъ котораго могло бы также образоваться притяжательное, стоять рядомъ: «повелею *Всеволода и Святославлю*» Пнат. Однако рус. языкъ болѣе древняго строя, въ силу стремленія къ наибольшей конкретности опредѣляемаго имени, предпочитаетъ ставить прилагательныя вм. родит. принадлежности (Ср. III, 488, 494), при чемъ и самыя прилагат. притяжательныя и относительныя, безъ сомнѣнія, были тогда болѣе конкретны, чѣмъ въ нынѣшнемъ яз., доказательствомъ чего служить уже то одно, что опредѣленіе и придат. опред. предлож. относились къ нимъ какъ бы къ существительному: «домъ *Симоновъ усмаря*» (= *Симона* усмаря), «слово *Господне, иже* рече (слово *Господа, иже* рече). Наоборотъ, въ языкѣ новаго строя такія сочетанія устранины, пот. что атрибутивныя притяжательныя уже мало напоминаютъ сознанію о субстанціи того существительнаго, отъ котораго они образованы, и

522

523

*) Для избѣжанія двусмыслицы и неясности при этомъ въ старин. рус. яз. нерѣдко повторялось въ придат. предл. *существительное*, отъ котораго образовано притяж. прил.: «дается на *церковное* строеніе, *которые* церкви бываютъ разорены» Котош. (Ср. выше III, 338 и слѣд.) И. Б.

мыслятся отвлеченно. Поэтому-то и ставится теперь въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто прилагательнаго род. пад. принадлежности: «домъ *Симона усмаря*» (или архангѣ: домъ *Симоновъ усмаревъ*), слово *Господа*, Который сказалъ.

Прилагательныя притяжательныя и род. принадлежности
 двусмысленные образцы съ при- въ старш. яз. мог. означать принадлежность какъ произ-
 лаг. притяжательнымъ и род. водителю дѣйствія (субъекту), такъ и постороннему лицу или
 принадлежности. предмету (объекту). Отс. происходила двусмысленность въ по-
 нимаши опредѣляемаго существительнаго. Образцы «страхъ *Игемоновъ*» и
 «страхъ *Игемона*» двусмысленны и могутъ быть точно понимаемы лишь изъ
 контекста; они означаютъ или страхъ, испытываемый самимъ *Игемономъ*,
 или страхъ, производимый имъ на другихъ. Такихъ примѣровъ множество:
 524 «побѣда наша» = или мы побѣдили, или насъ побѣдили: «и жался о по-
 бѣдѣ земли руское» (= что рус. земля побѣждена) Плат.; «обида наша» =
 =мы или насъ обидѣли: «за обиду *Олеву*» (= перенесенную Олегомъ) Сл.
 о П. Пг.; «нужа моя» = я понуждаю или испытываю понужденіе; «воля, не-
 525 воля моя» = я воленъ, неволенъ или я неволю; принуждаю: «Мстиславъ и
 Володимиръ... поподиши неволю татарскую» Плат.; «гроза моя» = гроза, про-
 526 изводимая или испытываемая мною; «царская кручина» = печаль царя или
 гибѣнь царскій на кого; «дань моя» = я даю или мнѣ даютъ: «гибель моя»
 = я гибну, погибъ или что у меня погибло, т. е. моя потеря; «мой гра-
 527 бажъ» = заграбленное мною или заграбленное у меня; «чье цѣлованье» = кто
 цѣлуетъ и кому цѣлуютъ крестъ.

Переходъ отно-
 сительнымъ
 прилагательн. къ
 безотноситель-
 нымъ или каче-
 ственнымъ.

По мѣрѣ того, какъ связь прилагательнаго относитель-
 наго съ тѣмъ первообразнымъ существительнымъ, отъ котораго
 оно образовано, сознается все меньше и меньше, — прилагатель-
 ное становится все отвлеченнѣе, безотносительнѣе и, наконецъ,
 получаетъ общее значеніе качества постояннаго. Такъ, истинный въ стар.
 528 яз. имѣло и общее значеніе: истинный, настоящий («хлѣбъ истинный»)
 и частное: принадлежащій истинѣ: «духъ истинный» (τὸ πνεῦμα τῆς
 ἀληθείας = духъ истины); въ новомъ же яз. имѣетъ постоянное качествен-
 ное значеніе: «имѣющій свойство истины»; «звѣрская смерть» значитъ те-
 перь только «жестокая», а не «отъ звѣря», какъ значило въ старш. яз.

Возведеніе частнаго значенія къ общему бываетъ двоякое:
 529 или одно частное получаетъ значеніе общаго (virtus — добродѣ-
 тель вообще), или же общее означаетъ двумя и нѣсколькими
 частными, что особенно распространено въ китайскомъ языкѣ, и индійскими
 грамматиками называется *двандва*; напр. у китайцевъ «разстояніе» обозна-
 чается сочетаніемъ противоположныхъ частныхъ: «далеко-близко», «вѣсь» —
 сочетаніемъ: «тяжело-легко». Подобный же способъ выраженія общихъ по

пятии, повидимому, свойственъ быть и древнимъ славянскимъ языкамъ, напр. «*братъсестра*» (др. ч.), род. братъсестрома; *мѣжеженъми* (Микл. Gr. II, 378).

Въ устной русской словесности, а отчасти и въ просторѣчии довольно часты, хотя и не сложенія «братъсестра», но все-таки сближенія грамматически самостоятельныхъ словъ, при чемъ сочетаніе словъ бываетъ то а) *соединительное*, то б) *раздѣлительное*. Вотъ образцы сочетанія *соединительнаго*: «*отецъ-мать*» (=родители): «*отецъ-мать* молодца во любви *держалъ*»; *хлѣбъ-соль*, *родъ-племя* (вообще родственники): «и весь *родъ-племя* отрекался»; *бой-грабѣжъ*, *лукъ-колчанъ*, *питье-кушанье*, *кушачекъ-колпачекъ* (=остальная одежда), *князь-бояря*, *грибы-ягоды*, *пыль-туманъ*, *цуси-лебеди*. Тоже въ мр. и болгар. яз. Нарѣдка соединяются кромѣ существительныхъ и другія части рѣчи: «*дерево тонко-высоко*», «*бѣла-румяна*», «*криво-прямо*» (=какъ-нибудь), «*такъ-сякъ*», «*живъ-здоровъ*»; мр.: «*постріляйте-порубайте*». — Во всѣхъ этихъ примѣрахъ обобщеніе вытекаетъ изъ отношенія *соединительнаго* (то и то), но обобщеніе можетъ вытекать и изъ отношенія *раздѣлительнаго* съ значеніемъ «или то, или другое, но нѣчто въ томъ же родѣ», напр. «*налина-малина*, *красная смородина*». И такого рода сочетаніе не есть сочетаніе синонимовъ, какъ *путь-дорога* (ибо здѣсь сочетаются совершенно различныя одна отъ другой существіи), а перечисленіе двухъ или нѣсколькихъ, часто *несовмѣстныхъ*, предметовъ для обозначенія предмета *общаго*; напр. *орда-Литва*, т. е., государство вообще; *царь-король*, т. е., правитель вообще; *Индья-Кореда*, т. е. отдаленная какая-то страна; «изъ-подъ дуба... изъ-подъ вяза... изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова... изъ-подъ камышка было изъ-подъ бѣлаго пала-выпала мать Ибръ-рѣка» (Гильф.), т. е., ни изъ-подъ того, другого и третьяго, а изъ-подъ *лѣсу* вообще выпала Дибирь. — «И я золото хорошо, чисто *серебро* хорошу», т. е., не золото и серебро, а безразлично — *дорогой перстень*. Другіе подобные же обороты: *звѣриное-змпное*, *соколъ-кречетъ*, *бурушка-коурушка*, *цуси-лебеди*, *фруша-яблонь*, *туры-олени*, *турки-татары*, *Дунай-море*, *вишни-черешни*, *сизцы-воронцы*, *атаманы-молодцы* и т. п.

Сюда же относится выраженіе *неопредѣленности числа* посредствомъ сопоставленія *меньшаго* и *большаго* въ *восходящемъ* направленіи: два-три» (а не «три-два»), при чемъ меньшее и большее или соединяется раздѣлительнымъ союзомъ, или не соединяется: «и бывъ *малое* или *многое* время (т. е. *нѣкоторое* время), поѣдетъ къ жєнѣху» Котош. — «Меня мати хочеть бити *по три* утра *по чєтыре*» Шейнъ. Рус. нар. п. — Тоже въ мр. и серб. языкахъ: «*два-три*», «до два—до *три*» для выраженія неопредѣленности. — Сочетанія такого рода при выраженіи неопредѣленности могутъ замѣняться еще вопросительными частіцами (рус. *ли*, мр. *чи* и *чили*) и

Выраженіе неопредѣленности числ. посредствомъ сопоставленія меньшаго и большаго и чрезъ отрицаніе *ли* въ сравненіяхъ.

530

531

532

533-8

537-8

539

540

541

- отрицаніемъ *не* въ положительно отрицательныхъ сравненіяхъ: «велише впрямъ три-ли, 4-ли, 5-ли женъ въ телѣгу и повезти Обрѣна» Лавр.—«Чи три, чи чотири»?—Положительно-отриц. сравненіе: «Ой у лузі въ лузі червона *калина*, ой то же *не калина*, молода дівчина». Это „*не*“ въ сравненіяхъ является началомъ перехода къ значенію сравнительной частицы *какъ* и при числительныхъ сближается съ старин. русскимъ *нѣ* (=не есть) для обозначенія неопредѣленности: „нѣ триста“=около 300 (Ср. II, 423), „триста нѣ“ (=не есть) триста“, т. е. *какъ бы* триста, около трехъ сотъ. Когда же соединяются оба способа—и вопросительный, и отрицательный, то получается форма: «чи три, чи не три», а при опущеніи первой половины является «чи не три» (=почти три); «наши брѣти були *чи не шестма* годами старші від насъ». Въ стар. рус. яз. подобное опущеніе первой половины при раздѣлительномъ сочетаніи: «и отаща полонъ весь (у Литвы), а княжницъ (Литовскихъ) пѣче Александръ *или болѣ 8*» (т. е., осмь *или болѣ осми*) Новг. I.
- 543-4 Въ финскомъ эпосѣ (Калевала) подобное же сочетаніе числительныхъ для обозначенія неопредѣленности: «вотъ *четыре* дѣвы, видитъ, даже *пять* невѣстъ... топоръ свой точитъ на *шести* кускахъ кремневыхъ, на *семи* точильныхъ камняхъ, тамъ *шесть* зернышекъ находить, *семь* сѣмянъ онъ поднимаетъ» (Калевала, перев. Бѣльскаго, стихи 26—30).
- 545 Отриц. *не*, дающее слову положительное противоположное значеніе (*недругъ*): Отрицаніе *не* въ славянскихъ языкахъ (а отчасти и въ другихъ) не только отрицаетъ значеніе того слова, въ тѣсную связь съ которымъ входитъ, но и превращаетъ значеніе въ положительное противоположное: «*недругъ*», т. е. врагъ, «*нехудъ*», т. е. хорошъ («*нехуда* гнѣзда шестокрыльци» Сл. о II. Нг.), *недугъ*, *недужный* (слабый), *немочь*, *нелегкая* (сила), т. е. тяжкая. При этомъ есть и такія отрицательныя слова съ положительнымъ противоположнымъ значеніемъ, которые происходятъ отъ первообразныхъ *неотрицательныхъ* словъ, заключавшихъ въ себѣ не общее, какъ теперь, а *частное* значеніе съ отѣнкомъ одобренія; напр. *непогода* отъ «погода» съ частнымъ значеніемъ лишь *хорошей* погоды, *благопріятная* времени: «*непогоды* есть зимъ воевати» Плат.; мнр. *неслава* (безчестье) отъ «слава» съ значеніемъ лишь *доброй* славы; *нелюдь* (дурной народъ) отъ «люди» съ значеніемъ лишь *постоящихъ*, хорошихъ людей; *непутица* (распутица) отъ «путь» съ значеніемъ *хорошій* путь, откуда *путный* (человѣкъ), *непутевый*; древ. рус. *неверемя* (безвременье) отъ «время» съ значеніемъ *добрая* пора; *нежитье* (ссора) отъ «житье» съ значеніемъ *мирнаго* житія; *неречь* (неправда) отъ „речь“ съ значеніемъ *правдиваго* слова: „ты неправду говоришь и *неречь* ты кажешь“ Шейнъ, Рус. и. п.—Когда сопоставляются др. съ др. такія соединительное и раздѣлительное сочетаніе утвердительныя и отрицательныя по формѣ слова, тогда полу-

чается значеніе *малости, непрочности* качества общаго по-
 нятія. Такъ а) при сочетаніи *соединительномъ* въ сербск. утвердитель-
ныхъ и отрица-
тельныхъ словъ.
 „вѣра и невѣра“ означаютъ *ненадежность*: не то вѣрить, не то не вѣрить.
 Тоже и въ примѣненіи къ глаголу: «пдучи не пдаху» Ипат. = шли-ншли,
 т. е. шли *медленно, съ трудомъ*; «выспалась-не выспалась»; «Пля-то тутъ
 и былъ и нитъ» Кпр. — Такое же значеніе получается при сочетаніи словъ
 противоположнаго значенія и безъ отрицанія: «Игорь спитъ, Игорь бдитъ»
 Сл. о п. II, т. е., полуснитъ, полубодствуешь. б) Соединительному соче-
 танію соответствуетъ по значенію сочетаніе утвердительныхъ и отрица-
 тельныхъ словъ въ формѣ вопроса: лп-ли, мр. чи-чи; напр. «чи спала, чи не
 спала (=мало спала), а ухоніла відра и пійшла по воду» Квит. — «Вона ти-
 хесенью устала, чи обулася, чи ні» Id. — Чи іла, чи неіла (=зѣла трохи) Ів. *) 548
 549
 550-551

II.

Тождесловіе, сочетаніе синонимовъ.

552

«Сочетаніе синонимовъ, словъ различнаго происхожденія, должно раз-
 сматриваться какъ средство создать *новое* значеніе», гов. Потебня.

Первоначально сочетаемые синонимы, напр. *путь-дорога*, Происхожденіе
синонимиче-
скихъ оборотовъ
изъ словъ не-
синонимиче-
скихъ.
 означали различныя вещи, какъ и сочетанія несинонимическія:
хлѣбъ-соль (Ср. выше III, 530 и сл.), съ тою лишь разницею,
 что въ синонимическихъ сочетаніяхъ есть нѣкоторое совпаденіе
 значеній синонимовъ, какъ напр. въ стар. влр. словахъ *животы* и *стапки*.
 Первоначально значенія этихъ словъ не совпадаютъ и лишь потомъ обобща-
 ются: *животъ* сперва *живое* имущество (скотъ), затѣмъ — *движимое и не-*
движимое имущество и деньги, *статокъ* же (во множ. ч.) сперва — *недви-*
жимое имущество, а затѣмъ и *движимое*, такъ что уже въ смыслѣ сино-
 нимическаго сочетанія оба эти слова стали употребляться безразлично съ
 значеніемъ движимаго: скотъ, хлѣбъ, драгоценности. 553-4

Путь-дорога: «путь» въ XII в. (Поуч. Вл. М.), между
 прочимъ, употреблялось въ значеніи *военнаго похода*, позднѣе
 сблизилось со словомъ «дорога», а въ 16—17 вв. «путь» и
 «дорога» стали уже тавтологичны: «ой пришовъ козакъ з *війська*
 з *дороги*», «въ *військо-дорогу* виряжай мене» Чуб. — *Честъ-хвала, честъ-*
слава: сперва «хвала» и «слава» были атрибутами къ «честъ» и лишь по-
Образцы синони-
мическихъ соче-
таній изъ суще-
ствительныхъ,
прилагатель-
ныхъ, глаголовъ
и нарѣчій.

*) Отлично отъ этихъ сочетаній сочетаніе *раздѣлительное*, дающее въ ре-
 зультатъ значеніе: «такъ или иначе», «все равно»; напр. влр.: «была — не была!»
 т. е., такъ или иначе, все равно. Тоже въ польск. и мр. яз.; напр. «*rad-nierad*»;
 «*поможись-не поможись*», а въ калиточку уложись, говорила знахарка, пряча
 деньги за лѣченіе, т. е. «*такъ или иначе*», «какъ бы ни было» — «*все равно*», а въ
 калиточку ложись.

томъ стали тавтологичны.—Млр. *до суду—до віку*, т. е. до смерти*). Млр. *кохати-любити* тавтологичны, но въ польскомъ *коха́е* сильнѣе, чѣмъ *лю́біе*.—Вар.: *страсти-ужасти* (Ивр.), *безъ жалости безъ малости, житье-бытье, кручина-тоска, ростомъ-возрастомъ, не промъ-не стукъ, письмо-грамота, ясенъ-красенъ, сопливая-дремливая, трудна-больна; высматривалъ-выглядывалъ, ходилъ-гулялъ, журишь-бранишь, ни сжить-ни сбыть, спать-лежать; „думай-гадай“* (Ипат.), „думали та гадали“ (З. о Ю. Р.); „какъ нулечку тонеречку“ (Гильф.), *потихошечку-полеюшечку* (Шейшъ): Млр. „*тутечка-здесечка*“ и др.

Отдѣльные образцы изъ повторенія того же слова.

Образецъ *днь-днь*—повтореніе слова въ той же формѣ для усиленія значенія, а по отношенію ко времени для выраженія учащести. днѣльности: *«днь-днь иштууть»* Избор. 1073 г., *добрый-добрый* (т. е. очень), *мьтъ-мьтъ* (много, долго).

Обр. *хвать-пoxвать, ходить-походить*, гдѣ предлогъ *по* означаетъ *послѣдовательность*, а глаголъ съ предлогомъ бываетъ вида несовершеннаго: *«бьютъ-побьютъ 30 кораблей»*, *«плыли-поплыли 4 утѣны»*, *«думаю-подумаю»*, *«тѣшитъ-потѣшитъ»*.—Съ другимъ предлогомъ и со значеніемъ совершеннымъ: *«мела-повымела»*, *«енился-присенился»*. Съ болѣе длительной формою на *аѣ* (млр.) и *ива* (влр.): *«видѣла-сповидала»*, *«кляла-проклинала»*, *«кличе-покликаѣ, курить-рокурѣѣ»*.

Повтореніе (удвоеніе и утроеніе) слова является также средствомъ для представленія продолжительности дѣйствія и интензивности качества: *«ждала я ждала, ждала ѣ дождала»*; *«шла, шла... и вдругъ...»*, *«ходитъ-похаживаетъ»*. „И вотъ одна, одна Татьяна“ Пушкин.—*«Едва, едва таскаю ноги»* Пушкин.—*«И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... 35 тысячъ однихъ курьеровъ»* Гоголь.

Таеология **). Изъ повторенія вытекаетъ тавтологія; но не всякое повтореніе одного и того же слова составляетъ тавтологію; напр. *«дымомъ дымится подъ тобою (Русь) дорога»* (Гоголь) есть тавтологія, но *«стоитъ того, чтобъ о немъ только потолковать»* (Гоголь)—не тавтологія.

Образцы тавтологій особаго рода:

1) „Скажите не утайте“, „малъ не великъ“, т. е. за утвердительнымъ значеніемъ перваго слова слѣдуетъ отрицательное, которое однако означаетъ то же, что и первое слово. Такъ сопоставляются глаголы, прилагательныя, нарѣчія и—рѣже—существительныя. Иногда же сначала ставится отрицаніе, а потомъ утвержденіе: „Изяслава тѣ ся неотлучати, но... съ нимъ быти“ Ипат.—„А подати (съ мужиковъ) имати по силѣ... а не черезъ силу“ Котош.—„А ходять они не дороюю, бездорожницей“ Гильф.—

*) Ср. «на судъ приведе» Сл. о п. И. И. Б.

**) Опредѣленія тавтологій у Потебни вѣтъ. И. И. Б.

„И вечеръ же, бѣратцы, былъ *женѣтъ не холостѣ*, а шнечу я сталъ *холостѣ не женатѣ*“ Ibid.—Тоже въ влр. и серб. яз.

2. а) „*Не кто*, (з) *самѣ*“... и б) „*ни кто не... только*“... Въ этого рода тавтологіяхъ отрицаніе всегда въ началѣ, а противительное второе предположеніе придастъ утвержденію наибольшую выразительность: а) „*Не кто гонить, самѣ бѣжить*“, „*не кою зовуть, тебя (зовуть)*“;—б) „*Ни кому ты, моя кручинушка не извѣстна, извѣстна (только) ты, моя кручинушка, ретиву сердцу*“ Шейнъ.—„*Ничего поле не породило, породило поле часть рапировъ кустѣ*“.—Тоже въ млр., серб., болг. яз.

III.

Грамматическій родъ.*)

Ученые (Гумбольдтъ, Поттъ, Штейнталь, Миклош.) думаютъ, что *грамматическій родъ* свойственъ языкамъ только индоевропейскаго, семитическаго и египетскаго племени, а остальные различаютъ лишь *полъ*, при чемъ *средній родъ* различаютъ только индоевропейскіе языки, изъ коихъ въ романскихъ, кельтскихъ и литовско-латышскомъ языкахъ въ относительно недавнее время *средній родъ* вовсе исчезаетъ, а въ великорусскомъ обнаруживается стремленіе замѣнить *средній родъ* мужескимъ: „*яблокъ садовой*“, „*вины*“. Поэтому на грамматическій родъ нужно смотрѣть, какъ на явленіе, порожденное *временными* потребностями мысли и притомъ *національной*, а не общечеловѣческой.—Миклошичъ (Гр. IV, 18) согласно съ Гумбольдтомъ предполагаетъ, что первобытный человѣкъ еще неспособный замѣтить разницу между собой и вышними предметами, представлялъ ихъ такими же *живыми* существами, какъ и онъ самъ, дѣлая при этомъ *полъ* существа *родомъ словъ*. Отсюда два рода—мужескій и женскій въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. семитическихъ и египетскомъ. Спенсеръ справедливо отвергаетъ этотъ взглядъ на неспособность первобытнаго человѣка отличать вышній міръ отъ своего „я“, а Поттъ прибавляетъ, что если человѣкъ и олицетворяетъ въ свое время вещи, то дѣлалъ это по другой причинѣ, а именно—„для различія понятій и для установленія *сходствъ* и *различій* въ отѣнкахъ“, что придавало мысли „эстетическую оболочку“, т. е. сопровождалось удовольствіемъ отъ красоты. Точно также и „*различіе родовъ* въ языкѣ сообщаетъ ему своеобразную прелесть“ (Микл. Гр. IV, 19).

Какими же средствами располагаемъ мы для различія понятій по *сходству* и *различію*?—Это сходство и различіе выражаемъ мы съ одной сто-

*) Эта статья должна служить дополненіемъ къ главѣ V: „Происхожденіе разрядовъ существительнаго“ (III, 101—128). И. Б.

Взглядъ ученыхъ на родъ именъ по сравнению съ поломъ

Грамматическій родъ, какъ средство для установленія сходства и различія отѣнковъ въ понятіяхъ.

роны *пространственно*: „близокъ“—„ѣжика“ (affinis) = соседъ по мѣсту, потому—родственникъ, а съ другой—*человѣческими отношеніями родства и свойствъ*: въ одной нѣспѣ напр. сходство *частныхъ* понятій, входящихъ въ составъ *родового* „мучныя кушанья“, представлено въ видѣ *свадьбы* „блина“

Лексическое обозначеніе родства и свойства, какъ принадлежности частныхъ понятій къ роду, семейству.

и „олады“, остальные же частныя понятія этого рода называются *свахами, дружками, гостями* (З. о Ю. Р. II, 27).

Въ Великороссіи до 17 в. имена разныхъ нечеловѣческихъ даже собственными, откуда произошли фамиліи *Колачевъ, Пироговъ*, а иногда отецъ, сынъ и внуки носили хлѣбныя имена:

- 577 *Оладыя, Коровая, Блины, Куличи* и т. п., какъ напоминанія о *родствѣ* разныхъ печеній, составляющихъ одинъ *родъ, семейство*. Въ ц.-слав. яз. для выраженія *близости видовъ* служило слово *ѣжичьство* (у I. Экз. Б: ежичьство); *вещь и явленіе*, родственныя между собою, назывались *братъ*
578 и *сестра*, какъ и теперь: то отношеніе близости, которое мы выражаемъ нынѣ словами: „и проч.“, „и т. под.“, до недавняго времени въ влр. яз. выражалось: „сѣ *товарищи*“: „много городовъ турецкихъ: *Килія* градъ сѣ *товарищи*“ Пут. Лукьян. Для выраженія единства *родины*, какъ большой
579 семьи, въ стар. рус. яз. служилъ *сынъ* (во множ. ч.): „Господь хвалимъ отъ русскихъ *сыновъ*“ Лавр.—„Немизъ кровави брезѣ... поѣяши костью Рускихъ *сыновъ*“ Сл. о П. II. Для обозначенія *единомышленниковъ* и *близкихъ приближенныхъ* кого-либо употреблялось сущ. *чадь*: „Ротнѣорова *чадь*“ Плат., т. е. единомышленники его; „Аптіхова *чадь*“ = *о! пері*
580 *тѣ* „Аптіховъ“ и т. п.

Гримальиче-ское обозначеніе отношеній къ роду, племені, посредствомъ суффиксовъ.

Кромѣ *лексическаго* обозначенія близости понятій, выражаемаго особыми словами: сынъ, чадь и т. д., отношенія къ роду, племені, странѣ, а также и указаніе на происхожденіе отъ особи (патронимичность) выражаются и чисто грамматически, *суффиксами*. Такъ,

суф. рус. *ичь* (ц.-сл. *ишть*) образуетъ а) имена *малыхъ вещей* и *молодыхъ жизнотныхъ*: „дѣтишъ“, „пѣртишъ“. Рус. яз. не оставилъ слѣдовъ образованія уменьшительныхъ именъ на *ичь**, а слѣды образованія молодыхъ животныхъ есть: „пѣтичъ“ (птичка) Сл. о П. II.—б) Суф. *ичь* образуетъ имена *людей по отчеству и материнству* (муж. и жен. р.) во всѣхъ слав. нарѣчійхъ, причеиъ *ичь* или 1) присоединяется прямо къ темъ существительнаго: *Пльичъ, дѣдичъ, отьичъ*, или 2) къ суффиксамъ притяжательныхъ прилагательныхъ *ів, ов, (жен. овьна), ин* (жен. иньчка): *Святославичъ, Олговичъ*. При этомъ къ формальному *ичь* присоединялось лексическое „сынъ“, „дочь“: „Наяя Муромецъ, *сынъ* Ивановичъ“, „Забава *дочь* Путятинна“, а за не-

*) Быть можетъ, слова съ этимъ отгѣнкомъ перешли въ форму—*ице*: отроичце, дѣтице.

имѣи́емъ отчества—паратактично: „Васютычка сынъ пшяницѣ“.—в) Имена на *ичь* отъ отечественности переходятъ къ значенію принадлежности къ дружинѣ, партіи, а также къ мѣстности, городу и странѣ: „Володимировичи“ т. е. войско и дружина Владимѣра, „Русичи“, „Псковичи“, „Родичи“—сынъ рода, принадлежащій къ роду.

Суф. *юкъ* (укъ). Измѣненія значеній этихъ именъ сходны съ *ичь*: а) уменьшит.: Мишукъ; б) отечеств.: Иванюкъ, Богданюкъ; в) принадлежность къ мѣстности, племени: Инъчукъ (отъ Инскъ), Севрюкъ (Сѣверянинъ).

Суф. *якъ* (акъ) съ тѣми же значеніями: а) польск. *dzieciak*; б) млр. Борисяк; в) млр. литвяк.

Суф. *ецъ* (Ср. III, 126-7), братецъ. а) Въ влр. съ XV в. образуются уменьшит. собственные на *ецъ* муж. р. и *ица* жен. (параллельно съ именами на *но*, *на*), но не обозначаютъ непременно малолѣтнихъ дѣтей: „холопъ твой Замятница Сабуровъ... Иванецъ Шереметьевъ, Богданко Сабуровъ, Данилецъ и Данилко Сабуровъ“; „раба твоя дѣвка Дарыца Петрова“; „приданая Анища“; „Анкины дѣти“; „Матренка Пвашкова жена“; „Родивонко“, „Иванко и др.—б) Отечественныхъ на *ецъ* и *ица*.—в) Съ значеніемъ принадлежности къ мѣсту мужескому роду свойственны—*ецъ*, а женскому—*ица* влр. *ица*: Вольнецъ, горецъ, Казанецъ (Казанка).

Суф. *ѣтъ* во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ образуетъ а) имена молодыхъ животныхъ и уменьшительныя: телѣ, отрочѣ средняя рода, а частью муж. и женскаго въ влр. на *я*: Оля, Костя, что особенно видно въ уменьшительныхъ съ суф. *ен* влр. *ѣтъ*: „Ол-енька, Кост-енька. По уменьшительныя личныя на *а* не предполагаютъ суф. *ѣтъ*: Дема, Степа, Лева, Ерема.—Усложненный суф. *ѣтъ-а* восходитъ къ глубокой древности: Жирята; по млр. суф. *ен-я*, род. *ен-яти* повѣе: гусеня, утень. Отс. б) млр. *patronimica* XIV—XVII в. включительно: Козеня, Козеняти; Мищеня, Мишеняти. Отечественное *ен-ко* восходитъ къ началу XVI в.: Митенко, Горленко.—Въ влр. яз. какъ имена образца *телѣ* переходятъ въ форму *ен-окъ*, такъ точно и *patronimica* (фамиліи), особенно въ монастыряхъ, прилегающихъ къ млр. губ.: Васька Балашинокъ, Горбаченокъ, Кулешенокъ.—в) Значеній принадлежности къ мѣсту съ суф. *ен* (*ѣтъ*) незамѣтно.

Выходя изъ мысли о человѣкообразности мышленія и языка, грамматическій родъ слѣдуетъ отнести къ числу тѣхъ *общихъ человѣкообразныхъ понятій* или категорій, къ которымъ относятся и понятія подлежащаго и сказуемаго; дѣйствія и причины. По въ то время какъ одни изъ этихъ категорій, каковы подлежащее и сказуемое, обыкновенно не кажутся намъ человѣкообразными, другія, напротивъ, носятъ печать человѣчности. Таковы категоріи *вражды* и *любви* для

Грамматич. родъ и полъ, какъ общія человѣкообраз. категоріи

выраженія причиннаго отношенія, категоріи *семейства, рода и пола* для выраженія отношеній *сходства*.

Взглядъ Плинія на предметы растений и ископаемыхъ.

Ползъ, какъ общая категорія всѣхъ вещей, находится въ связи съ возрѣніемъ, что всѣ *вещи живутъ* подобно человѣку и животнымъ. Возрѣніе это, доходящее въ языкахъ до нашего времени, весьма ясно высказывается и древними учеными. Такъ, Плиній въ своей „*Historia Naturae*“ говоритъ, что всѣ произведенія природы *не лишены души*, ибо *ничто не живетъ безъ нея* (начало XII кн.). Съ этой точки зрѣнія у Плинія *дерево, растение* есть *animal*, такъ какъ и въ растеніи есть кожа, кровь, мясо, жилы, кости и пр. (XVI, 72, 73). Ископаемая сходна съ растеніями: *камень рождается, растетъ, имѣетъ кровь* (Котом. 81, 91; кн. Б. Черт. 2204; Дан. Нал. изд. Пор. 33). Въ тѣлѣ земнаго шара камни суть кости, рыхлая земля есть тѣло. Согласно съ этимъ, въ растеніяхъ и ископаемыхъ есть *ползъ*. Слѣды этой метафоры о половомъ различіи всего органическаго и неорганическаго допускаются и нынѣшнюю наукою, признающею случаи дѣйствительнаго различія половъ растеній. У Плинія разные растенія и деревья суть мужскаго и женскаго пола. *Glandes* (желуди) *mares et feminae* (XVI, 6). Древесина *хвойныхъ* мужскаго пола отлична отъ древесины женскаго (XVI, 19). *Ползъ липы* (*filia*) также рѣзко различается по древесинѣ и листьямъ. (XVI, 25). *Мята* (*mentha pulegium*) женскаго пола имѣетъ пурпуровый цвѣтъ, а мужскаго — бѣлый. *Манимъ*, находимый въ Троадѣ (черный), женскаго пола и поэтому безсиленъ (XXXVI, 25).

Грамматич. родъ какъ средство перевода именъ изъ одной категоріи въ другую.

Грамматическій *родъ* есть средство перевода именъ изъ одной категоріи въ другую. Такъ, суф. *ыни* (ыня) *образуетъ имена женскихъ лицъ отъ мужскаго на ъ*: рабъ, рабыни и, между прочимъ, имена женъ: князь, княгиня. II какъ *жена* есть принадлежность *мужа*, такъ и *качество* есть принадлежность того, въ комъ или въ чемъ оно находится, есть *второе* обладателя: *первое* — самъ обладатель, а *второе* — качество его. Такъ, по Шестопіеву I. Экз. Б., *теплота*, напр., есть качество *огня*, *сухость* — качество *земли*, и каждое изъ нихъ называется своимъ именемъ; но имена: „огонь“ и „земля“ суть *первыя* наименованія, а „теплота“ и „сухость“ — *вторыя*: „и огонь огонь се именуется, таче потомъ топлъ.. такоже именуется се и земль“ „земль“ по *пръвоуимому* имени, таче потомъ „сухъ“ (Шест. 73). Понимая подобный взглядъ человѣкообразно, слѣдуетъ смотрѣть на *качество*, выражаемое женскимъ суф. существительнаго, какъ на *жену*; понимая же его болѣе философски, на *качество* слѣдуетъ смотрѣть, какъ на *второе* (предикативное) имя по отношенію къ первому, т. е. къ *nom. agentis*, какъ подлежащему.

Суф. **зна** (ька), такъ же какъ и *ими*, образуетъ а) *име-* Суффиксы, обра-
на женскихъ лицъ отъ именъ сущ. мужескихъ на з, анз, зующію родъ
ьць, ан, ар: Ляшка (отъ Ляхъ), козачка (отъ козакъ), уроженка (отъ уроже- разныхъ писмъ:
 нець), крестьянка, татарка.—б) *Отъ прилагательныхъ и причастій для*
обозначенія лицъ, животныхъ и вещей, какъ поспительницъ качества, а 597
 также и дѣйствій: жидовка (отъ притяж. жидова), бѣлка, болячка, пи-
 санка.—в) *Уменьшительныя на ъка:* ворожка отъ ворогъ, подружка отъ
 подругъ*). г) *Имена дѣйствія и произведеній (actionis и acti), образуемая*
отъ глаголовъ, за исключеніемъ бѣлѣть, кланяться, ѣсть, вести, жать, те-
 реть, плыть, рвать, брать, сохнуть: ковка, мойка, тряска, стрижка, сказка,
 скачка, порка, записка, привязка, оглядка, постройка, уловка, научка, из- 598
 гонокъ, дневка, почевка, зимовка и множество другихъ. При этомъ слѣдуетъ
 отличать указанныя имена дѣйствій, съ одной стороны, отъ существитель-
 ныхъ на ъка отъименныхъ (а, б) и уменьшительныхъ: *краска* (уменьш.:
 то, чѣмъ красятъ, и *крашеніе*), *подливка* (п. actionis и союзъ отъ подлива),
отмычка (отмыканіе и орудіе), а съ другой—отъ именъ орудій, дѣйствующихъ
 лицъ и мѣстъ на ъка, особенно съ посредствующими суффиксами:
 л-ька,—ил-ька,—ал-ька: грѣлка, коншка, отымалка, зыбка, сторожка, при 599
 чемъ имена дѣйствія, какъ *мойка* (бѣлья), ближе всего примыкаютъ не къ
 уменьшительнымъ, а къ именамъ *дѣйствующихъ лицъ* ж. р. отъ соответ-
 ствующихъ пом. agentis на з: *судомойка* при судомой.

Суф. муж. **ехъ, охъ, ухъ, усъ** и жен. **еха, оха, уха, уша** образуютъ
 имена *лицъ дѣйствующихъ или снабженныхъ качествомъ, а не самихъ дѣй-*
ствій и качества: свинтусъ (польск. *świntuch*, рутат.), оболтусъ; клику- 600
 ша, млр. мандреха, мандроха, моргуха, при чемъ нѣкоторые жен. имена, вы-
 ражающія *состояніе*, въ влр. говорахъ также примыкаютъ къ именамъ *лицъ*,
 какъ слѣды олицетворенія: *голодуха, голoduица, ворогуица* (лихорадка), жи-
 руха и житуха (привольная жизнь) отъ предполагаемыхъ мужескихъ именъ
 жирушъ и житухъ, *титуха* (попойка) при *титухъ* (нѣяница). Но въ именахъ
 множ. числа, какъ *посѣдушки, посѣдухи, постирушки, потягуици*, множ. число
 „стираетъ слѣды олицетворенія“ и дѣлаетъ ихъ именами actionis и acti (Ср.
 далѣе „Знач. мн. ч.“ стр. 58).

Суф. **ица**, при соответствующемъ муж. **инъ, иць**, образуетъ имена *жен-*
скихъ лицъ: молодца (при молодѣць,—иць), но въ то же время примыкаютъ
 сюда и сложныя имена *состояній:* гололедица, небылица, нелѣпица, бессо- 601
 пица, безкормица, сумятица, при чемъ какъ нѣкоторые имена *лицъ*, такъ и
 состояній, предполагаютъ мужескій родъ не на—*иць, иць*, а на з, в; напр. проро-
 чина (пророкъ), царина (царь), серб. кралица (краль), имена животныхъ: волчица,

*) Ср. Сборн. XII в. Усп. Соб. стр. 36. И. Б.

львица; нелѣпница (при нелѣпъ), безкормица (при безкормъ = лицо, лишенное корма) и многія др.

Суф. *ьня*, при соответствующемъ муж. *ьнѣ*, образуетъ женскія имена *agentis*: ст. слав. прѣходня (переходница), влр. сводня, проевирня и др., а также имена орудій и дѣйствій, примыкающія къ именамъ дѣйствующихъ лицъ: влр. *дѣбня* (орудіе) при *дѣбень* (дурень), *блудня* (дѣйствіе) при *блудень*, *урызня*, *рызня*, *мазня*, *долбня* (отличное отъ „дѣбня“ — орудіе) и др. — Суф. *ьня* образуетъ имена жен. р. и для обозначенія *мѣста*, гдѣ что дѣлается: *мошня*, и съ сложными суффиксами: *ильня*, *альня*, *арня*, *ушня*: сушильня, швальня; овчарня, копошня.

Суф. *тва* — для обозначенія орудія (бртва) и дѣйствія (клятва, бѣтва, молитва) въ ц. сл., польск. и серб. предполагаетъ соответствующій суф. *тъвѣ* для ном. *agentis*: цсл. *рыбѣтъ* (рыбакъ).

Суф. *ь* (=и); *нѣ*, *тъ* (=ни, ти) образуютъ имена муж. р. съ основнымъ значеніемъ дѣйствователей (ном. *agentis*), а не дѣйствій (п. *actionis*), какъ утверждаетъ Бругманъ: медвѣдь, *лунѣ* (разрывающій), *зять* (, къ *зятю* своему), *татѣ* (первонач. *ворѣ*, *утаивающій*, а не „утаика“, „воровство“, какъ думаетъ Бругманъ), *гость* и др. — Со значеніемъ же дѣйствителя сродны и остатки прилагательныхъ съ тѣми же суф., какъ напр. несклоняемое *свободѣ*.

Что же касается женскаго р. съ этими суффиксами, то онѣ могъ пониматься какъ средство обозначенія дѣйствующаго лица женскаго пола: *мать*. Къ женскому роду примыкаютъ:

1) имена вещей, какъ орудій дѣйствующихъ и страдательныхъ: *опашѣ* и *ошибѣ* (хвостъ), *дверѣ*, *грѣдѣ*, *жѣрдѣ*, *плетѣ*, *дланѣ*, *дѣбрь*, *сѣнь*, *тѣнь*, *рѣнь* (песокъ), *нонѣ* и др.;

2) имена съ значеніемъ дѣйствителя и дѣйствія: *блядѣ* (блудница и заблужденіе), *ложѣ* (лжецъ и ложь), *хотѣ* (жена и желаніе),

и 3) жен. имена а) дѣйствій и б) *качествъ*, которыя, по всей вѣроятности, сначала противопоставлялись именамъ дѣйствователей на *ь*, а въ позднѣйшее историческое время сопоставляются съ ном. *agentis* и прилагательными на *ь*. Такъ, а) имена дѣйствій сопоставляются съ именами дѣйствователей: похоть — доброхоть; иноходъ — иноходѣ; *прѣдѣ* — *шеякопрѣдѣ*, *записѣ* — *борзощисѣ* и другія: *сѣдѣ*, *заповѣдѣ*, *рѣзѣ*, *кладѣ*, *мазѣ*, *рысѣ* (побѣжка), *зыбѣ*, *топѣ*, *сыпѣ*, *смѣсѣ*, *гарѣ*. — б) Имена *качественныя* при прилагательныхъ съ первообразнымъ суф. на *ь* и производнымъ на *окъ*: *тврьдѣ* — *тврьдѣ*, *лѣнь* — *лѣнь* (*pięer*); *зѣль* — *золѣ*, *крѣль* — *крѣпѣ*; *высѣ* — *высокѣ*, *глубѣ*, *ширь*, *далѣ*, *рѣдѣ* (*rѣдохѣ*) и др. При этомъ имена дѣйствія на *нѣ*, *тъ* должны быть сопоставляемы съ причастіями страдательными: *панѣ*, *тѣ*. Имена съ суф. *нѣ*: *копанѣ* — *копанѣ*, *данѣ* — *данѣ*, *оранѣ*, *вѣзанѣ*, *дранѣ* и др. — [Суф. *снѣ*, *знѣ*: *пѣень*, *жизнѣ*, *кузнѣ* (цсл. др.-рус. *сосудѣ*), *болѣзнь* правильнѣе

сопоставлять не съ причастіями на *нѣ*, а съ предполагаемыми прилаг. на *енѣ*, *знѣ*, въ родѣ *любѣзнѣ*, польск. *żyznu* (жизненный), такъ что *жизнь*: *жизнь=дань: данѣ]. — Имена съ суф. *тъ*: *подать*, *дать* съ соответствующимъ причастіемъ *данъ*: «*вса дати*» (=даяніе) благаа и всѣ даръ съвѣршенъ» Шестоди., *вѣсть*, *мать* (соб. мазанье), *память*, *рукою* и пр.

Дополненіемъ къ главѣ о «Грамматическомъ родѣ» служатъ двѣ замѣтки Потебни: 1) на статью Бругмана: „*Родъ именъ въ индо-германскомъ яз.*» и 2) на «*Розысканія по вопросу о грамматич. родѣ*» Эд. Вольтера.

Замѣтка на *Родъ именъ въ индо-германскомъ языкѣ* Бругмана состоитъ изъ перевода нѣкоторыхъ мѣстъ самой статьи и нѣсколькихъ незаконченныхъ примѣчаній, отчасти подстрочныхъ, отчасти въ концѣ статьи *).

Бругманъ отвергаетъ взглядъ, что будто бы первобытный человѣкъ переносилъ все съ себя на вѣншній міръ и разсматривалъ олицетворяемый предметъ какъ мужское или женское существо, а именно, что казалось болѣе сильнымъ и дѣятельнымъ, то понималось, какъ мужское, а что казалось болѣе нѣжнымъ, смиреннымъ, то понималось какъ женское. Напротивъ, по мнѣнію Бругманна, если держаться фактовъ настоящаго и болѣе близкаго прошлаго, то мужескій и женскій грамматическій родъ для языка обыкновенной жизни есть форма *ничего неговорящая* о мужественности и женственности ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Доказательствомъ этого служатъ, между проч., существительныя *ерисоена*, которыя означаютъ оба пола, а между тѣмъ имѣютъ только одинъ грамматическій родъ: или муж. (*ὁ ρὺς*), или женскій (*ἡ ἄλωπηξ*). Значитъ, «здѣсь нѣтъ чутья рода», и «грамматическій родъ не вызываетъ мысли о мужеской или женской сущности», заключаетъ Бругманъ.

Потебня, возражая на это, говорить, что судить по фактамъ настоящаго о прошломъ языка есть анахронизмъ, а если форма рода ничего не говоритъ для языка обыкновенной жизни, то это зависитъ «отъ быстрого движенія мысли, которое не даетъ остановиться на значеніи какой бы то ни было грамматической формы, не только что рода». Поэтому о смыслѣ рода можно судить не по обыкновенному житейскому или прозаическому языку, а лишь по произведеніямъ поэтическимъ, гдѣ мысли дается возможность сосредоточиться и на смыслѣ рода. (Прим. 4, стр. 616).

Въ поэтическомъ языкѣ чувствуется грамматическій родъ и именъ *ерисоена*. Такъ, *der Fuchs*—это баронъ, разбойникъ, а жена его—*Füchsin*:

*) Для приданія большей цѣльности этой замѣткѣ я позволилъ себѣ отступить отъ той пагинаціи, которая принята издателями, и изложилъ содержаніе примѣчаній Потебни не въ концѣ статьи, а тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть, какъ возраженіямъ Потебни на взгляды Бругмана о родѣ именъ. И. Б.

въ славянскихъ народ. пѣсняхъ *соколъ, орелъ* — мужчина, *лебедь* сначала толь-ко женщина, а позднѣе, когда «лебедь» сталъ употребляться въ муж. грамматическомъ родѣ, то женщина называется «лебебка», «лебедушка». Когда же отъ имени извѣстнаго животнаго не образуется другого рода, напр. «лиса», то животное это въ поэзіи паруется съ животнымъ другого рода: лиса (жен.) и котъ (муж.), муха и комаръ; а если *нуженъ* для пары другой родъ, то этотъ родъ образуется отъ того же имени: «Сидитъ *воробъ* на конопелькѣ, кличетъ *воробъ воробушку*»; дубъ, дубица; мѣр. кавунъ, кавунка (Прим. 3, стр. 615). Словомъ, Потебня хочетъ сказать, что въ языкѣ поэзіи грамматическій родъ именъ ерсоена чувствуется вполнѣ, и только въ прозаическомъ житейскомъ языкѣ ерсоена чувствуются какъ имена *общаго* рода для обозначенія какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, при чемъ «отъ быстроты движенія мысли» внутреннего противорѣчія въ этомъ обозначеніи двойнаго рода не замѣчается.

Далѣе Бругманъ указываетъ на то, что имена муж. и жен. рода часто мѣняются ролями, переходя изъ одного рода въ другой, чего не могло бы быть, если бы грамматическій родъ составлялъ хоть сколько нибудь *существенную* часть *значенія* слова по отношенію къ мысли о мужской или женской сущности. На это Потебня возражаетъ, что съ перемѣною грамматическаго рода измѣняются и воззрѣнія на обозначаемое, напр. *лебедь* (Прим. 5, стр. 616).

Затѣмъ Бругманъ, продолжая доказывать свою мысль о чисто вѣншнемъ значеніи грамматическаго рода, говоритъ, что и олицетворенія въ мнѳологіи, подъ которыхъ вообще согласуется съ грамматическимъ родомъ, не могли быть причиною появленія сего послѣдняго: «*грамматическій* родъ былъ уже *до этого* и *воображеніе* лишь *воспользовалось* имъ... Гдѣ мнѳологическое имя является вмѣстѣ и обыкновеннымъ нарицательнымъ (N55 и 555), тамъ вездѣ есть основаніе приимать, что *сначала* дѣйствовали *только* грамматич. родъ», который и сталъ *поломъ* въ олицетвореніяхъ. «Поэтому подъ грамматическимъ родомъ съ самаго пачала разумѣлось нѣчто совѣтмъ отличное отъ естественнаго пола». — Возраженіе Потебни на этотъ взглядъ Бругмана *намъченъ* лишь *отчасти*: съ одной стороны, Потебня указываетъ на стремленіе Бругмана умалить значеніе олицетворенія и вывести заключеніе о безмысленности грамматич. рода отъ бѣглой прозаической рѣчи, а съ другой — считаетъ ошибочнымъ предположеніе Бругмана, что прозаическій отвлеченный яз. создавался раньше поэтическаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ было наоборотъ: сперва живое, а потомъ безжизненное, отвлеченное (Прим. 6, стр. 617).

Рѣшеніе Бругманомъ вопроса о первоначал. смыслѣ суффиксовъ жев. р.: а, ѳ, ѳ.

Остальные два важныя вопроса, рѣшаемые Бругманомъ въ этой статьѣ и находящіеся въ тѣсной связи со взглядомъ его на чисто вѣншнее значеніе грамматическаго рода, оставлены Потебней безъ возраженій. Первый вопросъ касается *первонач.*

чальною смысла суффиксовъ жен. р.: *ā, iē, ī* (ὕδα, πότις, γυνή, ῥοή, aqua, juventa и т. д.), и второй—какъ приобрѣли *прилагательныя* свою женскую форму, впервые сообщивъ некоторымъ именамъ существительнымъ женскій родъ, который въ нихъ не обозначенъ суффиксомъ *a*.

При рѣшеніи перваго вопроса о первоначальномъ смыслѣ суф. *ā, iē, ī* Бругманъ попутно рѣшаетъ вопросъ о значеніи и другихъ суф.: *o* (ος, ον), *u, ter, en* по отношенію къ роду. Что *o* первоначально по отношенію къ полу было безразлично, это видно уже изъ того, что суф. этотъ употреблялся и въ такъ назыв. именахъ *сред. р.* (ζυγόν, jugum); въ именахъ же съ остальными суффиксами родъ опредѣлялся или значеніемъ самой *вещи* (pater, mater), или же атрибутивной прибавкой: *hic axis, haec eratis*. «Можно а priori догадываться», что и суфф. *ā, iē, ī* «въ словахъ, какъ *dea*, настолько же не были связаны со значеніемъ женскаго пола, какъ и въ *aqua*, и лишь позднѣе стали знаками физической женственности». Есть только одна пара *п्राиндогерманскихъ* словъ на *a*, означающихъ женскія существа, это—*мама* и **гена* (жена). Суф. *a* въ этихъ словахъ получилъ значеніе женственности и сталъ производителемъ въ этомъ направленіи, но въ небольшомъ кругу словъ, означающихъ живыя существа (*dea, femina*), а потомъ, при олицетвореніи, понятій, перешелъ и на неживыя (*luna, fama*).

Второй вопросъ: *какъ получило прилагательное женскую форму*, Бругманъ рѣшаетъ такъ. Прилагательныя въ сочетаніяхъ, какъ ὕδα ἄγαθή, первоначально могли получить женскую форму путемъ чисто *звуковой ассимиляціи*, а потомъ стали прилагаться и къ другимъ женскимъ одушевленнымъ существительнымъ съ иными суффиксами: ῥή-τηρ ἄγαθή. Но объясненіе сочетанія прилагательныхъ съ существительными *неживыхъ* существъ и при томъ имѣющими другіе суффиксы, напр. *tis*, а не *ā, iē, ī*, становится сложнѣе. А priori возможно *двойное* объясненіе, говоритъ Бругманъ или 1) прилагательныя, получивъ уже свою особую женскую форму на *a* при сочетаніи съ женскими именами одушевленными, стали присоединяться въ этой же формѣ и къ именамъ *неодушевленнымъ* сперва съ суф. *a* (*fuga, juventa*), а потомъ и съ друг. суф. *tis*, и въ виду сходства некоторыхъ изъ этихъ существительныхъ по значенію, напр. ἡδών--γαῖα (*terra*), ὄψ--αὖδής (*vox*), ῥόσος (*ros*), ставшее жен. родомъ влѣдствіе сходства по значенію съ ῥοση (*ros*). Или 2) прилагательныя на *ā, iē, ī* не возникли посредствомъ ассимиляціи съ тѣми же окончаніями существительныхъ ж. р., но съ *самою начала существовали*, тѣмъ болѣе, что прилагательныя первоначально были отчасти существительными*), что многія имена колеблются между значеніемъ существительнаго и

«Мама» и «гена», какъ производтели другихъ именъ жен. рода по Бругману.

Двойное объясненіе окончаній жен. рода прилагательныхъ.

*) Этотъ же взглядъ приводится и Потебнею въ IV главѣ о Сочленованіи

прилагательнаго (*victor exercitus*) и что форма прилагательныхъ на *a* отъ *o* встрѣчается и какъ nom. abstractum, напр., во всѣхъ отвлеченныхъ на *ia*, *ta*, которыя есть не что иное, какъ субстантивированныя прилагательныя: σωτηρία спасеніе при σωτήριος, похля при похlius, лѣжа при лѣжь, вѣрста при versus, литов. gelta (желтизна) при geltas.

Разборъ *Розысканій по вопросу о грамматич. родѣ* Эд. Вольтера касается глав. обр. именъ на *a*, примѣняемыхъ въ славянскихъ языкахъ къ лицамъ муж. пола.

Взглядъ Бругмана и Вольтера на переходъ отвлеченныхъ именъ ср. и жен. р. въ конкретный мужской.

618
619
620

Вольтеръ проводитъ мысль, что имена на *a*, примѣняемые къ лицамъ муж. пола, первоначально оставались именами женскими (слуга *вѣрная*), а затѣмъ «грамматич. родъ уподобляется полу лица», и так. обр. совершается *переходъ именъ женскаго рода въ мужескій*. Таковы нарицат. имена: *воевода*, *царяка* съ постояннымъ теперь значеніемъ муж. р. и прозвища, фамиліи: *Немира*, *Невѣра*, *Ненея*, ставшія муж. родомъ, будучи отнесены къ мужчинамъ.

621

Такъ какъ на трудъ Вольтера значительное влияніе имѣлъ Бругманъ, то Потебня и приводитъ основныя взгляды его въ этомъ разборѣ. Бругманъ въ парныхъ именахъ на *as*, изъ конхъ одно сред. рода (дѣйствіе или качество), а другое муж. р. (дѣйствитель или прилагательное); — видитъ переходъ первыхъ (отвлеченныхъ) во вторыя (конкретныя), при чемъ конкретное значеніе, по его мнѣнію, возникло *не* вслѣдствіе измѣненія рода, а получилось еще до перехода средняго р. въ мужескій, и затѣмъ уже *благодаря конкретному значенію* «вызвана родовая флексія» — переходъ средняго рода въ мужескій. Таково же употребленіе въ слав. яз. отвлеченныхъ именъ и жен. рода, напр. «непріязнь» въ значеніи «дѣволъ»; таковы многочисленныя отвлеченныя имена на *ота*, какъ *доброта* отъ *добръ*; безъ сомнѣнія, и такія имена, какъ *сирота*, *юноша* (*juvenis*), *староста* (*senex*) первоначально были отвлеченными.

622

Какимъ же образомъ имена *средняго* рода усвоили себѣ *родовую* флексію муж. или жен. рода, при чемъ иныя стали прилагательными? Это объясняется тѣмъ, гов. Бругманъ, что въ старину употреблялись они не только какъ предикаты, но и какъ атрибуты, сперва въ смыслѣ аппозицій, какъ *victor exercitus*, а потомъ и какъ собственно-атрибуты, которые стали согласоваться *по роду* съ главнымъ (опредѣляемымъ) понятіемъ.

Согласно съ этимъ и Вольтеръ говоритъ, что «первый толчекъ измѣненію рода данъ *переходомъ абстрактнаго значенія въ конкретное*», и затѣмъ далѣе прибавляетъ, что «*имена лицъ* происходятъ отъ именъ отвлеченныхъ», какъ древнѣйшихъ, по сравненію съ именами конкретными.

прилагательныхъ (см. III, 86), чѣмъ и слѣдуетъ, повидимому, объяснять, почему онъ оставилъ это мѣсто въ статьѣ Бругмана безъ замѣчаній. И. Б.

Конечно, есть случаи, когда имя абстрактное становится конкретнымъ, измѣняя послѣ этого и родъ, но имя можетъ перейти изъ абстрактнаго въ конкретное и не измѣняя послѣ этого рода, напр. пол. *piękność* (жен. р.) въ смыслѣ «красавица», равнымъ обр. можетъ измѣниться родъ и независимо отъ того, было ли имя въ прежнемъ грамматич. родѣ абстрактно или конкретно. Поэтому, гов. Потебня, вопросы объ измѣненіи абстрактности въ конкретность и о переходѣ изъ рода въ родъ слѣдуетъ разсматривать *раздѣльно*. Такъ, независимо отъ перехода отъ абстрактности къ конкретности

А. изъ именъ средняго рода

а) увеличительныя или уменьшительныя на *isko*, *ище*, *ишко* переходятъ въ муж. и жен. р., удерживая окончаніе средняго р. Напр. *попанный* и долище; не *умылъ* меня солнышко миловать.

б) Нѣкоторыя имена сред. р. на *ѡ* — *ѡте* — тоже: «*сей* нѣжный дитя», а также имена на *енко* муж. р.

в) Имена сред. р. на *ло* отъ глагольныхъ темъ *и*, *а* переходятъ въ муж. р. дѣйствующаго лица, представляемаго орудіемъ: *воротило*, *сбѣдало*, *зубрило*, *долбило*.

г) Имена сред. р. на *ше* (рус. *ье*): «подружане» (сѣнжих), «подмастерье», но *собирагельныя* въ смыслѣ личныхъ не употребляются; напр. нельзя сказать: «эхъ ты *дурачье*!»

Б. Изъ именъ первоначально жен. р. на а

Вольтеръ на первомъ планѣ ставить тѣ имена, употребляемыя въ муж. родѣ, связь которыхъ съ подходящими абстрактными, по его мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, каковы: *трезь*, *дрема*, *морока*, *ступа*, *потвора* и др.; границею же между отвлеченностью и конкретностью такихъ существительныхъ онъ признаетъ *дѣйствительную* и *мнимую* ихъ субстанціальность. — Потебня, возражая на это, прежде всего самый критерій разграниченія отвлеченности и конкретности признаетъ шаткимъ, такъ какъ что для образованнаго человѣка абстрактно (заря, морозъ), то для средняго уровня говорящихъ является конкретнымъ, а затѣмъ прямо отрицаетъ необходимость первоначальной абстрактности для того, чтобы имена какъ средняго рода, такъ и женскаго могли перейти въ муж. родъ. Таковы напр. существительныя жен. р. несомненно конкретнаго значенія переходятъ въ муж. родъ: «вологодской стрѣленка *юлова* Максимъ Лихаревъ» (Ак. Ю. 1613 г.), «злой *пьяница*» и «злая *пьяница*» (Слово о хмелѣ); «сдѣлался *повѣсою* французскою» Ф. Виз., «*сей* собака, мѣр. *сей* ужака; *выжила*, *коко́ра*, *ступа* (неповоротливый человекъ отъ конкретнаго значенія «ступы», какъ вещи); *юла* — юркій человекъ отъ конкрет. игрушки; *дрема*, *ишишмора*, *морока* въ примѣненіи къ лицамъ муж. р. предполагаютъ мнѣшескія личности жен. р., а не abstracta. Вообще же

Возраженіе Потебни противъ этого взгляда.

623

621

625

626

627—8

629

примѣры показываютъ, что при наименованіи лица безразлично, становится ли именемъ *личнымъ* существительное конкретное, или абстрактное. Таковы прозвища мужичишъ отъ женскихъ именъ *конкретныхъ*: Береза, Брага, Верига, Губа, Дубина, Квашня, Калита и др.; отъ именъ *абстрактныхъ* (поп. actionis): Слобода Микитичъ, Истома Федковъ, Потыха, Кручина, Суета, Злоба, Тишина, Замятня, Распутя, Безпутя и др.

Точно также нѣтъ нужды предполагать, что сложные существительныя жен. р., становясь опредѣленіемъ существительныхъ мужескаго рода, какъ напр. конь *бѣлоножка*, человекъ *бѣлоручка*, — переходятъ въ мужескій родъ будто бы не отъ именъ существительныхъ, а отъ *прилагательныхъ* (бѣлоногъ, бѣлорукъ), какъ отъ основъ *отвлеченныхъ*; равнымъ обр. нѣтъ никакой надобности видѣть *отвлеченное* значеніе въ основахъ прозвищъ, сложныхъ изъ *глагольной* темы съ дополненіемъ: *Подбигята, Взернигуба, Крутиголова*: первыя изъ нихъ прямо примыкаютъ къ сложнымъ существительнымъ опредѣлительнымъ „*распокорень, черногленъ*“ (Ср. выше III, 202—5), а во вторыхъ нѣрѣдко сохраняется еще дополненіе или подлежащее: *Молибога, Недайкаши, Помогайби* и т. п.

Во всѣхъ этихъ именахъ, вопреки утверженію Вольтера, абстрактность не составляетъ необходимой исходной точки при переходѣ женскаго имени въ мужескій родъ, и суффиксы жен. р. не всегда имѣли абстрактное значеніе, прежде чѣмъ стали образовывать имена лицъ дѣйствующихъ. Последнее относится напр. къ именамъ на *ея* (ищея), *ака, яка* (кусака, коняка), *юка* (звірюка), *яа*: голодяга (не только голодная пора, но и голодный человекъ); *сермяга* (вещь); съ суф. *ягъ* для обозначенія мѣста (березнягъ, вереснягъ); *уа, юа* (пьянога). Разсуждать иначе препятствуетъ Вольтеру только „предвзятое положеніе о первенствѣ абстрактности, доказанное лишь въ немногихъ случаяхъ“. И вообще, „чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ слабѣе способность представлять качества и дѣйствія *независимо отъ субстанцій*“, такъ что отвлеченность существительныхъ въ старинномъ языкѣ во многихъ случаяхъ „можетъ быть только *мнимая*, вносимая нами самими“ и представляющая „безсознательный *анакронизмъ*“. То, что мы называемъ отвлеченностью, въ древ. языкахъ можетъ быть или а) *мнѣчностью* субстанцій (греза), а мнѣчность не есть отвлеченность, или б) *измѣнчивостію* субстанцій, мыслимой при имени, и в) *необособленностью* ея, т. е., такъ какъ эти субстанцій, мыслимыя при имени, бывають еще разнородны и такъ какъ многа изъ нихъ не срослась еще съ именемъ, то позднѣйшему наблюдателю и кажется, будто признакъ въ имени разсматривается абстрактно, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ „каждый разъ имя примѣняется къ *опредѣленной дѣйствительной* субстанцій“ (Ср. выше III, 16—25).

Въ приведенныхъ выше женскихъ именахъ на *a*, переходящихъ въ мужскій родъ, нѣтъ никакого основанія предполагать первоначальное значеніе абстрактности; но, можетъ быть, и въ остальныхъ значеніе абстрактности можно свести къ гораздо меньшему числу случаевъ, чѣмъ это дѣлаетъ Вольтеръ. Впрочемъ, и онъ самъ поступаетъ основнымъ своимъ положеніемъ и въ числѣ именъ на *a*, переходящихъ въ муж. р., отмѣчаетъ особую группу, въ коей при именахъ дѣйствующихъ лицъ на *a* *вовсе не встрѣчается* именъ отвлеченныхъ съ тѣмъ же окончаніемъ, напр., прогула, задора, задира, рева, разстрига, неуступа и многія другія, которыя абстрактное значеніе выражаютъ при помощи суф. *а*: задоръ, ревъ и т. д.

636

637

Въ концѣ статьи Потебня обращается еще къ двумъ случаямъ, на которыхъ Вольтеръ особенно настаиваетъ, именно—къ именамъ *служба* и *слуга*, которыя, по мнѣнію Вольтера, получили значеніе *agentis* (солдатъ и служитель) изъ ном. *actionis*: служеніе, услуга.—Относительно «служба» Потебня утверждаетъ, что здѣсь *единичное* (=солдатъ) произошло изъ *собираательнаго* (Ср. выше III, 33; 35), а по поводу н. *agentis* «слуга», происходящаго отъ абстрактнаго имени *actionis*, замѣчаетъ, что дѣйствительно есть конкретныя имена на *a*, пошедшія отъ абстрактныхъ, но зато много есть и такихъ, при которыхъ *вовсе нѣтъ* отвлеченныхъ, какъ напр.: «вельможа», и кромѣ того, самыя отвлеченныя предполагаютъ въ себѣ значеніе ном. *agentis* съ такъ назыв. мнимыми субстанціями лишь съ *нашей* точки зрѣнія, напр. серб. *кровопија*—*proptie (persona) sanguinem bibens*. «Если же такъ, то *нѣтъ* нужды выводить ном. *agentis* (на *a*) изъ ном. *actionis*» съ тѣмъ же суффиксомъ.

Значенія множеств. числа въ русск. языкѣ *).

Множ. число означаетъ не множественность только. которая является лишь *исходною* точкою, а и средство обозначенія другихъ значеній, именно: I) *гиперболичности*, II) *единичныхъ вещей*, *разсматриваемыхъ со стороны множественности частей*, III) *олимаго вещества*, IV) *мѣста*, V) *времени* и VI) *состоянія*.

Различн значенія
множ. числа.

1

I. *Множ. ч. гиперболическое*.—Подъ нимъ разумѣется *plur. patheticus* (v. *majestaticus*) и *plur. reverentiae*, что бываетъ при *гиперболическомъ настроеніи* человѣка, которое даетъ какъ качественное, такъ и количественное преувеличеніе извѣтнаго предмета. Въ такомъ смыслѣ во мн. ч. употребляются 1) мѣстоименія и 2) существительныя.

2

) Ср. Гр. Бусл. § 98; 203, пр. 4; 219, 4—5.—Миклош. Гр. IV, стр. 45 (), 46 (9), 15 (19).—Я. Гримм. Gr. IV, 281—90, 297—317.

3 1. *Множ. ч. мѣстоименій* (Гр. Гримма IV*, 299 слѣд., Бусл. Гр. § 203, пр. 4—5). Сюда относятся

а) употребленіе мѣст. „мы“ *владѣтельными особами*, идущее изъ Византіи, начиная съ Константина. Въ 13 в. этотъ обычай на Руси еще не встрѣчается: князьямъ говорить *ты*, и сами князья говорить о себѣ *язъ* (даже въ 16 в.), но въ Ю.-Зап. Руси уже съ конца 14 в. (Грамоты 1375 г.) не только князья, но и паны титулуютъ себя: «а се мы...»

б) *Авторское «мы»*, для выраженія скромности и общности съ читателемъ, въ подражаніе древнимъ писателямъ ведется у насъ издавна. Уже въ начальной лѣтописи нашей читаемъ: «се начнемъ повѣсть сію», а у германскихъ писателей—даже съ VI в.

4 в) *Pluralis reverentiae*: въ обращеніи съ высшими въ нѣмец. яз. *ich* ко 2 л. ед. ч. и *du* къ равнымъ и близкимъ появляется не позже IX в., простой же народъ и дониндѣ остается при *du*.—Не то замѣчается въ польскомъ и южно-рус. простонародьѣ: у нихъ обычно *вы* при обращеніи къ уважаемымъ и старшимъ и *они* о 3-мъ лицѣ. Въ млр. народной поэзіи *plur. reverentiae* встрѣчается очень рѣдко, но въ *престорѣчьи* обыкновенно „вы“ и «вони» не только къ родителямъ, но и къ старшимъ братьямъ, сестрамъ и постороннимъ.—Въ влрусскихъ высшихъ классахъ «вы» вм. «ты» стало устанавливаться лишь съ начала 17 в., а народный языкъ почти не знаетъ вѣжливыхъ мѣстоименій 2 лица, хотя и здѣсь идетъ движеніе сверху внизъ, при чемъ въ „лакейскомъ“ языкѣ употребляется не только «вы», но и „они“ съ множ. ч. глагола, прилагательнаго и даже существительнаго въ сказуемомъ: „духовникъ *пріѣхали*“ (Л. Толст.), „опомнитесь, вы—*старіки*“ (Гриб. «Горе отъ ума»).

8 2. *Множ. ч. существительныхъ (только нарицательныхъ) для возвеличенія единичнаго предмета:*

а) употребленіе мн. ч., зависящее отъ настроенія говорящаго и, слѣд., временное: „и бросалась съ чердака во свои высокіе *терема*“, „наводилъ отъ *трубками* нѣмецкими“ Кир. „сажалъ Алешу за убранны *стола*“ Пв. „онъ натягивалъ свой тугой лукъ, калены *стрѣлы* да накладывалъ“ Пв. „у нихъ тутъ пошли *чаи кофеи*“ Пв.—Въ млр. яз. подобное употребленіе множ. ч., кажется, рѣже: „братъ до сестриці *дрібни листи* пише: «сестро жъ моя»...; „дорога тота юшка... зъ *періями*, зъ *шафранами*, зъ дорогими приправами“.—Въ серб. и болгар. также употребляется. Въ латин. и греч. сюда относятся случаи, какъ *arae, templa, palatia, дѣроа, дѣрота, мѣхара*.

12-13 б) Такое временное употребленіе мн. ч. повліяло на образованіе *постояннаго* и *обязательнаго* употребленія множ. числа въ нѣкоторыхъ немногихъ именахъ съ особымъ значеніемъ: влр. *хороми*, млр. хороми; влр. *палаты*;

цел. *моуи* (мн. ч. жен. р.). Миклошичъ переводить слово *моуи* черезъ „*reliquiae*“ и объясняетъ словами „*vires*“, *δουράρις*. Потебня же подъ „моуи“ разумѣетъ не всякія чудотворныя реликвиі (гвозди, части креста), а именно *тѣлеса* чтимыхъ убогихъ, хотя бы и не *чудотворцевъ*. Въ такомъ смыслѣ „моуи“ употребляются иногда въ нашихъ лѣтописяхъ (Лавр. 202, 204). Что же касается перехода отъ „моуи“—сила къ значенію „тѣло“, то онъ данъ въ словѣ *снаи*, которое въ серб., болг. значить и „сила“ и „тѣло“; такъ обр. „моуи“ сначала—„сила“, потомъ—„тѣло“, а затѣмъ *plur. magnificus*—„моуи“ (тѣлеса) усопшаго святаго. Ср. влр. *родители* (усопшіе предки), лат. *mares*, наше лѣтописное: „*навы* быють Полочанъ (вин. п.) яко человекъ“. А въ Калуж. и Орл. губ. для означенія и *одного* покойника употребляется множ. ч.: „родители“.

II. Множ. ч. для обозначенія единичныхъ вещей, разсматриваемыхъ со стороны множественности частей. Сюда относятся а) многія имена, употребляемыя *только* (или преимущественно) во множ. ч., и б) такія, которыя въ ед. и мн. числахъ имѣютъ различныя значенія. При этомъ сродные яз. въ иныхъ словахъ этого рода употребляютъ множ. ч., а въ другихъ одни языки пользуются множественнымъ ч., а другіе единственнымъ. Такъ, *ворота, двери, сани, штаны* въ славянскихъ нарѣчіяхъ и литов.-лотыш. языкахъ употребляются во множ. ч., а рус. *гребень, ловушка, борона* и др. въ лит.-лотыш. употребляются во множ. ч. Даже заимствованныя слова ставятся иногда во множ. ч., несмотря на то, что въ языкѣ, изъ котораго они заимствованы, стоятъ въ единственномъ. Напр. влр. *дрюи* изъ польск. *drąg*, которому въ млр. соответствуетъ *дрюкъ*.

Можно было бы думать, что вещи, построенныя симметрически и состоящія изъ двухъ половинокъ (двери, груди), должны означаться не множественнымъ, а двойственнымъ числомъ тамъ, гдѣ оно есть, особенно въ именахъ жен. р. съ темою *и* (кость), въ коняхъ им., вин. и зв. двойст. и множ. числа звучали одинаково, но, повидному, еще задолго до исчезновенія двойств. числа встрѣчается въ этихъ языкахъ только множ. число. Такъ, въ цел. яз. и въ лѣтописяхъ русскихъ употребляется *дверии, двѣремъ, персемъ, персехъ* (Лавр. л.); млр. в *грудех*.—*Сани* извѣстны только во множ. ч. (Лавр. лѣт. 59, 232, также въ польск. и серб.), хотя по загадкамъ о саниахъ и по этимологіи это слово указываетъ на двойственность. Напр. загадка: «два волка бѣгутъ, оба на небо глядятъ», млр.: «два брати бѣгутъ, одинъ одного не перегоняетъ». Что же касается лексическаго происхожденія, то естественно было назвать сани по *полозьямъ*, которые *ползятъ, ползутъ*, какъ ползетъ *змѣй* (стар.-рус. и млр. «полозь»—большая змѣя); отсюда въ загадкахъ о саниахъ «*полозушки ползутъ*». Съ др. стороны, слово «сани» можетъ быть сопоставлено съ цел. *сань*, чеш. *san*, что зна-

14

15

16

17

18

19

Множ. ч. именъ
вещей, состоя-
щихъ изъ двухъ
половинокъ; аслии

читъ тоже *serpens*, ползущій, змѣя. Так. обр. въ обѣихъ парахъ со словомъ «сани» соединяется представленіе *ползти*. Тему *сан* можно еще сопоставить съ литов. *szon* и санскр. *śān*, что значитъ «точить, острить»; съ этимъ значеніемъ слово «сани» указывало бы на движеніе, посредствомъ котораго достигается стачиваніе, уменьшеніе, какъ результатъ движенія. Во всякомъ случаѣ, парность ползозовъ санныхъ могла первоначально указывать на двойственность.

- 20 Предполагаемый переходъ нѣкоторыхъ именъ един. ч. изъ множественнаго: *книша, ви́лка, ко́ляска*. Въ нѣсколькихъ случаяхъ слѣдуетъ; кажется, предположить переходъ отъ множ. числа къ единственному для обозначенія вещи сложной. Такъ, рус. *книша* въ стар. польск. множ. ч.: *księgi*, въ серб. *кни́ге* (объ одномъ предметѣ); *вилка* въ стар. польск. *widelki*; мѣр. *вила*, въ влр. *вилы* (орудіе о двухъ зубьяхъ); *коляска* — изъ польск. «*kolaska*», а это есть уменьшит. отъ *kolasa*, заимствованное изъ н.-лужицкаго, гдѣ *kolasa* есть мн. ч. ср. р. при ед. *kolaso*; колесо. Въ мѣр. колеса (ср. р. мн. ч.) со значеніемъ «возъ».

- 21 Отъ предыдущихъ случаевъ нужно отличать тѣ, гдѣ множ. число не только выражаетъ множественность, но и является «средствомъ отвлеченія» (?); напр. стар. рус. *пѣрти* (одежа), *куны* (деньги), мѣр. *гроши*, лат. *resciniae*; влр. *животы* (имущество), стар. польск. *dostaiki*. Сюда же, кажется, относятся *выводы*, *разводы*, *узоры* на ткани; *выкрутки*, мѣр. *выкрутасы*.

- 23 **III. Множ. ч. дѣлимаго вещества.** — Этотъ разрядъ именъ, употребляющихся во множ. ч., означаетъ массу, состоящую изъ частицъ, для обозначенія которыхъ служить ед. число, частію употребляемое или вышедшее изъ употребленія, а частію никогда не употреблявшееся. Сюда, напр., относятся *имена; сложные съ предл. «вы»* и означающія вещество, отдѣленное отъ чего-либо: *высѣвки, выжимки, выварки, выребки, вычески*. Съ тѣмъ же значеніемъ остатковъ, но *съ приставками на, по*: *наобѣдки* (остатки послѣ обѣда), *помои*. — *Съ другими предлогами или безъ нихъ*: *ополоски, подонки, сливки, дрожжи; щи, квасы, дрова, чернила* (въ XVII в. еще «чернило»); *изирьби* (цѣл.), *plug. fem.*, соб. *вычески* изъ пеньки, лыгу, пачесы, польск. *paszecie, zgrzebie*; ср. съ *реб-ень*, какъ чешущій — *Отрепки* (ср. *трепать, бить*), пол. *ra-klepie*, мѣр. *па-тіп-ки* (ср. *типати коноплі*).

- 24-6 Един. число нѣкоторыхъ собирательныхъ русскихъ именъ и множ. въ литов. и латыш. из. Въ употребленіи множ. ч. для обозначенія дѣлимаго вещества есть большая разница въ языкахъ славянскихъ и лит.-лотышскомъ; именно: въ лит.-лотыш. употребляется множ. ч., а въ славянскихъ — единственное съ собират. значеніемъ; напр., а) въ названіяхъ *растеній*, занимающихъ сплошныя пространства: овесъ, ячмень, рожь, горохъ, ленъ, хмель, куколь, лукъ, щавель, мохъ и др., которыя въ лит.-лот. употребляются во множ. ч.

- 27 б) Въ названіяхъ *хлѣбовъ въ зернѣ*, а также въ названіяхъ сыпучихъ и дѣлимыхъ предметовъ: каша, мука, мякина, гало, зола, соръ, пыль, пе

согъ, ледъ, градъ, дымъ, солома (ср. греч. $\kappa\rho\iota\theta\alpha\iota$ ячмень, $\alpha\lambda\epsilon\varsigma$ соль, латин. *harenae* и др.). Въ эти и подоб. имена въ лит.-лотыш. яз., если употребляются въ ед. ч., то означаютъ *недѣлимую* единицу или частицу дѣлимой массы, что въ рус. яз. *отчасти* соответствуетъ суфф. *ина*: конопина, пылина, хмелина.

Есть однако случаи, когда и въ рус. яз., подобно лит.-лотыш., имена эти ставятся во множ. же числѣ: *хлѣбѣ, снѣгѣ, озимѣ*; но такое совпаденіе въ числѣ бываетъ мнимое, пот. что въ рус. яз. это множественное означаетъ не одну сплошную массу дѣлимаго, а *многія* отдѣльныя массы однороднаго вещества, распределенныя по разнымъ мѣстамъ, и потому такое множ. число есть *дистрибутивное*, распределительное. Напр. «взяша полна много, а *житѣя* (т. е. въ разныхъ мѣстахъ) пожгоша и села» Ипат.—«Вечеру ше бывшу и *ледомъ* воставшимъ... зажгоша мость на Днѣ-стрѣ» Ibid., т. е. когда поднялось множество *отдѣльныхъ* взломанныхъ льдинъ. Когда же разумѣется *сплошная* масса льда, то въ той же Ипат. лѣтописи говорится: «стрѣляшася на *леду*», «по *леду*». Такое множественное дистрибутивное употребляется и въ мѣр. и въ польск. яз. Къ дистрибутивному же множ. числу должны быть отнесены случаи и отвлеченныхъ именъ множ. числа, какъ напр. $\beta\acute{\iota}\ \alpha\rho\iota\sigma\tau\omicron\iota\ \tau\acute{\alpha}\varsigma\ \varphi\acute{o}\sigma\epsilon\iota\varsigma$ =лучшіе по природамъ, т. е. каждый по своей; *de immortalitate animarum*, т. е. о безсмертіи души каждаго отдѣльнаго человѣка, что, конечно, гораздо конкретнѣе, чѣмъ о безсмертіи души вообще.

Судя по мѣрусскимъ и польскимъ памятникамъ 17 и начала 18 вв., надо думать, что множ. число для обозначенія массы дѣлимаго вещества было тогда болѣе употребительно, чѣмъ нынѣ. Таковы имена: *порохи* (порохъ), *соли*, *мыла*, *инои* (навозъ), *травы*, *росы*, *юрѣлки*, *пива*, *меды*, *соломы*, *сѣна*, *овсы*, *рѣпы*, *капусты*, *постернаки* и др. овощи; *хмели*, *мяса*, *крахмалы* и др. Нѣкоторыя изъ нихъ употребляются какъ собирательныя для обозначенія массы, а нѣкоторыя въ качествѣ множественныхъ дистрибутивныхъ. Изъ наиболѣе употребляемыхъ во множ. ч. и едва ли въ значеніи дистрибутивномъ есть *порохъ*: «немалая купя бочекъ с *порохами*»; «*порохи* в цекгавзу запалились»; «скарбники с *порохами* и кулями» Лѣт. Самов.—«Порохъ» въ болѣе древнемъ значеніи «пыли» встрѣчается во множ. ч. уже въ Словѣ о п. Иг.: «*пороси* поля прикрываютъ», но возможно было употребленіе этого слова и въ ед. ч. какъ въ значеніи массы, такъ и частицы (порошина); ср. въ мѣр. пѣсн.: «порохъ, порошок по дорогѣ», въ вѣр.: «какъ порошокъ въ глазу».

IV. Множ. ч. для обозначенія мѣста, а именно:

а) *названія странъ* обозначаются множественнымъ числомъ имена обитателей: *in Sabinis*, *ἐν Πέρσαις*. Въ старин. рус. языкѣ такое употребле-

Множественное
дистрибутивное
число въ рус. яз.

28

29

30

Наибольшее употребленіе множ. числа дѣлимаго вещества въ польскихъ и мѣр. памятникахъ 17 и 18 вв.

31-3

34

35

ніе составляетъ правило: «ко всемъ странамъ далнимъ, рекуще къ *Грекамъ*, и *Урмъ*, и *Ляхомъ*». Ипат.; за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда имя народа уже въ ед. ч. имѣетъ собирательное значеніе, какъ Русь, Пермь, Литва, Печера. Въ влр. яз. наблюдается такое же употребленіе до 17 в., въ млр. — то же и даже позже 17 в., въ польскомъ — донинѣ: до Prus, do Niemiec.

б) Названія *улицъ* или *частей города*, сель и поселковъ по множ. числу обитателей, напр. «князи... идоша на *Жиды*» (жидовскій кварталъ въ Кіевѣ) Ипат. Названія въ Москвѣ: *Сокольники*, *Хамовники*, *Бронницы* (уѣзд. г.); села: *Скоморохи*, *Дудары*, *Дулибы*, *Печенны* (Хар. губ.). Сюда же относятся названія сель и хуторовъ *отечественными* именами насельниковъ — «ичи»: *Хвалимичи* (Ипат.), *Вишатици*. — Тоже въ млр., пол., лит.-латыш. языкахъ.

в) Названіе *того свѣта*, т. е., *того мѣста, идѣ души предковъ*: лат. манес; цсл. «въ навехъ (отъ ед. ч. навъ) = ἐν τῷ τάρταρῳ: «изъ навци въскре-се» (Lxx Mikl.). Сюда же можно отнести влр. *святцы*, млр. *святці*, пот. что въ нихъ помѣщены имена святыхъ.

г) Названія *странъ свѣта*: «въстоцъ», т. е., гдѣ бывають восходы солнца: «Насади Богъ раи на *въстоцъхъ*». — «И станомъ сташа на *запады*»; «отъ *полуденъ* къ западу». — *Сиверъ* и *Югъ* въ памятникахъ XI в. означали только сѣверный и южный *вытеръ*, но и для обозначенія *странъ свѣта* могло быть мн. ч., какъ въ лит.-латыш.: *sziaurei*. — Сюда же относятся *на-званія мѣстъ*, обозначаемаыя множ. числомъ именъ дѣйствія: *сутки* (гдѣ что стыкается: су-тък-а) — влр. передній уголъ въ избѣ; *сутычки* — запеч-ный уголъ; *юны*, *выходы* (балконы крестьян. дома), *всходы* — лѣстница, *ра-здѣры* донецкіе — мѣсто, гдѣ раздѣляется рѣка на рукава.

д) Названіе *мѣстностей* по множ. ч. вещи, которая тамъ нахо-дится: влр. *кресты*, *крестцы* — перекрестокъ, на которомъ кресты и иконы; *соли* — гдѣ находится соль (Ипат.), *Пески* — названіе частей города, *Борки* (село), *Монастырици*, «въ *товаръхъ*» (отъ «товаръ» — станъ: Лавр. 248); у Гом. ἐν ὑψίστοις — станъ подѣ Троей; «и поидоша назадъ въ свой *въжъ*» = въ станъ (отъ «въжа» — возъ, кибитка); «возвратишася во *колымаги* свои, рекше во *станы*» Ипат. — «Левъ... ѣха во *станы* своя» Ibid. Сюда же По-тебни относятъ имена городовъ: *Сумы* (отъ «сума» — казачій выюкъ), *Валки* (отъ «валка» — чумацкій обозъ); *Прилуки*, *Лубны*, *Ромны* прежде носили названіе въ ед. ч.: *Прилука*, *Лубна*, а *Ромны* въ устахъ туземцевъ до сихъ поръ «Ромень». Ср. греч.: Μοχῆλαι и Μοχῆρη, Ἀδῆλαι и Ἀδῆρη.

Нелишне отмѣтить при этомъ, что первообразныя имена ед. ч., переходя во множественное, получаютъ иногда отглаголь- *неопредѣленности и общности*, напр. млр. «в *порогахъ*» = не на порогѣ хаты, а гдѣ нибудь около порога, не на почет- номъ мѣстѣ; «на *межахъ*» (= на границѣ вообще), «въ *межахъ*» (= по со-

бтглаголь не-
опредѣленности
и общности при
переходѣ перво-
образныхъ
именъ изъ едн.
во множ. ч.

сѣдству вообще). Ср. с. влр. «вмѣстяхъ» = вмѣстѣ; «взъ нѣсахъ», «взъ юло-вахъ»; «на персехъ». Отглаголъ неопредѣленности въ подобныхъ выраженіяхъ восходитъ еще къ тому времени, когда мѣстный падежь употреблялся безъ предлога: «жена лежитъ *носахъ* ѿему»; хорв. *nutrechъ* (внутри), в. - луж. *domachъ*—(дѣла); н. - луж. *glovachъ, nogachъ*—и под. Сюда же, повидимому, слѣдуетъ отнести гомеровскія выраженія: $\varphi\rho\acute{\epsilon}\nu\epsilon\varsigma$ —въ значеніи *нутра* въ психолог. смыслѣ: разумъ, чувство и проч.; $\pi\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\upsilon$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\chi\omicron\nu\acute{\iota}\eta\sigma\iota$ = палъ на землю (отъ $\chi\omicron\nu\acute{\iota}\eta$ пыль), $\acute{\epsilon}\zeta\epsilon\tau^{\circ}\acute{\epsilon}\pi^{\circ}\acute{\epsilon}\sigma\chi\acute{\alpha}\rho\eta$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\chi\omicron\nu\acute{\iota}\eta\sigma\iota$ = сѣлъ у очага *на пепелищѣ*, на мѣстѣ у очага, *гдѣ ссыпалась зола*, а не на самомъ пеплѣ.

V. *Множ. ч. для обозначенія времени*: *зѣри* (время восхода зѣри) отъ конкретнаго явленія «зѣря» или олицетворяемаго ἡ ὥρα : «рано *предъ зѣрдми*» Сл. о п. II.; «по зарямъ», «на зоряхъ», хотя и во множ. числѣ *зѣри* употреблялось съ конкретнымъ значеніемъ: «кровавыя *зѣри* свѣтъ повѣдаютъ» Сл. о п. II.—*Кури* (отъ ед. ч. муж. «куръ») — время курѣнія: млр. «якъ я була в свого батенька, я ничего не знала: я *куръ* печула, я *зоръ* не знала». Поэтому въ Сл. о п. II.: «Всеславъ... дорыскаше *до куръ* Тмуроканя» мож. быть понимаемо только въ смыслѣ «до пѣтуховъ». — «И яко бысть *въ кури*, познавъ себѣ духъ, пзнемогающъ ко пеходу души» Ипат. — *Обѣди* = обѣдняя пора: «въ недѣлю *по обѣдахъ*» Лавр., Кир. Тур.; «въ *обѣдъ* (род. мн.) годъ» Повг. I, т. е. въ часъ обѣда; «*до обѣдъ*». — *Ужины* = пора для ужина: «въ *ужины*». *Взсходи заходи* = время восхода и заката солнца: млр. «*до захід сонця*». — Млр.: *первосны* = во время перваго сна ночью; «*о пізніх ляхъ*»; влр. «*въ утряхъ*», «*спозаранокъ*», «*пѣлдни*», млр. «*вечорі*»; *сумерки* = время, когда смеркается; *потемки*, *сутиски* (соб. время, когда происходитъ *сутискъ* дня съ ночью), *сутки* (время, когда стыкается день съ ночью), *вечерни*, *заутрени* (время этихъ церковныхъ службъ, а не самыя службы), *звонь* (время колокольнаго звона); *жары*, *холода*, *морозы осенями*, *въ осеняхъ*; млр. *у косовині*. — Стар. рус. *постригъ* = время, когда въ первый разъ стригли волосы ребенку, а также постриженіе въ духовный санъ. — *Свадьбы* = свадебное время въ году; *ловы* = время лова, а ед. ч. для конкретныхъ случаевъ: «на *ловъ* бхати» Вл. Мон., по «воевода Тить, вездѣ словый мужествомъ, на *ратѣхъ* и на *ловѣхъ*» Ипат. — «*Бѣгъ*», «*скачки*», *ходы* (время на проходѣ отъ одного мѣста до другого). — *Пивѣ* — праздничное время варки пива; млр. *вінкы* — время, когда вьютъ вѣнки пивѣтѣ; блр. *дзеды*, *дзяды* — когда поминаютъ дѣдовъ, предковъ. — *Похоронь*, *наймиты* — время попойки, когда панимаютъ; *могарычи* и проч. — *Святки*, *праздники*, *водохреци* (стар. рус. и млр. — праздникъ Крещенія, отс. *крещенскіе морозы*), *мясопусты*, *коляды*. — *Ку- пала* (множ. ч. отъ куполо), а въ болѣе старин. яз. *купалья*

Происхожденіе
большой части
этихъ именъ отъ
единств. числѣ
именъ конкрет-
ныхъ.

Объясненіе про-
исхожденія въ
когорыхъ именъ

41

43

46

47

48

49

50-53

множ. ч. съ зна- (Пнат. 565), въ юж. влр. „понче—*купалы*, завтра—*Иваны*“,
 чепиомъ времени «на *Нупайла* (вин. множ.) вогонь горить», т. е. когда бывають
 «купала»; блр. «у насъ сягошня *нупалайка* (им. множ.). По своему суффиксу
купало принадлежитъ къ именамъ сред. р. на *ло*, которыя большею частью
 означаютъ орудіе, но имѣють также значеніе *мѣста* (гдѣ), *времени* (когда)
 и самого *дѣйствія*, хотя и не часто. Согласно съ этимъ, „купало“ можетъ
 значить а) *обрядное купанье* самого Іоанна Крестителя въ христіанскую
 эпоху; а ранѣе—купанье солища (Ср.: „купався Иванъ та в воду упав“);
 б) *мѣсто* обряда: «на *купалі* огонь горить»; в) *время* обряда (во множ. ч.),
 какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ. На этомъ основаніи Потебня ду-
 масть, что первообразная форма «купало» не была именемъ дѣйствующаго
 лица.—Так. обр. и *роусалья* (мн. ч. сред. р.) является на славянскую почву
 со значеніемъ празднества; чеш. *rusadla* (множ. ср. р.), греч. *ροσάλλα*—
pascha rosarinn.—*Иваны* (множ. ч.), какъ названіе праздника, по мнѣнію
 Бусл. (Гр. § 219, пр. 8) произошло отъ именинниковъ и именинницъ: «вчера
 были Аграфены, а нынче Иваны», но, по мнѣнію Потебни, это невѣрно:
 въ вышеприведенномъ примѣрѣ «понче Купалы (множ.), а завтра Иваны»
 не могло быть и мысли объ именинникахъ. Причина постановки множ. числа
 въ обоихъ именахъ, по мнѣнію Потебни, *одна*. Имя святаго въ един. ч. перво-
 начально имѣеть для говорящаго *конкретное* значеніе лица; когда же бываетъ
 повтореніе того, что обозначено единственнымъ числомъ, тогда вм. повторе-
 нія (купало, купало, купало) ставится это имя во множ. числѣ (купалы),
 такъ что „сначала множ. число выражаетъ повтореніе обозначеннаго единич-
 нымъ, затѣмъ—день, время, когда бывають купалы, Иваны“. Такъ въ влр.:
 «прошли Сидоры, прошли и сіверы». Сюда же относятся народные назва-
 ніе святыхъ: *Грачевники* (4 марта Герасимъ *Грачевникъ*, который грачей
 пригоняетъ), *Оспожинки* (госпожинъ день, праздникъ Богородицы), *Петровки*,
Спасовки—посты Петровскій и Спасовъ.

Имена дѣйствій на *эка, экъ* (помножъ), переходя во
 множ. ч. на *ки*, *множ. ч.*, могутъ выражать *время* этихъ дѣйствій: *поминки*,
ушки, ашки, чны *похмелки, посидѣлки, супрядки, дожники, обжинки, за-*
жсинки. Тоже въ млр., пол., чеш. языкахъ.

Множ. ч. на *ушки, ашки* отъ суф. *ка* имѣють уменьшительное зна-
 ченіе: *пестриушки, побирушки, попивушки, почесушки, побывашки* и др.,
 при чемъ нѣкоторыя пзъ нихъ, кромѣ *времени* дѣйствія, обозначаютъ самое
 дѣйствіе и результатъ его (Ср. „Записки“ III, 599, 600).

Множ. ч. на *ины*:

именины означаютъ а) дѣйствіе и время наименованія: „у в. кн. Все-
 волода родися сынъ до заутреция св. Дмитрія дне, а *именины* же тогда
 бяхуть“ Пнат., и б) *юдовщину* именинъ, какъ и нынѣ. Такимъ же обр.: *ро-*

дины, крестины; смотрины, пособлины (помочь) и др. Эти имена вовсе не имѣютъ един. числа и частью идутъ отъ глаголовъ съ тематическимъ окончаніемъ *-и*: *заювны розювны* (отъ *ювь*—), но есть и отъ именныхъ основъ: „*сорочины*“ (Вопросн. Кюр.), *третины*, *млр. девятины*.

Влр. *поры* и *мѣсты* съ значеніемъ времени и мѣста: «Поры» и «мѣста» съ знач. времени и мѣста. могутъ употребляться одно взамѣнъ другого: на тѣхъ порахъ, въ тѣ поры; „мы тѣ до сихъ мѣстъ акы вотца имѣли по любви“; Плат.: „по сихъ поръ платье“ (напр. поколѣни); влр. нарѣч. *покамѣсть*.

Съ русскими именами множ. ч., обозначающими время, аналогичны соответствующія имена не только въ млр., пол. и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но и въ лит.-лотыш., нѣмец., греческомъ.

VI. Множ. ч. для обозначенія состоянія, при чемъ, какъ множ. ч. времени примыкаетъ къ множ. числу мѣста (напр. „*всходи*“ означаетъ и время, и мѣсто восхода солнца); такъ „и множ. число состоянія, примыкая ко множ. числу времени и мѣста, появляется вмѣстѣ съ отнесеніемъ пребыванія въ извѣстномъ мѣстѣ и времени къ лицу“. Напр. „въ потемкахъ не вижу“, т. е. въ томъ состояніи, когда мнѣ бываетъ темно или *идѣ* для меня темно, я не вижу*).

Множ. число состоянія употребляется въ слѣд. случаяхъ.

*) Этотъ видъ множ. числа, въ виду не совсѣмъ яснаго опредѣленія, даваемого самимъ Потебней, дуждается въ нѣкоторомъ поясненіи. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что Потебня имѣетъ здѣсь въ виду, съ одной стороны, указать на переходъ существительныхъ отъ конкретности къ абстрактности, а именно, что конкретное существительное, принимая форму множ. числа, можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлаться абстрактнымъ и обозначать уже не реальную субстанцію, а лишь извѣстное состояніе того лица (или предмета), къ которому существительное относится; отсюда—самое названіе этого вида множ. числа. Съ другой стороны, когда такіа существительныя множ. числа ставятся не въ именит. падежѣ, а въ творительномъ или въ соединеніи съ предлогами, тогда ослабленіе реальности субстанціи чувствуется еще больше, такъ что имена существительныя приближаются уже къ адverbіальному, обстоятельствуемому значенію и могутъ переходить прямо въ нарѣчія, напр. въ сердцахъ, съ сердцовъ, на радостяхъ; „ничить трава жалощами“. Въ этомъ случаѣ существительныя множ. числа могутъ «примыкать», между проч., и къ обстоятельствамъ мѣста и времени (Ср. „въ потемкахъ не вижу“, но только „примыкать“, соприкасаться, а не быть исключительно обстоятельствами мѣста и времени, пот. что такое множ. число все-таки сохраняетъ за собою и значеніе *состоянія* или *пребыванія* (лица) въ извѣстномъ мѣстѣ и времени, какъ выражается Потебня. Потому-то онъ и говоритъ, что „множ. число *состоянія* появляется вмѣстѣ съ отнесеніемъ пребыванія въ извѣстномъ мѣстѣ и времени къ лицу“, т. е., и извѣстное *состояніе*, и *пребываніе* въ извѣстномъ мѣстѣ и времени *одновременно* относятся къ извѣстному лицу: „въ потемкахъ не вижу“, т. е., *когда* или *идѣ* бываетъ мнѣ темно,—я при этомъ условіи нахожусь въ такомъ *состояніи*, что не вижу. И. Б.

а) *Принадлежность къ извѣстному разряду* (сословію, званію, службѣ) выражается вл. единственнаго множ. числомъ того имени, которымъ обозначаются сословіе, званіе, служба. Напр. „не потка *въ поткахъ* нетопырь... не рыба *въ рыбахъ* ракъ“ (Дан. Зат.), т. е., нетопырь среди птицъ, какъ общаго понятія о птицѣ, не есть птица, ракъ въ смыслѣ общаго понятія о *рыбѣ* не есть рыба. Отсюда видно, что *только контекстъ* даетъ возможность отличать множ. число состоянія отъ конкретной множественности или множ. числа мѣста, какъ напр. „*въ рыбахъ* (конкретно) есть кровь“, „*среди рыбъ* (мѣсто) ползаетъ ракъ“.—Другіе примѣры: „посла Олегъ Ярославъ *въ сторожъ*“ (=въ *сторожа*), т. е. въ качествѣ начальника сторожевого отряда; „самъ творилъ, что надобѣ... и *въ ловчихъ*... и *въ конюсхъ*“ (Влад. Мон.), т. е., въ томъ, что *касается ловчихъ и конюховъ*; „у сей купчей сидѣли *въ мужьхъ*“ (т. е. не только въ числѣ и среди мужей, но *мужами*) N и N“ Ак. Юр.; „*въ сидѣльцахъ* сидѣли посацкіе люди“; „*въ головахъ*“ (=въ качествѣ предводителя или во *первыхъ*); „въ лицахъ“ (=на *лицо*) сходно со стар. влр. „быть *въ естяхъ, въ нѣтахъ*“, „*въ дунахъ*“ (=въ *живыхъ*), „*въ даровьяхъ*“ (=въ качествѣ дара, даромъ). Въ нынѣшнемъ языкѣ множ. число состоянія даже вышнеею формою отличается отъ множественнаго *конкретнаго*: „пойти *въ казаки*“ (множ. ч. состоянія) и „стрѣлять *въ казаковъ*“ (конкретно). При отрицаніи остается та же форма: „не ходитъ *въ юсти*, не брать *въ жены*“.—Въ млр. яз. замѣчается то же самое: „ні рыба, ні мясо, и *въ раки* не годится“, „взяли *у солдати*“.

б) *Въ названіяхъ болѣзней* множ. число во многихъ случаяхъ имѣетъ значеніе конкретное, объясняемое отчасти множественностью паружныхъ знаковъ болѣзни („онъ *въ веснушкахъ*“), отчасти же тѣмъ, что мнѣщескія существа, овладѣвающія челоѣкомъ во время болѣзни, представляются многочисленными, какъ напр. *лихорадки*, млр. *пропасниці*: „добри день, *пропасниці*! Есть васъ сімдесят сім, а я принесла вамъ сніданія всімъ“ (въ заговорахъ). Однако возможно, что и въ такихъ случаяхъ множ. число переходитъ къ значенію *состоянія*, *при чемъ олицетворенія ослабляются и даже устраниаются*, особенно когда при именахъ множ. числа бываетъ и единственное: напр. въ варусскихъ заговорахъ: „*тоски* тоскуція“ (при ед. ч.: „*тоска*“), „*рыды* рыдучія“; въ млр.: *ночницѣ, дрімливѣ, сонливѣ, сухотѣ* (сухотка) и пр.—На томъ же переходѣ отъ олицетворенія къ отвлеченности стоятъ вл. „*зари*“ (сильное желаніе, зависть: Ср. „зариться на что“), „*зари* его берутъ“, сказалъ „*въ заряхъ*“, млр. „*нуди* мене берутъ“, пол. *тиду*—скука.

в) Множ. число состоянія иногда предполагаетъ, повидимому, *значеніе многокрстности*: „абы Богъ далъ мнѣ здоровье, а *мѣстемъ* быти“ Плат.—«Присылають Седмиградскою къ канцлеру (такого то) съ *грозами*, и канцлеръ отказаль (отвѣтилъ), что *грозы* его не блюдется“ Диплом. снош. 1596 г.—

«Грозъ твоихъ небоюсь». Даль.—Сюда же относятся: «сз *сердцовъ*», «вз *сердцяхъ*», *иньвы* (тв. п. мн. Ппат.), *на иньвяхъ*, *на листьехъ* (= съ лестью: Лавр.), *на ирунахъ* (= на рысахъ: Ппат.), *на радостяхъ*, *на досугахъ* (но *на досугъ*—частный, отдѣльный случай), *вз борзыхъ* (Лавр.), *на косыхъ*, *на тощахъ*, *вз юряхъ*, *вз тоскахъ*, *во сняхъ*, *вз просонкахъ*, *вз торопяхъ*, *вз поныхахъ*; быть *вз ладахъ* (въ состояніи согласія, въ согласіи), *вз неладахъ*, *вз бѣлахъ*, *вз барышахъ*, *вз убыткахъ*, *вз силахъ*, *вз заботахъ*, *вз наймахъ*; млр. *на радости* (вин. мн.), *на жалости* (вин. мн.).

г) Къ существительнымъ «радоcти» и «жалости» примыкаетъ по своему образованію и употребленію цѣлая *группа именъ жен. рода*, оканчивающихся во множ. числѣ на—*ощи* (цел. и млр.) и имѣющихъ при себѣ имена ед. числа на—*ость*; напр. цел. «вызграсѣ младенецъ *радоcтими* въ жтробѣ моеи» (Мар. Ев.); въ древ. рус.: *льнощами* (Моном.) (= вслѣдствіе лѣности), «ничить трава *жалоcтими*» (Сл о п. Пг.); млр.: *на радощахъ*, *з радощів*, *з жалоcтів*, *ласощі*, *пахощі*, *мудроcщі* и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ первоначальное значеніе множ. числа есть *состояніе* и потомъ уже конкретное значеніе: «ласощі» сперва значило «когда кто ласкъ до чего», а потомъ конкретно: *наѣстись ласощівъ* (лакометвъ); «любоcщі» сперва—состояніе любви, а потомъ конкретно (приворотное зелье): «проспѣвъ, щобъ дала ему *любоcтів*, щобъ его всяка полюбила». — Достоверныхъ влрусскихъ случаевъ, какъ млр. *любоcщі*, нѣтъ; приводимые Буслаевымъ «забытищи» (Гр. § 219) происходятъ отъ—*ище*, а не отъ—*ость*. Нельзя отождествлять съ этими множественными и такихъ случаевъ у писателей 18—19 в., какъ «смотрѣніе за всѣми *поведеніями* охотниковъ», «развращеніе *совѣстей* человѣческихъ», пот. что это—*pluralia distributiva*, указывающія на *отдѣльныя* «поведенія», «совѣсти», тогда какъ рассматриваемое множ. ч. («радощи» и пр.) означаетъ общее представленіе *одного состоянія*, хотя, конечно, и plur. distributiva могутъ приводить къ ослабленію и устраненію олицетворенія и субстанціальности (ср. стр. 66), какъ напр. у Гомера: αὐτῶν γὰρ ἀπολόμειδ' ἀφραδίησιν (Od. X, 27)=соб. «мы погнали *каждый* чрезъ свое неразуміе», а потомъ=«мы погнали чрезъ свое неразуміе» (въ смыслѣ *общаго* понятія); κείται ἐν ἄλγεσι θύμος=влр.: «*во юряхъ* лежитъ»=млр. «у жалоcцахъ».

Отличіе этого
множ. числа отъ
plur. distribut.

д) Къ случаямъ, какъ «въ ладахъ» (стр. 68), т. е. *въ состояніи согласія*, и какъ уменьшительное «постирушки» (58), т. е. *въ качествѣ постирушки*, примыкаетъ влр. *быть на побѣгушкахъ*, т. е. въ состояніи или въ качествѣ побѣгушки. Сюда же относятся случаи, какъ въ влр. «на шута (или на кота) *потянуши*, на тебя (на потягивающагося ребенка) *поростуши*», или уменьшит. *полецушеньки*, *поростушеньки*, *полетушеньки*, *попрыгуньки*, гдѣ формы на—*иши*,—*ушеньки* могутъ быть поняты или 1) какъ

Мн. ч. на *уши*, *ушки*, *ушеньки* съ разными значеніями: а) какъ им. и вин. п. множ. ч., и б) какъ глаголы изъяснительнаго, повел. и неопред. наклоненій.

67

68

69

70

71

- 72 им. падежи въ качествѣ подлежащихъ, или 2) какъ вин. множ. въ качествѣ дополненій, какъ напр. «баюшки (вин. п.) баю» (1 л. ед. ч.). Въ обращеніи же къ дѣтямъ, какъ междометія, они чувствуются уже какъ свазуемыя съ изъявительнымъ, желательнымъ или повелительнымъ отглагольнымъ: «баюшки», т. е. сии (какъ повел. накл.); «пора *баюшки*», т. е. идите спать (какъ неопред. накл.); «баю, баю (сокращ. «бай, бай»), молодой Турчанъ» (Шейнъ, Рус. пар. п.)=сии, сии.—Въ такомъ же смыслѣ влр.: *люлечки, ладушки, дыбочки*. Тоже и въ мпр.: «а в роточокъ—*юворушки*, а в ноженьки—*ходусеньки*, а в рученьки—*ладусеньки*! Метл.—Въ связной рѣчи такія формы получаютъ значеніе неопр. накл.: «Вжеже бо ми по вас неходитоньки, с панянками недружитоньки».

Уменьшит. нарѣчій съ формою им. п. множеств. числа: «туточки», «здысечки».

Нарѣчныя выраженія въ значеніи отъ предлоговъ и послѣ глаголовъ движенія.

74

75

Нарѣчія отъ тв. п. множ. ч.: *акы, шакы, поганьскы, свойскы*.

76

Предложныя нарѣчія: по-дѣтски и др.

77—8

е) Возможно, что мпр. нарѣчіе *прѣчки* образовано не отъ имени, а отъ нарѣч. *прочь* по аналогіи съ уменьшительными инфинитивами, какъ *спѣтки*: «*ходимъ спѣтки*». Неизвѣстно, есть ли вліяніе множ. числа въ уменьшительныхъ нарѣчіяхъ *тутки, тутечки, здысечки, теперечки*.

ж) Съ выраженіями, какъ «въ наймы», сближается стар. рус. нарѣчіе «въ-переки»=поперекъ, а не contra, какъ цол. «въпрѣкы»: «посла *въ переки* (поперекъ) мужи своя» (Ипат. 235 и безъ предлога «въ» 251, 252, 465; въ ед. ч. «поперекъ» и «перекъ» 430, 433, 587).—Къ выраженію же «въ наймы» примыкаютъ случаи при глаголахъ движенія: «въ млыны (=мѣною) пришли», «на обиняки» (=намеками); мпр. «въ переверти», «въ глыбки», «въ ширки», «на-в-присядки» и др. Къ случаямъ образованія нарѣчій отъ твор. множ. ч. въ стар. рус. и цол. относятся *акы, такы, наky, тихы, малы* (Срав. Зап. II, 491—3), влр. *таки, тагы-таки, такечки*; мпр. *верхи* (верхомъ), *нахилки, дибки* стати и др. Сюда же нарѣчія отъ тв. п. множ. числа прилагательныхъ на ѣск: *поганьскы, волчьскы* (Лавр.), *клятьскы* (въ видѣ клятв) Дан. Пал., *свойскы* Ibid.; мпр.: *рачки* (ракомъ), *обіручки* (обѣими руками), *пишки, мовчки*.

Относительно *предложныхъ* нарѣчій изъ твор. падежа съ предл. *по*, несочетающимся съ твор. п., каковы влр. *по-дѣтски, по-таковски*, мпр. *по-козацки*, словац. *po cesky*, Потребия думается, что въ нихъ произошло забвеніе значенія твор. падежа и повліяло сочетаніе *по* съ дательнымъ, какъ мпр. *по-собачому*, влр. *по-собачьему*, чеш. и польск. *po-cesky*. Поэтому «получается вѣроятность, что и въ другихъ случаяхъ *предлогъ можетъ сочетаться съ нарѣчіемъ безъ вниманія къ падежу, этимологически данному въ этомъ нарѣчій*». Таковы нарѣчія отъ дѣпр. наст. врем. въ мпр.: *на-в-стоячки, на-в-лежачки, на-в-сидячки*; отъ именныхъ темъ: влр. *на кулачки*, мпр. *на-в-кулачки*, а отсюда уже существ.: «на *вулачкахъ*» (З. о Ю. Р.), какъ будто им. п. множ. ч. «*вулачки*».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абстрактность. Взгляд М. Мюллера и Потебни на абстрактность корней и первоначальных словъ (142—3). Сущ. абстрактныя и отличие ихъ отъ конкретныхъ (28). Абстрактность существительныхъ множ. ч. при конкретномъ единственномъ (253—5). Наибольшая абстрактность въ гипотактическомъ строѣ рѣчи (222).

Авторское „мы“ (248).

Асс. с. inf. Объясненіе этого оборота изъ 2-го вѣд. надежа (79—81; 98). Типы вѣд. съ неопред. въ цѣл. и рус. яз. (99).

Асс. с. partis. (81, 99) и отличие причастія *суща* отъ *быти* (99).

Аналитическія сужденія см. *сужденія*.

Антиципация (πρόληψις) и объясненіе ея изъ 2-го вѣд. п. (82).

Апперцепція или воспріятіе. Отношеніе ея къ первобытному психологическому предложенію (24) и первоначальному мышленію (25).

Апозитія или приложеніе. Отличіе ея отъ простаго атрибута (32). Составное приложеніе (35, 52). Постановка словъ *имя* и *прозвище* при приложеніи. Взглядъ П. Лавровскаго на вѣд. ц. приложенія, сходный то съ именит.; то съ род. пад. (185). Переходъ приложеній въ предложенія въ связи съ паратактичностью рѣчи: „туръ—золотые рога“ и „туръ на немъ золотые рога“ (193—4).

Апозитивныя причастія см. *причастія*.

Апозитивный твор. п. и виды его (131—2).

Аттракція и объясненіе ея 2-го вѣд. у Курціуса (82). Объясненіе аттракціей дательнаго пад. при неопр. накл. (102). Взглядъ Потебни на аттракцію (102, 177).

Аттрибутъ—собственно и опредѣленіе его. Аттрибутъ изъ именъ сущ. и прилаг. (30—31). Взглядъ Пауля и Мюллера на происхожденіе прилагательныхъ, какъ аттрибутовъ, и исправленіе этого взгляда Потебней на основаніи языка образнаго (155).

Аттрибутъ предикативный изъ существительныхъ, прилагательныхъ и причастій (33, 36).

Аттрибутивное существительное. Отличіе его отъ атрибутив. прилагательнаго и двойственность мысли, вносимая атрибутивнымъ существительнымъ: «человѣкъ *грѣшникъ*» и «человѣкъ *грѣшныя*» (165—6). Связь атрибутивнаго сочетанія существительныхъ съ hendiadys: «вѣлкъ *хыщникъ*» и «вѣлкъ и *хыщникъ*» (166, 188). Согласуемая атрибутив. сущ. муж. р. на *въцъ, ивъ, икъ, акъ, якъ, ачъ, ячъ, тай, таръ, унъ, зкъ, зъ* съ соответствующими женскими; жен. р. на *эка, ша, уха, уха* съ соответствующими мужскими; сред. р. на *ят, ище, шико* (166—8). Несогласуемая атрибутив. сущ. на *ина, ъ, остъ, ть, а, я, ыня, ъе, нье, ѣсто, никъ, някъ* (168—172). Устраненіе двойственности субстанцій при атрибутивномъ сочетаніи существительныхъ родовыхъ и видовыхъ и препозитивная и постпозитивная постановка атрибутивнаго сущ. (170—2). Сочетаніе *свѣтъ-Русь* (172). Атрибутивные сущ. съ качественнымъ отглагольнымъ: трава—мурава (173) см. *паратактичность рѣчи*. Особенности употребленія атрибутивнаго сущ. при прилагательныхъ притяж. (228). Образцы: въ дому *Си-*

моновъ усмаря, короля Жиимонтовъ сынь, домъ Мариинъ матери Иоанновы, до гроба Рахилина, матери Иосифовы прекраснаго (228—9).

Безсубъектность и безличность (205). Объясненіе происхожденія безсубъектныхъ сказуемыхъ съ множественной точки зрѣнія на языкъ (205—7). Образцы безсубъектныхъ и безличныхъ оборотовъ: громомъ убило, стучить (207), туманится (208), снится мнѣ, говорится (209), убило дня, туча ровъ учинило, пришло ихъ тьма (211), два человѣка (пять человѣкъ) пришло (212), зимовая служба молодцамъ кручинно (213), городъ видно, музыка слышно, вѣсти вѣдомо (214). Безсубъектные обороты, состоящіе изъ существительнаго глагола и имени, дополняемые и недополняемые неопредѣленнымъ накл. или объектомъ (215). Образцы: страхъ (есть) глядѣть (103, 216), дивно ми есть, уне есть (103, 217). Безличные обороты изъ *есть* съ дат. пад. и изъ неопред. накл.: «подобѣ есть сыну пострадати», «аще вы будѣтъ (=случится) крестъ цѣловати» (100—4). Безличные отрицательные обороты съ *есть*: мнѣ не уйти, нечего дѣлать (107—8; 219, 220), сестры нѣтъ дома (221). Какъ отличать субъектные и безсубъектные обороты, если сказуемое въ нихъ дополняется неопред. наклоненіемъ или придат. предложеніемъ (218—219).

Вещь, какъ существительное, и понятіе о ней (141).

Вещественныя слова или знаменательныя (12).

Виды глагола. Видовые и модальные отбѣнки въ сочетаніяхъ нѣкоторыхъ вспомог. глаголовъ съ неопред. наклон. (93—7).

Вин. пад. прямого объекта при страд. з. въ безличныхъ оборотахъ: видно землю (210), слышно музыку (214). Винит. п. прямого объекта при пош. agentis въ др.-инд., санскр. и пынѣшнемъ латыш. яз. (210).

Вин. п. внутренняго объекта и объясненіе его Потебней (208).

Вин. п. для выраженія количества на вопр. «сколько» (212).

Вин. съ неопред. и причастіемъ см. асс. с. inf. и асс. с. partie.

Вопросы прямые и косвенные (73—4).

Время въ глаголахъ. Выраженіе времени въ сочетаніяхъ причастій дѣйств. и страд. з. съ вспомог. глаголомъ (42—5) и —*лз* съ есмь, быхъ, бѣахъ; бѣхъ, бяхъ, быть есмь и буду (66—78). Выраженіе буд. вр. сочетаніями глаголовъ имамъ, иму, хочу, стану, буду съ неопред. накл. (93—5). Выраженіе отбѣнковъ времени неопредѣленныхъ накл. при безличномъ *есть* (104).

Вспомогат. глаголы см. связка.

Вторые надежи и отличіе ихъ отъ первыхъ (36). Въ частности см. вторые надежи: именит., вин., род., дат. и твор. на мѣстѣ вторыхъ надежей.

Винит. второй пад. Предикативность его въ древ. яз. (79). Второй вин. изъ им. существительнаго при глаголахъ cognosc., nominandi, faciendi и позднѣйшая замѣна его творительнымъ или съ предл. за. Второй вин. изъ им. прилагательнаго (80) и обороты, развишіеся изъ него. Второй вин. изъ предикатив. причастія (81). Второй винит. составной (82).

Второстепенное сказуемое см. сказуемое второстепенное.

Гипотактичность и паратактичность рѣчи (173) и замѣны паратактическихъ оборотовъ гипотактическими: «туръ золотые рога» и «туръ съ золотыми рогами» (174, 191). Гипотактич. опредѣлит. придаточ. предложенія съ относительными мѣстоименіями и постпозитивная постановка ихъ (196—7). Препозитивная постановка такихъ предложений и смыслъ ихъ (197—8).—Два способа гипотактического выраженія принадлежности: а) че-

резь притяж. прилагательное (домъ Маріинъ) вм. невозможнаго здѣсь паратактическаго атрибутивнаго существительнаго: «домъ—Марія» (221—2). Образцы съ прилагат. притяжательнымъ вм. родительнаго принадлежности: въ мое Иваново мѣсто, свой землянинъ (223). Метонимически употребляемые прилагательныя на мѣстѣ родит. падежа существительныхъ (товарная покупка) или паратактическихъ сочетаній (дѣло о *вывозномъ* бобылѣ=дѣло о бобылѣ о вывозѣ: см. *метонимія*) 226.—Образцы «поминая слово *Господне* (=Господа), *иже* рече», «неволею Всеволода и *Святославею* (229). Двусмысленные образцы съ прилагат. притяжательнымъ и родительнымъ принадлежності; «страхъ *Ижемоновъ*» и «страхъ *игемона*» (230).

Hendiadys. Взглядъ Миклош. и Попова на *hendiadys* и объясненіе его Потебней въ связи съ атрибутивными паратактическими сочетаніями (188, 193). *Hend.* въ пемѣрной рѣчи: «путемъ и дорогою», «воры и разбойники» вм. атрибутив. паратактич. «путемъ дорогою», «воры разбойники» (190). Отдѣльные образцы *hendiadys* въ соединеніи съ именами *сила, правда, душа, голова, доля, счастье, гений* и *Богъ*: «ратъ и сила» вм. «сила рать». Замѣна паратактическихъ оборотовъ гипотактическими: *сила креста, сила крестная*. Отс. *двойникъ*, какъ замѣна одной субстанціи другою: *сила креста*=самый крестъ; *я и душа*=душа моя=я самъ (191), *счастливъ твой Богъ*=счастливъ ты самъ (192).—Объясненіе оборота: «Богъ и ты» (192).

Гиперболическое множ. число (247).

Глаголь. Опредѣленіе глагола по признаку *возникающему*. Отличіе глагола отъ имени (26). Опредѣленіе глагола съ точки зрѣнія философин (141).

Грамматика и отличіе ея отъ логики (19—20).

Грамматическій родъ. Взглядъ нѣкоторыхъ ученыхъ на грамматич. родъ въ связи съ естественнымъ поломъ (235—8). Противоположный взглядъ Бругмана и возраженія Потебни (241—4). *Лексическое* обозначеніе родства и свойствъ, какъ принадлежности частныхъ понятій къ *роду, семейству*. *Грамматическое* обозначеніе отношеній къ роду, племени посредствомъ суф. *ичъ, юкъ* (укъ), *акъ* (акъ), *ицъ, ица, ко, ка, ям, ята, ен, еня* (236—7). Переводъ именъ изъ одной категоріи въ другую посредствомъ грамматич. рода: *рабъ—рабыни*. Предметъ и качество его есть какъ бы мужъ и жена съ человѣкообразной точки зрѣнія (238). Суффиксы, образующіе женскій родъ отъ соответствующихъ суффиксовъ мужескихъ (239—241). Взглядъ Бругмана и Эд. Вольтера на переходъ отвлеченныхъ именъ сред. и жен. рода въ конкретныя мужскія (244) и возраженія Потебни противъ этого взгляда (245). Абстрактность не есть исходная точка для перехода женскихъ и среднихъ именъ въ мужскія (246—7).

Грамматич. термины и объясненіе ихъ съ точки зрѣнія философин (141).

Грамматическія формы (12).

Hyperallage см. *метонимія*.

Hysteroproton (142—3).

Dativus ethicus (прим. къ стр. 53, 64, 107).

Дательный самот., какъ дат. предикативный (84). Дат. самот. при *одинаковомъ* дат. имени какъ въ главномъ, такъ и придаточномъ предложеніи (85). Дат. самот. въ совершенной независимости отъ дательнаго имени при главномъ сказ. (86). Замѣны дательнаго самот. въ позднѣйшемъ яз. (87). Взглядъ Миклошича на дат. самот. (88).

Дат. съ неопредѣл. накл. Два типа этого оборота по свойству *перваго* дательнаго: дательный, зависимый отъ главнаго глагола: Волод. *повелъ* псковати *лишиѣ* сребрены *ясти дружину* (100) и независимый: *сподоби* мя съобщнику *ми быти* (101). Дат. съ неопред. на мѣстѣ подлежащаго (101).

Дваинса. Обозначеніе общаго двумя или нѣсколькими частными (230). Образы: братъ-сестра, отецъ-мать, калина-малина (231). Выраженіе неопредѣленной общности числа посредствомъ сопоставленія меньшаго и большаго (два-три) и черезъ отрицаніе *не* въ сравненіяхъ: триста *ни* триста=какъ бы триста, т. е. около 300 (232).

Двойникъ, какъ замѣла одной субстанціи другою. (191—2) см. *ten-diadys*.—Двойники при объясненіи происхожденія метонимій (225).

Дистрибутивный твор., какъ видъ творительнаго мѣста (115) и времени (116). Множ. дистрибутивное и отличіе его отъ множ. ч. дѣльнаго вещества и состоянія (251, 257).

Дополненіе или объектъ грамматическій. Дополненіе составное (35—6).

Достигат. наклоненіе и отношеніе его къ неопредѣленному въ рус. яз. (91—2; 96, 99).

Дѣепричастіе. Обращеніе предикативныхъ и аннотативныхъ причастій въ дѣепричастія (47, 52). Дѣепричастіе независимое въ роли именит. самостоятельнаго (55). Дѣепр. изъ 2-го впи. (81), родит. (84) и дат. (85—7) причастія.

Ерисосна помина. Взглядъ на нихъ Бругмана и опроверженіе этого взгляда Потебней (241).

Есмь. Употребленіе и опущеніе его въ др.-рус. яз., въ малорусскихъ говорахъ и польск. яз. (64—6). См. Безсубъектность.

Желательное накл. Выраженіе желательности посредствомъ — *аъ* съ *быхъ* и изъявительнымъ прош. временемъ (70—71). Выраженіе желательности неопред. наклоненіемъ съ *бы* (112).

Женскій родъ. Первоначальный смыслъ суф. жен. р. *a*, *ie*, *i* по Бругману (243).

Залогъ. Двойное выраженіе страдат. залога (43). Переходъ транзитивныхъ глаголовъ въ интранзитивные вълѣдствіе устраненія мнимыхъ объектов: «шутки шутить» и просто «шутить» (208). Переходъ возвратныхъ глаголовъ въ медіальные и пассивные вълѣдствіе потери мѣстониміемъ *ся* своего объектнаго значенія (48). Отгѣнки глаголовъ на *ся* въ безсубъектныхъ оборотахъ а) при дат. надежъ лица (*commodi*), субстанція котораго не совпадаетъ съ субстанціей устраненнаго подлежащаго: мнѣ случилось (что-то); б) при дат. над. лица, субстанція котораго совпадаетъ съ именит. пад. личнаго оборота: мнѣ пѣется (=я пѣю), мнѣ говорится (=я говорю), и в) при страдательно-возвратныхъ глаголахъ съ значеніемъ латин. *dicitur*, нѣмец. *man sagt*, гдѣ субстанція дательнаго лица и устраненнаго подлежащаго не совпадаютъ: «мнѣ говорится», т. е., *не я*, а *другіе* говорятъ (209). Проявленіе значенія «шан» въ рус. яз. при глаголахъ чисто страдательныхъ и при причастіяхъ на *и* и *т* отъ глаголовъ возвратныхъ, взаимныхъ и среднихъ (210).

Знакъ и значеніе въ словѣ. Знакъ, какъ представитель значенія слова (9). Сохраненіе значенія словъ только въ рѣчи (13).

Знаменательныя слова или вещественныя (12).

Именит. второй пад. при глаголахъ вспомогательныхъ вообще (48—51) и въ частности при глаг. *быть* (133—4). Отличіе именительнаго предикативнаго отъ такового же творительнаго (135—6). Второй именит. при причастіи аппозитивномъ—52.

Именит. пад. приложенія при косвенномъ падежѣ опредѣляемаго существительнаго, какъ остатокъ первоначальнаго паратактич. сочетанія (184—6).

Имен. пад. при безлично-субъектныхъ оборотахъ (211, 213, 214, 216).

Именит. самостоят. пад. при аппозитивномъ причастіи (55) и при опущеніи его—56. Именит. самост. съ развитымъ при немъ придат. предложениемъ и при мѣстоименномъ подлежащемъ той же субстанціи въ глав. предложении—56. Именит. самост. для обозначенія времени (187).

Качественность существительныхъ и первообразность абстрактности именъ качества и дѣйствія. Взглядъ древнихъ мыслителей и простолюди на качество, какъ на реальныя субстанціи (143—4). Предметъ и качество его есть какъ бы мужъ и жена съ человѣкообразной точки зрѣнія. См. Грамматич. родъ—238. Качественный отглагольный притяжательныхъ: *свой земляникъ*, т. е., *такой же, какъ и я*. Качественный отглагольный прилагательныхъ, выражающихъ количество: *малые люди*=мало людей и *люди незначительные*—223.

Комплексъ, какъ совокупность признаковъ въ существительномъ (27—8).

Конкретность первообразнаго языка (11, 142—3; 188). Существ. конкретныя и абстрактныя (27—8). Большая конкретность существительныхъ по сравненію съ прилагат. и глаголами (199—200). Большая конкретность опредѣляемыхъ существительныхъ при прилагательномъ притяжательномъ, чѣмъ при род. принадлежности—223. Конкретность существительныхъ въ дистрибутивномъ множ. числѣ—251. Конкретность множественныхъ субстанцій—256. Различіе нѣкоторыхъ конкретныхъ и абстрактныхъ существительныхъ множ. ч. по формѣ: «*пойти въ казаки*» и «*стрѣлять въ казаковъ*»—256. Болѣе конкретная форма мышленія при паратактичности въ языкѣ по сравненію съ гипотактичностью—222.

Корень слова. Опредѣленіе корня Курциусомъ, М. Мюллеромъ и Потебней. Отличіе корня отъ слова. Корни индоевропейскіе и спеціально народныя (10—11). Корни глагольные или безотносительныя (они же—качественныя, объективныя) и корни мѣстоименныя или относительныя (они же—указательныя, субъективныя) 25.

Лексическое значеніе слова (12).

Логика и отличіе ея отъ грамматики (19—20).

man sagt см. залог.

Метонимія и *hupallage*, какъ первообразный поэтический способъ выраженія—224. Объясненіе происхожденія метонимій въ языкѣ. Примеры метонимическаго употребленія атрибутивныхъ прилагательныхъ и древность ихъ: *веселый напитокъ*, *просольный* и *свѣжій рыбки*, *товарная похуйка*, *мертвое мыло*, *спасенный путь* (225—6).

Множественность. Многотія языка (141). Представленіе дѣйствія дѣйствителемъ (200, 245). Двойники (191—2, 225). Субстанціальность множественныхъ субъектовъ и устраненіе ихъ при переходѣ субъектныхъ оборотовъ въ безсубъектныя. Причины устраненія множественныхъ субъектовъ въ языкѣ (206, 216). Особый смыслъ множ. числа именъ съ множественнымъ значеніемъ (256).

Множеств. число и особья значенія его въ рус. яз.: *множ. ч. гиперболическое* (247), *множ. ч. для обозначенія единичныхъ вещей*, разсматриваемыхъ со стороны множественности частей (249), *множ. ч. дѣлимаго вещества* (250), *множ. ч. мѣста* (251), *времени* (253) и *состоянія* (255).

Модальные отгѣнки въ сочетаніяхъ глаголовъ *имамъ, иму, хочу, начну, стану, былъ и буду* съ неопред. накл. (93—6). Модальные отгѣнки безличнаго *есть* съ неопр. накл. (104—5) и безъ неопредѣленнаго (220). Модальные отгѣнки именъ *множ. ч. на ушки, ушеньки*, употребляемыхъ въ смыслѣ междометій (158, 258).

„Мы“ владѣтельныхъ особъ и *„мы“* авторское (248).

Мужескій родъ именъ па *а* (244—7). Имена муж. рода съ окончаніемъ сред. рода па *ище, ишко, я, ят, ло, ie, (ье), ко* (245).

Мѣстоименія. Мѣстоим. существительныя и прилагат. (28). Мѣст. *кое, которое, ово, иное*, какъ существительныя; ставшія союзами и нарѣчными выраженіями (152—3). Мѣст. относительныя между главнымъ и придаточ. предлож. (57—9) и при неопред. наклон. (107—8, 220). Мѣст. *это* въ роли подлежащаго (101) и сказуемаго (138, 9) при неопр. накл. Мѣст. *то* въ качествѣ подлежащаго глав. предложенія, если за нимъ слѣдуетъ пояснительное придат. предложеніе (219). Мѣст. неопред. *нѣчто* (что-то) въ качествѣ подлежащаго и служащее переходомъ отъ субъектности къ безсубъектности (207, 209). Мѣст. *ся*, какъ вып. пад. такъ называемаго внутренняго объекта въ возвратныхъ глаголахъ и потеря этимъ мѣстоименіемъ надежнаго значенія объекта (48, 208, 210).

Нарѣчія. Определеніе нарѣчій, какъ несогласуемыхъ атрибутовъ. Замѣна нарѣчія именемъ прилаг. и употребленіе нарѣчій при существительномъ въ др.-рус. яз. (37, 49, 50). Виды нарѣчій (38). Нарѣчія относительныя между главнымъ и придат. предлож. (58, 107—8, 220). Нарѣчія изъ твор. надежа мѣста и времени (115—6). Нарѣчія изъ *множ. числа* твор. образа дѣйствія (126, 258). Объясненіе значеній *пакы* (126, прим.), *затѣ, чатѣ, чуть, невѣсть* (104).

Неопред. накл. Определеніе инфинитива. Потеря инфинитивомъ надежности, рода и числа (88—9). Степень существительности инфинитива. Вытѣсненіе инфинитивомъ причастій (91, 98). Глагольность нѣгнѣшняго инфинитива, особенно въ серб. и болг. яз. (90, 92). Неопр. накл. *субъективное* съ глаг. *имамъ, иму, хочу, начну, стану, былъ и буду* (93—6). Другіе глаголы съ субъективнымъ неопред. накл. (96—7). Неопред. накл. *объективное* въ оборотахъ *асс. с. inf. и дат. съ неопред.* (98 и сл.). Неопред. накл. съ дат. при безличномъ *есть, будетъ, будяше, бѣаше, бѣше, бѣ, бысть, было, суди*, а также *подобаетъ, случается* и проч. (100, 7; 103—4; 219). Неопр. накл. съ опущеніемъ *есть* въ условныхъ предлож.: «поглядѣть—картина». Неопр. накл. *бысть* (при подраз. *есть*) съ другимъ неопредѣленнымъ: «сколько ни плакать, а быть перестать» (105). Неопр. накл. съ мнимострад. отгѣнкомъ: «язва вся знать (есть)» (106). Неопр. накл., связанное съ главнымъ предлож. посредствомъ относительныхъ мѣстоим. и нарѣчій: «есть что дѣлать», «не бысть куда переѣхать» (107—8, 220). Эпекзегетич. неопред. накл. («посланъ есмь *лаюлати* къ тебѣ») и замѣна его неопредѣленнымъ съ союзами (109—111). Неопр. накл. съ *чѣмъ*: «чѣмъ на мостъ

намъ пти"—111. Неопред. накл. съ *бы, чтобы* (111—2). Абсолютное неопр. накл. (56, 112—3).—0 модальныхъ отглагольныхъ инфинитива см. *модальность*.

Несогласованіе атрибутивнаго сущ. съ определяемымъ словомъ (30, 31). Пять случаевъ несогласованія атрибутивныхъ сущ. съ определяемымъ въ родѣ и числѣ (168—173). Несогласованіе приложія въ падежѣ: зовуть его Власкомъ, Пвановъ сынъ (184—7). Несогласованіе прилагательнаго атрибутивнаго (31—2) и предикативнаго—34.

Объектъ грамматическій и опредѣленіе его съ точки зрѣнія философіи—141. Мнимый объектъ см. *субстанція*.

Объективное и субъектив. неопред. накл. (89—90). см. неопр. накл. *Обстоятельств.* слова или нарѣчія—37.

Общій родъ именъ см. *ерисона*.

Олицетворенія: сонъ идетъ по сѣнямъ—206. Олицетвореніе по отношенію къ грам. роду (242—3). Ослабленіе конкретности въ олицетвореніи при переходѣ существительнаго изъ ед. ч. во множественное (256—7).

Описательныя формы, какъ „держать рѣчь“ въ говорить (200). Описат. формы въ спряженіи и отличіе ихъ отъ составнаго сказ. (35, 43, 45). Описат. прош. вр. со вспомогат. глаголомъ см. *причастія*. Описат. буд. вр. въ сочетаніяхъ служебныхъ глаголовъ имамъ, иму, хочу, начну, стану и буду съ неопред. накл. (93—6).

Относительныя слова, служащія соединеніемъ причастныхъ сказуемыхъ съ глагольными (57—9). Относит. слова, присоединяющія неопред. наклоненіе къ глав. сказуемому (107). Относит. слова, соединяющія придаточ. предположеніе съ главнымъ (196—8).

Отрицательныя выраженія. Родит. пад. послѣ отрицательныхъ и подобныхъ имъ глаголовъ (83, 221). Отрицаніе *не* въ сочетаніи съ *есть* и съ относительными словами при *есть* и неопред. наклоненіи (нечего дѣлать= не есть что дѣлать) 107—8, 220. Объясненіе происхожденія *нѣ* и разныя значенія этой частицы (108; 220). Отрицаніе *не*, дающее слову положительное противоположное значеніе: *недругъ*—232. Сочетаніе утвердительныхъ и отрицательныхъ словъ, получающихъ значеніе малости, неадежности: *выспалась*—не *выспалась*; *чи спала*, *чи не спала* (ср. «Игорь спитъ, Игорь бдитъ»= *полуспитъ*). 233.—Отглаголь сослагательности въ придаточныхъ предположеніяхъ послѣ отрицательнаго главнаго (75—6). Отрицательныя сравненія въ яз., какъ перенутъ къ отрицанію мнѣческаго дѣйствителя (206—7). Образцы тавтологій съ отрицаніемъ (234—5).

Парность грамматическихъ и философскихъ разрядовъ (141, 242).

Паратактичность рѣчи и замѣна паратактическихъ оборотовъ гипотактическими: «туръ золотые рога» и «туръ съ золотыми рогами» (173—4). Различіе значеній препозитивной и постнозитивной постановки паратактическихъ сложныхъ опредѣленій. Препозитивность, какъ поводъ къ образованію сложныхъ словъ. *Composita possessiva* (золоторогъ) и *determinativa* (суходоль) 175—6. Образцы паратактич. сочетаній: церковь Спасъ (177), икона Никола (178), подъ Спасъ праздникъ, къ матери ко двору, о немъ о здоровьи (179), на немъ на грудяхъ, къ концу къ обѣдѣ, беретъ за руки за перстни (180), на берегъ надъ рѣку, друзья мужескъ полъ, на бочку на рождѣ, множество золото, войско сила (181), деньги часть, деньги пять рублей, о деньгахъ о пяти рубляхъ (182), кады меду пять пудовъ, двѣ тысячѣ гривнѣ (183). Остатки

паратактическаго сочетанія въ именит. пад. приложенія при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго существительнаго: зовуть его Власомъ, Иваномъ сынъ (184), съ Иваномъ, прозвище Пестомъ (185). Образъ Богородицы Междувратная—186, пугбу тафта желтая, во вторникъ третья недѣля поста (187).

Паратактич. придаточ. предложенія: «прислалъ чловѣка, Иваномъ зовуть». Три вида паратактическихъ предложений—193—5. Образцы паратактическихъ предложений, служащихъ переходомъ къ гипотактическимъ дополнителнымъ предложениямъ—295.

Подлежащее или грамматич. субъектъ и опредѣленіе его. Именит. и зв. падежи, какъ выразители подлежащаго—29, 218. Мѣст. указат. это, какъ подлежащее при выдвиганіи неопред. наклоненія на мѣсто подлежащаго (101) и отличіе такого подлежащаго отъ сказуемаго это (138, 9). Можетъ ли быть подлежащимъ неопред. наклоненіе и цѣлое предложение, какъ замѣна подлежащаго (218—9).

Paradis recerentiae—248.

Предикативность существительнаго или употребленіе субстантива вм. глагольнаго сказуемаго: «я не бѣдоукъ», вм. я не бѣжу—199. Взглядъ Буслаева на предикативность существительнаго и опроверженіе этого взгляда Потебней (199—200). Nomina agentis съ глагольнымъ значеніемъ на *з* (ь) муж. р., на *е* сред. р. и на *а, я, ъ, ѡ* жен. р. (201—2). Переходъ предикативныхъ именъ въ прилагательныя и нарѣчія—204.

Предлоги. Опредѣленіе ихъ—38—9. Предлоги *въ, на, по* въ сложн. словахъ множ. ч. (250, 258).

Представленіе въ смыслѣ представителя значенія слова (9).

Предложеніе. Разсмотрѣніе Потебнею Буслаевского опредѣленія предложения и членовъ его—21—3. Опредѣленіе предложения Потебнею. Первобытное предложеніе психологическаго сужденія и его предикативность. Опроверженіе взгляда Попова на именныя первообразныя предложенія (24).

Предложенія придаточныя паратактическія (193—5), гипотактическія (196—8), энциклопедическія (202—3) см. подъ этими словами.—Такъ назыв. сокращенныя придат. предлож.—199.

Приложеніе см. аппозиція.

Прилагат. имя и опредѣленіе его съ точки зрѣнія философіи—14'. Данный или готовый признакъ въ прилагательномъ и отличіе этого признака отъ признака существительныхъ—27. Близость существительныхъ качественныхъ къ прилагательнымъ и признаки этой близости (148). Суффиксы общіе для существительныхъ качества и прилагательныхъ (149). Прилагательное въ роли существительнаго (29) вълѣдствіе ощущенія опредѣляемаго существительнаго—149 и безъ дакого ощущенія (150). Прилаг. сред. р. ед. ч. въ качествѣ существительныхъ—151. Происхожденіе прилагательныхъ отъ существительныхъ въ болѣе древнюю эпоху черезъ выдѣленіе одного изъ признаковъ существительнаго (153—6). Объясненіе причины перехода существительнаго въ прилагательное (155—6, 165—6). Образованіе прилагательныхъ отъ именъ глагольныхъ и двойное значеніе такихъ прилагательныхъ: *доходный* = прибыльный и доходящій (204). Прилаг. атрибутивныя (31—2) и предикативныя (33—4). Атрибутив. притяжательныя на мѣстѣ родительнаго принадлежности (222—3). Атрибутив. прилагательныя на мѣстѣ позднѣйшихъ нарѣчій для выраженія количества (223—4). Атрибутив.

прилагательныя, употребляемыя метонимически (224—6: см. метонимія). Различіе значеній притяжательно-относительныхъ прилагательныхъ на *овъ, инъ, ѡ, ий, ѡскъ, ѡкъ* въ качествѣ атрибутовъ (226—8). Переходъ относительныхъ прилагательныхъ въ безотносительныя или качественныя (230).—Предикативныя прилагат. съ *есмь* (46) и другими глаголами (43—50). Членныя и безчленныя прилагательныя (51, 226—7). Отрицательныя прилагательныя на *лъ* и отличіе ихъ отъ формъ причастныхъ на *лъ* (62). Прилагательныя, сочетающіяся съ неопред. накл. (96—7).

Причастія. Близость ихъ къ первобытному имени (27). Причастія въ качествѣ вторыхъ падежей (36) и въ качествѣ второстепенныхъ связей (37). Предикатив. причастія наст. и прош. вр. (съ, въ) дѣйств. з. и сочетаніе ихъ съ *есмь* (41—3). Предикатив. страд. причастія съ *есмь* (43—5). Предикатив. причастія съ другими вспомогат. глаголами (46). Сооставленіе предикативныхъ причастій страдательныхъ съ дѣйствительными (44). Причастія страд. въ роли аппозицій (45). Аннотативныя причастія дѣйств. з., какъ второстепенныя сказуемыя (51—5). Причастія, какъ связуемыя придаточ. предложений, связанныхъ съ главнымъ посредствомъ относительныхъ словъ (56—60).—Причастіе на *лъ* (61) въ сочетаніи съ *есмь*, какъ описат. форма (63). Рѣдкіе случаи сочетаній прич. — *лъ* съ другими вспомогат. глаголами въ др.-рус. яз. (63). Древнѣйшая и позднѣйшая эпоха сочетаній — *лъ* съ *есмь* (66—7). Сочетаніе — *лъ* съ *быхъ, бѣхъ, бѣхъ, бяхъ, былъ* *есмь* и значеніе этихъ сочетаній (67—75). Сочетаніе — *лъ* съ *буду* безусловное и условное (76—8).

Родит. падежъ аблативный и генетивный по Миклош.—Родит. пад. послѣ глаголовъ отрицательныхъ и подобныхъ имъ Второй родит. послѣ отрицат. гл. (83). Род. пад. въ безсубъектныхъ отрицат. оборотахъ изъ глагола *естъ*: гостры иѣтъ дома (221). Родит. самост. (84). Родит. пад. послѣ достигат. накл. (92). Род. раздѣлит. (213).

Речь прямая и косвенная (61).

Связка предикативная и глаголы, составляющіе ее (34—5, 46). Связка аппозитивная (35). Второстепенная связка изъ причастій и неопр. наклон. (37, 98, 100). Характерный признакъ вспомогательныхъ глаголовъ (48). Глаголы возникновенія и вещественнаго движенія и пребыванія въ связи съ предикатив. прилагательными (50). Глаголы большей и меньшей энергичности въ составн. сказуемомъ изъ твор. предикативнаго (129, 130).

Свѣтъ-Русь, какъ особый случай атрибутивнаго сочетанія существительныхъ. (172).

Синонимы. Происхожденіе синонимическихъ оборотовъ изъ словъ несинонимическихъ. Образцы синонимическихъ сочетаній изъ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и нарѣчій (233—4).

Синтаксисъ. Опредѣленіе его Вуслаевымъ и Потебней (14—17).

Синтетическія сужденія. См. Сужденія.

Сказуемое или предикатъ. Verb. finit., какъ сказуемое (24). Отличіе значеній простого сказуемаго отъ составнаго изъ причастій дѣйств. и страд. зал. (42—4).

Сказуемое второстепенное изъ аппозитивнаго причастія [51] и неопред. наклоненія [90, 92]. Неопр. наклоненіе въ качествѣ второстепеннаго сказ. въ оборотѣ дат. съ неопредѣленнымъ [100 и слѣд.].

Сказуемое составное и глаголы, входящіе въ него (34—5, 46). Причастія (кромя — *лз*), прилагательныя и существительныя, входящія въ составное сказ. (40—51). Составное сказ изъ личнаго глагола и неопред. накл. [90, 93—6]. Трехсоставное сказ. [49, 98]. Составное второстеп. сказ. изъ аппозитивнаго причастія и имени [52].

Слово, какъ единство звука и значенія. Слово, какъ форма мысли [9]. Опредѣленіе слова со стороны лексической и грамматической. Слова вещественныя и формальныя [12].

Служебныя слова [12].

Собирательныя имена. Взглядъ М. Мюллера на происхожденіе значенія собирательности въ существительныхъ качества и разрѣшеніе этого вопроса Потебней [145—8]. Собирательныя имена въ качествахъ атрибутовъ [168—9]. Собирательныя имена въ названіяхъ народовъ (252).

Согласованіе и несогласованіе атрибутивныхъ и предикативныхъ существительныхъ и прилагательныхъ [30—34]. Наибольшая согласуемость прилагательныхъ по сравненію съ существительными и глаголами [156]. Объясненіе согласованія прилагательныхъ въ родѣ [157, 243]. Согласованіе по представленію въ существительныхъ уменьшительныхъ, увеличительныхъ, ласкательныхъ и уничижительныхъ [157—9]. Согласованіе атрибутивныхъ существительныхъ въ родѣ и числѣ съ опредѣляемымъ [166—7]. Согласованіе по смыслу, какъ переходъ къ несогласованію [168]. Согласованіе сказуемаго при сочетаніи родового и частнаго имени: «рѣчка Вореколь *палъ*» и «рѣчка Волчи воды *пала*» [171]. Согласованіе опредѣлительныхъ словъ при числительныхъ [186, 212—213].

Сослагательность, выражаемая посредствомъ — *лз* съ *быхъ*. Сослагательность въ условіяхъ [72], въ независимыхъ [73] и косвенныхъ вопросахъ [74]. Сослагательность съ *ни* послѣ мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ; сослагательность въ придаточ. предложеніяхъ съ *qui* послѣ главныхъ отрицательныхъ и выражающихъ сомнѣніе; сослагательность въ *oratio obliqua* послѣ *пока*, *прежде чѣмъ* и под. [74—5].

Союзы. Союзы между аппозитивнымъ причастіемъ и глаголомъ [53—4], между главнымъ и придаточ. предлож. [58—9]. Союзъ *бы* и отличіе его отъ глагола *бы* въ древнихъ памятникахъ. Союзы условныя [72]. Объясненіе союзовъ *буде*, *если*, *се*, *всѣ*, *такъ*, *только*, *ужо* [78]. Союзы съ эпиктетич. неопред. накл. [109—111]. Союзъ *бы* (чтобы) при неопред. накл. (111—2). Объясненіе союзовъ *чѣмъ* и *нежели* (117).

Средній родъ, какъ выразитель неопредѣленности лица (205). Сред. родъ, какъ средство обозначенія качества субстанцій (143, 151). Исчисленіе средняго рода въ языкахъ романскихъ, кельтскихъ и лит.-лотыш. (235).

Субстанція грамматическая и метафизическая (28, 141). Мнимая субстанція подлежащихъ въ субъектныхъ оборотахъ, переходящихъ въ безсубъектные (216). Мнимая субстанція возвратнаго мѣст. *ся* въ глаголахъ на *ся* (208).

Субъектъ и опредѣленіе его съ точки зрѣнія философіи (141). Субъектъ грамматическій см. подлежащее.

Субъективное и объективное неопр. накл. (89—90). См. неопр. накл. *Сужденія* аналитич. и синтетическія и сопоставленіе ихъ съ предложеніями (154). Сліяніе въ синтетическихъ сужденіяхъ двухъ единствъ и

отсюда двойственность теченія мысли (155, 188). Устраненіе этой двойственности превращеніемъ существительнаго въ прилагательное 156, 165—6.

Суффиксы, образующіе граматич. родъ именъ 239—241. Первоначальный смыслъ суф. жен. р. *a*, *iē*, *i*, а также *o*, *u*, *ter*, *en* по Бругману 243. [Суффиксы существительныхъ см. *существит. имя*, *аттрибутивное существительное* и *предикативность* существительнаго; суффиксы прилагательныхъ см. *прилагательное*]. Особое значеніе суффиксовъ въ именахъ множ. ч. на *ки*, *ушки*, *ашки*, *ины*, *оши* отъ ед. ч. *остъ*, а не *ще*, *уши*, *уш-еньки* 158, 239, 254, 257—8.

Существительное имя и опредѣленіе его 28, 141. Данный или готовый признакъ въ существительномъ. Отличіе этого признака отъ признака прилагательныхъ и причастій. Существ. конкретныя и абстрактныя (27). Качественность существительныхъ (143) и близость существительныхъ качества къ прилагательнымъ (148). Два случая образованія существительныхъ изъ прилагательныхъ: портной [мастеръ], озимое [149—50]. *Nomina agentis*, какъ первобытныя существительныя [159]. Простыя имена *agentis* на *g* и *h* и переходъ ихъ въ имена *instr.*, *actionis*, *acti* и *loci* [161]. Имена сложные на *g*; значеніе ихъ въ цѣл. и древ.-рус. яз. [162]. Имена на *nie*, *tie*, *omg*, *etg*, *ota* и *esh* [163]. Образцы сложныхъ именъ *agentis* [163—4]. Производныя имена *agentis* на *ьцъ*, *ькзъ*, *зкзъ*, *окзъ* [164—5]. — Существительныя, входящія въ составное сказ. съ *естъ* [46] и другими вспомог. глаголами [51]. Сущ., сочетающіяся съ неопред. накл. (97). Сущ. въ качествѣ аттрибута см. *аттрибутив. сущ.*

Тавтологія. Образцы: скажите не утайте (234); не кто, [а] самъ... Никто не..., только (235).

Твор. падежъ. Различныя взгляды на развитіе значеній творительнаго п. 113—4. Твор. соціативный безпредложный (114). Твор. мѣста (115). Твор. орудія и средства 117. Твор. орудія въ психологическихъ явленіяхъ 119. Твор. энергическій или условленный страдательнымъ сказ. 119. Отличіе этого твор. отъ твор. причины и орудія 120. Твор., условленный именемъ и нарѣчіемъ и три вида его: твор. при прилагательныхъ и нарѣчіяхъ сравн. степени, твор. при прилагательныхъ не сравнит. степени и твор. отношенія (121—2) Твор. причины и виды его: твор., тяготящій только къ сказуемому, и твор., не зависящій отъ качества глагола 123. Твор. образа дѣйствія и близость его къ нарѣчіямъ 124. Средства къ различенію нарѣчій и существительныхъ въ твор. образа 125. — Твор. на мѣстѣ вторыхъ падежей или предикативный. Взглядъ разныхъ ученыхъ на этотъ твор. п. 126. Взглядъ Востокова на им. и твор. предикативный 127. Объясненіе твор. предикативнаго Потембей 128—131. Твор. аппозитивный при им., вин., род. и дат. первомъ падежѣ 131—2. Твор. предикативный на мѣстѣ предикативнаго именит. и вторыхъ косвенныхъ падежей существительнаго (132—3) и прилагательнаго 134—5. Отличіе значенія твор. предикативнаго отъ именительнаго 135—6; 137, η. Твор. предикатив. въ польскомъ яз. 137—8.

Уменьшительность словъ инфинитивныхъ и нарѣчій 158; 257—8.

Условія. Выраженіе условій посредствомъ—*лз* съ *быхъ*. Условія недѣйствительныя 69—70. Выраженіе условія посредствомъ—*лз* съ *буду* и

отличіе значенія этого выраженія отъ—*аг быхъ* 77. Условіе, выражаемое неопред. наклоненіемъ при опущеніи *есть* 105.

Флексивный и дофлексивный періоды въ языкѣ 10.

Фонетика. Отношеніе ея къ этимологіи по Бусл. и Потебнѣ 15.

Формальныя слова (12). Формальные и близкіе къ формальности глаголы—93 и слѣд.

Формы грамматическія. Разрушеніе и созиданіе ихъ. Формы этимологическія и синтактическія 12—19.

Числительныя имена сред. р. ед. ч. въ качествѣ существительныхъ 152. Постановка падежа прилагательныхъ послѣ 1, 2, 3 и 4 съ существительными 186, 212—213.

Эксплетивныя частицы въ др.-рус. яз. и народной словесности 189—190.

Эпекзегетическое неопред. накл. 109.

Эпекзегетич. придаточ. предложенія при глагольныхъ именахъ: «Псковское взятіе, како взятъ ѿ кн. Вас. Пв-чъ», и объясненіе происхожденія такихъ предложеній 202—3. Современная замѣна эпекзегетическихъ придаточ. предложеній 203—4.

Этимологія. Опрежденіе ея Буслаевымъ и Потебней 14, 15.

Языкъ, какъ исторія человѣческаго духа 141. Языкъ прозаическій и поэтическій и различная степень отраженія въ нихъ смысла грамматическихъ формъ 241—2.

Замѣченныя важнѣйшія опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
26	2 сл.	предложенія	опредѣленія
32	14 сл.	оппозицію	аппозицію
33	22 св.	средство	средство
40	5 св.	дифференцированію	дифференцированію
42	24 св.	плачущася	плачущася
45	5 сл.	прич. наст.	прич. наст.
47	1 сл.	II, 198, 199	II, 198, 199, 332, 333.
82	11 сл.	главнаго предл. и въ развитіи	главнаго предл. и въ развитіи
87	2 сл.	ставилось и ставится	въ новомъ яз. ставится
95	6 сл.	буди, уповаѡ	буди уповаѡ
96	24 св.	съ опредѣл. подлежащимъ	съ опредѣленнымъ подлежащ.
109	1 сл.	далѣе стр. 437	далѣе II, 436.
111	4 сл.	наступило втор. прош.	настун. втор. пришествіе
147	13 сл.	на ѡня, ѡбя	на ѡня, ѡба
176	12 сл.	съ присоединеніемъ	съ присоединеніемъ
187	1 св.	одницы	одины
197	17 св.	ср. III, 300	Ср. III, 300 и 520
—	20 св.	постпозитивныя	препозитивныя
228	11 сл.	въ род. падежѣ	въ род. пад. при прилж. прилагательномъ
251	2 сл.	имена	имени

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

Предисловіе къ изданію настоящей книги	3
Часть первая «Изъ Записокъ по рус. грамматикѣ». Введеніе: I) Что такое слово?—II) Представленіе и значеніе.—III) Различныя понятія о корнѣ слова	9
IV) Грамматическія формы.—V) По чемъ узнается присутствіе грамматич. формы въ данномъ словѣ.—VI) Формы этимологическія и синтаксическія.—VII) Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ	12
VIII) Грамматика и логика.—IX) Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ	17
X) Члены предложенія и части рѣчи: предложеніе (24), личный глаголѣ—сказуемое (24—6), имена существительныя, прилагательныя и причастія, какъ именныя члены предложенія (26—8); подлежащее (29), собственно—атрибутъ и приложеніе (30), атрибутъ въ сказуемомъ (33), предикативная связка (34), дополненіе (35), составное дополненіе и падежи первые и вторые (36), второстепенныя связки, обстоятельства и нарѣчія (37), предлоги (38)	23
Часть вторая. Составныя члены предложенія и ихъ замѣны. Составное сказуемое и составное приложеніе. Глаголы, входящіе въ составное сказуемое (40). Сочетаніе причастій дѣйствительныхъ (41), страдательныхъ (43) и именъ прилагательныхъ и существительныхъ (46) съ <i>есмь</i>	39
Сочетаніе причастій (46), именъ прилагательныхъ (48) и существительныхъ (51) съ другими вспомогательными глаголами, кромѣ <i>есмь</i>	46
Причастія наст. и прош. (ѣ, въ) дѣйств. залога, какъ второстепенныя сказуемыя. Аппозитивное причастіе безъ второго и со вторымъ именит. падежомъ (52), союзъ между аппозитив. причастіемъ и глаголомъ (53), именит. самостоятельный (55), причастіе безъ личнаго глагола, какъ сказуемое придат. предложенія, связанное съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относительнаго слова (56)	51
Причастіе прош. на <i>лъ</i> и отличіе его отъ прилагательныхъ на <i>лъ</i> (62). Сочетаніе прич. — <i>лъ</i> съ существительнымъ глаголомъ настоящаго (64), прошедшаго (69) и будущаго (76) времени	61
Вторые косвенныя падежи: винительный (79), родительный (83) и дательный (84), за исключеніемъ дательнаго при неопред. наклоненіи	79
Неопред. наклоненіе и потеря имъ именныхъ функций	88
Неопред. наклон. субъективное и сочетаніе его съ глаг. <i>имамъ</i> , <i>иму</i> , <i>хочу</i> , <i>начну</i> , <i>стану</i> , <i>былъ</i> , <i>буду</i> , съ другими служебными глаголами, именами и вторымъ именительнымъ	93
Неопред. накл. объективное. Винит. съ неопред.—98. Дат. съ неопред.—100.	98
Неопред. накл. съ дательнымъ при безличномъ « <i>есть</i> »	103
Неопр. накл. съ опущеннымъ « <i>есть</i> » въ условныхъ предложеніяхъ.—Неопр. « <i>быть</i> » (при подразумѣваемомъ « <i>есть</i> ») съ другимъ неопредѣленнымъ	105
Неопред. накл. съ мнимо-страдательнымъ отглагольнымъ	106
Неопред. накл. (субъективное и объектив.), связанное съ глав. предложеніемъ посредствомъ относительнаго слова	107
Эпекзетическое неопредѣл. наклоненіе	109

Неопр. накл. съ «бы» и союзами, сложными съ «бы»	111
Неопред. наклоненіе абсолютное	112
<i>Творительный падежъ. Разногласія во взглядахъ на развитіе значеній творительнаго падежа (113). Твор. соціативный безпредложный (114), твор. мѣста (115), времени (116), орудія и средства—117; твор. энергическій, или условленный страдательнымъ сказуемымъ—119; твор., условленный именемъ и нарѣчіемъ—121; твор. причины—123 и твор. образа дѣйствія</i>	113
<i>Твор. на мѣстѣ вторыхъ падежей или такъ назыв. твор. предикативный. Взглядъ разныхъ ученыхъ на этотъ твор. п.—126. Связь его съ твор. образа и первая ступень твор. предикативнаго—128. Глаголы, входящіе въ составное сказ., и твор. предикативный при нихъ на мѣстѣ второго именительнаго—129.—Твор. аппозитивный</i>	126
<i>Твор. предикативный на мѣстѣ второго косвеннаго падежа существительныхъ—132. Творит. существительнаго на мѣстѣ предикативнаго именительнаго при глаголахъ большей энергичности—132. Именит. и твор. прилагательныхъ на мѣстѣ вторыхъ винительныхъ, родительныхъ, дательныхъ и именительныхъ—134.</i>	132
<i>Отличіе значенія творительнаго предикативнаго отъ именительнаго</i>	135
<i>Ходъ развитія твор. предикативнаго въ польскомъ—137—и литов. яз.—139.</i>	137
<i>Общій выводъ изъ предыдущаго изслѣдованія</i>	139
<i>Часть третья. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго.—Введеніе</i>	140
<i>I. Первообразнаго отвлеченность въ существительномъ качества?</i>	141
<i>II. Предполагаютъ ли сущ. имена качества значеніе собирательности?</i>	145
<i>III. Происхожденіе имени прилагательнаго</i>	148
<i>IV. Согласованіе прилагательныхъ</i>	156
<i>V. Происхожденіе разрядовъ существительнаго</i>	159
<i>VI. Атрибутивность существительнаго</i>	165
<i>VII. Несогласованіе въ падежѣ</i>	184
<i>VIII. Союзъ между словами, соединенными атрибутивно. Hendiadys.</i>	188
<i>IX. Переходъ приложеній въ предложенія</i>	193
<i>X. Мѣсто придаточныхъ предложеній съ относит. словомъ по отношенію къ главнымъ</i>	196
<i>XI. Предикативность существительнаго</i>	199
<i>XII. Устраненіе подлежащаго. Образцы безсубъектныхъ оборотовъ.</i>	205
<i>Приложенія къ третьей части: I) Формальные признаки конкретности существительнаго</i>	221
<i>II. Тождесловіе, сочетаніе синонимовъ</i>	233
<i>III. Грамматическій родъ (235). Замѣтки на изслѣдованіе Бругмана «Родъ именъ въ индогерм. языкѣ» (241) и разборъ «Розысканій по вопросу о грамматиц. родѣ» Эд. Вольтера (244)</i>	235
<i>Значенія множ. числа въ рус. языкѣ. Множ. число гиперболическое (247), единичныхъ вещей, разсматриваемыхъ со стороны множественности частей (249), множ. число дѣлимаго вещества (250), мѣста (251), времени (253) и состоянія (255)</i>	247
<i>Алфавитный указатель.</i>	